

Евгений Яковлевич Гуляковский

Красное смещение

Бывший воин-афганец Глеб Яровцев, прикованный к креслу-каталке после тяжелого ранения, неожиданно попадает в центр внимания группы вербовщиков из иной реальности Земли. Они возвращают Яровцеву здоровье с условием, что тот станет курсантом специальной школы космических десантников. Именно в эту школу и попадает новый курсант, узнавший, что она находится в Древней Руси...

ЧАСТЬ 1

1

Началось все с того, что копье Георгия Победоносца на несколько миллиметров отклонилось в сторону от головы змея.

В среду вечером копье еще было на месте, а в четверг утром Глеб обнаружил, что икона изменилась.

Собственно, это была не икона — скорее картина, не имевшая никакой художественной ценности, современная поделка. Отец привез ее в качестве трофея из Германии по единственной причине — не хотелось ему оставлять на чужбине нашу русскую икону, вывезенную из неизвестной российской избу.

В конце концов, именно эта картина и стала единственным наследством Глеба. Картина да еще старая, пропахшая мышами однокомнатная квартира на Сретенке.

На какое-то время Глеб постарался забыть о копье — скорее всего, он ошибся. В этом не было ничего удивительного. Когда молодой человек оказывается полностью отрезанным от мира, ему начинают мерещиться странные вещи. Рана, полученная год назад в Афгане, навсегда лишила его обеих ног. Тихо без лишних слов и громких прощаний, исчезали старые друзья. Сегодня не пришла Люда, и, прождав ее весь вечер, Глеб понял, что и она не придет уже никогда. Он не испытывал ни горечи, ни сожаления, только глухую тоску, которая вмещала в себя все сразу, все невзгоды последних двух лет.

Земля за окном тепло дышала, освобождаясь от зимней спячки, даже через открытую форточку своего давно не мытого окна Глеб ощущал ее дыхание. Если хорошенько присмотреться, можно было различить сквозь смутный и грязный от прошедшей зимы город первые, еще плохо заметные приметы весны.

Мысли его тем временем, несмотря на все старания отвлечься, то и дело возвращались к картине.

В глубине души Глеб был убежден, что все предметы окружающего мира живут своей невидимой, очень медленной и оттого незаметной для окружающих жизнью. Чтобы заметить эту таинственную жизнь, нужно было достаточно долго и терпеливо наблюдать за отдельным, выделенным из всего огромного мира объектом.

Почти никто из людей в нормальном состоянии не обладал терпением, необходимым для того, чтобы почувствовать неуловимые, медленно совершавшиеся изменения в мертвых, неподвижных предметах.

Если все же кому-то и удавалось добиться подобной сверхъестественной сосредоточенности, то рассказать об этом он все равно не мог, потому что после этого с ним начинали происходить события, трудно объяснимые с точки зрения нормальной человеческой логики...

Проведя час два в безуспешной борьбе с самим собой, Глеб наконец сдался и решил

проверить, не лишился ли он последнего своего достояния трезвого и холодного рассудка, не раз помогавшего ему в Афгане выбираться из безвыходных ситуаций.

Сложность заключалась в том, что без посторонней помощи ему вряд ли удастся снять со стены картину, чтобы исследовать ее подробнее. За помощью обращаться не стоило, начнутся расспросы, и объясни он, в чем дело, скорее всего, последует звонок к психиатру.

Подогнав свое инвалидное кресло к стене, на которой висела икона, он, несмотря на рвущую боль в спине, дотянулся до низа доски. После нескольких неудачных попыток картина все же оказалась у него в руках, и Глеб тщательно осмотрел ее со всех сторон.

Со дня смерти отца у него так и не хватило духу прикоснуться к этой вещи. Картина висела напротив письменного стола, за которым он сидел с раннего утра до позднего вечера, прерывая свое бдение лишь краткими визитами на кухню, где его поджидала скудная пища, приготовленная сердобольной соседкой, за что он, однако, регулярно выделял ей часть своей совсем не богатой пенсии. Картина заменила Глебу экран телевизора, который он ненавидел за постоянную ложь.

Если многие часы, дни, а иногда и ночи разглядывать один и тот же предмет, поневоле запомнишь на нем каждую точку.

Грубо намалеванное острое копьё, еще вчера находившееся точно посередине распахнутой пасти змея, теперь оказалось левее своего обычного места.

Убедившись в этом, Глеб решил детально исследовать странную картину.

Отковырнув сбоку кусочек шпаклевки, он понял, что толстая доска из темного дерева, на которой был нарисован Георгий, с изнанки прикрывалась куском фанеры. Зачем понадобилось массивную прочную доску подбивать еще и фанерой? Какую тайну скрывала она под собой?

Перекатив груз своего неподвижного тела к письменному столу, Глеб нашел в верхнем ящике отвертку и широкий трофейный кинжал. Подцепив фанеру, он осторожно отделил ее от доски и застыл, пораженный увиденным.

Доска из мореного дуба, размером в половину квадратного метра, поседела от времени, а на ее изнанке темнели таинственные, глубоко вырезанные знаки... Неведомые письмена покрывали всю поверхность доски.

Глеб не сразу понял значение сделанного открытия, гораздо больше его занимал намалеванный на противоположной стороне святой, сумевший вытащить свое копьё из пасти змея. И никак не связывались в его сознании загадочные свойства картины и эти письмена. Но даже внимательное изучение поверхности доски ничего не прибавило к его открытию.

В конце концов, измерив линейкой расстояние от края до различных деталей рисунка, он решил подождать и посмотреть, что произойдет дальше времени у него было навалом...

Но совсем скоро ожидание показалось Глебу невыносимым. Хотелось хоть с кем-нибудь поделиться такой потрясающей новостью, как находка старинной иконы, ценности которой он даже не мог себе представить. Пока что ему было ясно одно: над этой доской пролетело много столетий...

Выкатив кресло в коридор, он снял трубку с низко висящего телефона и набрал номер Лешки — единственного своего афганского друга, с которым до сих пор поддерживал отношения.

Телефон долго не отвечал, и, слушая длинные непрекращающиеся гудки, Глеб думал о том, что, собственно, он ему скажет. В кратком изложении история с копьём будет выглядеть не просто нелепо — она может настолько обеспокоить Лешку, что тот, чего доброго, решит немедленно предпринять какие-то меры, а ему сейчас только психушки и не хватает.

В конце концов трезвые рассуждения возобладали. Глеб повесил трубку и твердо решил дожидаться следующего утра, ничего больше не предпринимая.

Утром картина полностью изменилась. Георгий теперь ехал прочь от змея по берегу заводи. Змей уползал в кусты, за которыми успел уже наполовину скрыться. А город, на противоположной стороне озера, словно приблизился, стал четче и рельефнее.

Вообще вся картина обрела непонятную глубину. Если в нее долго вглядываться,

начинала кружиться голова и возникало чувство не то полета, не то падения в пропасть. Отдельные детали при этом, едва Глеб фокусировал на них взгляд, становились настолько реальными и близкими, что можно было рассмотреть гальку на берегу озера, а чешуя уползавшего змея вспыхивала радужными бликами, если он менял ракурс, поворачивая доску к свету.

Кроме всего прочего, на картине появился новый персонаж. Вначале Глеб не понял, кому принадлежит светлая фигурка, хорошо заметная на фоне темных стен старинного русского города, но, всмотревшись, он как бы приблизил ее и увидел у деревянной стены светловолосую девушку.

От того, что ее здесь не было раньше, или от того, что вся эта история с изменяющейся картиной произвела на Глеба слишком сильное впечатление, лицо девушки показалось ему бесконечно прекрасным.

Огромные голубые глаза, опущенные длинными ресницами, смотрели тревожно в расстилавшуюся перед ней гладь озера. Ветер, дувший ей навстречу, прижимал тонкий, затейливо украшенный жемчугами сарафан к ее стройной фигурке, а расшитый кроваво-красными рубинами клобук отбрасывал на ее лицо мрачные световые блики.

Вообще вся картина с той минуты, как конь Георгия полностью скрылся в лесу, наполнилась неясной угрозой. Еще больше усиливало это впечатление узорчатое тело змея. Избавившись от своего противника, он теперь явно направлялся сквозь заросли кустов в сторону девушки.

Она, казалось, не замечала опасности и все высматривала кого-то на противоположном берегу озера...

Неожиданно резко, разрывая захлестнувшее Глеба наваждение, зазвонил телефон.

В трубке прорезался голос Лешки. Он звонил издалека, голос звучал слабо и как-то искаженно. Глеб узнал его не сразу и не тотчас вспомнил, что сам только что разыскивал Лешку.

— Что там у тебя стряслось? Мне из дома позвонили, сказали: я тебе срочно нужен.

Секунду Глеб раздумывал над этой фразой, прежде чем ответить. Он Лешке не дозволился — это совершенно точно, и никому ничего не передавал. Что, черт побери, происходит?

От этих ли тревожных вопросов или по какой другой причине, он решил ничего ему сейчас не рассказывать. Некая огромная тайна вошла в его жизнь. Тайна, принадлежащая не ему одному. Совершенно точно Глеб знал, что рассказывать о ней он попросту не имеет права, и это знание было еще более странным, чем несостоявшийся телефонный разговор, о котором ему только что напомнили.

Больше того, если он скажет хоть слово о картине, где-то там, на берегу далекого зеленого озера, под низко летящими облаками, может произойти несчастье.

Он не понимал, откуда у него появилась такая уверенность, но она была, и он ничего не мог с этим поделать.

Глеб попытался извиниться, скорее закончить никчемный, скомканный разговор и вновь остаться одному. Но Лешка на этот раз вел себя непривычно настойчиво. Он, видимо, почувствовал по голосу Глеба, что с тем произошло нечто из ряда вон выходящее.

В конце концов Алексей заявил, что немедленно выезжает и будет у него через полчаса, и это тоже было на Лешку совершенно не похоже; они не виделись за последние два месяца ни разу...

Вообще все события с той самой минуты, как Глеб обнаружил тайную сторону картины, ускорились, приобрели какой-то невиданный и непривычный для серой, однообразной жизни инвалида размах. Словно Глеба захватил некий невидимый тайфун и повлек за собой через бесчисленные препятствия, сдирая по дороге все обиды, всю коросту, накопившуюся в его душе за последние годы.

Едва Глеб повесил телефонную трубку, как настойчиво и тревожно затренькал дверной звонок, давно уж покрывшийся пылью от собственного молчания.

И почти сразу вслед за звонком, словно перебивая его, вновь настойчиво зазвонил телефон.

Секунду Глеб раздумывал, следует ли ему сначала открыть дверь, но до нее нужно было еще добираться, и к тому же, раз уж человек поднялся на двенадцатый этаж — никуда он не денется, а трубку на том конце провода могут повесить, и он не узнает чего-то чрезвычайно важного. Бывают моменты, когда интуиция в человеке, будто проснувшись после долгой спячки, освещает все вокруг таким непривычным светом, что меняется даже реакция на окружающие события.

Не обращая внимания на настойчиво дребезжащий дверной звонок, Глеб снял телефонную трубку. Едва он поднес ее к уху, как мелодичный женский голос произнес почему-то шепотом:

— У тебя в руках последняя страница Священной Влесовой книги, ты можешь помочь тем, кто ее написал. До тех пор, пока цела хотя бы одна страница этой книги — остается надежда. Сейчас только ты можешь помочь. Нам и себе. Не открывай дверь, не спеши, каждый твой шаг, каждый поступок имеет теперь совершенно особое значение. Помни об этом.

— Кто это говорит? Какая книга?!

— Она обладает огромной волшебной силой, потому что скрывает в себе душу целого народа. Остальные ее страницы уничтожены, наши общие враги попытаются уничтожить и эту, не отдавай им ее, защити! Теперь ты страж книги.

— Но почему я?! Что я могу? Я инвалид, прикованный к коляске!

— Постарайся понять язык книги...

Голос прервался, но ни на одну секунду Глеб не подумал о том, что это может быть розыгрыш. Все стало серьезно — слишком серьезно, — в том числе предупреждение таинственной незнакомки.

Заливисто, не переставая, надрывался звонок на двери, и кто-то уже нагло барабанил в нее кулаком. Глеб затравленно огляделся. Диван с неубранной постелью... Нет, это не годится, сюда они сунутся прежде всего. В маленькой полупустой комнате не было никаких тайников.

Окно! Сейчас это единственное, что он успеет сделать. Там внизу, под подоконником, есть небольшая полка с ящиком, зимой заменяющая холодильник. Снизу она мало заметна, и, если он успеет спрятать туда картину...

Слишком больших усилий потребовала эта задача от его искалеченного тела. Слишком медленно продвигалась работа. И все же он успел скрыть следы, прежде чем они взялись за дверь по-настоящему. Он так и не успел ее открыть.

Вошли двое в широких плащах, в цветных штанах и кепочках. Морды наглые и какие-то отрешенные. Глеба они обошли с обеих сторон. Обтекли, как вода, словно его не существовало, и сразу же направились в комнату. Он едва успевал за ними на своей коляске.

— Здесь что было? — спросил один из визитеров, указывая корявым пальцем на светлое пятно обоев в том месте, где висела картина.

— Кто вы такие?

— ФИСКА. Слышал про такую организацию? Вопросы будем задавать мы. Я спросил, что здесь висело?

— Картина висела.

— Где она?

— Продал я ее. Месяц назад продал. Деньги кончились, и продал. На пенсию не больно проживешь. Жалко, конечно... Хорошая была картина, от отца досталась.

— Кому продал?

— Откуда я знаю, кому! На Арбат поехал и продал! Какой-то иностранец, наверно, хорошую цену дал.

— Ты что нам лазаря поешь! Как это ты до Арбата на своей коляске добрался?

— Такси подвезло. А до лифта я сам, родственников у меня нет, все самому приходится

делать...

Он врал вдохновенно и почти тоскливо — как полагается врать несчастному инвалиду, но все равно они, конечно, ему не поверили и перевернули вверх дном всю его комнату. Они делали это сосредоточенно, молча, и по их деловитости, по угрюмому молчанию Глеб понял, что спорить бесполезно. Бесполезно доказывать какие-то права или требовать ордер на обыск.

Никогда еще он так остро не ощущал свою полную беспомощность перед лицом безликой бюрократической машины, неожиданно обрушившейся на него вместе с ворохом остальных событий.

Глебу хотелось только одного: чтобы они не нашли картины и скорее ушли. Ему необходимо было остаться одному, обдумать все происшедшее, попытаться разобраться, если можно было в этом разобраться с помощью нормальной человеческой логики.

В конце концов ему все-таки повезло. Они ушли, ничего не найдя, пообещав еще вернуться и посоветовав Глебу хорошенько все вспомнить, прежде чем придется объяснять высокому начальству, куда делась картина, составляющая часть народного достояния.

Потянулись долгие непереносимые часы, в течение которых он не знал, что ему делать, на что решиться и что теперь будет со всей его серенькой жизнью, со своим, ставшим привычным распорядком, со своими маленькими животными радостями и тепленьким уютом крошечного изолированного мирка его комнаты. Каждую минуту он ждал, что скрипнет сломанная дверь и агенты ФИСКА появятся снова.

Еще два раза звонил Алексей и чужим, ненатуральным голосом жаловался, что никак не может до него добраться, выспрашивал о том, что происходит. Глеб отвечал, что ничего не происходит... Совсем ничего не происходит.

Наконец этот тревожный день закончился.

Было уже далеко за полночь, когда Глеб вновь решил достать икону.

За эти часы картина как будто слегка уменьшилась, словно почувствовала его желание сделать ее незаметнее.

Была и еще одна новость. На берегу нарисованного озера тоже наступил вечер. Исчезла девушка, исчез Георгий и змей, только ветер гнал по стылой воде высокую волну. Глеб невольно почувствовал его холодное дыхание, хотя руки явственно ощущали идущее от самой картины тепло.

«Постарайся понять язык книги». Хотел бы он знать, как это сделать. Он ведь не кончал университетов по древней письменности...

Глеб перевернул картину, достал лупу и стал внимательно изучать врезанные в доску письма.

В Афгане у него был друг, шифровальщик из штаба полка. Он мог часами с увлечением рассказывать о неожиданных законах, управлявших фонетикой слов. Кое-что запомнилось из его восторженных объяснений.

Чаще других в русском языке встречались буквы «а», «о» и «е», сочетания «ас», «из», «без», слова «тоже», «будто», «если», «еще»...

Глеб не сомневался, что буквы на доске вырезали русские люди, пусть очень давно. Много изменилось за это время, но язык, основу древней культуры, не удалось уничтожить никаким посторонним влияниям.

Первой он узнал букву «а». Она осталась почти такой же, разве что внизу исчезла знакомая черточка. Но это легко понять, в дубовой доске без нее легче было вырезать затейливо изогнутую букву. Если помнить об этом, нетрудно узнать и «д», похожую на равнобедренный треугольник... Дальше пошло все легче, и вдруг, в какой-то момент, он понял, как надо читать эту книгу...

Закрывать глаза, медленно поглаживать ладонями шершавую доску, впитать в себя давно забытые знаки... И сразу в его сознании сложились первые фразы...

«Славься Перун — бог огнекудрый! Он верных ведет по стезе...

...

Изречено сие кудесниками. Они прочь уходили и назад возвратились... Сюда и ты придешь, тут же служитель ворота откроет и пустит тебя, и прекрасен сей Ирий...»

Ирий — наверно, рай, а может быть, город, изображенный на картине... Дальше шло что-то совсем непонятное, потом попало гладкое место без всяких знаков, и вдруг словно электрическим током прошило руку.

«Страж, ты должен принять свой путь. Завтра, после заката, как только солнце напьется суры, придет твой день. Верни сию книгу тому, кто первым коснулся ее страниц...»

Эти слова предназначались ему — лично ему! Он не усомнился в этом ни на секунду — хорошо помня, что на доске не было гладких мест. Еще вчера ее поверхность была сплошь заполнена убористой резной клинописью и вдруг сейчас...

Ниже была еще одна строчка: «Сплети волосяной шнурок, повесь ладанку на шею и никогда не расставайся с ней». И это было написано отнюдь не древним языком!

Теперь не осталось никаких сомнений — книга разговаривала с ним! Непонятно только, какую ладанку должен он повесить на шею...

Так, значит, завтра после полудня? Вернее, уже сегодня...

Готов ли он принять свою новую судьбу? И что именно он должен будет сделать завтра? Но молчал телефон, молчала книга. Теперь все зависело только от него.

2

К вечеру иконка уменьшилась до размеров спичечного коробка. Собственно, теперь это была уже не икона. Гладкая, с обеих сторон полированная темная дощечка, на которой даже в лупу нельзя было рассмотреть ничего, кроме древесных пор. От прежнего на ней осталось разве что отверстие, куда раньше входил гвоздь.

Глеб встревожился, и ему стало грустно оттого, что больше невозможно было увидеть девушку на берегу озера. Но, рассматривая дощечку, он вдруг понял, какой образок имела в виду книга в своем вчерашнем послании. Вот же он, лежит у него на ладони, оставалось сплести волосяной шнурок...

Интересно, где он возьмет для этого волосы? В современной квартире это совсем не простая задача... Может, использовать для этого капроновый шнурок? И вообще, не лучше ли спрятать образок в надежном месте? Ведь каждый может заметить у него на шее этот странный шнурок.

Но книга предлагала повесить образок на шею на волосяном шнурке, и, пока он не разберется во всем этом, нужно точно следовать полученным инструкциям.

Не переставая сквозь зубы высказывать все, что он думает по поводу собственной глупости и нелепых желаний какой-то доски, Глеб тем не менее приступил к поискам нужного материала.

В конце концов длинные и прочные конские волосы нашлись в старом матрасе.

Положив дощечку на стол, Глеб приступил к освоиванию непривычной работы. Сплета первые три ряда жгутиков, он решил проверить, не слишком ли толстым получается шнурок. Нужно было проверить, войдет ли он в отверстие ведь оно тоже уменьшилось вместе с иконой.

В тот момент, когда Глеб нагнулся к столу за дощечкой, в окне что-то звонко щелкнуло, и знакомый с Афгана звук заставил его рефлекторно броситься на пол.

Он лежал там неподвижно довольно долго, хорошо понимая, что забраться обратно в кресло будет для него совсем не просто. С другой стороны, он не мог ошибиться, это был звук летящей пули, хотя никакого выстрела он не слышал. Ему не хотелось приподниматься с пола и проверять, так ли это на самом деле — выстрел мог повториться...

В конце концов, слегка приподнявшись на руках и все время помня о том, что его голова не должна показаться в раме окна, он нащупал на столе образок, продел в него

шнурок и, надев его на себя, почувствовал относительную безопасность. Эта вещь только что спасла ему жизнь...

Странно... Напротив его дома не было никаких высоких строений, ни одного подходящего места для позиции снайпера, разве что крыша углового здания на противоположной стороне улицы, но чтобы стрелять оттуда, нужна специальная винтовка с оптическим прицелом.

Если он не ошибся, то пуля, пролетев над его головой, должна была влететь в противоположную стену. Повернувшись и все еще не поднимаясь с пола, он осмотрел стену и увидел аккуратное черное отверстие как раз на уровне головы сидящего человека.

Стараясь не слишком приподниматься, он пополз на руках к противоположной стене. Да, пуля была здесь. Красная кирпичная крошка усыпала пол под отверстием. Сомнений больше не оставалось. Его только что пытались хладнокровно и расчетливо убить. Для кого-то его икона представляла огромную ценность. Он почувствовал нарастающий гнев и горечь от собственного бессилия.

Извиваясь как уж, Глеб вернулся к креслу, не поднимаясь с пола, откатил его в угол, еще раз мысленно проверил, вышло ли кресло из зоны прицела, и лишь после этого позволил себе подтянуть к сиденью свою нижнюю безжизненную половину тела. Вернув способность к передвижению, он почувствовал себя несколько уверенней.

Может быть, стоит позвонить в милицию?

На секунду он представил, как это будет: усталый лейтенант, неохотно заполняющий протокол, нелепые казенные вопросы... Что-нибудь вроде: «Вы уверены, что стреляли именно в вас? У нас довольно часто постреливают, дети балуются, шальные пули иногда влетают в окна. Бывает, даже машины взрываются от этих шалостей. На вашем месте я бы не стал подавать официального заявления...»

В городе давно шла необъявленная война, порой не уступавшая по своей жестокости Афгану. Глеб почувствовал, как внутри у него все сжимается от бессильной ярости. Незадолго до попытки убийства официальные чиновники из ФИСКА перевернули вверх дном всю его квартиру, и он не был уверен в том, что эти два события не связаны между собой.

Никто ему не поможет, никакая милиция. И с неожиданной ясностью, от которой мурашки пробежали по коже, он понял: с той самой минуты, как он стал стражем книги, ему придется рассчитывать только на себя самого.

Он сидел, перебирая в голове все возможные варианты своих действий и в который уж раз проклиная собственную беспомощность, когда вновь коротко звякнул звонок у двери, и сразу же она распахнулась, пропуская новых непрошенных гостей. Сорванный после предыдущего визита замок беспомощно валялся возле двери.

На этот раз гости были в белых халатах.

Двое дюжих санитаров с носилками и третий, худой, в очках, с бегающими глазками, врач или что-то в этом роде. Он, казалось, был явно разочарован тем, что Глеб до сих пор еще жив, похоже, их послали ликвидировать следы после выстрела и спокойно так вынести труп из подъезда — никто бы и не заинтересовался, кого там волокут в машину под белой простыней, мало ли что сейчас происходит...

Однако «врач» тут же взял себя в руки и начал действовать сообразно с новыми обстоятельствами.

— Глеб Яровцев? Вам придется поехать с нами.

— С какой стати?

— Как инвалиду Афгана, вам должен быть обеспечен постоянный медицинский уход, нужно пройти осмотр в стационаре. Затем вы получите путевку в санаторий. У нас сейчас распределяют путевки между инвалидами.

— Я здоров. И никуда не собираюсь ехать.

— Очень жаль, что вы не хотите сотрудничать с нами. К сожалению, я все равно должен выполнять свои обязанности. Приступайте, — кивнул он санитарам, и в руках одного

из них сразу же оказался шприц, который до этого тот, очевидно, прятал за спиной.

Их подвело инвалидное кресло. От калеки никто не ожидал серьезного сопротивления. Но Глеб, не желавший мириться с собственной беспомощностью, постоянными упражнениями превратил свои оставшиеся живыми мышцы в стальные пружины. У него и раньше были сильные руки, а сейчас он мог завязать в узел двухсантиметровый арматурный прут.

Афган научил его не церемониться с мерзавцами. Тот, что шел со шприцем, наткнувшись на прямой удар, направленный в нижнюю часть живота, беззвучно сложился пополам и выронил шприц.

Глеб успел его подхватить и свободной рукой резко крутанул колесо своего кресла, почти в ту же секунду оказавшись рядом со вторым санитаром.

Тот завизжал каким-то поросычьим визгом, когда Глеб вкатил ему в икру полную дозу той гадости, которой они собирались его попотчевать. Санитар еще пытался какое-то время сопротивляться, но, скованный стальными руками Глеба, быстро ослабел под действием лекарства.

Все произошло так стремительно, что третий, изображавший из себя врача, не успел сориентироваться в обстановке, и Глеб оказался у выходной двери раньше его.

Теперь «врач» затравленно озирался, время от времени бросая на инвалидное кресло взгляды, полные ужаса.

— Кто вас послал?

Врач, не отвечая, пятился к окну, и Глеб понимал, что не должен позволить ему достичь заветной цели. На улице наверняка осталась часть этой банды. У них могла быть установлена какая-то система сигнализации, и если те, снаружи, поймут, что здесь произошло, ему не дадут выбраться из дома.

Оба санитаров неподвижно лежали на полу, врач тоже не представлял особой проблемы, если бы не желание Глеба получить от него хоть какую-то информацию. Он ничего не знал о своих врагах и собирался восполнить этот пробел.

Между ним и его противником находился письменный стол, на котором, совсем недавно (неужели это было только вчера?!) Глеб исследовал икону, в верхнем ящике остался лежать тяжелый душманский кинжал... В искусстве метать такие кинжалы во взводе не было ему равных.

Стальное лезвие лениво взлетело в воздух и, словно направляемое невидимой рукой, повернулось рукояткой вперед у самой головы противника.

После такого оглушающего удара человек валился на землю как подкошенный, но этот почему-то продолжал стоять еще пару секунд с широко открытым ртом, из которого неожиданно хлынула кровь. Затем он осел, держась за стену, и только тогда Глеб услышал щелчок от пули, пробившей окно. На этот раз целились именно во врача, и прицел у них наверняка был оптический, так что они прекрасно видели все, что здесь происходило.

Глеб не чувствовал ни страха, ни жалости к лежащему на полу подонку, только холодную ярость и то особое состояние собранности, которое наступало в Афгане после начала боя.

Зачем они это сделали? Замечают следы или хотят повесить на него убийство? Как бы там ни было, информации от врача теперь получить не удастся, и во что бы то ни стало надо отсюда уходить как можно скорее.

Хотя интуитивно он понимал: уйти далеко ему не дадут. Сдаваться он тем не менее не собирался. Те, кто вел на него охоту, не слишком ценили человеческую жизнь...

Рыжий детина начал проявлять признаки жизни, но времени на то, чтобы заняться им всерьез, не оставалось.

Детина уже сидел, и Глебу пришлось вновь уложить его на пол еще одним ударом. Теперь он действовал методично и быстро, не теряя ни одной секунды.

Подобравшись к окну, Глеб задернул штору, затем достал из второго ящика стола все свои наличные деньги — слишком мало даже для того, чтобы нанять такси на приличное

расстояние...

Документы, сверток со сменой белья, кинжал — единственное пока оружие... Уложив все это в спортивную сумку, он решился наконец обыскать своих противников — в его положении пренебрегать трофеями не приходилось.

«Врач» не подавал никаких признаков жизни. Пуля, влетевшая в окно, пробила ему грудь навывлет, и по характеру раны Глеб понял, что с ним все кончено.

Под замызганным халатом оказался вполне приличный костюм. В бумажнике не было никаких документов, зато там оказалась довольно толстая пачка сотенных долларовых купюр. Теперь у него появился хоть и небольшой, но все же реальный шанс уйти от погони. Если ему удастся оторваться от преследователей на несколько часов, разменять деньги, купить билеты...

Все это было слишком проблематично, но выбора у него все равно не осталось.

В оттопырившемся кармане высокого рыжего громилы, изображавшего санитаря, он обнаружил пистолет системы Макарова и две запасные обоймы.

Секунду Глеб испытывал мучительное колебание: в случае задержания огнестрельное оружие сразу же сделает его положение совершенно безнадежным даже в глазах настоящей милиции.

Впрочем, и так оно было безнадежным. Скорее всего, на него повесят убийство, которого он не совершал. На месте тех, за окном, он бы уже давно вызвал сюда милицию... Вдруг он вспомнил про носилки, оставшиеся у входа, и понял, что у подъезда его «гостей» ожидала машина. Это заставило Глеба отбросить последние сомнения по поводу оружия. Те, кто запросто стреляет в своих, не дадут ему выйти из дома. Придется прорываться с боем.

Проверив, заряжен ли пистолет, Глеб поставил его на предохранитель и опустил в карман куртки.

В доме было удивительно тихо. Соседи словно вымерли. Обычно шумная коммунальная квартира теперь затаилась и не подавала признаков жизни.

Даже когда колеса инвалидного кресла прошуршали по длинному коридору, за дверями соседей не раздалось ни единого звука...

Только что в его комнате дважды взламывали дверь, стреляли в окна... Никого это не касалось, каждый думал лишь о том, чтобы его самого миновала беда, а дальше хоть трава не расти... «От того и обрушилось на нас все это», — с горечью подумал Глеб.

Проезжая мимо зеркала в прихожей, он постарался поплотнее застегнуть ворот рубахи, чтобы скрыть волосяной жгут, но, к своему удивлению, не увидел ни шнурка, ни самого образа.

Он мог нащупать его, снять с себя, и только тогда дощечка становилась видимой. Какие еще свойства скрывала в себе эта необычная вещь? Сейчас он не мог себе позволить раздумывать над новыми загадками, и, вновь повесив образок на шею, Глеб закрыл за собой коридорную дверь на лестничную площадку.

Если бы у него был выбор, он бы не стал пользоваться лифтом. Именно там, у лифтовой двери, его наверняка ждут... Но выбора, все из-за той же проклятой коляски, не было, и, еще раз проверив пистолет, Глеб снял его с предохранителя.

Старый лифт скрипел и громыхал как несмазанная телега, преодолевая восемь этажных пролетов. Кресло занимало почти всю кабину, и у Глеба не оставалось никакого пространства для маневра — если внизу его попытаются остановить, придется стрелять.

С той минуты, как он вступил в борьбу за собственную жизнь, ладанка не подавала никаких признаков жизни, словно отведя его голову от первой пули, выполнила свой долг до конца. Но где-то в глубине сознания он понимал, что это не так.

Наконец лифт остановился. В коридоре свет не горел, и только слабые отблески уличного фонаря проникали на лестничную площадку. Никого. Глеб почувствовал огромное облегчение. Вот уже лет пять ему не приходилось стрелять в людей, и он надеялся, что никогда больше не придется.

Подкатив кресло к выходной двери, Глеб слегка приоткрыл ее и осмотрел улицу.

Санитарная машина у подъезда. И в ней только водитель. Они даже не подстраховались, не ожидая с его стороны мало-мальски серьезного сопротивления. Пока что обстоятельства складывались в его пользу, но он знал, что долго так продолжаться не могло, слишком не равны силы...

Кто-то ведь сидел на крыше соседнего дома? Сколько времени ему понадобится, для того чтобы спуститься?

Город словно вымер в этот поздний час. Ничего удивительного, до двадцати убийств ежедневно... Они правильно выбрали время. Глеб знал, что, если все же придется стрелять, не откроется ни одно окно, никто не выйдет из соседнего подъезда...

Решительно распахнув дверь, он выкатил свою коляску на улицу, до машины оставалось метров десять. В первые мгновения водитель вообще не понял, что произошло.

Глеб поднял пистолет, прицелился, как на ученье, и нажал на спуск. Он хорошо знал, какое впечатление производят на человека пролетевшая в нескольких сантиметрах от лица пистолетная пуля и град стеклянных осколков от бокового стекла.

— Выходи из машины! Руки за голову!

Парень повиновался беспрекословно, аргумент, которым воспользовался Глеб, всегда действовал очень убедительно.

— Подойди к дому и встань лицом к стене.

Водитель повиновался молча, и это не понравилось Глебу. В неожиданных сложных ситуациях обычно молчат лишь люди, вполне уверенные в себе.

Хорошо хоть они не оставили в машине ни одного боевика. Возможно, его план сработает, возможно, ему еще удастся от них улизнуть. Если Лешка окажется дома, он поможет купить билет. Да, все еще может получиться...

— С тобой все будет в порядке, если будешь делать то, что я скажу! Иди в мою сторону не поворачиваясь. Так, теперь остановись и медленно положи руки за голову.

По-прежнему не произнося ни звука, этот человек выполнил все, что от него требовали.

Приставив пистолет к его пояснице, Глеб обыскал водителя и извлек из его кармана пружинный нож.

— Стой где стоишь, не двигайся и не поворачивайся, помни, что ты все время у меня на прицеле. — Парень кивнул. По расцарапанной осколками стекла щеке стекала струйка крови, а на виске пульсировали вздувшиеся от напряжения жилы.

Глеб все время помнил о том, что, когда начнет вкатывать свое кресло в задние двери «рафика», ему не удастся держать водителя под прицелом, и если тот догадается об этом... Оставалось надеяться на удачу. К счастью, эта самая сложная часть процедуры прошла без происшествий. Глеб надежно пристроил свое кресло в салоне автомобиля, не забыв закрепить колеса специальными зажимами, чтобы во время движения не оказаться на полу в беспомощном положении.

Только после этого он приказал водителю занять свое место.

Вскоре они уже ехали по узким улочкам города. Подфарники редких встречных машин подмигивали на поворотах.

Погони, похоже, до сих пор не было, и это беспокоило Глеба больше всего. На такой машине должна быть рация. Скорее всего, есть и радиомаяк. Те, кто выпускал ее на задание, давно должны были понять, что произошло нечто незапланированное, однако рация все еще молчала.

Словно угадав его мысли, водитель, не оборачиваясь, сказал:

— Маяк я выбросил на стоянке. Они до сих пор думают, что машина стоит у твоего подъезда. Сеанс обязательной связи через пятнадцать минут. Только тогда, если я не выйду на связь, они вышлют вторую группу.

— Зачем ты мне это говоришь? — Глеб сидел сзади и не мог видеть лица водителя, но сразу почувствовал уверенность и спокойствие в его голосе.

— Я мог бы помочь тебе.

— Почему?

— Ну, хотя бы потому, что ты можешь оказаться нам полезным.
— Нам — это кому?
— Я не принадлежу к тем, кто за тобой охотится, хотя и нахожусь, как ты видишь, в их команде.
— Как это понимать?
— Например, как слежку за ними.
— Так кто же ты такой?
— Я вербовщик. Я вербую десантников. Чаще всего ими становятся те, кого преследуют наемные убийцы, иногда у них просто нет другого выбора.
— Мне кажется не совсем обычным твой способ вербовки.
— Так ведь и десантный отряд, в котором я предлагаю тебе служить, не совсем обычен.
— Это уж точно — если он весь состоит из таких калек, как я.
— Ну, с этим мы справимся, у нас хорошие медики.
— Современная медицина не в состоянии...
— У нас другая медицина, не современная. Кстати, твой друг Алексей, к которому ты собрался, кое-что об этом знает. Уже год как он работает с нами.

3

Квартира у Алексея была какая-то путаная. Раньше там находилась коммуналка, потом всех жильцов расселили, началась приватизация, и вся огромная эта жилплощадь досталась Алексею просто потому, что он не успел из нее вовремя выехать.

Квартира начиналась длинным коридором, в который выходило неопределенное количество комнат. Глеб никогда не мог точно сказать, сколько именно их было, иногда ему казалось, что три, иногда, что четыре. В Москве часто встречаются подобные квартиры.

В Лешкином кабинете за столом сидел, по-хозяйски развалившись, незнакомый мужчина с окладистой темной бородой. Он был относительно молод, и потому борода производила странное впечатление инородности, словно приклеенная нарочно, чтобы этого человека принимали не слишком всерьез.

Кроме бороды, бросались в глаза очки в золотой оправе и белые полные руки.

Глеб вкатился в квартиру Алексея вместе с водителем санитарки, который толкал перед собой его коляску, и теперь их в кабинете оказалось четверо, считая и самого Лешку, глаза у которого как-то странно бегали, избегая смотреть в сторону Глеба.

После всего происшедшего Глебу это очень не понравилось и он подумал, что история со стрельбой, начавшаяся у него дома, похоже, еще не завершилась.

На всякий случай он нащупал в кармане куртки пистолет и незаметно снял его с предохранителя: если понадобится стрелять, то можно это сделать и не вынимая руки из кармана. Раньше он всаживал в десятку три из четырех подобных выстрелов. Но давно не тренировался и не знал, попадет ли, если действительно придется стрелять.

Одно он знал совершенно точно: запихнуть себя силой обратно в санитарную машину он никому не позволит.

— Познакомься с Аркадием Дмитриевичем, он очень хотел тебя видеть. Я звонил тебе несколько раз, но неудачно, — проговорил Алексей, по-прежнему глядя в сторону.

— Я знаю. Я даже с тобой разговаривал, если это, конечно, был ты. А вообще-то я был очень занят — в меня стреляли, убили человека в моей квартире.

Глеб ожидал, что после этого сообщения все засуетятся, начнут звонить в милицию или, на худой конец, поинтересуются подробностями. Но никто почему-то не проявил к его сообщению никакого интереса.

Аркадий Дмитриевич важно покивал головой и сказал буквально следующее:

— Нынче в Москве каждый день в кого-нибудь стреляют, так что ничего особенного не случилось. Сегодня в вас, завтра еще в кого-нибудь.

— Но ведь человека убили!

— Зря вы об этом беспокоитесь. Может, это и не человек вовсе был. Может, его и не убили, а разыграли специально для вас комедию.

Глеб повернулся к водителю, собираясь потребовать подтверждения своему рассказу, но водитель лишь неопределенно повел плечами и продолжал молча стоять за его спиной, не убирая рук с перекладки на коляске.

Все поведение этих людей было настолько странным, что Глеб не знал уже, что и думать. Однако роль Алексея во всей этой истории ему нравилась все меньше. Лешка был его старым школьным товарищем, но потом, во время службы в армии и после ранения Глеба, они почти не виделись, и он мало что о нем знал. Знакомство поддерживалось лишь редкими телефонными звонками.

— Чем беспокоиться о покойниках, вы бы лучше подумали, отчего простой российский инвалид заинтересовал такую серьезную организацию, как ФИСКА... продолжал между тем Аркадий Димитриевич.

На этой фразе он, однако, выжидательно замолчал, ожидая, что Глеб ответит на этот, не прямо обращенный к нему вопрос. Но теперь уж Глеб окончательно разозлился и потребовал, чтобы Алексей выкатил его в коридор для конфиденциального разговора.

— Что тут у тебя, черт побери, происходит? Кто эти люди?

— Это очень серьезные люди, Глебушка, ты их, пожалуйста, выслушай внимательно. Они все свои обещания выполняют.

— Да кто же они такие?

— Вот этого я, право, не знаю, они толком не говорят.

— Так, может, это мафия какая-то?

— Может, и мафия, но платят за услуги не скупясь, зелененькими. Раз ты их всерьез заинтересовал — считай, что тебе повезло, в твоём-то положении...

От его соболезнающего тона Глеба передернуло, но он сдержался, предпочитая узнать побольше. Все, что он думает об Алексее, он ему обязательно скажет в другой раз, когда представится подходящий случай.

— Так что им, собственно, от меня нужно?

— Разве тебе водитель не говорил?

— Говорил какую-то чушь о вербовке в десантный отряд.

— Вот и соглашайся. Что ты теряешь?

— Да ты посмотри на меня, вы что, сговорились тут все надо мной издеваться?!

Алексей посмотрел на него очень серьезно и немного грустно.

— Они не обманывают, Глеб. Они никогда не обманывают, так что мой тебе совет: соглашайся. А теперь нам пора возвращаться, неудобно так долго секретничать, когда в доме посторонние.

Так ничего толком и не узнав, Глеб снова оказался в кабинете с Аркадием Димитриевичем.

Водитель и Алексей, не спросив у Глеба согласия, вышли из комнаты, и он остался один на один с бородатым мужчиной в необычных золотых очках. Их стекла отсвечивали каким-то радужным блеском и не позволяли рассмотреть глаз собеседника.

— Итак, вы согласны?

— Я все еще не понимаю, о чем идет речь.

— Какой вы, однако, непонятливый. Какая вам, в конце концов, разница, о чем идет речь. Вы первый человек, которого это волнует прежде всех остальных условий контракта.

Манера бородатого произносить много бархатных обтекаемых слов, ничего при этом не объясняя, окончательно вывела Глеба из себя.

— Или вы мне прямо скажете, для чего я вам понадобился, или я отказываюсь.

— Ну хорошо, пусть будет по-вашему. — Аркадий Димитриевич посерьезнел, отложил в сторону карандаш, который до этого все время беспцельно катал по столу, снял очки и уставился на Глеба неожиданно пронзительными глазами какого-то нечеловеческого, желтоватого оттенка, до этого скрытого поляризованными светофильтрами очков.

— Речь идет о том, Глеб Петрович, чтобы предложить вам службу в космическом боевом отряде.

И через полчаса совершенно бредового разговора с Аркадием Дмитриевичем, когда он согласился со всеми его предложениями, лишь бы прекратить наконец этот дурацкий розыгрыш, Глеба вкатили в соседнюю комнату, где неожиданно оказалось еще два незнакомых ему человека. Один из них возился с какой-то странной аппаратурой, заполнявшей почти целую стену в этой комнате. Ни одного электронного блока Глеб не смог даже приблизительно определить, хотя в армии считал себя специалистом по электронике.

От аппаратуры к столу, накрытому белой простыней, шли какие-то провода, зажимы, трубки, и Глеб почувствовал, как все у него внутри похолодело. Розыгрыш превращался во что-то чрезвычайно серьезное...

— Начнем! — сказал один из незнакомцев, подсоединяя к аппаратуре идущие к столу провода. Именно в тот момент Глеб в первый раз пожалел, что ввязался во всю эту авантюру, поддался на уговоры Алексея и сразу же не уехал домой. Но тут же вспомнил, что там его, скорее всего, ждала милиция с ордером на арест за убийство.

Сейчас уже почти не осталось сомнений, что и розыгрыш с убийством врача, и приезд на квартиру Алексея, и все последующее — дело рук одних и тех же людей. И лишь одно оставалось ему совершенно непонятным: зачем все это понадобилось?

Он решительно ничего не понимал. И буквально от отчаяния, прекрасно зная, что уж эти-то двое простых исполнителей и подавно не станут с ним объясняться, все же спросил:

— Так вы продолжаете этот глупый розыгрыш?

Слова его прозвучали довольно жалко.

— Это не розыгрыш.

— Тогда что же это?

— Разве вам не объяснили?

— Конечно, мне объяснили! Но не могу же я всерьез поверить, что у нас в России существует тайная организация, занимающаяся вербовкой добровольцев для каких-то там инопланетных дел.

— Не можете? Почему?

— Потому что это глупо! — выпалил Глеб. — Потому что никто и никогда...

— Не вернулся, чтобы об этом рассказать? Совершенно верно. Это входит в условия нашего договора. Вы ведь знаете: на Земле ежедневно исчезают сотни людей. Часть из них попадает к нам. Впрочем, мы не собираемся вас ни в чем убеждать. Желающих слишком много. Так что вы либо соглашаетесь, либо нет.

— А если я сейчас откажусь и потом расскажу о вас?

— Выбор все еще за вами. Вам все равно никто не поверит, а если будете слишком настаивать — угодите в сумасшедший дом.

— А может быть, дело гораздо проще и вам нужны добровольцы для Чечни или еще какого-нибудь горячего региона?

— Калеки никому не нужны, — жестко отрезал первый.

Эта короткая бесспорная фраза как бы подвела черту под всем спором, под всеми его последними сомнениями. Самое главное — то, из-за чего он согласился с бредовыми предложениями Аркадия Дмитриевича, было наконец сказано.

— А вы действительно сможете это сделать? Ну, я имею в виду ноги... Врачи сказали, повреждения такого рода не восстанавливаются...

— У нашей медицины другие методы.

— Я должен что-нибудь подписать?

— Вполне достаточно устного согласия. Если вы решитесь, вам уже никогда не представится возможность нарушить договор с нами. Итак?

— Я согласен, — ответил он, больше не раздумывая, может, оттого, что был уверен: им все равно никогда не удастся выполнить свою часть договора, не удастся вылечить его...

— Закатайте рукав. Я должен сделать инъекцию. — Один из них уже доставал шприц

незнакомой конструкции, и лишь тогда, впервые, Глеб по-настоящему испугался. В конце концов, дело оборачивалось вовсе не шуткой, а снова этим проклятым шприцем... Он слышал страшные рассказы о замороженных человеческих органах, контрабандой перевозившиеся за рубеж... Если не считать ноги, все остальное в его теле вполне годилось для этого...

Но отступать теперь поздно. Если догадка верна, ему все равно не дадут уйти из этой комнаты... Он даже не сумеет самостоятельно развернуть свое кресло... Оставался пистолет, но стрелять в людей, с которыми он только что заключил пусть даже не совсем понятный и не совсем честный договор, показалось ему неприличным.

И еще одно его остановило — эти мрачные подозрения никак не увязывались с картиной. А Глеб не сомневался, что все посыпавшиеся на него как из рога изобилия события, перевернувшие всю жизнь, каким-то, пока еще совершенно непонятным, образом связаны именно с картиной...

Последнее, что Глеб запомнил, была высокая фигура склонившегося над ним человека...

Очнулся Глеб с абсолютно ясной головой. Такой головы не бывает после наркоза — это он знал совершенно точно.

Яркий зеленый свет, пробивавшийся сквозь веки, заставил его почти мгновенно открыть глаза.

Он лежал в густой траве, закрывавшей от него все пространство вокруг. Он видел лишь эту высокую траву с вкраплениями полевых цветов и небольшой кусок неба над головой. Вот только небо это было такой невероятной голубизны, какой он никогда не видел раньше.

Он лежал на заросшем травой холме, вокруг свиристели птицы, и ароматы цветов, давно забытые в огромном задымленном городе, тянулись к нему отовсюду. Если это больничная палата, то весьма странная...

Он не торопился внести ясность в свое положение. Просто потому, что за зеленым барьером травы, отделившим его от действительности, не могло скрываться ничего хорошего. Ничего, кроме боли бессилия и очередных разочарований.

Осторожно ощупав себя, он убедился, по крайней мере, что все его тело осталось при нем.

Шесть лет, проведенных в инвалидной коляске, постепенно приучили его к терпимости, к тому, что внимание окружающих и их редкую, чаще показную, заботу о себе он должен воспринимать почти как милостыню.

Вот и сейчас без посторонней помощи ему вряд ли удастся хотя бы приподняться...

Он даже не очень осуждал тех, кто украл у него молодость и здоровье, в конце концов, они не имели в виду лично его, когда посылали безымянную живую силу в Афган. И это, по сути дела, не имело никакого отношения к его теперешнему положению.

— Эй вы? Есть тут кто-нибудь?!

Крикнул он на всякий случай в пространство, заранее зная, что ответа не будет. Уж очень ему хотелось высказать им все, что он о них думает, обо всех сразу: и о медсестре из госпиталя, где ему делали очередную, шестую по счету, операцию, и об Аркадии Дмитриевиче, и об этих двоих «хирургах» со шприцем в руке...

Какая-то гадина в траве тем временем куснула его за колено. Чтобы прекратить это безобразие, он подтянул ногу, почесал ее и замер.

Боли не было, к тому же никогда раньше он не мог дотянуться до своей коленки, раздробленной шариковой пулей... Сейчас под его пальцами прощупывалась абсолютно гладкая кожа — не было даже шрамов...

Напуганный своим открытием, он замер, скорчившись на траве, боясь шевельнуться, — раздробленные шариковой пулей кости не могут срастись, никакая операция тут не поможет...

Он боялся поверить, он боялся даже попробовать, как действуют его ожившие ноги, но, нащупав невидимую ладанку у себя на шее, убедившись, что она здесь, при нем, он

почувствовал слезы у себя на глазах впервые за долгие-долгие беспросветные годы жалкого инвалидного существования.

Далеко не сразу Глеб решился подняться, мышцы слушались беспрекословно, а вот нервы... Понадобилось какое-то время, для того чтобы они адаптировались к новому, здоровому телу.

В конце концов, подыскав подходящий сук, он поднялся и осмотрелся. Он действительно находился на небольшом холме, и вокруг, насколько хватал глаз, от горизонта до горизонта простиралась девственная, не тронутая человеком природа...

Рощи переходили в леса, сменялись болотами и лугами, пересекаемыми лишь звериными тропами.

Что же это такое? Куда это они меня забросили? На Подмосковье местность явно не похожа, на чужую планету, о которой шла речь и где должна была располагаться, по словам Аркадия Димитриевича, учебная база космодесантников, пейзаж тоже не тянул.

Обычная среднерусская равнина в пору позднего лета, вот только слишком уж безлюдная.

Может быть, что-то у них не сработало? Кто-то же должен о нем позаботиться, если уж он стал новобранцем...

К вечеру похолодало, и ветер свободно продувал его легкую полотняную курточку, к тому же зверски хотелось есть.

— Эй вы там! Есть тут хоть кто-нибудь?!

— Кто-нибудь? — переспросило далекое эхо из низины, и это был единственный отклик на его вопрос.

Ни растерянности, ни тем более страха Глеб, однако, не ощутил — ему вернули здоровье, а с остальным он как-нибудь уж справится. За свою, хоть и не слишком длинную жизнь он научился самостоятельно выходить из разных переделок.

Итак, прежде всего следовало выяснить, куда он попал и куда подевались все люди.

Ближайшее село нужно искать где-нибудь поблизости от воды, недалеко от реки или озера, подумал Глеб. Ему как-то не приходило в голову, что здесь вообще может не быть никаких сел.

... В тихую южную ночь, когда звезды опускаются ниже к земле и их огромные глаза пристальней смотрят на людей, два человека стояли на смотровой площадке крымской астрофизической лаборатории.

Астрофизик Сухой и его ассистент, молодой ученый Головасин. Они только что закончили обсуждение реферата к диссертации Головасина и теперь надолго замолчали.

Был тот самый предрассветный час быка, когда все живое замирает на Земле, а зло выползает из своих щелей.

В древних рукописях сказано, что в эпоху калиюги такой час может длиться целое тысячелетие...

4

Глеб шел уже больше часа. Вокруг было так тихо, как никогда не бывает на Земле, — не щебетали птицы, не стрекотали кузнечики. Трава и деревья хоть и выглядели похоже, все же отличались от земных растений и оттого казались ненастоящими. На Среднерусскую равнину местность явно не походила...

Глеб проголодался, промок и чувствовал себя глубоко несчастным, даже свобода движения больше не радовала, словно его молодое, вновь ставшее здоровым тело принадлежало теперь кому-то другому.

Вокруг не было ни малейших следов человеческой деятельности. Местность выглядела совершенно дикой. Ближе к реке почва постепенно понижалась, заросли редели. Вскоре ему удалось обнаружить кусты с крупными плодами, и он немного утолил голод, не слишком задумываясь о последствиях подобной трапезы — выбора у него все равно не было. Вкус

плодов оказался терпким, кисловатым и несколько напоминал таежную голубику.

Вскоре он почувствовал себя значительно лучше. Во всем теле разлилась непривычная бодрость. Очевидно, в плодах содержалось какое-то наркотическое вещество.

Солнце между тем постепенно клонилось к закату, тени удлинялись. Становилось ясно, что до темноты людей ему не найти.

Следовало подумать о ночлеге и каком-то укрытии. Хотя из леса по-прежнему не доносилось ни звука — ночью из этих зарослей могли появиться хищники.

Он все еще не мог до конца поверить, что это происходит с ним на самом деле, но холод к вечеру напомнил о себе самым натуральным образом.

На Глебе был армейский полевой костюм защитного цвета, с пятнистой маскировочной окраской. Такие в последнее время вошли в моду, и их носили все кому не лень. Но его старенький костюм сохранился еще с Афгана и теперь мог сослужить ему неплохую службу...

И снова он задумался над самым главным вопросом: куда же он все-таки попал? Он не был специалистом, не был ботаником или зоологом, чтобы с достоверностью определить, относится ли местная растительность и мелкие животные, увиденные издали, к земным видам.

В конце концов холод заставил его остановиться. Глеб тщательно исследовал все свои карманы в поисках спичек. Спичек там не было, как не было и пистолета, лежавшего до наркоза в правом кармане, зато он обнаружил зажигалку — подарок Светланы, которую найти совершенно не надеялся, так как потерял ее месяц назад, и вот надо же, такая удача! Зажигалка все это время мирно покоилась в одном из многочисленных внутренних карманов куртки. К сожалению, больше ничего стоящего, кроме маленького перочинного ножа, найти не удалось. Не было ни пистолета, ни бумажника с толстой пачкой долларовых купюр. Нашлась еще, правда, полупустая пачка сигарет. Но курил он от случая к случаю, так что без табака вполне мог обойтись.

Исчезновение денег его несколько не огорчило, хотя позже они, возможно, и могут понадобиться, если он найдет деревню или город. Подсознательно он уже, видимо, понял, что попал в совершенно иной мир, но смириться с этим не мог и все искал тому прямых, неопровержимых доказательств.

Думая об этом, он собрал валежник для костра, а из подходящей дубовой ветки вырезал нечто, похожее на рогатину, концы которой заострил. Теперь у него появилось хоть какое-то оружие.

Во время сбора дров он обнаружил в зарослях небольшую пещеру, вполне подходящую для ночлега.

Глеб устроил себе ложе из веток, перенес поближе к пещере запас сухих веток на всю ночь и развел костер.

Прикосновение к небольшому прохладному кусочку металла, скрывавшему в себе древнюю силу огня, отозвалось в нем неожиданной болью. Эта зажигалка вызывала в нем лишь печальные воспоминания, и никогда он не мог найти в себе мужества расстаться с ней навсегда.

Где-то глубоко под хромированной поверхностью жило напоминание о безвозвратно ушедшем прошлом, о любви, которая так и не принесла плодов, о предательстве... А теперь вот еще и об оставленном доме. Тяжело вздохнув, Глеб спрятал зажигалку в карман и занялся насущными делами.

Нижнюю часть входа он плотно забил камнями, оставив сверху лишь небольшую щель для дыма.

В пещере вскоре стало довольно тепло, и Глеб, отвыкший от физических нагрузок, погрузился в легкое забытие, предшествующее сну. Он еще ощущал едкий запах дыма от костра, холод и свою окончательную заброшенность в этом чужом и совершенно незнакомом мире. Разрушая сон пришла паническая мысль: «Ноги ему вернули, но что он станет с ними делать, если здесь вообще не окажется людей? Вдруг его и в самом деле забросили на

необитаемую планету?!»

Страхнув с себя оцепенение, Глеб приподнялся и отчетливо произнес, неизвестно к кому обращаясь:

— Послушайте, мы так не договаривались...

— А как мы договаривались? — спросил голос, идущий из-за спины. Глеб нервно обернулся и ничего не увидел, кроме узкой трещины в стене, в которую не смог бы просунуть даже ладони. Тем не менее он продолжил, обращаясь теперь уже именно к этой трещине:

— Вы обещали мне обучение в специальной школе космических рейнджеров, участие в сражениях, а сами забросили на какую-то необитаемую планету!

— Будут у тебя еще сражения, не волнуйся. И планета эта вполне обитаемая. Именно такой была твоя Земля в давнем прошлом.

Слышал ли он этот голос на самом деле, прежде чем заснуть? Или все это было частью начинавшегося сна? Этого он так и не узнал.

Проспал Глеб, наверно, около часа. Разбудил его шорох снаружи. Камни заскрипели под тяжелыми лапами. Какой-то ночной хищник пытался проникнуть в убежище.

У него не было даже оружия, если не считать неуклюжей деревянной рогатины, которой в узкой пещере невозможно было даже размахнуться, и оставалось лишь положиться на прочность наспех сооруженного заграждения...

К счастью, оно оказалось достаточно надежным, и хищник, устав от бесплодных попыток разрушить каменную стену, в конце концов ушел. Но заснуть Глеб больше не смог до самого рассвета.

Он решил, что больше не позволит себе подобной беспечности. В конце концов, инструктора не зря потратили много часов, обучая его сложной науке выживания в пустынной местности Афгана, и хоть это было давно и многое забылось, он знал немало способов защитить себя от непрошенных ночных гостей, даже не располагая оружием. А вот залечить без аптечки небольшую рану, если местные микробы отличаются от тех, с которыми знаком его организм, вряд ли удастся.

С первыми лучами солнца он уже спускался к реке, которую безуспешно искал вчера большую часть дня.

Двигаясь вдоль реки, он значительно увеличит свои шансы найти людей, к тому же река должна избавить его от бесцельного кружения по лесу и вывести к какому-нибудь более крупному водоему.

Спускаться пришлось по обрывистому глинистому склону, и, только оказавшись на самом берегу, он обратил внимание на воду, текущую теперь у самых его ног.

Она была прозрачна — прозрачна как слеза. Он видел затонувшие коряги на дне реки, он видел стаи метровых темных рыб, спокойно проплывающих по своим делам... И тогда странное тревожное предчувствие овладело им. Даже в самых глухих местах его родной Земли не осталось подобных рек...

Возможно, это открытие заставило его, прежде чем тронуться дальше, всерьез заняться изготовлением оружия более серьезного, чем его игрушечная рогатина.

Используя подручные материалы, Глеб смастерил вполне приличную боевую дубину с острым камнем, закрепленным на ее конце шнурками от ботинок; шнурки, в свою очередь, пришлось заменить полосками ткани, на которые пошел один из карманов его куртки.

Дубинка обладала еще и тем достоинством, что во время движения заменяла ему посох. Ноги, отвыкшие от нагрузок за долгие годы бездействия, постоянно напоминали о себе.

Еще месяц-другой подобной жизни, и его невозможно будет отличить от пещерного человека каменного века. Странно, но эта мысль не слишком огорчила Глеба. Главное, найти здесь людей. Одиночеством он был сыт по горло и в своем старом мире.

Первые следы какой-то целенаправленной деятельности он обнаружил в глубине дубовой рощи, которая сменила густой сосновый лес, как только он вышел на берег реки.

Он свернул в нее, надеясь раздобыть хоть что-то съестное. Ягоды, попадавшиеся по

пути, уже не в состоянии были утолить его голод, и он чувствовал слабость. Шли вторые сутки его полуголодного существования в этом диком мире.

В лесу он нашел целую поляну маслят и долго жарил их на прутиках над костром, мечтая о простом походном котелке, в котором можно сварить суп. Он так устал, что решил позволить себе небольшой отдых — спешить ему, в сущности, было некуда.

Полуденное солнце давало достаточно тепла, и он смог даже просушить промокшую от утренней росы куртку.

Когда аромат от грибного шашлыка начал щекотать ему ноздри, он заметил в лесу избушку.

Она одиноко стояла на небольшой прогалине, прикрытая деревьями, и была такой ветхой, что мох и лишайники густо облепили ее стены. Именно поэтому он и заметил ее лишь сейчас. Глеб сразу забыл про грибы. Немедленно загасив костер и вновь надев маскировочную куртку, он стал осторожно подкрадываться к избушке, сжимая в руках дубину и подготовившись к любым неожиданностям.

Избушка оказалась пустой и давно заброшенной — и все же это было его первое обнадеживающее открытие. Теперь он знал, что найдет здесь людей.

Тщательно обследовав избушку и всю прилегающую территорию, Глеб нашел старый сгнивший силос, сделанный из кожаных шнурков, и вполне целый костяной рыболовный крючок.

Последняя находка обрадовала его больше всего. Он мечтал о куске свежего мяса, но все его охотничьи усилия пока не приносили результатов даже непуганое зверье в этом лесу оставалось недостижимым для его примитивного оружия. Он пытался добыть рыбу с помощью своей самодельной рогатины, но у него ничего не получалось, приходилось лишь беспомощно провожать голодными глазами целые рыбы стаи, спокойно проплывающие между зубьями его остроги...

Возможно, теперь ему удастся попробовать свежей рыбы.

Крючок был тщательно выточен из изогнутой кости какого-то зверя, но, насколько Глеб мог вспомнить, даже на нанайских стойбищах давно перевелись такие крючки — их заменила сталь...

Глеб решил остаться в избушке на пару дней: вырыть охотничьи ямы на звериных тропах, заняться рыбалкой, сбором и сушкой грибов. Прежде чем двигаться дальше, нужно было обеспечить себя хотя бы небольшим продуктовым запасом, а самое главное, сделать плот для менее утомительного продвижения к низовьям реки.

Отсутствие следов вокруг избушки и этот рыболовный крючок окончательно убедили его в том, что в ближайшее время ему придется полагаться лишь на собственные силы.

Пока он занимался обследованием избушки, наспех затушенный костер разгорелся вновь, и грибной шашлык был безнадежно испорчен. Оставалось опробовать свое новое приобретение.

Углубившись в лес, он отыскал старую кучу лосяного навоза — благо это добро попадалось здесь почти на каждом шагу — и острым обломком камня расковырял под ним дерн. Как он и предполагал, в этом месте скопились земляные черви, они выглядели настолько аппетитно, что Глеб подумал о том, не заготовить ли их к ужину, если рыбалка окажется неудачной.

Но крючок его не подвел, и через пару часов он уже запекал на углях двух больших линей.

Ужин получился на славу, и все же к вечеру им овладело необъяснимое чувство тревоги. Что-то было не так то ли в лесу, из которого выползли длинные холодные языки тумана, то ли в самой избушке, где он собирался заночевать.

Какой-то невидимый враг находился неподалеку. Глеб привык доверять своему чувству опасности, оно не раз выручало его в Афгане — даже в тот роковой день, когда их отряд попал на минное поле, ему повезло, и если бы не шальная пуля...

Он несколько раз обошел вокруг избушки, изучая следы на звериных тропах,

затаиваясь и прислушиваясь к малейшему лесному шороху, но ничего не обнаружил. Быстро темнело, и менять место ночлега сейчас уже было поздно.

Забравшись внутрь избушки, он подпер изнутри ветхую дверь и закопался в кучу сухих листьев — лучшей постели соорудить не удалось.

Холод долго мешал ему уснуть, и, только нащупав на груди свою невидимую ладанку, он почувствовал себя лучше, словно от нее по всему телу пошло невидимое тепло. И опять, как в первую ночь, на грани сна и яви в его сознании прозвучал тихий голос:

— Глеб, это плохое место. Здесь нельзя оставаться на ночь.

— Я знаю, — ответил он, засылая. — Другого ночлега мне все равно не найти.

Ему снилось штормовое море. В детстве, когда с отцом он отдыхал в Ялте, матрац, на котором он плавал, отнесло далеко от берега. Неожиданно налетел сильный ветер, и спасателям едва удалось его вытащить. С тех пор он часто видел сон, в котором вокруг не было ничего, кроме вздымающихся волн и безысходного, все усиливающегося чувства смертельной опасности.

В конце концов, наверно, именно этот сон и разбудил его под утро. Было чертовски холодно, сквозь щели в бревенчатых стенах не пробивалось ни единого лучика света, — окно в этой избушке прорубить почему-то забыли, — и Глеб долго не мог понять, который теперь час.

За стеной кто-то огромный тяжело вздохнул, избушка качнулась, заскрипев всеми своими бревнами, с потолка посыпалась гнилая труха. Глеб вскочил и, сжимая в руках свою жалкую дубину, притаился у двери. Выходить наружу и выяснять, что, собственно, происходит, ему совершенно не хотелось. Он стоял так около часа, пока совсем не рассвело.

Как только бледный рассвет рассеял туман вокруг избушки, Глеб, предварительно осмотрев окрестности сквозь многочисленные щели в стенах и убедившись, что рядом никого нет, вышел наружу.

Следы он увидел сразу, их невозможно было не заметить, и в каждый такой след свободно помещалась его метровая дубина. Всего их оказалось восемь трехпалых, с длинными, сходящимися к центру отпечатками пальцев. Начинались следы у самой стены избушки, затем шли по поляне и неожиданно обрывались, словно, постояв в раздумье, неведомый ночной гость бесследно испарился.

— Ничего себе подарочки, — пробормотал Глеб в растерянности. — Неужели здесь водятся диплодоки?

Он обыскал всю поляну и весь ближайший подлесок, но так и не обнаружил, куда подевалось это таинственное существо. Не нашел он и других следов, хотя бы отдаленно напоминавших те, что глубоко и четко отпечатались во влажной почве поляны.

— Что бы это ни было, надо поскорее отсюда убираться, пока оно не вернулось, — решил Глеб.

И уже собрав свои нехитрые пожитки и покидая негостеприимную поляну, Глеб бросил прощальный взгляд на место своего ночлега. Он нахмурился и с минуту стоял неподвижно, снова и снова осматривая поляну. По всем запомнившимся ему приметам получалось, что изба вчера вечером находилась в стороне от сосны, под которой оказалась утроем.

Он представил, как гигантский зверь, закусив своей огромной пастью край крыши и тяжело вздыхая, волочет избу на новое место...

Никакого другого объяснения своему открытию он не придумал. Оно поразило его настолько, что, спускаясь к реке, Глеб потерял обычную бдительность. Ничем другим нельзя было объяснить его непростительную небрежность.

Он заметил хорошо замаскированную засаду лишь тогда, когда в воздухе мелькнула петля летящего к нему аркана.

Ему еще повезло, что это была не стрела и не пуля. Заметив над головой стремительно приближавшуюся темную черту веревки, он прыгнул в сторону.

Скользнув по его ногам, аркан дернулся и пополз обратно к своему хозяину. Теперь Глеб смог рассмотреть нападавшего. Собственно, их было двое. Один, невысокий, с кривыми

ногами, в остроконечной треуховой шапке, натягивал лук. Второй, раздосадованный промахом, лихорадочно сматывал волосяную веревку, готовясь к следующему броску.

Однако времени на это у него не хватило. Мышцы и рефлексy Глеба хранили внутри себя суровую память войны. Он еще не успел решить, что следует делать, а ноги сами собой вновь бросили его тело вперед.

С лету он ударился головой в живот второго, самого опасного противника, с луком в руках, и вместе с ним упал в мокрую траву. Стрела вонзилась в землю совсем рядом с его лицом, но он успел сделать самое важное: обезоружил на время лучника, а аркан на таком близком расстоянии не представлял опасности для опытного бойца.

Однако победа оказалась временной — нападавших оказалось гораздо больше, чем он предполагал.

Едва Глеб приподнялся, как на него навалилось сразу четверо противников. Теперь его искусство рукопашного боя стало бесполезным. Почти мгновенно ему завернули руки назад, и петля из сыромятной кожи прочно обвила запястья.

Другой конец длинной веревки прикрепили к сбруе задней лошади, и отряд из девяти всадников неторопливо двинулся вниз по реке, не обращая больше никакого внимания на своего пленника. Пленившие его воины гортанно переговариваясь на непонятном Глебу языке.

Кто эти люди? Неужели единственные местные жители? Больше всего они напоминали ему степных всадников со старинной гравюры. Лисьи шапки, короткие луки и маленькие мохнатые лошади — все говорило за то, что это кочевники.

«Да что же это такое? — спросил он себя с отчаянием. — Откуда они на мою голову взялись? Из какого времени?»

Отвлечшись этими мыслями, он споткнулся о корягу и упал. Его мучители дружно загоготали и не стали придерживать лошадей. Какое-то время его волокло вслед за лошадью, изрядно ободрав о камни живот и спину. Он чувствовал, как застилает глаза холодная ярость, знакомая по Афгану: жестокость этих диких людей слишком уж напомнила ему духов. Улучшив момент, когда лошадь немного замедлила ход, Глеб рывком бросил свое тело вверх и сумел подняться на ноги.

Кочевники его явно недооценивали, слишком легко досталась им добыча, да и одежда пленника ввела их в заблуждение — так не одевались уважающие себя воины.

Этим Глеб и воспользовался. Сначала он приспособился к трусце лошади и постарался больше не падать, чтобы не привлекать к себе внимание всадников, затем, убедившись, что они заняты разговором и почти забыли о нем, он стал приводить в исполнение возникший у него план. Временами ускоряя ход, он слегка ослаблял веревку и, нагнувшись на несколько секунд, впивался зубами в тугой узел.

Узел был завязан на совесть, но Глеб повторял свои попытки снова и снова. Самое главное сейчас не привлечь к себе внимания, иначе все его усилия окажутся напрасны.

Постепенно размоченная во рту кожа стала мягче, и узел ослаб. Еще через полчаса ему удалось растянуть петлю настолько, что ладони могли уже с некоторым усилием выскользнуть из петли, но он не спешил этим воспользоваться. Сначала нужно было выбрать подходящий момент. Он прекрасно понимал, что на пересеченной местности не уйдет далеко от конной погони.

Неожиданно всадники остановились и стали совещаться на своем тарабарском языке.

Они ехали по узкой просеке, впереди она расширялась, и там, на большой поляне, располагался, видимо, основной походный лагерь кочевников. Сейчас оттуда доносился шум битвы, крики, звон оружия.

«Вот он, удобный момент!» — решил Глеб. Мгновенно сбросив петлю, он помчался к лесу. От зарослей его отделяло всего несколько метров, и, когда он нырнул в подлесок, преследовавшим его всадникам пришлось спешиться. Их оказалось всего двое, остальные остались на поляне.

Глеб затаился в кустах и дождался, когда воин, шедший последним, поравняется с ним.

Годы тренировок в инвалидной коляске сделали руки Глеба намного сильнее рук обычного человека. Ему понадобилось всего одно движение, чтобы переломить шею своему преследователю. Тот беззвучно повалился в траву к его ногам. Это произошло так быстро, что второй едва успел повернуться.

Но к этому моменту в руках у Глеба оказалась стрела, выдернутая из колчана убитого им кочевника. Подбирать и натягивать лук времени не было, и он воспользовался своим искусством в метании ножей, благо расстояние до второго противника не превышало и метра.

Стрела вонзилась в горло его врага, и Глеб надолго запомнил его изумленный взгляд. Удар кривой трофейной сабли, выхваченной из рук первого кочевника, довершил начатое.

Глеб освободился от преследователей так быстро и бесшумно, что те, кто остался на просеке, не успели ничего заметить.

Бой в лагере заканчивался, атакующие всадники на могучих боевых конях, одетые в сверкающие доспехи с остроконечными шеломами на головах, преследовали беспорядочно бегущую толпу кочевников вдоль просеки и вот-вот должны были попасть под убийственный град стрел притаившихся в кустах лучников. Не раздумывая ни секунды, Глеб бросился наперерез атакующим, принимая на себя первую волну стрел. Но, предвидя ее, он успел упасть на землю. Лишь одна засела в бедре. Однако и этого было достаточно, чтобы пронзительная боль пригвоздила его к месту.

Зато теперь сидящие в засаде лучники лишились своего главного преимущества — внезапности. Предупрежденные об опасности всадники мгновенно спешили и бросились в лес, напав на кочевников с тыла, где густой подлесок мешал им использовать их основное оружие — стрелы. Через несколько минут бой был закончен.

Командир отряда подошел к сидящему на земле Глебу, отсалютовал мечом и, сняв шлем, поблагодарил его за помощь — певучий, чуть странный и такой знакомый язык!

Уже через несколько минут Глеб понимал каждое слово, а еще через полчаса, когда полевой лекарь извлек из его бедра стрелу и наложил повязку из целебных трав, отряд тронулся в обратный путь.

Глеба, как почетного гостя, уложили на конные носилки и повезли впереди отряда. Потрясенный стремительностью нахлынувших на него событий и совершенно задавленный новыми впечатлениями и открытиями, он не возражал.

Часа через два лес у излучины реки кончился, кавалькада остановилась на краю поляны, и впереди, как видение из далекой мечты, открылся древний город.

Золотые маковки церквей, белые каменные стены, озеро, на берегу которого раскинулась светлая дубрава. Он слишком хорошо знал этот пейзаж, слишком много раз видел его перед глазами с той самой поры, как копье Георгия отклонилось от головы змея... Вот она, перед ним, ожившая картина, столько лет висевшая на стене его московской квартиры...

Крут завершился. Оставалось узнать лишь имя этого города и время, в которое он попал. Оруженосец, назначенный ему как гостю, ответил на его вопрос:

— Мы подъезжаем к Китеж-граду, господин мой, в году шесть тысяч шестьсот семьдесят третьем от сотворения земли господом нашим Сварогом великий князь Георгий Всеволодович основал сей град.

И тут же пояснил для гостя:

— Но, ежели считать от рождества Христова, то в тысяча сто шестьдесят седьмом году построен град Большой Китеж и стоит он на берегу Светлояр-озера уже много лет.

Сердце Глеба на секунду замерло, словно придавленное этой безмерной громадой времени...

— Странное письмо получил я вчера вечером, — сказал Головасин, плотнее застегивая куртку. На высоте двух тысяч метров даже здесь, в Крыму, предутренний холод давал о себе знать. — В нем оспаривается теория красного смещения, во всяком случае, выводы, которые из нее следуют.

— Что же тут странного? Эту теорию критикуют достаточно часто.

— Видите ли, письмо содержит предложение убедиться в этом лично.

— Убедиться в том, что красное смещение не существует?

— Вот именно...

— Забавно.

— И в то же время письмо не похоже на записки сумасшедшего, там даже излагается некая, логически стройная, но совершенно безумная теория строения нашей Вселенной.

Сухой заинтересованно повернулся:

— Мне нравятся безумные теории. Расскажите.

— В двух словах это довольно трудно... Но, в общем, суть в том, что если мы не находились в геометрическом центре первородного взрыва, образовавшего нашу Вселенную, а вероятность этого ничтожно мала и, следовательно, наблюдаемое нашими телескопами равномерное во все стороны удаление от нас далеких звездных объектов на самом деле таковым не является.

— Но ведь это кажущееся явление. Любому наблюдателю в любой части Вселенной будет казаться, что он находится в центре разбегания.

— Мой автор утверждает, будто смещение спектра означает не движение объектов в пространстве, а их удаление во времени. Именно оно порождает эффект красного смещения. Причем если принять это априори, то эффект смещения окажется равномерным, поскольку для каждого наблюдателя настоящее всегда находится в точке наблюдения вместе с ним самим.

Получается, что за границами нашей Галактики мы видим уходящее от нас собственное прошлое.

— Простое, которое можно догнать? — В голосе старого ученого послышалось нечто такое, что заставило Головасина еще плотнее запахнуть свою куртку.

— Ну, это уже фантастика... А вот почему с увеличением расстояния до объекта увеличивается эффект смещения, эта гипотеза объясняет достаточно корректно...

— Еще бы. Чем дальше от нас объект, тем он древнее, тем больше прошло времени с момента отрыва... И если бы мы смогли догнать эти стремительно уходящие от нас части галактик, мы бы сделали открытия почище этой фантастической гипотезы...

5

Княжеский терем, один из немногих каменных домов в деревянном граде, расположился на возвышении, укрывшись за дополнительным земляным валом и рвом, наполненным водой.

Из многочисленных бойниц на клетях, охранявших мост, выглядывали любопытные лица часовых. Не каждый день в град доставляли чародеев.

Владислав стоял в высоких сенях, опершись о перила и распахнув кафтан из византийского сукна. У дверей в горницу нерешительно переминались двое стражей с секирами на плечах, не решаясь подойти ближе к князю, как того требовал сотник, усиливший охрану после второго за этот год покушения на светлейшего.

Владислав думал о том, что его давнишняя мечта захватить одного из могущественных волшебников, отхвативших в свое полное распоряжение порядочный кусок на севере княжества, возможно, осуществилась, хотя до конца он в это не верил, несмотря на известие, принесенное гонцом задолго до прибытия отряда.

Настоящий маг не мог попасть в руки Флорина так просто. А чтобы он сам, добровольно, согласился стать княжеским гостем — это уж и совсем трудно представить.

Крепость, в которой жили эти таинственные существа, окруженная невидимой стеной, стояла в Анаварских лесах с незапамятных времен. Летописи первых варяжских походов уже упоминали о ней. Но сами маги объявились недавно, и с тех пор Владислав мечтал поставить на службу своим планам их могущественную силу. Иногда в своих мыслях он заходил

далеко и пытался представить, что случится, если удастся поссорить магов с Манфреймом главным врагом всех русичинских племен.

Владислав мечтал об этом с тех самых пор, как жребий покинуть отчий дом пал на его собственную дочь...

Каждый год Манфрейм забирал в свой замок одну из русичинских девушек, и об их дальнейшей судьбе ничего не было известно... Таков позорный договор, подписанный еще Ливатой Смелым, такова дань, такова цена бесславного поражения в единственной битве, состоявшейся между Манфреймом и русичами двести лет назад.

Впрочем, раньше Владислав не считал договор таким уж позорным. Многие племена выбирали себе невест у соседей, в том числе и русичи. Но родители тех девушек, которых Манфрейм забирал в свой замок, никогда больше не видели своих дочерей... И он готов был мириться с этим до тех пор, пока дело не коснулось его собственной дочери.

Когда же это случилось, он отдал приказ своим лучшим воинам захватить одного из магов, чтобы хоть чуть-чуть приподнять завесу тайны, окружавшую Анаварский лес. Он сделал это не только из-за судьбы Брониславы... Если и была на их земле сила, способная противостоять бессмертному Манфрейму, то она находилась именно в крепости магов, владевших огненными мечами, рассекающими скалы... Иногда маги появлялись в городе, веселились в трактире, развлекались с дворовыми девками, но никогда не соглашались добровольно посетить его терем.

А сейчас, перед предстоящей большой войной с кочевниками, ему нужны были могущественные союзники. Однако во всем, что касалось магов, законы людей не имели силы, и он никак не мог найти способа подобраться к ним поближе. Дары отвергались, ни в какие переговоры маги вступать не желали и всегда ускользали из засад, каждый раз примерно наказывая его воинов за дерзость. Как бы не обернулось бедой и нынешнее дело...

Но, скорее всего. Флорин просто ошибся. Встретил какого-нибудь лесного бродягу, их тех, что десятками слетаются как стервятники отовсюду, едва запахнет большой войной...

Снизу из подворья донесся до князя, густой аромат ржаного хлеба и звон серебряной посуды, боярские девки, готовившие княжеский стол к обеденной трапезе, шастали по нижнему двору от подвала к терему с подносами в руках, словно невзначай высоко задирая подолы. Стольничные, подавали и прочий мелкий люд, коему было положено присутствовать у князя на трапезе, уже спешили из нижних дворов поближе к терему.

Бездельников и прихлебал не перечсть — гнать бы их всех, да нельзя китежское княжеское застолье должно быть не хуже новгородского. А сколько добра переводится впустую! Да ладно бы только за столом, а спальничные, одеальные... А дружина? Вся гвардейская сотня токмо и может, что подпирать столбы в княжеских хоромаш.

Раньше было не так! Раньше каждый человек своим трудом добывал пропитание, одежду, кров и еще платил десятину городу для содержания дружины. А если это добро тратили неправильно, то городское вече строго спрашивало со старосты.

Потом появилась княжеская десятина, церковная — и пошло, пошло...

Может быть, с непомерной жадности, с призрачного блеска византийской роскоши, затмившей русичам глаза, и началось медленное, не сразу заметное разложение всего государства Киевского? Началось с того рокового дня, когда великий князь Владимир раздал вотчины своим отпрыскам. Возможно, и еще раньше, возможно, все случилось в тот день, когда поплыло по Днепру отвергнутое тело старого бога...

Тысячу лет несчастий предрекли волхвы за святотатство, так, может, оно началось, это черное тысячелетие?..

Владислав видел, как медленно, незаметно, откуда-то из потаенных глубин пробивается на поверхность зло, упорно отращая свои ядовитые ростки день за днем... И не в том дело, что усилился разбой на дорогах, а поборы и взяточничество прочно свили свое гнездо в палате писцов, а в том, что озлобились и ожесточились люди, потерявшие веру в своих князей. Ложь как ржавчина начала разъедать больное тело государства, подготавливая почву для новых зловещих ростков.

И тут как раз, словно ждали подходящего времени десятки лет, объявились неизвестные степные племена.

Вздыхнув и перекрестив лоб в сторону недавно возведенного нового храма, князь прошел в потайную горницу в своих хоромах, где стоял резной истукан Дажбога.

В былые времена не нужно было прятать в домах изображения старых богов и они свободно стояли по специальным, отведенным для этого урочищам, среди лесов и полей — но то было раньше... Теперь приходилось таиться от многочисленных соглядатаев, чтобы не прослыть язычником и не навлечь на себя опалу Мономаха и Светлейшего Киевского князя.

Молитва Владислава была недолгой. С домашними божками русичи привыкли обращаться по-свойски, как с членами семьи, и хотя Дажбог был рангом повыше, попав в домовую ризницу, он становился членом рода.

Владислав просил Дажбога не оставить его своей мудростью, поддержать в нелегких переговорах и помочь отличить ложь от истины — прикинуться магом мог какой-нибудь чужак, пришелец из неведомых северных лесов. О них ходило много страшных рассказов. Говорили, что там до сих пор обитали волхвы, исчезнувшие на Руси вместе со старыми богами, которым они служили когда-то...

Закончив излагать свои просьбы к Дажбогу, Владислав не забыл оставить в жертвенной чаше щедрый дар из меда и пшеничных зерен. Бог, как и все остальные в его доме, должен чувствовать себя сытым.

Ощущение волшебного сна не покидало Глеба с того момента, как он попал в Китеж. Каждую минуту с замиранием сердца он ждал пробуждения и возвращения в серую безрадостную действительность, окружавшую его все последние годы. Но пробуждение так и не наступило.

Вместо этого из потаенных глубин прошлого всплыл в центре Светлояр-озера сказочный град... Он стоял в окружении собственного отражения от чистой озерной воды, и солнце золотило крыши его домов, его бревенчатые крепостные стены.

Люди двадцатого столетия не видели воочию даже малого черепка из этого града, лишь легенда о нем осталась в памяти народа, такая же светлая, как сам город...

Проплыли мимо огромные, в три человеческих роста, ворота, срубленные из дубовых, окованных железом бревен. Показались за ними стены, крепко сбитые из заостренных в верхней части кольев и облитые темной смолой, чтобы дерево не портила гниль.

Стены укреплял земляной вал, присыпанный с внутренней стороны широкой кольцевой насыпью, по которой неторопливо прохаживались дозорные, защищенные от случайной непогоды широким навесом из больших кусков древесной коры...

Едва лошади ступили на мощенные бревнами улицы, как звонкий перестук копыт возвестил любопытным горожанам об их прибытии.

Приподнялись низкие приторы калит, отворились резные ставни, улицы постепенно наполнялись любопытствующим народом.

Глеба поразила непринужденность русичей, с молоком матери впитавших чувство собственного достоинства. Горожане насмешничали не над гостем, к которому относились со странным почтением, а над сотником да над своими дружинниками. Те, впрочем, не особенно обижались и отшучивались в ответ так же беззлобно.

Удивительное ощущение единой общности, одной большой семьи, в которую входили все люди этого племени, отозвалось в Глебе непрощеной тоской — к нему это не имело никакого отношения. Собственный дом он добровольно согласился покинуть навсегда, а новый вряд ли найдешь на чужбине. Хоть и не чужбина это вовсе, всего лишь иное время. Но оказалось, тысячелетие, отделившее Китеж от современников Глеба, возвело между юношей и городом преграду посерьезней любых границ. И, соглашаясь со всеми условиями Аркадия Дмитриевича, он просто не думал об этом, да и не верил, что такое возможно. Но вот он древний град перед ним — его везут по улицам легендарного Китежа...

Князь принял чужеземца прямо в трапезной, предварительно осведомившись, не слишком ли того мучает полученная от печенегов рана. И хотя в глубине души князь

полагал, что маги вообще не способны испытывать боль, — все же это казалось невежливым тащить к столу раненного стрелой человека, — только уж слишком велико было княжеское нетерпение и любопытство.

Владислав не знал, как ему себя вести с гостем. С одной стороны, по манере держаться, по одежде, по выговору этот человек не походил на уроженца знакомых русичам племен, с другой стороны, на мага он тоже не слишком походил, хотя в подобной одежде их и видели иногда, если случайно заставали в лесу или в поле.

За гостем не чувствовалось той силы, которой так жаждал князь. Не тот возраст, не та осанка. И потому серьезный разговор Владислав не спешил начинать, а лишь ублажал гостя, задавал ненароком словно бы и вовсе ничего не значащие вопросы да не спускал с Глеба внимательных, слишком трезвых для застолья глаз.

Была отослана из трапезной даже личная стража, одно это говорило о том, сколь важным считал князь встречу со своим гостем. Правда, двое неподвижных, как изваяния, великанов в синих кафтанах, с секирами на плечах все равно остались в дальнем углу комнаты. Посмотрев тяжелым взглядом на этих людей, не подчинившихся его приказу, князь лишь тяжело вздохнул и жестом приказал усадить Глеба за стол.

Того, словно ребенка, внесли в трапезную на руках, несмотря на его протесты, дабы не причинять раненому излишнюю боль.

На самом деле стрела лишь слегка задела мышцу, рана оказалась пустяковой, а после травяных мазей и отваров русичинских лекарей и вовсе не беспокоила его. Зато изголодавшегося за два дня на лесных харчах Глеба замутило от изобилия княжеского стола.

Печеные лини и осетры, жареная кабанятина, яства и фрукты грудями лежали на огромных глиняных, стеклянных и серебряных подносах. Изобилие разномастной посуды говорило о смешении стилей, о простоте нравов и о том, что подлинная византийская роскошь еще не успела укорениться в княжеских покоях, а лишь пускала здесь первые пробные ростки.

И уж совсем забытым лакомством показался Глебу ржаной, только что выпеченный, благоухающий жаром русский хлеб...

— Да ты ешь, не стесняйся, — усмехнулся князь. — Здесь у нас все просто.

Дождавшись, пока гость утолит первый голод, он сам налил в его кубок хмельного меда. Выждав приличествующее для начала беседы время, князь спросил, неторопливо поглаживая густую черную бороду:

— Знаешь ли ты, что забыли на моих землях твои сородичи, почему пришли не спросясь и ведут себя так, будто земля принадлежат им?

Глеб отрицательно покачал головой и с сожалением поставил на стол серебряный кубок византийской работы. Тисненные золотые звери бежали по его бокам, и мягкое сияние отраженного от инкрустаций света рассыпало по столу теплые желтоватые блики.

Настала пора рассказать о себе, ответить, что он понятия не имеет, о каких сородичах говорит князь, и объяснить, откуда он родом... Но как объяснить свое появление здесь? Что сможет понять этот человек, отделенный от его эпохи бездной времени?

Глебу понравился князь — понравилась его простота, добродушие и глубоко скрытая тревога, о причинах которой он мог только догадываться. Но это ничего не меняло. Их все равно разделяла непроходимая пропасть.

Неожиданно на галерее, окружавшей трапезную, скрипнула дверь, и девушка в простом домашнем сарафане остановилась у перил. Она смотрела в сторону, стараясь не встретиться взглядом с Глебом, но и без ответного взгляда он сразу же узнал ее.

Девушка, с его картины, стояла, небрежно опершись о перила. Девушка из Влесовой книги... Он смог бы узнать ее среди тысяч других, хотя там, на картине, фигурка ее казалась совсем крошечной, но, взглядевшись в картину, он приблизил ее лицо, увидел и запомнил эти синие, как Светлояр-озеро, глаза, эту русую косу до колен...

Внезапно с абсолютной ясностью он понял, что их встреча не случайна и не зря привела его книга в забытый край его далеких предков.

«Теперь ты страж», — сказал таинственный голос, и, кажется, он начинал понимать лишь сейчас, что имелся в виду не просто страж книги — этой девушке угрожает смертельная опасность... Змей выползал из-за кустов за ее спиной... Скорее всего, она даже не знает об этом.

Но прежде чем он решил, как предупредить ее, мимолетное видение на галерее исчезло — снова скрипнула дверь, и наваждение отпустило Глеба. Князь, усмехаясь, смотрел на него.

— Теперь ты слышишь меня? Тебе так понравилась моя дочь? Она своенравна и любопытна, как всякая женщина. Ей захотелось взглянуть на волшебника.

— На какого волшебника? На меня? Но я вовсе не волшебник.

Князь словно и не заметил его слов.

— Ты небось слышал про наш договор с Манфреймом?

Глеб в ответ опять лишь отрицательно покачал головой, так и не заметив, какое значение придавал князь последнему вопросу, как сузились и потемнели его глаза, напряглись руки...

Не до этого было Глебу, он все еще не пришел в себя после потрясения, которое только что испытал.

Всего секунду и видел Глеб, словно отпечаток на моментальной фотографии, льняные волосы, завитые в толстую косу, простой сарафан, без украшений, лишь расшитый искусными мастерицами, синие девичьи глаза... Да много ли времени надо тому, кто столько лет сиднем просидел в инвалидной коляске, чтобы запомнился девичий взгляд.

— Так, значит, не слышал... Может, ты и Черный замок никогда не видел?

Глаза князя, запрятанные под густыми бровями, неожиданно сверкнули недобрым огнем, и Глеб понял, что беседа подошла к самому главному, к тому, ради чего и была затеяна вся княжеская трапеза.

— Нет, не пришлось, — твердо ответил Глеб. — Хотя по твоим рассказам я понял, что там находится какой-то могущественный враг. Но я никогда раньше не был в твоём мире и попал в него совсем недавно.

— Откуда же ты шел? Что-то я не припомню в наших краях подобных тебе. Такую одежду, как у тебя, носят только волшебники из Анаварского леса.

— Значит, там находится база, — пробормотал Глеб, отмечая про себя эту важную информацию. — А шел я издалека...

Но князь ждал продолжения, и Глеб прекрасно понимал, что от того, каким оно будет, зависела, возможно, его судьба...

С самого начала все пошло не так. Мало того, что он не попал на базу, куда, по-видимому, должен был попасть в первую очередь. Теперь еще он чувствовал себя ответственным за судьбу княжны, и от того, сумеет ли он сейчас приобрести если не друга, то хотя бы не врага в лице Владислава, зависело, как сложатся его отношения и с ним самим, и в будущем, возможно, с его дочерью — сама возможность увидеть княжну еще раз теперь тоже зависела от расположения князя...

И в эту решающую минуту ничего лучшего он не придумал, как рассказать князю правду, совершенно не надеясь на то, что его хотя бы поймут.

Закончив свой короткий рассказ о безумном и таком невероятном отсюда мире далекого будущего, Глеб медленно достал из кармана металлический кубик зажигалки и одну из последних оставшихся у него сигарет. Вспыхнул голубой огонек, и облачко дыма поднялось к потолку...

Глеб иногда закуривал во время трудной беседы, это успокаивало, давало возможность подумать. Вот и сейчас он проделал неосознанные, привычные движения, не подумав о том, какое впечатление может произвести зажигалка на человека, всю свою жизнь добывавшего огонь кресалом и никогда не слышавшего о табаке.

Только по расширившимся зрачкам князя, по его побледневшему лицу Глеб понял, что произошло нечто чрезвычайное. Однако князь сразу же взял себя в руки. Внешне князь казался спокойным, и лишь глубоко внутри его темных глаз тлел теперь уже не угасающий,

настороженный огонек тревоги.

— Будем считать, что я тебе поверил. Я еще не встречал человека, который врал бы так нелепо, возможно, ты говоришь правду. Но тогда ты должен знать о нашей судьбе... Сколько, ты сказал, лет отделяет наши племена?

Случилось то, чего Глеб ожидал меньше всего, — князь ему поверил. И теперь, сказав «а», он должен говорить дальше, говорить правду, какой бы горькой она ни была.

— Почти тысяча лет... У вас будет большая война.

— Это я знаю. Печенеги давно беспокоят нас своими набегами, и князья решили покончить с этим.

— Это будут не печенеги.

Они надолго замолчали. Князь, по тревожному тону Глеба почувствовавший, насколько серьезно то, что он ему сказал, ждал продолжения, а Глеб все никак не мог закончить, не находилось нужных слов...

— Готовы ли вы к длительной осаде? Хватит ли у вас запасов, если объединенные силы русских князей будут разбиты и враг подойдет к стенам города, сумеете ли вы продержаться хотя бы до зимы?

— Пойдем, я тебе кое-что покажу.

Они вышли в сени. Двое стражей неотступно следовали за князем в нескольких шагах позади. Коридор закончился дозорной галереей, опоясавшей терем с восточной стороны. Отсюда был виден весь Китеж.

Длинные ряды повозок, запряженные ездовыми быками и лошадьми, везли в город осенний урожай. Вольноживущие торопились до наступления холодов укрыть свое богатство за надежными стенами Китежа. От озера тянуло осенним холодным ветром, и невысокие волны лизали деревянный настил, покрывавший весь тракт от самого Островца до Настоящего города.

Глеб попытался было их подсчитать, но вскоре сбился со счета.

— Сколько вы сможете собрать воинов, если придет большая война?

— Если собрать воинов из всех дальних хуторов и вольных поселений, не меньше тридцати тысяч встанут у этих стен.

— Те, что идут на вас с востока, похожи на пыль, несущуюся вместе с ветром. Их сотни тысяч, и они не знают пощады. Дети, старики — им все едино. Они разорят ваши города, уничтожат ваши посевы, отберут ваши запасы, угонят в рабство ваших жен и дочерей...

Князь едва сдержал закипавший гнев. Чужеземец пытался запугать его, его, чьи воины десятки раз отбрасывали печенегов с узкого перешейка, соединившего неприступную крепость его острова с берегом.

Словно услышав его мысли, маг сказал:

— Те, что идут с востока, — хуже печенегов. Их не остановят ваши стены. Их слишком много, и они слишком голодны. Они жили вместе со своими стадами и теперь, покинув их, не остановятся ни перед какой преградой. Если понадобится, они выложат вал вокруг твоих стен телами своих соплеменников. Они не знают пощады даже к самим себе.

— Кочевники сами всего лишь стадо! Не раз налетали с востока их орды и, попробовав наших мечей, убивались восвояси.

— Эти другие, и теперь у них появился вождь, сумевший собрать вместе сотни разрозненных кочевий.

— В Светлояр-озеро впадает немало рек. К нам приходят корабельники из самых дальних пределов от варягов и Византии. Никто из них не слышал про нового хана. Почему я должен тебе верить?

Глеб чувствовал себя так, словно беспомощно барахтался в стылой трясине. Все его слова, любые действия — все натыкалось на непреодолимую стену. Словно само его желание поспорить с предначертанием времени вызывало яростное противодействие.

— Но даже если все окажется так, как ты говоришь, если их действительно сотни тысяч, что я смогу сделать против такого войска?

— Нужно объединять княжества, создавать единую дружину — у нас такая дружина называется армией. Чем скорее вы это сделаете, тем больше шансов хотя бы встретить противника достойно, и, если повезет, задержать его продвижение к городу до зимних холодов.

Князь, уже не скрывая ни своего гнева, ни горечи, произнес, отводя взгляд к далеким холмам на северной стороне Светлояр-озера:

— Ты еще слишком молод для мага, даже для воина ты слишком молод, а есть мудрость, которая приходит к человеку только с прожитыми годами. Никогда ни один глава самого ничтожного рода не согласится добровольно поступиться даже малой частицей власти. Только силой их можно заставить объединиться.

— Однажды это удалось Владимиру...

— На это ушло слишком много лет... Слишком много крови русичей пролилось ради того объединения. Мы вольные люди, мы привыкли жить независимо. Только если приходит сильный враг, наши племена начинают объединяться, но тогда, по большей части, оказывается уже слишком поздно...

Сейчас меня гнетет другая беда, гораздо более близкая. Жребий пал на мою дочь, и в конце года она должна покинуть мой дом. Манфрейм, наш древний враг, заберет ее в свой замок в качестве дани, и большего позора не знали мои седины...

Глеб вздрогнул, словно почувствовал холодное прикосновение змея, выползающего из кустов. Где-то очень далеко над морем возникло ощущение света. Солнце еще не успело пробиться сквозь толщу воды, и заря спала за чертой горизонта, но в стороне востока уже зарождались, пока еще призрачные, светоносные образы.

Время неумолимо сдвигалось к восходу. С каждой секундой от нашей планеты отделялись пласты прошлого и неудержимо уносились в бесконечность космоса...

— А будущее? — спросил Головасин. — По этой теории получается, что будущего нет совсем.

— Будущее вообще условное понятие. Оно никогда не успевает наступить. Оно наступит завтра, через час, через минуту, а как только приходит, становится настоящим и тут же превращается в прошлое. Помните песню: «Миг один, между прошлым и будущим, именно он называется жизнь» — в этой фразе скрыт глубокий философский смысл. Мы пассажиры поезда, стремительно несущегося к будущему, но картины того, что находится впереди, из окна не видно.

— Но если красное смещение — это движение времени к прошлому, то будущее, то самое, которое еще не наступило, с пространственной точки зрения, находится где-то в центре планеты.

— Совершенно верно. Оно и должно находиться в геометрической точке центра. И из нее истекает, нет, не река, а бесконечно расширяющаяся сфера времен.

— Нарисованная вами картина напомнила мне чем-то модель электрона.

— Так и должно быть. На каком-то пределе бесконечно малое переходит в бесконечно большое.

— Из этого следует, что время обладает волновой структурой. Вставленные друг в друга расширяющиеся сферы и пустота между ними...

— Вы ухватили самую суть.

— Интересно, каким может быть период этой волны?

— С нашей, человеческой, точки зрения, он достаточно велик. Думаю, не меньше тысячи лет...

6

Глеб лежал на широких полатях в гостевой опочивальне княжеского терема. От пола приятно пахло недавно вымытым дубом, а над головой у него летела диковинная птица-феникс, расписанная красными и голубыми красками. Крылья птицы охватывали весь

потолок и спускались по бокам оштукатуренных стен. Если долго всматриваться в сложные узоры ее перьев, то можно было увидеть в их призрачном кружеве и светлый березовый лес Подмосковья, и забытые лица давно умерших родных...

За окнами, с парадной стороны украшенными цветными стеклами, а с черного двора затянутыми сушеным бычьим пузырем, слышались шаги часовых, снизу, от внешних стен города, иногда долетала перекличка дозорных.

За дверью в коридоре время от времени тоже слышались шаги стражи и звон оружия.

Кажется, князь сделал все необходимое, чтобы не лишиться общества своего драгоценного гостя.

Владислав оказался намного умнее того уровня, которым, в представлении Глеба, должен был обладать человек, родившийся в тринадцатом веке. Похоже, он загнал себя в ловушку собственной откровенностью.

С другой стороны, не вечно же он будет пользоваться княжеским хлебосольством. Необходимо было как-то определиться, найти собственное место в этом мире. Аркадий Димитриевич во время той странной вербовки в Москве сказал, что он должен будет пройти обучение на базе космодесантников. Если Владислав не ошибся, то база, скорее всего, находится в Анаварском лесу, однако его никто не встретил и он не получал никакого специального предписания. Пока что он был полностью предоставлен сам себе и, честно говоря, не слишком представлял, что ему с этой свободой делать.

В тереме было тепло, спокойно и уютно. Никогда он не любил и не знал уюта, а покой считал уделом стариков и таких, как он, инвалидов... Он тут же оборвал себя. Трудно сразу привыкнуть к столь стремительно изменившейся жизни, к возвращенному здоровью.

«Вот возьму и останусь здесь навсегда», — проворчал Глеб, ни к кому, собственно, не обращаясь. Но чей-то голос, весьма похожий на тот, что он слышал в пещере, неожиданно произнес прямо в его голове: «Ну, ну — а татары между тем уже переправились через Калку...»

Секунду он лежал нахмурившись. С этим голосом не мешало бы разобраться... Почему он появляется только в минуты расслабленности, предшествующие сну? Может быть, потому что в этот момент его мозг как бы раскрывается, становится беззащитнее и больше подвержен постороннему воздействию?

Хотелось бы ему знать, откуда идет этот голос...

Он нащупал свою невидимую ладанку, и она показалась ему несколько теплее обычного, но полной уверенности в этом не было. В конце концов мысли вновь вернулись к насущным проблемам.

Татары... Трудно поверить, что сказочному миру, окружавшему его в эти минуты, отпущен такой короткий срок, но, похоже, никуда от этого не деться, если бы он мог это изменить...

На долю мгновения шальная мысль родилась в его голове: исправить историческую несправедливость, вооружить дружину князя если не современным, то хотя бы старинным пороховым оружием — наверно, это было бы под силу местной технологии. Кузницы у них неплохие, есть железо, значит, найдутся и селитра, и сера... Вооружить и противопоставить диким степным ордам современный стрелковый батальон...

И, наверно, не последнюю роль в этих шальных мыслях сыграл мелькнувший на галерее девичий силуэт... Если бы Глеб решился на это, он стал бы первым человеком у князя, и княжеская дочь...

— Глеб! — настойчиво произнес все тот же голос. Он не выпустил образок из своей руки и на этот раз определенно почувствовал, что в момент появления голоса дощечка стала теплее. — Главная проблема совсем не в татарах. Не забывай о Манфрейме и о том, что ты решил помочь Брониславе.

— Да кто он такой, этот Манфрейм? — спросил он в пустоту, не надеясь на ответ. Но ответ пришел.

— Манфрейм — магистр очень древнего ордена, объединившего в себе все злые силы.

Сегодня он является фактическим, хотя и тайным властителем этого мира. Это именно он управляет нашествием татар. Его эмиссары снабжают их золотом и оружием, указывают наиболее доступные пути проникновения в глубь страны, разобщают дружины русичей, ссорят между собой князей.

— Для чего ему это нужно?

— Во время кровавого хаоса всегда легче грабить, а золото единственная страсть этого могущественного демона.

— Что же я могу с этим сделать?

— Один ты ничего не сделаешь, ты должен найти здесь силу, способную противостоять Манфрейму. Только на космической базе есть оружие, способное пробиться сквозь защиту его Черного замка.

Вдруг Глеб почувствовал, как холодеет от страха. Кто он такой, чтобы брать на себя чудовищную ответственность, откуда ему было знать, чем обернется подобное вмешательство для сотен тысяч людей здесь живущих?

И откуда ему, в конце концов, знать, кто на самом деле управляет этим таинственным голосом?

— Вот и начни со сбора информации. Ее ты тоже найдешь в компьютерах космической базы. Лежа на этих теплых полатях, ты ничего не узнаешь и ничего не сможешь изменить.

Последняя мысль показалась ему бесспорной. Глеб относился к той редкой породе людей, у которых принятое решение вызывает почти мгновенное воплощение в действии.

Он бесшумно поднялся, подошел к окну и осторожно выглянул наружу.

Бронислава не могла заснуть с той самой минуты, как ушли служанки. Внизу во дворе пропели первые петухи, масло в светильнике выгорело, и голубоватый огонек на его фитиле, мигнув пару раз, погас, наполнив горницу едким запахом гари.

Станный дар, переданный ей от матери, никогда еще не проявлялся с такой силой, как в эту ночь. Она предчувствовала беду, она видела ее в образе северного океана, в котором однажды чуть не утонул их струг, слишком далеко забравшийся за пределы родного края. Тогда кормчему удалось спасти их, но теперь спасения не было...

Ледяные волны шли с востока, из далеких степей, в которых никто не жил с тех пор, как дружины Святослава выбили оттуда хазар. Волны смывали целые города и, окрашиваясь кровью русичей, подбирались все ближе к ее родному дому.

Каким-то образом с этой невиданной доселе бедой был связан их вчерашний гость. Она никак не могла понять, в чем состояла его роль. Он бежал впереди несущихся по степи волн, то ли убегая от них, то ли, наоборот, прокладывая путь беде...

Видение тускло, размывалось, затем вновь обретало четкость. И каждый раз она оказывалась рядом с ним, в бессмысленной, изматывающей попытке убежать от разгневанного океана...

Что же все это значило? Как могла она оказаться рядом с этим чужеземцем, возможно, принадлежавшим к таинственным магам из Анаварских лесов, относящихся к русичам как к низшим существам?

Она встала, подошла к окну. Через кусочки цветных византийских стекол предрассветный лес на берегу Светлояр-озера казался ненастоящим. Мысли Брониславы упорно возвращались к необычному гостю, появившемуся в их доме. За те несколько мгновений на галерее, когда он поймал ее взгляд, она многое успела понять — это тоже было частью необычного материнского дара мгновенное безошибочное ощущение внутренней человеческой сущности.

Говорили, что даром предвидения обладают лишь ведьмы — ее мать не была ведьмой... Хотя толком никто не знал, что собой представляют ведьмы.

Их гость не походил на мужчин ее племени. В нем скопилось много горечи, тоски и какой-то неприкаянной заброшенности, но совершенно не было зла. Безграничное изумление заметила она в его взгляде. Он словно заблудился в чужом лесу и смотрел на нее с восхищением и радостью, как на неожиданный огонек на темной дороге... Неосознанно и

неодолимо в ней зарождалось желание помочь ему.

Его опочивальня — на другой половине терема, возможно, он сейчас не спит, стоит только позвать Шагару... Шагару даже не обязательно звать. Иногда он угадывает ее желания без всякого зова... Она с гневом оборвала себя. Какие только мысли ни приходят в голову ночной порой, когда сон бежит от глаз и кажется, вообще не наступит рассвет... Но что это?

На галерее послышался звон оружия и крики дозорных. Вспыхнули факелы. Дом, всегда готовый к отражению врага, мгновенно проснулся. Двор наполнился мечущимися вооруженными людьми, и в этой суматохе уже невозможно было определить, что, собственно, произошло.

Решение покинуть гостеприимный княжеский терем и разыскать в Анаварском лесу базу космических десантников оказалось не так-то просто воплотить в жизнь.

Глеб ни на секунду не сомневался, что страже приказано следить за каждым его шагом, и потому проявлял максимальную осторожность.

До нижней галереи, опоясывавшей терем князя с восточной стороны, было метра четыре. Глеб понял, что ему понадобится веревка. Если опуститься от оконного переплета на руках, а затем прыгнуть — шум удара о деревянный настил наверняка привлечет внимание дозорных. Расстояние между патрулями невелико, но все же минуты четыре у него будет. Этого достаточно, чтобы спуститься вниз. Если он найдет веревку.

Нужно было что-то придумать. Скамейки, идущие вдоль стен, накрывали медвежьи шкуры. Одной хватило бы для изготовления прочной стропы, но шкуру нечем разрезать...

Глеб внимательно осмотрел комнату. Если здесь когда-то и висело оружие, украшавшее стены, то к появлению гостя его убрали. В конце концов ему удалось использовать вместо ножа острый край одного из светильников, и через несколько минут он уже висел над стеной дома.

Бревенчатые кладки давали неплохую опору для ног, а толстая лента медвежьей шкуры не скользила в руках. Это позволило ему пропустить под собой очередной патруль и при этом остаться незамеченным.

Через несколько минут он уже стоял на деревянном настиле. Дверь, выходившая на галерею, оказалась незапертой. Наверно, ею только что воспользовался дозорный.

Глеб плохо представлял себе расположение комнат, но решил, что спускаться на нижний этаж лучше всего по внутренним лестницам — так у него было больше шансов выбраться из дома незамеченным.

Тихо и темно было в княжеском доме в этот предрассветный час. Из коридора нижнего этажа едва пробивался отсвет масляных фонарей, и в его неверных бликах по стенам двигались странные тени, живущие собственной жизнью. Вот одна из них, оторвавшись от стены, бросилась Глебу под ноги. Мягкий удар, и тень тут же исчезла. Ему с трудом удалось сохранить равновесие, но в следующую минуту удар повторился с другой стороны.

Раскатистый скрипучий смех, словно надтреснутый колокольчик, прокатился вдоль коридора, и кто-то маленький, ростом чуть больше кошки, шмыгнул в приоткрытую дверь, прошамкав перед тем, как скрыться:

— Удрать надумал, герой? Нехорошо, однако!

Глеб был уверен, что дверь, за которой скрылся человек в красных штанах, приоткрыта, пока в ярости не рванул ее на себя и не убедился в прочности засова.

Дом между тем проснулся, во дворе послышались крики, звон оружия, по коридору за поворотом топали десятки ног, его хватились раньше, чем он успел выбраться наружу.

Возможно, потому, что за дверью ему почудился знакомый скрипучий смешок, а может, оттого, что с минуты на минуту в коридоре должны были появиться вооруженные люди и нужно было куда-то скрыться, Глеб снова рванул закрытую дверь. На этот раз засов не выдержал. Отлетела щеколда, дверь распахнулась.

Прямо перед ним стояла босая девушка с распущенной косой, окутавшей ее до самых пят светлым облаком волос. Толстая холщовая рубашка, такая же длинная, как ее волосы,

полностью скрывала фигуру.

Он мгновенно узнал ее, как только синие глаза, в которых теперь плясали льдинки, обдали его волной холода.

— У нас гости не шастают ночами по дому! Тебя убьют, если застанут в этот час в моей опочивальне! — Словно он знал, что она стоит за этой дверью, словно нарочно вломился в ее комнату.

В ответ он лишь беспомощно пожал плечами, по-прежнему не двигаясь с места. Шум приближался теперь с обеих сторон коридора, и Глебу почему-то стало все равно, что с ним будет через минуту, лишь бы длилось и длилось это немыслимое мгновение, полное странного очарования.

— Да войди же ты наконец, раз уж сломал мою дверь!

И, с неожиданной силой схватив его за руку, она буквально втащила Глеба в комнату.

Щелкнул засов, и только теперь Глеб сообразил, что он вовсе не сломан, кто-то невидимый снова нагло хихикнул в углу, хотя в комнате, кроме них двоих, определенно никого не было и княжна, похоже, ничего не услышала, хотя почему-то не удивилась целому засову.

— Подожди, я оденусь.

Она прошла к алькову, задернула плотную занавеску. И пока шуршала невидимая ткань, словно лилась вода в ручье, он стоял столбом, подпирая дверь, не решаясь даже сдвинуться с места. И одновременно совершенно механически отмечая про себя десятки мелочей, лишний раз напоминавших ему о месте, в котором он очутился.

Серебряный гребень на скамейке, украшенный изумрудами такой величины, каких ему не приходилось видеть даже в кино. Надкушенное яблоко на золотом подносе, одеяло из драгоценного куньего меха, небрежно брошенное на лавку, и горьковатый аромат астр, долетавший из приоткрытого окна вместе с шумом осеннего дождя.

Это были те самые мелочи, которые потом, много лет спустя, вплетутся в картину воспоминаний, оживляя и поддерживая их в памяти. Рука, к которой за минуту до этого она прикоснулась, все еще хранила жар ее руки и память о неожиданной силе... Наверно, девушка умела обращаться не только со спицами для плетения кружев.

Наконец она показалась из-за занавески. Косу Бронислава заплетать не стала, а лишь скрепила волосы серебряным кованым обручем. В ее глазах, днем синих, а сейчас глубоких и темных, как два колодца, отражалось пламя свечей. Голубой сарафан, небрежно перетянутый поясом, был выткан лучшими византийскими мастерами, но Глебу он почему-то напомнил спецовку, в которой молодая девчонка, приехавшая из подмосковной деревни, убирала улицу под его окном.

— Мне показалось, засов на двери был сломан?

Все мужчины одинаковые. Они всегда задают глупые вопросы. Им почему-то очень важно все расставить по своим местам. Однако она тоже хотела ясности, для того и воспользовалась услугами Шагара, а потому, в свою очередь, спросила:

— Ты в самом деле пришел из Анаварского леса?

— Нет. Я объяснял твоему отцу... Кажется, он меня понял. Может быть, и ты поймешь? Я не знаю, кто живет в Анаварском лесу, о котором вы все время говорите. Но где-то здесь должна быть космическая база... База из другого времени. Время относительно, это у нас давно установили, ну вот я и...

— Заблудился? — попыталась она подсказать нужное слово.

— Пожалуй, можно и так сказать. Во всяком случае, я не собирался в ваш город, даже не предполагал, что он существует.

— В твоём мире не слышали о нас?

— Не то чтобы совсем не слышали, про вас даже сложили красивую легенду. Но за тысячу лет мало что сохранилось...

— Тысяча лет? Так далеко?

Почему она не удивилась, почему не спросила: «Так долго?»

В коридоре напротив их двери в который уж раз прозвенели доспехи дружинников, и снова все стихло.

— Они не успокоятся, пока не найдут тебя. Они знают, что ты здесь, в доме. По мосту, мимо заставы, дажемышь не пробежит незамеченной. Ты хочешь уйти?

— Я хотел бы помочь вам. Я знаю, какое огромное бедствие обрушится на твой город, на весь твой народ... Я хотел бы помочь вам, но пока не знаю, как это сделать. Возможно, на базе я узнаю больше, тогда я вернусь.

Он говорил искренне. Она вновь остро ощутила его одиночество и растерянность. И еще непонятную силу, исходившую от него.

— Хочешь, я помогу тебе выйти за стены?

— Там стража, не женское это дело. И что будет потом, когда они узнают?

— Они не узнают. У меня есть своя лодка. И я умею отводить взгляд.

— Как это?

— Посмотри на меня.

И она вдруг исчезла, чтобы через секунду появиться у него за спиной.

— Видишь, как просто.

— У нас так не умеют...

Впервые она улыбнулась, и улыбка преобразила ее лицо. На секунду исчезла постоянная глубокая печаль во взгляде, словно изнутри ее глаза отразили звездный свет.

— Ну, у нас тоже это умеют не все, и если отец узнает, мне не поздоровится.

Подземный ход шел от княжеского терема до самой пристани. Дважды они проходили сторожевые посты, и Глеб весь напрягался, готовясь отразить атаку и защитить беззаботно шагающую впереди девушку. Но, как и обещала Бронислава, стражники не заметили их.

Шел долгий северный дождь. Осень, словно большая нахохлившаяся птица, присела на землю Китежа. Но до настоящих холодов было еще далеко.

Они стояли у маленькой лодочки. Пора было прощаться, но у Глеба все не находилось для этого слов. Сказать: «Я вернусь, я хочу тебя видеть снова...» Какое он имел право на эти слова, хотя они и были правдой? Он не распоряжался собой. Он был чужим в этом мире. По большому счету, он вообще не имел права здесь находиться. И он не знал, удастся ли ему выполнить обещание вернуться сюда, но понимал, что сделает все от него зависящее, чтобы отвести беду от этого города, от этой девушки...

— Я постараюсь вернуться, — проговорил он так тихо, что и сам почти не услышал собственных слов.

В предрассветной тишине озеро мерно дышало у их ног как живое существо. Невидимое, оно угадывалось в пространстве по редким всплескам волн и запаху прелой древесной листвы, принесенному ветром с далекого берега западной стороны.

— Тебе пора, — сказала она просто и вдруг сама поцеловала его в сухие растрескавшиеся губы, словно были сказаны все сокровенные слова, словно она знала о них еще до того, как они успевали оформиться в нем в осязаемые образы. Да, собственно, так оно и было.

Лодка долго плыла в холодном пространстве озера, и все это время он видел девичий силуэт у темной крепостной стены, разрезавшей светлеющий горизонт на востоке. Точно таким, каким видел его в своей московской квартире на деревянной дощечке последней страницы Влесовой книги.

7

Полковник Лев Коноплянников, невысокий лысоватый мужчина лет сорока, выглядел усталым и раздраженным. Он руководил учебной базой космических десантников на Земле-2 четвертый год. И все это время дела шли все хуже и хуже. Начать с того, что транспорт с новыми образцами вооружений так и не прибыл. Да и новобранцы появлялись все реже. В конце концов, центр вообще может закрыть базу. Земля-2 располагалась в стороне от

звездных трасс.

Командование не ликвидировало базу до сих пор лишь потому, что не желало окончательно утратить контроль над этим участком космоса.

В его возрасте перспектива уйти в отставку означала конец карьеры и жалкое прозябание на нищенскую военную пенсию в каком-нибудь из окраинных миров.

Коноплянников раздраженно отбросил папку с очередным отчетом, отослал адъютант-андроида и повернулся к ненавистному компьютерному селектору, на котором зажглась кнопка очередного вызова.

— Ну, что там еще?

— Яровцев час назад покинул Китеж.

— Это новобранец с Земли-1?

— Так точно, сэр.

Коноплянникова доводили до бешенства бесконечные «сэр», вставляемые машиной после каждой фразы, но он ничего не мог с этим поделать — изменить программу компьютера, составленную каким-то свихнувшимся англичанином, было не в его компетенции.

— Хорошо. Введите в защитное поле данные Яровцева. Пусть его примет сержант Вискс. В шестнадцать тридцать — ко мне.

— Слушаюсь, сэр!

— Когда-нибудь я найду того, кто сделал эту программу! — проворчал полковник, отключаясь.

Город постепенно отдалялся, и вскоре предутренняя полоса тумана скрыла от Глеба маленькое светлое пятнышко на берегу. Только губы все еще хранили вкус ее поцелуя...

Он греб как во сне. Китеж, возвышавшийся над озерной полосой тумана, казался парящим в воздухе. Все стало нереально, зыбко, как часто бывает перед новым поворотом дороги, когда очередной пласт нашей жизни, отделившись, как сухая чешуя, уносится прочь порывом встречного ветра.

Наконец лодка уткнулась в прибрежный плес Светлояр-озера. Рассвет уже наступил. Погони за ним не было, и Глеб постепенно смирился с тем, что вновь остался один; в конце концов, к этому ему не привыкать.

В Китеже он все время чувствовал себя чужим и сейчас испытывал даже некоторое облегчение. Все было бы совсем просто, если бы не Бронислава.

Влево, почти до самого перешейка, ведущего к Китежу, тянулась священная дубрава, примыкавшая к Анаварскому лесному массиву. В эти ранние часы лес уже наполнился щебетом птиц и возней каких-то мелких животных.

Ничего похожего на учебную базу Глеб по-прежнему не видел, хотя до крестика на его карте, составленной по описаниям Владислава, оставалось всего метров пятьсот.

Лес почти сразу же сомкнулся за спиной, как только Глеб отошел от берега. Возделанные поля, отдельные хутора и дороги, соединявшие их, остались с противоположной стороны озера. Русичи старались избегать священной рощи, с тех пор как появились маги, хотя раньше здесь находилось урочище Дажбога.

Солнце наконец поднялось над вершинами деревьев, и его лучи, пробившись сквозь листву, заставили ее вспыхнуть сотнями хрустальных огоньков, наполнив каждую капельку утренней росы внутренним жидким огнем.

Дерево, которое привлекло внимание Глеба, одиноко стояло посреди солнечной поляны, усеянной цветами, поросшей некошеными травами, способными укрыть человека и напоить его своим дурманящим ароматом.

Из кроны дерева доносился какой-то очень тихий, мелодичный звук. Заинтригованный, Глеб, изменив свой маршрут, подошел ближе.

Теперь звук стал громче, он напоминал звон колокольчика и словно рассыпался по поляне крохотными прыгучими зайчиками. Когда Глеб подошел еще ближе, ветви точно сами собой раздвинулись, открывая его взору внутреннюю часть кроны. Там, в глубине, в

вековой тени, что-то было, что-то едва уловимое, как полуденная тень, что-то ускользающее, существующее лишь на грани человеческого восприятия. И вдруг ясный тихий голос спросил:

— Зачем ты пришел, Глеб, тебе что-нибудь нужно?

— Кто ты?

— Я Дафна, дух священной рощи.

— Разве ты существуешь на самом деле?

Кто-то засмеялся там, наверху, словно прозвонил еще один маленький колокольчик.

— Ты можешь предсказывать судьбу?

— Только ту ее часть, которая касается двоих.

— Тогда скажи, Дафна, что нас ждет, будем ли мы вместе с той, что отделена от меня бесконечной чередой лет?

— Ты ведь хотел спросить не об этом. Ты хотел знать, имеешь ли право на эту любовь?

Глеб стоял, опустив голову, как осужденный, ожидающий окончательного приговора.

— Время не имеет значения. Только ты сам можешь дать ответ. Спроси свое сердце...

А что касается остального... Будущее туманно, оно так далеко от меня... Но все же я вижу огромный зал, заполненный картинами, другую, но все ту же женщину, положившую руку на твое плечо... Но до этого кровь, много крови и тьмы!

Словно испугавшись собственного предсказания, Дафна замолчала. Зашумел ветер, перепутал листву и ветви клена, лик Дафны исчез в кипении листвы, и смолк ее голос.

Глеб долго еще стоял на этом месте, опустив голову, и думал о мире, в котором не осталось ни леших, ни домовых, ни русалок — никого не осталось. Только в сказках они выжили, только дети в них еще верят.

— Наверно, в этом причина. Они не могут жить без веры. А вы? Как же вы без них? — спросил тихий голос, идущий из его ладанки.

— Да, я понимаю. Безверие может убить даже Бога. А мы привыкли. Мы придумали себе взамен железных богов.

Дальше Глеб пошел медленно, словно совсем перестал спешить.

Дубовые рощи прозрачны, и все же преграду он заметил лишь тогда, когда до нее оставалось не больше метра.

Между двумя деревьями что-то блестело, какая-то серебристая полупрозрачная пленка. Увидеть ее можно было только при определенном угле зрения.

Проверяя себя, он протянул руку и не ощутил никакого сопротивления, часть руки, погруженная в это холодное серебро, стала невидимой.

Наверно, это было то, что он искал. Словно нуждаясь в поддержке перед последним шагом в неизвестное, он оглянулся, но ни малейшего намека на поляну с кленом, скрывавшим хозяйку рощи, он не увидел. Лес шумел ровно и безразлично.

Набрав полную грудь воздуха, точно перед прыжком в воду, Глеб шагнул внутрь невидимой преграды и сразу же очутился в другом мире...

Теперь он стоял на ухоженной садовой дорожке, выложенной гравием и ведущей к уютному домику. За ним виднелся еще целый ряд коттеджей, утопающих в цветущих садах. Дурманивший аромат цветов, совершенно не свойственный ни этому месту, ни времени года, висел в воздухе.

Подавленный неожиданным и слишком резким переходом, Глеб не сразу заметил рядом с собой человека невысокого роста, в светло-коричневой форме без погон и знаков отличия.

— Поздравляю с прибытием. — Сержант Викс так и не подал ему руки. — Мы вас давно уже ждем.

Сама база, расположенная за кольцом жилой зоны, показалась Глебу маленькой, возможно, потому, что он ожидал чего-то грандиозного.

После защитного шлюза, соединявшего жилую зону с центральной частью, Глеб, по-прежнему сопровождаемый молчаливым Виксом, очутился на улицах современного

поселка, несколько более строгого, чем коттеджи жилой зоны, но все же никак не укладывающегося в представления Глеба о военном городке.

Целостность впечатления нарушалась лишь громадой Центропульта, поддерживающего связь, как объяснил ему сержант, со ста сорока планетами Свободной Федерации.

На лице сержанта в ответ на любой вопрос новичка тотчас же появлялась словно приклеенная и несколько неестественная улыбка.

— В шестнадцать тридцать вам назначен инструктаж у начальника базы, там все и узнаете.

До визита к полковнику они успели пообедать в курсантской столовой. Зал оказался совсем маленьким, мест на десять. Кроме них здесь никого не было даже официанта.

Еда появилась в центре стола из люка, как только Викс нажал кнопку. Сержант пояснил, что у каждой рабочей тройки свое расписание. Глеб не совсем понял, что означает термин «рабочая тройка», но уточнять не стал, не желая вновь услышать стандартный ответ.

Обед состоял из каких-то кубиков и паст, похожих на желе, небольших, но вкусных и, очевидно, достаточно питательных, несмотря на маленькие порции; чувство голода после них совершенно исчезло.

— В дальнейшем вы сможете заказывать меню по своему усмотрению. После беседы с полковником получите ключ от своей комнаты.

— Комнаты?

— Ну разумеется. У нас каждый курсант живет отдельно. Казарм здесь нет. — Викс снова улыбнулся, на этот раз чуть более доброжелательно, обед несколько исправил его настроение.

«Ну что же, — решил про себя Глеб, — начало не такое уж плохое».

Полковник принял Глеба в своем кабинете, заполненном незнакомой аппаратурой. Сразу же, как только Яровцев переступил порог, на дисплее, рядом с полковником, вспыхнули строчки психометрической характеристики, снятой еще во время операции по восстановлению коленных суставов у новобранца. Ее проводили арометанские хирурги, и хотя Арометан официально не входил в состав Федерации, его внешние службы иногда сотрудничали с агентами Федерации, особенно там, где дело касалось набора новобранцев.

«Странно...» — подумал полковник. Внешне новичок ничем не отличался от сотен абитуриентов, прошедших через его руки, однако краткое резюме, выданное компьютерной системой базы, в считанные доли секунды проанализировавшей все данные, относящиеся к новобранцу, заставило Коноплянникова надолго задуматься.

Мысленно переведенное полковником на простой солдатский жаргон, оно означало примерно следующее: «Способен к спонтанному изменению обстановки, непредсказуем. Требуется постоянное наблюдение».

Редко, но встречались люди, которые могли включаться в поток причинно-следственной фактуры реальности таким образом, что изменяли его направленность в сторону своих, зачастую даже не осознанных желаний.

Именно про таких людей говорили, что они родились в рубашке... Когда такой человек по воле обстоятельств попадал в пространственно-временную точку, в поворотный момент развития цивилизации, он становился Наполеоном или Ганнибалом. Но, по большей части оставаясь внутри привычной житейской фактуры, тихо заканчивал свои дни за удачной игрой в карты или, в лучшем случае, становился полководцем какого-нибудь коммерческого ларька.

Розыск и использование этих людей в интересах Федерации давно стали одной из главных, тщательно засекреченных задач космического легиона, но такие личности встречались чрезвычайно редко...

Про человека с индексом удачи в девяносто процентов, а именно эта цифра горела на дисплее полковника, Коноплянников вообще не слышал ни разу.

«Как же тебя угораздило с такими данными попасть под пулю?» — мысленно удивился

полковник, пригласив посетителя сесть. Впрочем, удача не всегда следовала за человеком прямым путем. Возможно, именно это ранение послужило причиной того, что Глеб, в конце концов, попал в поле зрения информационных служб легиона.

— Вы несколько задержались, но это в принципе не важно, поскольку ваша официальная служба начинается с момента прибытия, то есть с сегодняшнего дня.

— Мне казалось, меня должны были встретить...

— Нет. У нас это не принято. Дорога к базе — один из тестов. Каждый ваш поступок теперь учитывается экзаменационной машиной, и раз в месяц вы будете проходить переаттестацию. Чем скорее вы получите звание младшего корнет-офицера, тем быстрее сможете приступить к выполнению самостоятельных заданий.

Поскольку новобранец никак не выразил готовности стремиться к желанному званию корнет-офицера, полковник продолжил:

— От этого будет зависеть ваше жалованье и все остальное...

— Что остальное?

— То, ради чего вы здесь оказались.

— Ну, я вроде бы получил авансом все, что мне причиталось. — Глеб похлопал себя по здоровым ногам.

— Вам рассказали, что собой представляет наш корпус, чем, собственно, мы занимаемся?

— Все произошло так быстро... Я въехал в комнату с вашими представителями на инвалидной коляске и не очень верил в результат. Скорее, отнесся к предложению вступить в корпус как к розыгрышу и только сейчас начинаю понимать, насколько все это серьезно.

— Серьезней, чем вы думаете. — Полковник ожидал от абитуриента хотя бы вопроса, но тот упорно молчал, и ему пришлось продолжить: — Федерация Свободных планет насчитывает более двух тысяч лет. За ее историю было несколько крупных катастроф, восстаний, десятки локальных войн и две космические. Последняя уничтожила почти все достижения нашей цивилизации...

— Простите, полковник, но я не совсем понимаю. Вы же как будто землянин, говорите так, словно ваша цивилизация...

— Так оно и есть. В Федерации нет различий между расами. Народы или отдельные личности — все, кто приходит в нее, становятся членами одной большой семьи. Но я говорил о последней войне. После нее стало очевидно, если немедленно не принять кардинальных мер — разум в нашей Галактике может исчезнуть. И уж во всяком случае бесконечные войны разрушат и уничтожат все достижения цивилизаций на любых планетах. Именно тогда и было принято решение о создании защитного космического корпуса.

Четыреста лет назад он был основан с одной-единственной целью — не допустить возникновения серьезных военных очагов, задушить войну в зародыше, не дать ей разгореться.

— Может быть, у меня недостаточно опыта, и я не так уж хорошо знаю историю, но такая задача мне кажется невыполнимой.

— Речь идет далеко не о каждой войне... В космическом корпусе в первую очередь наладили работу информационной и аналитической служб. Наши аналитики научились предсказывать с точностью до восьмидесяти процентов вероятность военного исхода в развитии той или иной цивилизации. В нужное время и в нужном месте вступали в дело космические десантники. Иногда они уничтожали слишком жестоких диктаторов, возомнивших себя вершителями судеб целых народов, иногда разоружали отдельные бандформирования или целые армии.

Как именно и где должно быть оказано воздействие на ситуацию, решаем не мы. Для этого существует специальный научный центр. Мы всего лишь исполнители, но в конечном счете именно от наших действий вот уже четыреста лет зависит спокойствие шести миллиардов жителей объединившихся планет Галактики.

— Если это так, если ваши возможности действительно настолько грандиозны, тогда

почему вы до сих пор не вмешались в дела нашей с вами родной планеты? Почему столько раз допускали массовую гибель людей?! — Глеб все еще пытался сохранить внешнее спокойствие, но давалось это с трудом. Академические рассуждения полковника слишком живо напомнили ему Афган...

— Корпус вмешивается лишь в исключительных случаях, только если можно предотвратить гибель целой цивилизации. И лишь тогда, когда отрицательные последствия от нашего вмешательства, а они возникают практически каждый раз, намного меньше положительного результата. Это не всегда удается, но именно к этому мы стремимся — свести к минимуму отрицательные последствия. Чем дальше вы будете продвигаться по службе, тем более ответственные решения вам придется принимать, и жизнь все большего числа людей будет зависеть непосредственно от вас. Вот почему так тщательно проводится отбор кандидатов. И так сложна система различных проверочных тестов, да и само обучение в нашем корпусе — наука не из легких. Но раз уж вас выбрали для этой миссии — мы сделаем из вас настоящего солдата мира.

Полковник явно расчувствовался от собственной проникновенной речи. И Глеб, воспользовавшись ситуацией, задал вопрос, который волновал его больше всего:

— Я не совсем понимаю, где находится наша база. Это другая планета или прошлое нашей Земли? Можете ли вы, находясь здесь, повлиять на состояние дел в нашем собственном мире?

— Нет. Мы находимся в совершенно другой, параллельной, отделившейся от нас галактике. У этого мира собственное будущее, не имеющее к нашему никакого отношения. Можете не беспокоиться о том, что случайно раздавленная бабочка повлияет на исход выборов на Земле. Как видите, я иногда тоже читаю фантастические рассказы.

— Тогда почему этот мир так похож на Русь двенадцатого века, даже названия схожи?

— Это наша история. Если хотите — ее фотографический снимок. Но от нашей реальности Земля-2 оторвалась тысячу лет назад. Она больше не существует в нашем мире. Именно поэтому здесь создали базу.

— Как же все-таки мы тут очутились и где находится наша настоящая Земля?

— Это сложный вопрос. Многие ученые на протяжении долгих поколений ломали над ним головы, и вряд ли я смогу на него ответить. Знаю только, что связь между мирами разных временных зон существует. Не пространственная, какая-то иная. Мы нашли транспортные каналы такой связи, мы научились ими пользоваться, но до сих пор никто толком не знает, что они собой представляют.

— Вы хотите сказать, их кто-то создал до вас?

— Похоже, что так. Во всяком случае, это не природные образования. Трансгалактические каналы — величайшая загадка, обнаруженная нашей цивилизацией.

— А те, кто их создал, не возражают против такого вмешательства?

— Возможно, их уже нет. Во всяком случае, мы о них ничего не знаем. Одна из задач космического корпуса состоит в том, чтобы охранять межзвездные магистрали от недобросовестных, а иногда и попросту преступных элементов, желающих использовать их в своих личных интересах. Ну, пожалуй, вопросов на сегодня достаточно.

Было видно, что полковник и так сказал гораздо больше, чем собирался, и теперь явно жалел об этом.

После того как Глеб вышел, Коноплянников набрал по своему личному фону код вызова сержанта Вика.

— С сегодняшнего дня вы полностью посвящаете свое служебное время курсанту Яровцеву. Я освобождаю вас от всех остальных обязанностей.

— Но, господин полковник, у нас и так не хватает людей! Неужели служащий моей квалификации должен заниматься всего одним курсантом?!

— Делайте, что я говорю. Это приказ. И докладывайте о каждом его шаге мне лично.

— Вы говорили о каком-то письме, содержавшем предложение лично познакомиться с проблемами красного смещения. Там были конкретные указания?

— Да. Это очень забавно, профессор. — Поеживаясь от холодного ветра, Головасин неестественно рассмеялся. — Мне предложили участвовать в экспедиции на одну из планет в зоне красного смещения.

— Я вовсе не нахожу это забавным. И вы, разумеется, отказались?

— Конечно, я отказался. Ведь самое нелепое в дикой теории о временных разрывах в тысячу лет — возможность догнать свою собственную историю! Надо же такое придумать!

— По-моему, мы все-таки поспешили.

— Поспешили с чем?

— С рефератом вашей диссертации.

8

На личном дисплее полковника Коноплянникова неожиданно, без всякого предварительного вызова возникло лицо начальника управления разведки и анализа Федерации генерала Кирингера.

Полковник невольно вытянулся за столом, словно застыл по команде «Смирно!». Столь высокое должностное лицо еще ни разу не осчастливило его своим вниманием.

— Аналитики сообщили, что на вашей базе появился курсант, обладающий уникальными способностями предвидеть будущее и изменять событийную ткань настоящего. Наши спецы не могут объяснить природу его уникальных способностей. Что вы сами об этом думаете?

— Мы тщательно за ним наблюдаем. Окончательные выводы делать преждевременно, однако наши специалисты считают, что его индекс превосходит возможности обычного человека.

— Иными словами, вы полагаете, здесь не обошлось без внешнего воздействия?

— Совершенно верно. Вполне возможно, на этот раз нашим вербовщикам подсунули заранее подготовленного агента, а искалеченные ноги были всего лишь хорошо продуманной маскировкой.

— Продолжайте проверку, но будьте чрезвычайно осторожны. Помните, что нам еще ни разу не приходилось сталкиваться с подобными противниками. Мы даже не знаем, с какой стороны исходит угроза. Кто за ним стоит, какие силы? Что его так привлекает к Китежу? Может быть, нужно поискать в этом направлении?

— Китеж всего лишь центр варварского княжества. Кстати, нам пора принимать по нему какое-то решение. Князь Владислав становится неуправляем.

— Это ваша местная проблема, решайте сами в пределах разрешенных аналитами вариантов. Впрочем, могу напомнить норманнскую мудрость. Если норманнам не удавалось хитростью или силой победить своего противника, они находили способ от него избавиться. Что же касается вашего нового курсанта, в ближайшее время вы получите на сей счет специальные указания. А пока глаз с него не спускайте, о каждом шаге докладывайте мне лично и постарайтесь выяснить, что его связывает с Китежем.

Увольнительную давали раз в месяц, и расписанное по минутам курсантское время тянулось для Глеба слишком медленно, несмотря на обилие новых впечатлений.

Работа на полетных тренажерах дополнялась систематическими занятиями в гипноклассах, и одно только перечисление дисциплин, которые он осваивал, заняло бы несколько страниц.

Напряженное расписание занятий и изолированные жилые блоки с отдельными входами не способствовали личным контактам среди курсантов. Тем не менее у Глеба появились новые знакомые. Настоящих друзей, в том смысле, который он привык вкладывать в это слово, здесь не было.

Но после того как Викс предупредил его, что к концу третьего месяца обучения все курсанты разбиваются на боевые тройки, состав которых в дальнейшем, как правило, не менялся, он стал внимательней присматриваться к товарищам по курсу.

Именно из таких троек в космическом патруле создавались в дальнейшем боевые звенья, и состав тройки имел для каждого из них первостепенное значение.

При ее компоновке учитывалась не только психологическая совместимость, но и личные симпатии курсантов.

Глеб надеялся, что в недалеком будущем, когда придет пора поближе познакомиться с милордом Манфреймом, предпочитавшим получать своих ежегодных невест по жребии, новые друзья окажутся ему полезны.

Странно, но все его попытки собрать хоть какую-то информацию об этом человеке оканчивались неудачей. Люди либо ничего не знали, либо сознательно уходили от разговора о Манфрейме, причем в двух или трех случаях Глеб почувствовал в их ответах тщательно скрываемый страх. И это здесь, на космической базе, за границами которой каждый рейнджер чувствовал себя чуть ли не богом.

Глеб, знакомясь со своими сокурсниками, все время замечал в них отчужденность, сдержанность и отстраненность, совершенно не свойственную изолированным мужским коллективам. Хотя на базе учились только выходцы с Земли, называемой здесь Земля-1, в отличие от ее двойника.

Отобранные в одном историческом цикле, эти люди держались по отношению друг к другу до странности настороженно. Исключение составляли, пожалуй, лишь члены боевых троек, но они тщательно оберегали свои крохотные мирки от посторонних вторжений.

Что-то было неладно на базе, и, похоже, главной составляющей ее жизни был страх, хотя Глебу никак не удавалось понять его причину.

Время тянулось невыносимо медленно, Глеб чувствовал, как все больше увязает в армейской рутине, ни на йоту не продвигаясь к своей главной цели созданию боевого отряда, способного выступить против Манфрейма. Правда, он был всего лишь курсантом-новичком, а в этой роли рассчитывать на многое не приходилось.

В конце концов месяц подошел к концу. До увольнительной оставалось всего два дня. И он уже предвкушал свою поездку в Китеж и новую встречу с Брониславой, благо уставом это не возбранялось.

Задолго до срока Глеб стал жадно прислушиваться к рассказам старшекурсников об их похождениях в Китеже и окрестных хуторах.

Визиты в город не только не запрещались, но даже поощрялись администрацией базы, полагавшей, что некоторая доза развлечений в обществе местных женщин положительно скажется на учебном процессе. Кроме всего прочего, это давало в руки командования довольно мощный рычаг для поддержания дисциплины. Не было на базе наказания хуже, чем лишение увольнительной...

Лишь одно условие соблюдалось неукоснительно — посещать город курсантам разрешалось только под видом соответственно одетых местных жителей и пройдя предварительно тест на знание обычаев и правил той эпохи, которая их окружала за стенами базы.

Во всем остальном они могли поступать как угодно, сами определяя свое положение в китежском обществе на краткий срок увольнительной.

Глеба тревожили эти рассказы. Княжеский терем не такая уж надежная защита от молодчиков, владеющих всеми приемами современного рукопашного боя. А легенды о красоте княжны ходили как по городу, так и внутри базы.

Ему хотелось убедиться, что с Брониславой все в порядке, предупредить ее о новой опасности, защитить...

Так или иначе, двадцатое число в конце концов наступило. И именно в этот день он получил вызов к самому командиру базы.

Глеб не видел полковника со дня прибытия. Такая встреча вообще событие чрезвычайное. Обычно старший офицер, с которым могли общаться курсанты, занимал должность не выше командира взвода, да и то беседы с ним происходили только в особых случаях. Все текущие вопросы решал сержант-воспитатель, и то, что вызов Глеб получил по

своему личному информу, минуя Вика, нарушало армейскую субординацию и говорило о чрезвычайном характере предстоящей беседы.

В кабинете Коноплянникова за месяц ничего не изменилось, разве что сам полковник выглядел еще более мрачно.

— Вы подавали заявку на увольнительную в Китеж?

— Так точно! — Уже вторую минуту Глеб стоял навтыжку у двери.

— Садитесь. У меня есть для вас небольшое поручение. Из отчета следует, что у вас сложились весьма дружеские отношения с князем Владиславом.

Ничего подобного в отчете Глеб не писал и сразу же насторожился, однако возражать не стал, ожидая продолжения.

— Дело в том, что за последнее время развитие событий в Китежском княжестве приняло неудачное направление. Князь Владислав сумел объединить соседние княжества. Похоже, даже Киев и Новгород готовы его поддержать в предстоящей стычке с татарами. Ни к чему, кроме дополнительного кровопролития, это привести не может. Нам нужна информация о каждом его шаге. Анализы предсказывают, что, если вовремя не вмешаться, Владислава могут посадить на Киевский престол, и через пару столетий проявятся последствия этого весьма нежелательного события. Впрочем, вы еще не изучали социальную логику и вряд ли поймете все особенности возникшей ситуации. Да это и не важно. Ваша задача гораздо проще.

Полковник достал из стола небольшую серую коробочку размером с зажигалку. С одной стороны на ней темнела вакуумная присоска, позволявшая закреплять коробку в любом месте.

— Этот аппарат нужно незаметно оставить в личных покоях князя. Никого из посторонних туда не допускают. Без вашей помощи пришлось бы разрабатывать для выполнения задачи специальную операцию.

Глеб никак не мог понять, почему полковник снизошел до столь подробных объяснений и не передал свой приказ через Вика. Понять это было тем более важно, что ради простого подслушивающего устройства никто не стал бы городить такой огород. Современный направленный микрофон можно установить на любом дереве княжеского сада, и, следовательно, за этим крылось что-то совсем другое. Чтобы выиграть время, он не очень убедительно промямлил:

— Но, сэр! Князь отнесся ко мне с большим подозрением. Он считает, что я принадлежу к племени лесных магов, и к своим покоям меня не подпустит, туда не пускают даже послов. Владислав довольно подозрителен.

— Это я знаю, Яровцев, но в своем отчете вы забыли упомянуть о встрече с княжной и весьма трогательных проводах на берегу озера. Используйте это ваше знакомство для выполнения задания!

Глеб почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо.

— Если это приказ, сэр, я хотел бы получить его в письменном виде!

С минуту полковник пристально разглядывал Глеба, тихо постукивая кончиками пальцев по крышке стола. По внешнему виду Коноплянникова совершенно невозможно было догадаться, как он отнесся к столь вызывающему заявлению своего курсанта. Наконец он сказал:

— Сядьте. И никогда больше не называйте меня сэром. Это английское словечко попало в устав по ошибке. Я предпочитаю «Ваше благородие».

«Подобное обращение сначала нужно заслужить», — подумал Глеб, вслух же произнес уставное:

— Слушаюсь, сэр!

Полковник поморщился, но больше на этот счет не сказал ни слова.

— Дело в том, что формально я не могу вам отдать такой приказ. Вы еще не приняли присяги и, следовательно, не являетесь полноправным солдатом легиона. Внешние акции вне территории базы имеют право осуществлять только легионеры. Поскольку моей просьбы

оказалось для вас недостаточно, забудем об этом. Но есть и еще кое-что. Утаив в своем отчете часть важных сведений, вы тем самым нарушили пункт два-шестнадцать устава внутренней службы, обязательной именно для курсантов. За это нарушение я лишаю вас увольнительной. Вы свободны.

Печатая шаг, Глеб медленно пошел к двери, чувствуя, как полыхает его лицо.

Следили за каждым его шагом с момента прибытия. Похоже, весь Китеж находится под специальным наблюдением. Они готовили какую-то важную акцию именно в городе. Он должен был догадаться раньше! Тревога за судьбу девушки, ставшей ему за этот месяц еще дороже, заслонила все остальное.

Вечером, когда занятия закончились, Глеб запер входную дверь своего коттеджика и начал метаться по комнате как загнанный зверь. Даже уверенность в том, что за ним подсматривают невидимые контрольные устройства, не могла заставить его остановиться.

До сих пор ему не удалось даже узнать, каким образом можно миновать защитное поле базы, оно было непроницаемо для живых объектов, и без введенного на командном пункте индивидуального кода никто не мог ни войти, ни выйти с территории базы.

Он превратился здесь в обыкновенного заключенного, бравый космический рейнджер. В объект психологических тестов! Вот чем это все кончилось!

Оружия внутри базы никому из курсантов не выдавалось, и к тому моменту, когда Глеб готов был удавить полковника Коноплянникова голыми руками, раздался мягкий гудок его личного фона.

— Это Викс, выйдите наружу, курсант, я хочу вам кое-что показать.

Он ждал его на дорожке у входной двери коттеджа. Едва Глеб появился в дверях. Викс бросил короткое: «Следуйте за мной», — повернулся и пошел прочь по дорожке сада. Но когда Глеб догнал его, Викс хмуро бросил, не поворачивая головы в его сторону:

— Я вас поздравляю. Сегодня вам разрешено приступить к знакомству с Меконгом. Вскоре вы начнете самостоятельные полеты. С тренажерами покончено.

— Разве я не буду летать с инструктором?

— На Меконге не летают с инструкторами. Это аппарат индивидуальной сенсорной настройки на одного-единственного пилота. После того как настройка заканчивается, пилот и механизм представляют собой одно целое. Если пилот погибает, на Меконге приходится заменять весь управляющий блок. Мне было приказано показать вам его.

— Его? Я думал это ракета...

— Это основное оружие, средство передвижения и жизнеобеспечения космического десантника. Меконг-25.

Викс нажал кнопку, и стены ангара раздвинулись. Внутренние механизмы вытолкнули наружу длинное и узкое тело ракеты. Оно оказалось намного меньше, чем Глеб представлял себе. Всего метра четыре в длину и около метра в поперечнике. Полностью прозрачный корпус из метопластика, заполненный сверкающим энерганом, казался начищенной до блеска сталью.

Сзади, рядом со стабилизатором, виднелась кабина пилота. В ней не было ничего загромождающего обзор — один прозрачный корпус колпака, составлявшего единое целое со всей ракетой, — никаких приборов, никаких рычагов управления.

Меконг выглядел по-своему красиво, как всякое законченное техническое сооружение, и в то же время угрожающе... Несмотря на всю современную, сконцентрированную в небольшой ракете мощь, в ней было нечто хищное и очень древнее.

Очертания Меконга напомнили Глебу что-то хорошо знакомое, и он никак не мог сообразить, что именно...

— Во время великой войны мы называли его Мечом Господним... — тихо проговорил Викс. — Пять лет назад на нем летали только асы космофлота. За право сесть в эту кабину боролись лучшие десантники корпуса. Сегодня к нему начинают приучать практикантов... — В голосе Вика слышалась нескрываемая горечь.

И вдруг Глеб понял, на что похожа ракета, словно только сейчас до него дошел смысл

названия, произнесенного Виксом.

Меч! Ну конечно же, меч! Черная рукоять пилотского сиденья заканчивалась гардой стабилизатора, лезвием служил сам прозрачный корпус. Машина казалась предельно функциональной и грозной... Глеб невольно представил себе потоки раскаленного воздуха, обтекающие это ракетное лезвие при входе в атмосферу планеты.

— А вооружение? Я не вижу даже пушек.

— Пушки ему не нужны. Активирующим кристаллом и резонатором служит сам корпус. По сути, весь Меконг — огромный лазер. Представьте себе это прозрачное лезвие, удлиненное плазменным лучом на десятки километров и прошивающим насквозь любые скалы!

Глеб представил эту колоссальную мощь, помноженную на космические скорости десантной ракеты, он представил эту мощь, подчиненную его воле, и усмехнулся.

Кажется, он был не прав или слишком нетерпелив. На космической базе имелись вещи, ради которых стоило пожертвовать даже увольнительной.

Рассвет наконец наступил. С юго-востока катилась ярко-алая волна зари.

— Никогда не задумывался над тем, что прошлое имеет свой цвет, — тихо, словно для себя, произнес Сухой.

— Не понимаю, о чем вы? — Головасин еще не забыл обидного замечания шефа о реферате своей диссертации, и потому его реплики звучали холодно и односложно.

— О том, что наша история выкрашена в цвета человеческой крови. Знаете, отчего это происходит?

— Летописцам только войны и кажутся достойными внимания.

— Но почему так много разрушительных войн и бедствий обрушилось именно на нашу страну?

— История всех народов полна кровавых стычек.

— Но они распределены неравномерно... Это как землетрясения, они обрушиваются чаще всего на те районы, где происходит рождение гор.

Возможно, процесс становления великих цивилизаций, способных сыграть особую роль в духовном возрождении целых народов, тоже сопровождается катаклизмами? Столкновение двух противоположных начал всегда порождает бурю...

9

Сторожевое било трижды ухнуло у ворот Китежа, возвещая о важном госте.

Румет Алендровский, полномочный посланец магистра Манфрейма, прибыл за ежегодной данью, полагавшейся его господину по старинному договору, подписанному еще Ливатой Смелым.

Герольды протрубили торжественный туш и выдвинулись в переднюю часть кортежа, неся на своих пиках бело-алые штандарты с крестом, розой и скрещенными под ними рапирами — магистровским знаком ордена.

Копыта лошадей застучали по настилу опустившегося моста, и кавалькада постепенно втянулась в город. Из-за тесноты улиц кортеж растянулся от крепостных ворот до княжеского терема, где произошла новая непредвиденная остановка, поскольку мажордом, назначенный специально для предстоящей церемонии, никак не мог решить, кого из прибывших он должен пускать в княжеский двор.

Длинная змея черных наездников застыла вдоль всей главной улицы Китежа. Они стояли совершенно неподвижно и напоминали высеченные из базальта скульптуры, но не муштрой и специальными тренировками достигалась эта идеальная неподвижность манфреймовских всадников. Мертвые лица кавалеристов и окостенелые позы застывших лошадей не могли принадлежать обычным людям, и в собравшейся посмотреть на мрачную церемонию толпе поднялся ропот неодобрения. Все чаще и чаще передавалось из уст в уста короткое страшное слово — «нежить».

Но вот из середины кортежа пробились вперед несколько всадников, и Румет в окружении своих личных телохранителей наконец въехал на княжеский двор.

Было 13-е Сретенья, по всем приметам самый несчастливый день уходящего лета.

Солнце взошло между двух серповидных туч, черная наседка бросила собственное гнездо, и всю ночь накануне во дворе выла собака, словно оплакивала будущего покойника.

Бронислава сидела у окна своей светлицы и смотрела во двор отсутствующим взглядом.

Слуги грузили лошадей выючными тюками, набитыми ее приданым. Солдаты точили и смазывали салом острия пик. Мамки и бабки то и дело заглядывали к ней в светлицу с разными глупыми вопросами, и Бронислава что-то им отвечала.

Ровно сорок дней назад из этого самого окна она впервые увидела Глеба. Наверно, он околдовал ее в ту ночь... Что с ней происходит? Почему ее жизнь превратилась в непрекращающийся дурной сон? Может, с ним что-то случилось? Может, его и в живых-то нет, столько дней прошло с тех пор, как он обещал вернуться...

Нет. Это она бы почувствовала сразу. Он жив и, скорее всего, просто забыл ее...

В злое время появился Румет со своим договором, словно рассчитал все заранее... Наверно, он опоил отца каким-то зельем — Владислава словно подменили с тех пор, как этот страшный человек оказался в их доме. Иначе он нашел бы способ защитить собственную дочь от неминуемой беды.

Даже издали посланец ее будущего господина вызывал у Брониславы непреодолимое отвращение, словно скользкой лягушкой проводили по телу, но еще ужаснее было затаенное, глубинное зло, скрытое в этом человеке и видимое лишь ей одной...

Но Румет — это лишь малая частица бед, ожидавших ее за воротами Китежа. Ибо не может быть для девушки ничего страшнее, чем попасть в манфреймовский замок. Ее увезут с почетом, как знатную невесту могущественного господина... Но сколько их уже было, этих несчастных девушек, чья судьба оборвалась в страшной неизвестности за долгие два столетия, пока действовал Ливатский договор, и сколько еще невест потребует это ненасытное чудовище?

Что происходило с несчастными пленницами, попавшими в Черный замок, не знал никто.

Румет приехал на двадцать дней раньше назначенного срока, даже не соизволив предупредить о своих изменившихся планах.

Ей чудом удалось оттянуть отъезд, сославшись на болезнь. Она надеялась, что за эти несколько дней, вырванных у страшного гостя, ее послание дойдет до Глеба. Но грамотку словно в омут затянуло. Шагара не вернулся и не отвечал ни на какие ее призывы. Больше ей неоткуда было ждать помощи. Оставалось последнее средство...

Бронислава встала и медленно подошла к шкатулке, где хранился варяжский стилет с узким и длинным лезвием. Хватит ли у нее сил? Словно проверяя себя, она приставила кончик лезвия к груди и слегка нажала.

Острая сталь сразу же прорезала тонкую ткань, появилась капелька крови.

Нет, не здесь. Не в родном доме. Бронислава не хотела, чтобы ее страшный грех мучил отца до конца дней. Он никогда об этом не узнает.

Она спрятала лезвие под одеждой, прикрепив ножны к нижней холщовой рубахе. Грубая ткань, сотканная ее собственными руками, надежно скрыла нож.

Звякнул колокольчик, призывая ее в нижние палаты, где начиналась церемония вручения свадебных даров.

Первым в зал официальных посольских приемов вошел Румет. Он был в черном, отороченном серебром плаще, под которым угадывалась кольчуга. Меч и шлем несли за ним два оруженосца. В руках Румет держал небольшую сафьяновую шкатулку. Герольды, выполнив свою часть ритуала, отошли в стороны, и Бронислава впервые увидела лицо посланца своей страшной судьбы.

Застывшие, словно вытесанные топором черты, покрытые ожогами и шрамами скулы,

глаза, точно два черных, бездонных провала — нечеловеческие глаза... Княжна почувствовала, как мороз пробежал по ее коже, когда их взгляды встретились. Румет сделал шаг вперед и проговорил, склонив голову в приветственном коротком полупоклоне:

— В знак своего особого расположения и доверия — тебе, единственной из всех избранных, мой господин посылает в дар эту величайшую драгоценность. Сделав шаг вперед, Румет протянул ей шкатулку.

На алой сафьяновой подушке лежал флакон, внутри которого плескалось жидкое холодное пламя. Ужас ледяной рукой сжал сердце Брониславы — из всех присутствующих в зале только она и Румет знали подлинное значение этого страшного и действительно бесценного дара.

Глеб проснулся перед самым рассветом. В комнате стояла такая тишина, что слышно было, как далеко за стенами дома, на садовых клумбах, звенит ночной сверчок.

Тем не менее он был уверен, что его разбудил какой-то посторонний звук, и продолжал прислушиваться, стараясь сохранить ровное глубокое дыхание, какое бывает у спящего.

В конце концов его усилия были вознаграждены, и он услышал шаги, легкие, словно на цыпочках крался ребенок. Ночник почему-то не горел. В комнате было совершенно темно. Мгновенно вскочив, Глеб прыгнул к двери с кошачьей ловкостью.

Шаги протопали к нему навстречу, попытались обойти, но дверь уже приоткрылась, и в узкую щель проник луч света от уличного фонаря.

В двух шагах от Глеба стоял карлик. Повернувшись и не обращая на него ни малейшего внимания, маленький человечек, едва достававший ему до колен, проследовал к окну и приподнял жалюзи. В комнате стало совсем светло.

— Ты кто? — спросил Глеб, с удивлением разглядывая странное существо в красном, расшитом золотом кафтане.

— Княжеский развлекатель, когда их светлейшествам скучно, я их развлекаю, разумеешь?

— А здесь ты как оказался?

— Оказался вот. Грамотку ей, вишь, не терпеж отправить, а я бегай!

— Какую грамотку? Что ты мне голову морочишь! Снаружи на базу не пройдешь, кто тебя подослал?

— Ты, может, и не пройдешь, а я, видишь вот, уже здесь. На, возьми грамотку. — Он протянул ему в крошечной лапке берестяной сверток. И Глеб как замороженный, не в силах сдержать волнения, взял упругий, пахнувший смолой рулончик, и перед глазами запрыгали четко прописанные свинцовым стилосом древнеславянские буквы, заполняя его сознание ощущением неминуемой беды.

«Любый мий, злой человек околдовал Владислава и многу беду ми принесший, забирал из отчего дома. Сиа диавольскаа начинаниа отгуляют на грязник.

Что буде, то я не ведаю... повезут по Сарутской дороге, второго дня месяца Вересеня. Перееди на ону сторону, коль сможешь. Солнышко без тебя светить не станет».

Когда оторвал глаза от грамотки, карлика в комнате уже не было.

«Завтра мой первый самостоятельный полет, если все пройдет как надо, я успею...» Мысль еще не сложились в конкретный план действий, когда он вновь услышал голос книги — постепенно Глеб привыкал к нему, и с каждым разом голос звучал в его сознании все четче.

«Ты не должен этого делать. Ты не готов к поединку с Руметом. Ты лишь загубишь себя и все дело, а помочь ей не сможешь...»

Правильные, разумные слова, точно отражающие суть, — он слушал их и не слышал. К нему они не имели ни малейшего отношения.

Закончив последние наставления. Виск отошел в сторону, и над Глебом захлопнулся прозрачный колпак.

Меконг вздрагивал, словно живое существо. В глубине его энергетического брюха что-то булькало, а между стабилизаторами то и дело вспыхивали на разрядниках голубые

сполохи огня.

— Я шестой, прошу старт, — неуверенно проговорил Глеб в пространство, не видя перед собой приборной доски с привычным микрофоном.

— Старт разрешен в седьмом секторе, координаты окна 248 на 470.

Меконг сразу же взревел, словно быстрее Глеба понял смысл этих слов, открывающих путь к свободе.

Толчка не было, только земля плавно, будто во сне, ушла вниз. Глеб не видел носовой части ракеты. Он вообще ничего не видел, кроме плывущих под собой облаков и развернувшегося впереди голубого пространства неба.

Иллюзия полета во сне была слишком полной, чтобы не потрясти его, несмотря на то, что он знал — этот первый полет станет для него и последним. С трудом разомкнув пересохшие губы, он спросил у пустоты перед собой:

— Мы прошли защитное поле базы?

— Две минуты назад. — Голос Меконга возник не громче комариного писка. Он звучал глубоко внутри головы, и Глеб знал, что ни направленное жесткое излучение, ни грохот близких разрывов, ничто на свете не может заглушить этот писк.

— Ты знаешь, куда лететь?

— Я знаю все, о чем ты думаешь, когда находишься в моей кабине.

— База может нас слышать?

— Только то, что ты сам захочешь ей передать.

— Хорошо. Тогда начинай выполнять маршрутный разворот.

— Нас сразу же засекут радары.

— Сколько у нас будет времени до момента появления перехватчиков?

— Это зависит от твоих артистических способностей.

— Что, что? — не понял Глеб, до сих пор не свикшийся с мыслью о том, что мозг этой машины обладал чувством юмора.

— От того, как долго мы сумеем им морочить голову. В худшем случае секунд сто двадцать.

— Этого недостаточно.

— Конечно, недостаточно. А ты думал, они спокойно будут смотреть, как ты используешь лучшее в мире военно-техническое оборудование в своих личных целях?

На этот раз Глеб усмехнулся и сразу же успокоился.

Кажется, ему все же удалось здесь найти настоящего друга, а когда опасную работу доводилось выполнять в хорошей компании, настроение у него всегда улучшалось.

Несколько минут прошло в молчании, и Глеб полностью отдался ни с чем не сравнимому чувству полета в кабине прозрачного корабля. Таким этот лес может видеть разве что птица, но у птиц не бывает захватывающих дух скоростей...

— Нас уводит в сторону от маршрута.

— Так вернись на него!

— Я уже пытался, но управление частично вышло из-под контроля.

— Давай обойдемся без мрачных шуток. Я всего лишь курсант, но знаю, что это в принципе невозможно.

— Конечно, невозможно. Однако именно это и происходит.

— Мек, это не самая лучшая из твоих шуток!

— Ответь лучше базе, она пытается выяснить, почему двадцать секунд назад мы ушли из полетного коридора. Если ты собираешься выиграть время, самое лучшее начать это сейчас, через минуту они вышлют перехватчики.

Кабина тотчас же наполнилась ревом дежурного по базе. Дежурил Красс Луженая Глотка, и он оправдывал свое прозвище. Пока Глеб пытался уверить его, что все в полном порядке, лишь небольшие помехи в управлении, они постепенно теряли высоту и вот-вот должны были выйти из зоны видимости радаров базы. Оставались, конечно, орбитальные спутники наблюдения, но их было всего три, и Мек наверняка рассчитал маневр так, чтобы

попасть в двадцатиминутный промежуток их радиомолчания в этой зоне.

Наконец связь отключилась, резко, словно ее отрубили. Они неслись уже над самой землей.

— Где мы?

— Почти на месте. Глеб!

— Да?

— Я не понимаю, что происходит.

— О чем ты?

— Нас все время затягивает в сторону, и мне приходится расходовать колоссальное количество энергии, для того чтобы удержаться на маршруте.

— Из воплей Красса я понял, что началась сильнейшая магнитная буря, может быть, она?..

— О буре я знал час назад. Она способна вывести из строя связь, но не внутреннее управление двигателями.

— Тогда, возможно, база? Ты уверен, что здесь нет встроенного дистанционного блока, контролирующего в случае необходимости наши действия?

Меконг изобразил своими динамиками вполне человеческий смех и спросил:

— Глеб, а у тебя нет никаких встроенных органов, о которых ты бы не знал?

— Может, и есть... Извини. Я сказал глупость. Но тогда что происходит?

— Не могу понять. Нас занесло градусов на пять севернее. Мощности двигателей не хватает, для того чтобы выправить курс.

— Но почему это должно было случиться именно сейчас!

— Не отчаивайся. Мы их значительно опережаем, и здесь только одна дорога. Я думаю, все еще может получиться.

Затем Глеб услышал свист веток, разбивавшихся о корпус ракеты, и лишь сейчас понял, насколько плохо обстоят дела.

Меконг боролся, используя последние резервы, с неведомой силой, тянувшей их к земле, они шли уже слишком низко.

Чтобы не разбиться о деревья, Мек сбросил скорость, и в ту же секунду двигатель отключился вообще.

Само приземление прошло довольно мягко. Ракета рухнула в густой, плотный лес, и толстые ветки смягчили удар.

Самым странным, самым невероятным во всей этой аварии было то, что она вообще произошла.

Инструктора не уставали повторять о надежности Меконгов и практической неуязвимости этого класса десантных торпед. И все же авария произошла. Погасли контрольные индикаторы на подлокотниках пилотского кресла, не срабатывали даже кнопки ручного управления.

Меконг молчал, и как только затих треск последних, смятых падением ракеты веток, в кабину вползла лесная, звенящая, тишина.

Потрясенный всем происшедшим, Глеб неожиданно ощутил, как в самой сердцевине этой тишины возник легкий, похожий на дуновение ветра шепот, постепенно слагавшийся в слова:

— Не могу говорить долго. Нет энергии. Такое полное отключение всех моих функциональных связей возможно только дистанционным контрольным ключом. Он действует не дальше километра. Тот, кого ты искал, обладает таким ключом.

— Но нам не говорили...

— Конечно, вам не говорили — только высшие офицеры командования Федерации имеют право им пользоваться. Дорога к юго-востоку, в двухстах метрах от тебя. Кортёж уже близко... Прости, друг. Ты остаешься один.

И внутри лесной тишины он слышал теперь лишь свист ветра и шорох листьев — Глеб действительно остался один...

Он откинул колпак, встал и осмотрелся, стараясь не упустить ни одной мелочи. В кабине определенно не было ничего даже отдаленно напоминавшего оружие — Меконг сам был оружием, и его конструкторы не предполагали, что пилоту в боевой обстановке понадобится покидать десантную ракету...

Оставалось багажное отделение, в котором он спрятал сверток с одеждой, готовясь к самоволке после того, как полковник лишил его увольнительной. Он не знал, удастся ли осуществить возникший план побега с базы, и начал готовиться к любым неожиданностям сразу, как получил грамотку.

В багажном отделении нашлись толстые поножи, рубаха с кожаными нашивками — не боевой доспех и не повседневная, такие носили купцы, отправляясь в далекий караванный путь. При случае она могла защитить от удара ножа.

Был там еще и меч... Без меча никакой русич из города не выйдет. Правда, меч был дрянной, скорее бутафорский, из плохой стали, со следами ржавчины на нечищеном лезвии.

Глеб вытащил его из ножен, взмахнул, проверяя центровку, как учил Хон на показавшихся теперь такими короткими занятиях, и нахмурился.

Меч оказался хуже, чем он ожидал. Но другого все равно не было, а с юго-востока уже доносился звук копыт приближавшегося кортежа — времени у него почти не осталось, — лес в эту пору утопал в грязи, и кортеж, с конными крытыми носилками посередине продвигался медленно. Занавески носилок плотно задернуты — и это хорошо. Она не должна была видеть того, что сейчас произойдет...

Глеб сразу узнал человека, руководившего этим кортежем. Рыцарь на вороном коне, в украшенных золотым чеканом византийских доспехах, в плаще, подбитом куньим мехом, смотрел на него с высоты своей огромной лошади. Бородинка до самых глаз, как у лесного зверя...

«Сиа дьявольскаа начинаниа отгуляют на грязник». Ну, это мы еще посмотрим... Рука сама собой потянулась к рукояти меча.

— Что вы тут делаете, курсант? — Голос на интерлекте, с мягкими начальственными обертонами. Голос, привыкший повелевать, не повышаясь ни на октаву, голос, не признававший возражений...

Глебу потребовалось ощутимое усилие, чтобы преодолеть магию этого голоса. В руках великана игрушкой казалась боевая дубинка с тройными шарами, и Глеб вздрогнул от предчувствия, представив, как их шипы легко пройдут сквозь тонкий слой кожи его куртки.

Не было у него стальных доспехов, не было коня и было лишь сознание собственной правоты. А потому он шагнул вперед, не обращая внимания на расступившихся всадников конвоя, и ответил на древнерусском, понятном для всех:

— Вы увозите девушку против ее воли.

— А вам что за дело до этого? Почему вы нарушили программу учебного полета? — Снова интерлект. И Румет знал про полет. Меконг был прав — он старший офицер Федерации. Но зачем ему Бронислава?

— Я хочу, чтобы вы ее освободили.

— Освободить чужую невесту? Мне кажется, вы сошли с ума. Возвращайтесь в часть и доложите дежурному, что офицер Румет накладывает на вас взыскание. Не усугубляйте свою вину!

Не ответив, Глеб обнажил свой жалкий короткий меч.

Румет усмехнулся, затем повернулся к Флорину — княжескому сотнику, назначенному командиром конвоя русичей, первому человеку, с которым Глебу довелось встретиться в этом новом для него мире и которого он спас от печенежских стрел.

— Арестуйте его.

— Это ваше дело, господин. Он пришел один, и он изъясняется на вашем языке. Мы не вмешиваемся в споры чужого дома. К тому же он говорит о вещах, которые русичи решают один на один, в равном поединке. — Флорин выделил слово «равном», и глаза Румета злобно сверкнули, обежав ряды воинов, молча выражавших одобрение решению командира.

— Тогда я убью этого недотепу, и его кровь будет на вашей совести.

Румет прыгнул с коня, отбросил дубину с шарами и обнажил свой тяжелый, сверкнувший на солнце меч.

Атака началась настолько стремительно, что у Глеба не осталось времени для подготовки, он едва успевал беспорядочно отражать удары меча, способного, казалось, сокрушить скалу.

Уже после четвертого выпада его защита была пробита. Глеб едва успел уклониться в сторону. Со свистом меч сверкнул рядом с его головой и скользнул по левому плечу. Куртка все же ослабила этот удар, хотя порядочный кусок рукава длинной полосой болтался теперь у его левой кисти.

Рука сразу же онемела, и он понял, что задета не только куртка — боли пока не было, она придет значительно позже, но это не имело значения, поскольку рука все равно не повиновалась ему. Меч противника ни на секунду не замедлил свое вращательное движение и в конце следующего круга вновь был направлен в голову Глеба.

Двойное превосходство Румета в силе и искусстве фехтования делало свое дело. Глеб понял, что ни малейшего шанса выйти из этого поединка живым у него не было, смерть оказалась совсем рядом.

«Перееди на одну сторону, коль сможешь. Солнышко без тебя светить не станет», — вспомнилось ему. Что-то изменилось от этих слов. Может быть, это называлось яростью, отчаянием или вторым дыханием. Наверно, мгновенное помрачение, которое он пережил, было тем самым, что постоянно испытывают во время боя сумасшедшие воины берсерки.

Сила и скорость ответных ударов Глеба неожиданно увеличились, он заметил удивление, мелькнувшее во взгляде противника, когда его короткий меч, впервые пробив двойную с хитрыми финтами защиту Румета, с силой ударил того в грудь. Лезвие, скользнув по панцирю, вошло в щель между пластинами и уперлось во что-то гораздо прочнее металла...

Металлопластовая рубаха! Ну еще бы! Равный поединок... Как же!

Пока Глеб пытался освободить свой застрявший в панцире меч, Румет наискось ударил его слева по открытой груди.

Хрустнули кости, и Глеб сразу же захлебнулся кровью. Последнее, что он услышал, был отчаянный женский крик. Жгучая волна боли затопила сознание, но случилось так, что эту боль испытал не он один... Настроенные на биополе пилота управляющие электронные центры Меконга пропустили через себя его боль.

И тогда, сломав электронные запреты, прожигая электрическими разрядами закрытые контакты, над лесом взлетел изрыгающий пламя дракон.

Лазерный луч, способный разрезать скалу, ударил в то место, где в окружении своих черных всадников стоял Румет, сжимавший в руках окровавленный меч.

Но за секунду до этого посланец Манфрейма успел нажать небольшую черную кнопку на своей металлопластовой рубахе — сверкнула молния, и Румет исчез.

Импульс космического лазера ударил в группу черных всадников, и на том месте, где они стояли, образовалась широкая воронка с оплавленными краями. Ракета, окончательно потеряв управление, с ревом, похожим на тоскливый вой смертельно раненного зверя, скрылась за кромкой леса.

Но Глеб не видел уже ничего. Рядом с его мертвым телом облако пара лениво поднималось над оплавленной воронкой.

— Если верить во все эти бредни о красном смещении и об исторических предопределениях в отколовшемся прошлом, можно договориться черт знает до чего! Например, можно обосновать теорию волшебства!

Головасин едва сдерживался, он почти кричал, и его нелепая маленькая фигурка выглядела еще нелепее на фоне ярко разгоравшейся зари.

— А вы уверены, что волшебства никогда не было? — спросил Сухой, едва заметно усмехнувшись. — Вспомните волхвов.

Лазерный разряд испугал лошадей, и они понесли. Вслед за носилками ринулся конвой всадников, но кортеж не промчался и мили, как новое странное происшествие остановило его движение.

Огромный дуб на краю дороги закачался и без всякой видимой причины со скрипом рухнул поперек пути. Лошади встали на дыбы, но все же остановились, не опрокинув носилок княжны, и вскоре вокруг них сгрудился весь уцелевший конвой.

— Мы возвращаемся, — решила Бронислава.

— Дорога слишком опасна, — попытался возразить Флорин, ни на минуту не забывавший о драконе.

— Если нужно, я поеду одна!

— Этого не потребуется, — сказал Флорин, оглядывая конвой. — Каждый помнит, как поступил этот человек, когда печенегі устроили на нас засаду.

Вскоре они вновь оказались возле дымящейся воронки. Не глядя на неподвижное тело Глеба, Бронислава достала из дорожного сундука сафьяновую коробку с подарком Манфрейма.

Расширенными от ужаса глазами наблюдал за ее действиями Флорин, и княжна, мельком поймавшая его взгляд, поняла, что этот человек никогда уже больше не сможет относиться к ней так, как относился прежде, — с грубоватой и тщательно скрываемой нежностью.

— У меня нет живой воды... — тихо проговорила Бронислава, словно ее действия нуждались в оправдании. — Есть только мертвая.

Подойдя к Глебу, она вздохнула и, стараясь не смотреть на залитое кровью и рассеченное тело, сорвала печать с украшенного руническими письменами флакона. Затем растянула куртку Глеба и разорвала нижнюю рубаху, обнажив ужасную рану.

— Ты должен помочь мне.

Медленно, словно во сне, Флорин подошел вплотную.

— Подержи его так, чтобы сошлись края раны.

Стараясь не смотреть в открытые глаза мертвеца, Флорин молча повиновался.

Бронислава спокойно, старательно, словно делала это много раз, начала втирать прозрачную, блестящую, как металл, жидкость из флакона сначала в края раны, а потом решительным движением вылила все, что оставалось внутри флакона, в самую середину отверстия, оставшегося на теле Глеба, несмотря на усилия Флорина.

Судорога скорчила мертвое тело, на секунду показалось, что оно вот сейчас, сию минуту преодолеет притяжение земли, необоримой силой приковавшее к себе все мертвые предметы. Но этого не случилось, тело расслабилось и вновь обрело покой. Вот только раны на нем больше не было вовсе.

— Без живой воды он превратится в нежить.

— Все воины Манфрейма такие, — тихо проговорил Флорин.

— Я знаю. Живая вода есть только у волхвов. Помогите мне отнести его к носилкам.

Два дня шел небольшой караван со своим скорбным грузом в глубину северных лесов, а на третий день пути дорога исчезла вовсе.

Они стояли посреди болотистой поляны, заполненной обточенными ветром валунами. Серых каменных глыб было здесь так много, что местами они налезали друг на друга, слагаясь в причудливые фигуры, напоминающие не то башни старинных замков, не то тела окаменевших великанов.

— Это здесь. Теперь мы можем оставить его, — устало проговорила Бронислава, обращаясь к Флорину и трем другим всадникам, единственным воинам из всего конвоя, у которых хватило мужества сопровождать их до конца.

— Но, княжна, — это дикое место... Вы уверены, что не ошиблись?

Она лишь молча покачала головой и направилась к носилкам, Флорину ничего не осталось, как последовать за ней.

Оставив мертвое тело у большого круглого камня, Бронислава, не оглядываясь и не проронив больше ни слова, дала знак трогаться в обратный путь.

Еще два дня прошло, прежде чем они вернулись на проезжий тракт, протянувшийся от Китежа до Восточного плато, где их поджидали остальные воины конвоя.

— Куда теперь? — мрачно спросил Флорин, почти не разговаривавший с княжной, после того как по ее желанию они оставили на растерзание диким зверям тело человека, спасшего ему жизнь.

— Попробуем вернуться домой, может быть, это удастся, хотя бы вам.

Он знал, что она имела в виду. У того, кто посмел прикоснуться к мертвой воде, оставалась одна-единственная дорога — в замок Манфрейма.

Не успели они проехать и двух миль, как путь им преградил рыцарь в черном плаще с серебряным подбоем.

— Мне слишком долго пришлось ждать, княжна. Жаль, что не мог остановить вас, но вы были вольны поступить с подарком моего господина так, как сочтете нужным. Однако за все следует платить. Разворачивайте конвой, воевода, — обратился уже к Флорину, — мы поедem по восточной дороге.

Сотник не любил, когда команды ему отдавали чужие люди. Поэтому он позволил себе возразить, хотя прекрасно знал, как опасно перечить Румету.

— Мне приказано сопровождать княжну по Эсторской дороге, и только она сама может изменить маршрут.

— Не забывайте, сотник! — Румет сразу же понизил его в чине, на что Флорин лишь усмехнулся и послал коня вперед, но всегда послушное животное на этот раз повернуло в сторону, указанную Руметом, Флорин в бешенстве попытался отдать команду конвою, но ни единого звука не слетело больше с его губ до самого Черного замка.

Бледная как смерть Бронислава сидела неподвижно, словно восковая статуя, скованная все той же силой проклятого чародея.

Всадники, последовав за своим молчаливым командиром, вскоре исчезли за поворотом восточной дороги.

Все это время мертвое тело Глеба одиноко лежало рядом с поросшим длинными лишайниками валуном, и моховая подушка служила ему постелью. Ни один зверь не вышел из леса, ни одна птица не посмела приблизиться к нему.

Минуло два дня, и лишь тогда, когда конвой с Брониславой миновал ворота Черного замка, из-за валуна вышел седой, худощавый старец, укутанный в бледно-желтый плащ с капюшоном, почти полностью скрывавшим лицо...

Очнулся Глеб от нестерпимого жара. Он лежал совершенно голый на деревянном столе, и двое монахов в желтых балахонах изо всех сил растирали его жесткими шерстяными тряпками. Время от времени они по очереди окунали тряпки в глиняный сосуд с каким-то зельем, стоящий над огнем, и тогда по комнате разносился аромат неведомых трав, смолы и меда.

Глеб пытался сказать, что уже очнулся, но губы не повиновались ему, и он не смог издать ни единого звука.

Наконец монахи сочли свою работу законченной. Приподняв неподвижное тело Глеба, они перенесли его на лежанку в углу комнаты и вышли.

Глебу повиновались только глаза.

Он находился в овальной комнате, имевшей в поперечнике метра четыре. Неестественно изгибаясь, стены вверху плавно переходили в потолок. Хотя они были определенно каменными, Глеб не заметил даже намека на кладку.

Откуда-то еще, кроме очага, шел свет, хотя он не видел окон. Не было и дверей, и Глеба довольно долго занимал вопрос, куда, собственно, делись оба монаха, если в комнате не имелось даже намека на какие-либо двери?

Немного освоившись в этой неестественной обстановке, Глеб попытался восстановить в памяти последний эпизод, предшествовавший полной потере сознания.

Он был ранен в поединке с Руметом, и ранен очень тяжело... Потом кто-то доставил его в этот монастырь, если это монастырь, а не то, что в старых церковных книгах называлось чистилищем. Он вспомнил страшную силу последнего удара Румета и фонтан крови, хлынувший из собственного горла...

То, что с ним случилось, и обстановка, в которой он после этого оказался, никак не связывались друг с другом.

Даже грудь не болела, вообще ничего не болело с того момента, как монахи закончили растирания.

Совершенно неожиданно он вновь увидел у своей постели одного из них. Глеб не слышал ни звука шагов, ни скрипа открываемой двери, хотя слух функционировал вполне нормально. И вот над ним неожиданно склонился старец в желтом балахоне.

Глеб решил, что не может сейчас полностью доверять даже собственному сознанию, провалы в восприятии действительности ничего хорошего не предвещали.

Старец долго молчал, внимательно разглядывая Глеба. Время от времени раздавался треск поленьев в очаге и слышались какие-то голоса.

Наконец посетитель выпростал из-под широкого балахона руку, провел ей над головой Глеба и удовлетворенно кивнул.

— Вы уже слышите меня, хотя еще не можете говорить. Двигательные функции вскоре восстановятся.

— Кто вы? — попытался спросить Глеб. Вопрос мелькнул в его голове, но ни единого звука так и не сорвалось с омертвевших губ. Однако и мысли оказалось достаточно.

— Вы можете разговаривать со мной силой мысли, если будете четко и не слишком быстро формулировать свои вопросы. Я Варлам Белоярский — староста этой монашеской общины.

Для монашеской общины речь старосты звучала довольно странно. Глеба больше всего волновал вопрос, кто эти люди, и он вновь попытался спросить:

— Вы слуги Румета?

— Мы никому не служим, а Румет наш общий враг.

— Значит, вы служите Богу? — еще раз попробовал уточнить Глеб, стараясь понять, что собой представляла «монашеская община».

— Бог не нуждается ни в чем служении, но если под этим понимать истину и справедливость, то ты прав. Что же касается Румета... К сожалению, мы не успели предотвратить вашего поединка. Наш посланец опоздал. Жаль. Теперь Румет знает, что ты его враг, и это сильно осложнит задачу...

— Какую задачу?

— Ты оказался здесь не случайно. Но об этом позже, когда ты немного оправишься.

— Что с Брониславой?

— Она в замке Манфрейма.

Едва заметная судорога исказила лицо Глеба.

— Не волнуйся так, у тебя еще мало сил, и не все потеряно. Возможно, ты сможешь вернуть ее, если последуешь нашим советам.

Дорога шла вверх. Все время вверх, и мерное раскачивание носилок отдавалось в голове Брониславы погребальными ударами колокола. Местность вокруг каравана становилась все более мрачной, а воздух с каждым часом подъема наливался холодом.

Если бы не ее записка, в которой она просила о помощи, Глеб был бы сейчас жив... Она сама во всем виновата, и ее дальнейшая судьба не имела никакого значения. Ее отчаянная запоздавшая попытка спасти его не могла увенчаться успехом. Слишком велика должна быть удача, чтобы волхвы услышали ее и захотели помочь...

Мрачные скалы по краям ущелья придвинулись вплотную к тропе, иногда их шершавые бока задевали носилки. Сверху спустился туман, и его ледяное дыхание

проникало даже сквозь медвежьи шкуры.

Время от времени рука Брониславы инстинктивно нащупывала под слоем одежды рукоятку кинжала. В ней не осталось даже надежды. Она ждала лишь конца пути. Момента, когда Румет отпустит Флорина и конвой повернет обратно к дому, ставшему для нее чужим.

Заиндевелые, покрытые фантастическими снежными наростами скалы проплывали мимо, и, казалось, в этом замороженном мире не осталось ни единой частицы тепла.

Но неожиданно в глубинах ее подсознания, там, где когда-то хранилась непонятная ей самой ниточка связи с любимым человеком, шевельнулось что-то живое.

Она замерла, боясь неосторожным движением погасить этот робкий огонек, но он становился все больше, и через несколько часов у нее не осталось сомнений — вопреки всему Глеб жив.

Глеб пил обжигающий напиток осторожно, маленькими глотками. Губы почти не чувствовали тепла, зато потом жар заполнял каждую клеточку тела.

В этот день ему впервые разрешили сесть в постели, и, пользуясь недавно вернувшейся способностью говорить, Глеб засыпал Варлама вопросами. Глубокие синие глаза старца под седыми бровями лучились улыбкой, и говорил он размеренно-неторопливо, словно малому ребенку втолковывал простейшие истины. Да, собственно, так оно и было.

— Ты хочешь знать все сразу — это неразумно. Твоей Брониславе ничего не угрожает — во всяком случае, пока. Манфрейма вообще не интересуют женщины, она нужна ему как заложница, чтобы легче было обуздать строптивого Владислава. Но здесь он совершил ошибку, не выполнив своего обещания. Он хотел протянуть время и не дать Владиславу нового оружия до подхода татар.

Однако Владислав не стал ждать и снарядил в поход несколько самых отчаянных витезей, добровольно согласившихся выступить против Манфрейма и старинного договора, бесчестившего русичей. Тому, кто сумеет освободить княжну, князь обещал ее руку.

Глеб попытался вскочить с постели, но старец с неожиданной силой уложил его обратно.

— В борьбе с Манфреймом нельзя торопиться — он слишком серьезный противник. Конечно, мы используем этот поход. Когда дружины русичей осадят Черный замок и начнется штурм — придет твое время. А пока жди, набирайся сил да и ума тоже. Махать мечом и подставлять собственную грудь под чужие удары — дело нехитрое. Ты должен в совершенстве овладеть самым разным оружием, если хочешь победить Манфрейма. Ты хоть знаешь, что собой представляет твой враг?

— Его доверенный слуга — старший офицер Федерации, и я не понимаю, зачем им нужна вся эта бутафория со средневековым рыцарством, почему они не живут на базе?

Глеб хотел было объяснить, что собой представляет база, но Варлам остановил его властным движением руки.

— Я знаю о космических рейнджерах. Что касается Румета, то его диплом офицера — это действительно лишь бутафория. Манфрейм использует базу в своих интересах, но не более того. Его планы не имеют ничего общего с планами Федерации. На самом деле он один из руководителей тайного ордена розенкрейцеров. Вот уже много веков этот орден сеет зло на земле, прикрываясь красивыми словами о всемирном добре и справедливости. Если бы не его старания, многие молодые цивилизации давно выбрались бы из мрака средневековья. Но как только появляется надежда на мало-мальски справедливое устройство общества, вмешивается орден и топит в крови все здоровые ростки.

— Зачем ему это нужно?

— Чтобы вербовать сторонников среди людей и губить человеческие души, нужны страдания, ложь, растоптанные святыни, нужен хаос. А вместе с реками крови в руки розенкрейцеров непрерывным потоком течет золото — основное средство для управления миром людей. Деньги — главное оружие в борьбе за власть, а в искусственно созданном хаосе, при продажных чиновниках они сами становятся властью.

— Так что же делать моим соотечественникам, тем, кто остался на Земле?.. Простите,

вы, наверно, не понимаете меня...

— Очень даже хорошо понимаю. Я провел на твоей родине не один год. Везде, где появляется черный орден, появляемся и мы. Мы стараемся сохранить равновесие, остановить их там, где еще можно остановить. Хотя, надо признать, железный век слишком затянулся, слишком большую силу приобрел орден в твоём времени. Но все равно это временно, их эпоха заканчивается, и от нас с тобой, от простых солдат белого братства, зависит, как скоро наступит новая эра.

— А какой она будет?

— Она будет прекрасной. Такой, какой ее себе представляли лучшие умы человечества. Орангутанги перестанут обменивать оружие на золото, заседать в парламентах, командовать армиями. Генералы перестанут устилать костями собственного народа дорогу к президентскому креслу, а народ научится не доверять жуликам и пьяницам.

— Но ведь это невозможно...

— Возможно. Медленно и постепенно мир все же улучшается, и наша с тобой задача помогать этому процессу.

— При чем тут я, я всего лишь наемник...

— Ты космический десантник, в твои руки вложили мощное оружие, научили им пользоваться, и теперь только от тебя самого зависит, в какую сторону его направить. А кроме того, ты хранитель...

— Вы знаете об этом?

— Ток силы от великой книги, даже если она невидима, не может не почувствовать адепт моего уровня.

— Тогда скажите, что я должен с ней делать?

— А вот этого я не знаю. Эту книгу написали не мы и не мы назначили тебя ее хранителем.

— Так кто же ее написал?

— Может быть, Асилы или те, кого русичи называют своими богами. Придет время, и они напомнят о себе. Тебе придется ждать, когда наступит время.

— Иногда я слышу голос, мне кажется, книга пытается разговаривать со мной.

— Это очень важно. Ты должен научиться слушать его и следовать его советам. Книга — твой друг, всегда помни об этом и никогда, ни на одну секунду не расставайся с ней.

— Иногда я не умею даже отличать врагов от друзей.

— Это придет с возрастом. Ты еще слишком молод. И тем не менее ты уже научился приобретать надежных друзей. Помнишь те помехи, о которых тебе докладывал Меконт?

— Откуда вы про них знаете?

— Как же мне не знать, если я сам был их источником? Но мозг твоей ракеты обладает недюжинной силой, ты обрел неплохого друга. Мне так и не удалось полностью подавить его волю, и вы сели совсем не там, где я рассчитывал. В результате этого произошла стычка с Руметом, едва не сорвавшая все наши планы.

— Кто вы?

— Но я же уже говорил, я Варлам, староста...

— Тогда я спрошу иначе, из какой эпохи пришли вы на эту землю?

— Волхвы давно знали об относительности времени и умели переходить из одного периода в другой. Именно поэтому они так хорошо предсказывали будущее.

— Вы хотите сказать, что волхвы существуют на самом деле, что это не легенда?

— Ну если ты у нас в гостях, так какая же это легенда? Хочешь посмотреть, как мы живем?

Он осторожно взял Глеба за руку, подвел к стене и провел сквозь нее, как будто стены не существовало вовсе.

Они стояли посреди болотистой поляны, заполненной обточенными ветром валунами. Ноги по щиколотку утопали во мху. Пробиваясь сквозь зеленые заросли, тут и там лезла на свет болотная ягода морошка.

Не доверяя собственным глазам, Глеб обернулся. За его спиной не было ничего, кроме еще одного огромного валуна, миллионы лет покоившегося в глубинах последнего оледенения.

В трещинах на выветренном боку камня рос лишайник, и, даже находясь совсем рядом, нельзя было предположить, что здесь скрывается чье-то жилище.

Нигде не замечалось ни малейших следов человека, даже трава между камнями выглядела совершенно свежей.

Подтверждая его невысказанный вопрос, Варлам сказал:

— Почти в каждом таком камне наши жилища. Вот уже многие сотни лет никто из посторонних не бывал на этой поляне. Я надеюсь, ты сохранишь в тайне все, что с тобой здесь произошло. Мы любим тишину, покой, редко выходим наружу и большую часть времени проводим в размышлениях. Только когда наступает граница эпох, когда малейшее изменение способно подтолкнуть чашу весов в ту или иную сторону, приходит пора действовать. Сейчас Земля входит в один из таких судьбоносных циклов. Нам нужны воины. Люди, способные к решительным действиям.

— Мне важно знать, как отразится ваше вмешательство непосредственно на моей родине. На базе мне говорили, что временные циклы, в которых существуют эти две планеты, не зависят друг от друга.

— Они вводили тебя в заблуждение, чтобы легче было управлять твоими действиями. Любые изменения в одной из исторических зон отражаются на состоянии всего цикла. Мы выбираем место и время, где наше вмешательство наиболее эффективно.

— Почему же тогда так много несчастных и обездоленных, больных, искалеченных, бездомных, голодных — где вы были все это время?!

— Мы не всегда побеждаем, слишком силен черный орден в этой эпохе, все, что мы можем сейчас, — это уменьшить воздействие темных сил. Положительный результат наших действий проявляется далеко не сразу.

— Я в это не верю.

— Ну что же... Предположим, тебя назначат нашим эмиссаром на Земле и ты будешь там обладать неограниченными полномочиями, что бы ты сделал?

— Я думал над этим. Я бы назначил один-единственный день в году, в который каждый президент, каждый правитель или диктатор проходил бы народный тест на соответствие занимаемой должности.

— Это каким же образом?

— У каждого гражданина должен быть простенький приборчик с двумя кнопками. «Да», «нет». В один и тот же день, час, минуту каждый из них нажмет на кнопку. Результат суммируется в приемной машине, которую невозможно ни подменить, ни уничтожить.

— Забавный план. Технически это возможно. Что же дальше?

— Если правитель, по мнению своего народа, не соответствует занимаемой должности, он в течение месяца подыскивает себе замену или сурово и неизбежно наказывается, вплоть до физического уничтожения.

— В принципе возможно и это... Здесь, правда, есть одна опасность. Народ не всегда бывает прав, я не уверен, что такой тест выдержал бы, к примеру, Петр Первый или Столыпин. Ретроградов и консерваторов, сторонников нерушимых укладов всегда большинство. Иногда они сами этого не осознают но тем не менее это так. Кроме того, народ нетрудно обмануть с помощью средств массовой информации. Есть и еще одно обстоятельство. Возможности любого диктатора на самом деле довольно ограничены, осуществление твоего плана привело бы к быстрому исчезновению института официальных правителей не оказалось бы желающих рисковать жизнью, и тогда страной начнет править тайная олигархия, та самая, которая сегодня управляет из-за кулис самими правителями. Страна без официального правительства, без тени ответственности — еще больший хаос и беспредел. Таким будет конечный результат.

— Так что же делать?!

— То, что делаем мы. Медленно и постепенно накапливать в обществе положительные изменения, сохранять баланс сил, не позволять черному ордену беспрепятственно вершить судьбами целых наций.

... Головасин все еще считал себя оскорбленным. Как только вопрос коснулся реферата его диссертации, мировые проблемы и этические нормы различных эпох стали волновать его гораздо больше.

— В те времена, о которых мы с вами говорим, тысячу лет назад, такие споры, как наш, разрешались довольно просто.

— Интересно знать, как?

— Мечами! Хотите попробовать?

11

Замок Манфрейма готовился к обороне. Солдаты чистили и заряжали мортиры, которые в эту эпоху появились на вооружении некоторых армий благодаря усилиям Манфрейма, наладившего торговлю запрещенным оружием.

Магистр ордена мог позволить себе отступления от правил. Впрочем, мортиры, установленные в стратегически важном пункте, должны были использоваться лишь в крайнем случае, если неприятель сумеет прорваться к подземному ходу, связывавшему замок с внешним миром во время осады.

Стеновые дозорные устанавливали котлы для смолы. Копейщики чистили пики. Лучники проверяли на стрелах насадку наконечников. Но Бронислава, внимательно наблюдавшая за всеми этими приготовлениями из окна своей башни, не могла отделаться от ощущения, что солдаты работали не слишком старательно, словно играли в какую-то навязанную им и уже порядком надоевшую игру.

Никто не знал, сколько тысячелетий назад был построен замок Манфрейма. С тех самых пор ни один неприятель не водружал над его стенами свой флаг, замок недаром считался совершенно неприступной крепостью. Но княжна плохо разбиралась в фортификационном искусстве, зато она чувствовала, что ниточка, связавшая ее с Глебом, становится все прочней, и чувствовала, как он постепенно приближается из невероятного далека, а значит, снова не миновать битвы...

Ночь уже начала свое медленное падение с седых, убеленных снегом вершин, зажигая одну за другой бледные от мороза звезды.

Холодом и запахом вековой плесени тянуло от стен, но то первобытное ощущение ужаса, которое наполняло Брониславу в первые дни пребывания в замке Манфрейма, теперь исчезло. За неделю он ни разу не вспомнил о молодой жене, не было и первой брачной ночи — то, чего она боялась больше всего, не произошло.

Когда дружинам, объединившимся для штурма замка Манфрейма, осталось до него не более трех дневных переходов, серьезная подготовка к походу началась и в Белоярской общине.

Долгое ожидание для Глеба наконец закончилось, недели утомительных тренировок, позволивших ему значительно усовершенствовать свое мастерство в фехтовании, бесконечные часы, проведенные в кельях монахов за изучением философии, логики, основ телепатии, — все это осталось позади, и неожиданно для себя он был приглашен на военный совет общины.

Совет состоялся внутри самого большого, похожего на огромную башню валуна. К тому времени Глеб уже научился самостоятельно открывать невидимые двери, ведущие внутрь закамуфлированных под камни помещений.

Первым выступил брат Бодо. Низенький суховатый человек, с резко очерченным, словно наспех набросанным небрежными мазками лицом начал говорить короткими и не во всем понятными Глебу фразами:

— Настало время, братья, которого мы так долго ждали. Сириус вошел в созвездие

Водолея. Мы начинаем решающую битву с темным орденом. В этом месте, на этой земле решится ее исход. Мы начнем со штурма цитадели нашего главного врага. И обратного пути уже не будет.

Бодо повернулся к доске, на которой был приколот отлично выполненный на пергаменте план Черного замка.

— Манфрейма собираются атаковать дружины русичей. Мы воспользуемся этим и присоединимся к ним, но для успеха нам необходимо получить командование над всеми войсками. По правилам, существующим у русичей, воеводой избирается тот, кто привел большее войско.

Каждая из двух дружин насчитывает человек по семьдесят. Для того, чтобы безусловно получить командование, нам необходимо выставить вдвое большее число воинов. Готовы ли твои гомункулусы, брат Товба?

— Они готовы. Однако тот, кто будет руководить ими в бою, должен помнить, что наши воины, прекрасно владея искусством рукопашного боя, в то же время лишены личной инициативы. Во время битвы нельзя ослаблять ментальное руководство ими даже на короткий срок — и это потребует огромного напряжения от нашего воеводы.

Подумав с минуту, Товба потер свой большой с залысинами лоб, покрывшийся капельками пота, и вновь повернулся к плану замка.

— Штурм этой крепости в лоб совершенно бесперспективен при любом числе атакующих. Единственная надежда — прорваться в нижние этажи, захватить северный или южный подземный ход. Проходы эти, — продолжал брат Бодо, — идут под стенами замка и позволяют достигнуть внутренних этажей, однако мы ничего не знаем о ловушках и засадах, наверняка устроенных на этих путях.

— Настало время объявить, на кого возложено верховодство нашим войском, — прервал Товбу Варлам Белоярский. Он поднялся со своего места и обвел взглядом всех присутствующих. — Много лет мы ждали, когда на Земле родится человек, способный противостоять Манфрейму. Обычной силы для этого недостаточно, нужна особая удача, нужно расположение древних богов и их желание помочь нашему избраннику.

Неожиданно повернувшись к Глебу, Варлам закончил:

— Ты будешь нашим воеводой!

Глеб, не ожидавший этого, начал протестовать.

— Я готов сразиться с Манфреймом, но руководить объединенной дружиной слишком большая ответственность, это должен делать человек с гораздо большим военным опытом, чем у меня, я недавно появился в вашей эпохе и многого не понимаю.

— Это так. Зато на твоей стороне силы, о которых даже мы знаем далеко не все. Хранитель священной книги — ты будешь руководить нашим войском в этой битве!

После этих слов возражения замерли на устах Глеба.

В ночь перед походом Варлам провел с Глебом последние несколько часов. Он ходил по своей небольшой келье, заваленной древними рукописями.

— Не принимай слишком всерьез красивые слова, сказанные на совете, — мы тоже люди, и нам не чуждо тщеславие. На самом деле все обстоит гораздо хуже, чем это представляется брату Товбе. Мы постепенно проигрываем черному ордену одну позицию за другой.

Все началось тогда, когда Владимир под влиянием черных эmissаров решил навязать своему народу чужую религию. Именно с этого момента произошло первое отступление, и с каждым годом, с каждой новой схваткой мы отступаем все дальше...

Древние боги нашего народа умели управлять самим временем, и Черный замок Манфрейма много веков назад принадлежал им. Правда, тогда он не был черным... Но те времена канули в Лету. Мы отвернулись от своих богов, и теперь на их месте сидит Манфрейм.

Чтобы победить, нужно разрушить основу его могущества. Она заключена в мертвой воде, в эликсире бессмертия, который он из нее получает. Никто не знает, откуда берет

Манфрейм мертвую воду. Он хорошо бережет свою тайну, а без знания ее ваша завтрашняя битва, как и все предыдущие, обречена на провал.

— Зачем же тогда мы ее начинаем?

— Потому что нужно пытаться изменить мир к лучшему даже тогда, когда все кажется безнадежным. Это единственный путь, который у нас остался.

Колонна выступила из Светлояра на рассвете следующего дня. Двести пятьдесят пехотинцев и столько же всадников — волхвы не поскупились... Глеб располагал огромной по тем временам дружиной, но чувствовал себя в неожиданной роли командира безмолвного войска неуютно.

Через полчаса, закончив объезд войск, его догнал Юрий Крушинский. С этим единственным в безликой толпе роботов человеком Глеб толком не успел познакомиться. Он присоединился к отряду перед самым выходом, специально прибыв для этого с базы, на которой, так же как и Глеб, служил наемником. Пару раз Глеб видел его во время занятий, но более близкого знакомства не получилось.

Теперь же Глеб не без оснований полагал, что Крушинского приставили к нему, скорее всего, для дополнительного контроля — слишком уж большое значение придавали волхвы предстоящей операции, чтобы доверить ее одному человеку.

Официально Крушинский числился в помощниках у Глеба и держался подчеркнуто дружелюбно, однако соблюдал дистанцию, и откровенного разговора с ним не получалось.

Возможно, у Крушинского были какие-то особые полномочия или специальное задание в замке Манфрейма, а может, он просто присматривался к своему командиру и, в свою очередь, не очень доверял ему.

Как бы там ни было, все это не особенно интересовало Глеба до тех пор, пока не мешало осуществлению его главной задачи — освободить Брониславу. Он не строил слишком далеких планов. Часто окружающее воспринималось им как затянувшийся сон — все в нем казалось зыбким и непрочным.

Дорога оказалась странно короткой. Уже к вечеру они обнаружили первый сторожевой пост русичей, а еще через час, приказав своему войску остановиться, Крушинский и Глеб сидели в походном шатре князя Васлава, выбранного русичами воеводой еще до их прибытия.

Васлав, огромный и тучный, весь покрытый шрамами воин, перед их появлением как раз собрался приступить к скромному походному ужину.

На ковре, где он возлежал по византийскому обычаю, стояло блюдо с жареным поросенком, копченая стерлядь, томленая медвежья печень, несколько подносов с фруктами и пара небольших бочонков, содержимое которых не вызывало ни малейшего сомнения.

Поскольку князь находился в веселом расположении духа, он, не поинтересовавшись у вновь прибывших, кто они такие, сразу же предложил разделить с ним трапезу.

Предложение это было охотно принято.

Глеб не успел опомниться, как в руках у него оказался огромный серебряный кубок, до краев наполненный пенящейся медовой брагой. От напитка шел дурманящий аромат полевых цветов и каких-то трав. Отхлебнув небольшой глоток, Глеб, несмотря на протесты Васлава, отставил кубок в сторону и попробовал для начала представиться, используя заранее заготовленную легенду о далеких северных лесах и старинных поселениях, но Васлав не стал его слушать.

— Да знаю я все! У вас двести пятьдесят пехотинцев и столько же всадников, мои разведчики следят за вами с самого утра, а волхвы не первый раз нам помогают, выпейте лучше меду, утром разберемся, что к чему.

— Есть одна вещь, которую надо бы решить сейчас, — не унимался Глеб. Нас здесь четверо воевод, а княжна одна, что будем делать, если выиграем битву? Владислав обещал вам...

— Пусть она сама и решает, кто ей больше люб. Битву сначала надо выиграть. Манфрейм — это тебе не печенежский вождь, от его хитростей мы все настрадались — пора

и рассчитаться.

Утром без лишних слов и долгих приготовлений, поручив Глебу командование объединенными войсками, князья начали штурм.

Единственная дорога к замку шла через ущелье и неоднократно перекрывалась дополнительными редутами, представлявшими собой каменные башни с мощнейшими воротами во всю ширину ущелья.

Каждые такие ворота приходилось брать штурмом, с помощью таранов и осадных деревянных башен. Глеб, не жалевший своих пеших роботов, вскоре понял, что если так будет продолжаться и дальше, еще до заката солнца он останется без пехоты.

Нужно было срочно что-то придумать, но его совершенно изматывал постоянный телепатический контроль за большой массой бойцов, не позволявший ни на минуту отвлечься.

Когда зашло солнце первого дня битвы, от последнего, четвертого редута, отделявшего их от внешних стен манфреймовского замка, донеслись глухие звуки артиллерийской канонады.

— Это еще что такое? — Крушинский недоуменно пожал плечами.

— Похоже на артиллерию. Возьми все управление на себя. Я поеду проверю. От Манфрейма можно ожидать всего, даже артиллерии.

— Но как же конвенция? Варлам говорил...

— Манфрейм плевал на любую конвенцию, он соблюдает договора только до тех пор, пока ему это выгодно.

Лошадь Крушинского вместе с фигурой всадника исчезли в сгущавшихся вечерних сумерках, до Глеба некоторое время долетал перестук копыт, но вскоре исчез и он. Как только их маленькая армия прекратила движение вперед, смолкли сразу все звуки. Наверно, похожее чувство испытывает водитель, если среди пустыни неожиданно остановится автомобиль.

Примерно через полчаса без особых приключений Глебу удалось отвести свои изрядно потрепанные войска к третьему, разрушенному еще в обед редуту. Оставаться здесь на ночь было опасно. Они не знали, есть ли тропы, ведущие от замка на вершины стиснувших их с обеих сторон утесов. Если противник сумеет туда забраться, ночью их ждали большие неприятности.

Однако отходить дальше тоже не имело смысла — за ночь манфреймовские войска восстановят разрушенные укрепления, и утром придется все начинать сначала. В конце концов, выставив дозоры, Глеб решил встать на ночевку у третьего редута.

Закончив перемещения войск и прочие дела, связанные с устройством ночного лагеря, Глеб чувствовал себя полностью вымотанным.

Когда, шатаясь от усталости, он добрался наконец до своего шатра вернулся Крушинский.

— Ты альпинизмом когда-нибудь занимался? — задал он с порога не самый подходящий вопрос.

— Ты что, спятил? Нашел время шутить. Ты хоть знаешь, который сейчас час?!

Не обратив никакого внимания на недовольный тон Глеба, Крушинский продолжил:

— Наверху, на стене ущелья, стоит батарея мортир — я узнал это абсолютно точно. Сегодня ночью нам с тобой придется уничтожить эту батарею.

— Ты уверен, что, кроме нас, этим некому заняться?

— Уверен. У меня разряд по альпинизму. Я осматривал западную стенку. Чтобы на нее подняться, нужно специальное снаряжение, и оно у меня с собой. Вдвоем в связке мы сможем это сделать, даже если у тебя не было альпинистской подготовки.

С тяжелым вздохом Глеб вновь начал одеваться, не надеясь даже на то, что у него хватит сил выбраться из палатки, но серьезных доводов, позволявших оспаривать план Крушинского, у него не нашлось. Невозможно посылать биороботов ночью лезть на скалы под мысленным контролем, а среди воинов вряд ли найдется хоть один, кто что-нибудь

слышал об альпинизме.

— Глотни-ка вот этого. При всей примитивности местной технологии в напитках они ушли далеко вперед. А что касается медицины, то в ней волхвам никогда не было равных.

Он протянул ему маленькую серебряную фляжку, и Глеб, не задавая никаких вопросов, сделал их нее порядочный глоток. Приятное тепло разлилось по всему телу, и вскоре от усталости не осталось никакого следа.

— Надо предупредить князей, — решил Глеб. — Мы можем и задержаться, батарея наверняка хорошо охраняется.

Дружина Васлава только что подошла и разбивала лагерь неподалеку.

Глебу не нравилась теснота, в которой в узком скальном проеме сгрудились сотни людей, и он поделился своими опасениями с Ваславом. Его шатер еще не успели поставить. Князь в полном боевом снаряжении выглядел весьма внушительно. Он легко носил на себе шестидесятикилограммовый стальной панцирь и, казалось, не замечал от этой груды изрядно помятого в бою металла ни малейшего неудобства.

— Ты прав, — задумавшись на секунду, согласился с ним князь. — Но люди так устали, что мне не удастся увести их отсюда.

— Разве ты не воевода? — удивился Глеб.

— Воевода я только в бою, а как бой заканчивается, у нас каждый сам себе князь, — не без горечи заметил Васлав.

Подоспевший коновод взял из рук князя повод его огромного черного коня, так же, как и хозяин, покрытого стальной броней. Васлав, тяжело отдуваясь, содрал с головы шлем и со звоном швырнул его на землю. Глеб, с восхищением разглядывая его могучую фигуру, начал рассказывать о плане Крушинского, не вдаваясь в излишние подробности, связанные с самой батареей:

— Мы собрались провести небольшую разведку на гребне. Если придется задержаться, возьми командование на себя и ни в коем случае не начинай завтра атаки, пока мы не разберемся с теми бронзовыми штуками на горе.

— Думаю, тут и без меня обойдутся. Ждать дело не хитрое. Пойду-ка я с вами, пожалуй.

Юрий и Глеб, не ожидавшие такого поворота событий, недоуменно переглянулись.

— Мы собираемся залезть на гребень ущелья. Для такого подъема ты вешишь многовато...

— На эту стену вы не залезете. Ни один человек на нее не залезет, разве что волхвы вам помогут... — Задумавшись на минуту, Васлав начал расстегивать застёжки на панцире. — Одним словом, я с вами, сейчас вот сниму эти жестянки и стану полегче.

Спорить с Ваславом оказалось совершенно бесполезно. В качестве весомого аргумента он свистом вызвал стражу, приказав ей из лагеря никого не выпускать до утра.

— Ну разве что наши гости надумают со мной вместе отправиться, усмехнувшись, закончил князь свой приказ.

Они начали подъем, когда взошла луна. Дул холодный пронизывающий ветер, камни казались скользкими и непрочными.

Васлава оставили внизу сторожить рюкзаки со снаряжением и следить, чтобы не путалась веревка, которую они тащили за собой. Глеб, никогда не любивший гор, где человек чувствует себя слишком мелкой песчинкой, спросил Крушинского:

— Ты уверен, что поступаем правильно? Ведь если мы не вернемся, все наше войско останется без управления.

— Волхвы пришлют замену. Думаю, она уже здесь. Кто-нибудь из воинов, о ком мы даже не догадываемся...

— Да, возможно, ты прав, днем во время боя я заметил, что некоторые биороботы двигались независимо от моих команд. Среди них наверняка есть люди.

— Вот видишь... Да нет у нас иного выхода. Эта батарея не даст нам продвинуться ни на шаг дальше. Только понапрасну положим здесь массу людей. Ты еще не знаешь, как

выглядит паника. Не забывай, что половина войска состоит из людей, а нашим предкам во всем мерещится какая-то дьявольщина. Они разбегались только от звука выстрелов. Представляешь, что будет завтра, если батарея начнет стрелять.

— Представляю... — хмуро пробурчал Глеб, плотнее затягивая лямки рюкзака, выделенного ему Крушинским. Хотя основное снаряжение они оставили внизу, с собой для такого сложного подъема тоже пришлось тащить немало барахла, одни крючья весили килограммов двадцать. Из специального кармана на своем широком поясе Крушинский доставал их один за другим и забивал в тело скалы, выискивая малейшие трещины. Потом пропускал веревку сквозь кольца и лез дальше.

Каждый метр подъема по отвесной стенке давался с огромным трудом. Хотя Глеб шел вторым, по уже проложенной дороге, он едва дождался привала. Гудело все тело несмотря на то, что после медицинских процедур, проданных над ним волхвами, он полагал, что навсегда лишился чувства усталости.

Когда наконец они ненадолго остановились, Глеб спросил:

— Зачем ты взял с собой альпинистское снаряжение, знал, что может понадобиться?

— Конечно. Здесь кругом скалы. Хорошее снаряжение — это тоже оружие, причем не запрещенное конвенцией.

— А как вообще ты попал к волхвам?

— Так же, как и ты, через базу. Их интересуют все, кто там служит. Ладно, пошли. Если до рассвета не успеем вернуться, нас снимут арбалетчики с противоположной стороны ущелья. — Он вновь ушел от откровенного разговора, и Глеб решил больше не касаться темы появления Крушинского у волхвов. Ему так не хватало здесь друга, человека, с которым можно поделиться самым сокровенным, но он понимал, что такие отношения нельзя создать искусственно.

— Думаешь, мы справимся вдвоем с батареей охраной?

— Скалы здесь, с их точки зрения, совершенно неприступны. С этой стороны нас не ждут.

Около часа они поднимались в полном молчании. Иногда Крушинский исчезал за ребром скалы, и Глеб оставался совершенно один в этом нереальном лунном мире, раскачиваясь над пропастью на тонкой, как паутина, нейлоновой веревке.

Именно в эти минуты он вспоминал Китеж, Брониславу, первые дни своей жизни в новом мире, оказавшейся совсем не такой, какой представлялась она ему в далекой и совершенно теперь нереальной Москве.

Несмотря на скрытность Крушинского, Глебу хотелось надеяться, что наконец он нашел здесь человека, на которого сможет положиться. Одного из тех, с кем смог бы пойти в бой в десантной паре.

Эта уверенность слагалась из десятков неуловимых мелочей, каждая из которых в отдельности ровно ничего не значила.

Веревка дернулась два раза, и это означало, что отдых окончен. Ему предстояло догнать Юрия. В особенно трудных местах тот использовал Глеба вместо подставки. Вот и сейчас, не сумев нащупать на абсолютно гладкой поверхности скалы ни единой трещины, Крушинский встал на плечи Глеба и, раскачиваясь над двухсотметровой пропастью без всякой страховки, начал вгонять очередной крюк.

Звонкие удары альпенштока поплыли в застывшем воздухе. Глеб подумал, что часовые на батарее их смогут услышать, но в это время крюк под его левой ногой, не выдержав двойной нагрузки, вырвался из гнезда, и он сразу же забыл обо всем.

Глеб повис над пропастью на одних руках, рывок отдался в плечах острой болью. Секунду или две казалось, что Крушинский, не справившись с неожиданным толчком, сорвется, но тот, изогнувшись как кошка, принял к скале и сумел перенести большую часть тяжести тела на свой полузабитый крюк.

— Держись, старина... — попросил он почему-то шепотом, — я сейчас попробую закрепиться...

В эти секунды Глеб ощутил каждый из двухсот метров черной пропасти под собой. Холодный пот выступил на лбу, руки предательски задрожали, но давление на плечи внезапно ослабло, и вскоре Юрий подтянул его к безопасному месту.

Теперь они стояли в узкой нише под нависающим козырьком. Отсюда до гребня оставалось всего метра четыре, и справа обнаружился более пологий склон. Самое страшное осталось позади.

Никто из них не проронил больше ни слова, и только по тяжелому дыханию мужчин можно было предположить, чего стоил им этот подъем.

Всмотревшись в кромку открывшегося теперь перед ними гребня, Глеб заметил желтоватые отблески света на его поверхности, но не успел спросить, что это могло означать.

Гудя от встречного потока воздуха, мимо них пролетел горящий факел.

— Над нами патруль, и они нас заметили. Подожди меня здесь. — Прежде чем Глеб успел возразить, темный силуэт Юрия растворился на фоне скалы. Ни шороха осыпающихся камней, ни звука шагов, ничего он больше не слышал. Лишь минуты через две сверху донеслось два негромких хлопка бесшумного пистолета. Вскоре рядом с его лицом зашуршала веревка.

— Можно подниматься! — уже в полный голос произнес Крушинский, и еще через пару минут они стояли на гребне. Чуть в стороне от тропы виднелись два бесформенных темных предмета.

— А ты неплохо подготовился к этому походу, — с невольным осуждением произнес Глеб.

— Не надо их жалеть, хорошие люди у Манфрейма не служат. Большинство, составляющее его армию, — оживленные мертвой водой покойники, а если ты об этом, — он хлопнул себя по карману, где отчетливо обрисовался некий тяжелый металлический предмет, — так ведь пушки тоже не арбалеты.

В этом он был, безусловно, прав. Теперь времени у них оставалось совсем немного, и, если пропавший патруль хватятся до того, как им удастся достигнуть батареи, никакой пистолет уже не поможет.

Пока они поднимали снизу рюкзаки, а затем почти волоком тащили по склону гигантскую тушу князя, Глеб рискнул спросить Крушинского о самом главном, прекрасно понимая, что позже этот разговор опять не получится.

— Зачем ты здесь?

— Интересуешься? — Юрий испытующе глянул ему в глаза. — Ладно, ты вроде парень надежный, хоть и очень настырный. Рано или поздно все равно придется тебе сказать... Мы здесь для того, чтобы вернуться.

— Вернуться куда?

— В Россию, разумеется. Здесь наши истоки, здесь зарождается все то, с чем там живут сегодня. Плохое и хорошее — все начинается здесь. Мы хотим разобраться в первопричинах наших бед, набраться силы, исправить здесь то, что удастся исправить, и потом вернуться. Если тебя устраивает такая программа, можешь присоединяться.

— Но на базе нам говорили, что этот мир полностью оторван от нашего и никак не влияет на его состояние.

— А ты веришь всему, что тебе говорили на базе?

Глеб надолго задумался. Если Крушинский прав, многое могло измениться в его планах. Главное открытие, которое он сделал из его слов, состояло в том, что здесь уже были люди, которые думали так же, как и он, так же, как и он, они искали способы помочь отсюда своей далекой родине.

— И много вас?

— Пока не очень, но не количество определяет силу, разве ты этого не понял у волхвов?

Луна стремительно катилась вниз, и где-то вдалеке, за горами, уже чуть порозовел

горизонт. Времени до рассвета оставалось совсем немного.

— Вы про меня не забыли, отроки? — донесся снизу глухой жалобный голос Васлава, уже с минуту неподвижно висевшего над пропастью.

— Павел Сергеевич, я надеюсь, это шутка?

— Разве я похож на шутника? — спросил Сухой, усмехнувшись, и неожиданно сделал в воздухе резкое движение правой рукой, словно ловил улетающую птицу.

Когда он опустил ее вниз, рука удлинилась. Ее ладонь сжимала теперь рукоять клинка.

— Так вы все еще сомневаетесь в существовании иных измерений? — спросил Сухой, медленно приближаясь к Головасину. Тяжелая полоса стали в его руках отсвечивала в лучах утреннего солнца сероватым блеском.

— Помогите... — почему-то шепотом произнес Головасин.

12

До батареи все еще оставалось несколько сот метров, когда впереди, перекрывая им путь, появился высланный на розыски пропавшего патруля отряд.

По гребню шла единственная узкая тропа. Справа и слева крутые склоны заканчивались пропастями. В самой узкой части тропы, идущей по гребню, не смогли бы разминуться и два человека.

— Может быть, лучше вернуться? — спросил Крушинский.

— Бесполезно, они нас заметили и будут над нами задолго до того, как мы спустимся. Придется принимать бой, хотя восемь человек и многовато для троих.

— Чего-чего? — не понял Васлав. — Всего-то восемь?

— Людей в армии Манфрейма почти нет.

— Биороботы, такие же, как наши?

Крушинский отрицательно покачал головой.

— Все обстоит гораздо хуже. Это не биороботы. Это трупы. Тех, кто попал к Манфрейму, ожидает кое-что похуже смерти. Если человека напоить мертвой водой, он превращается в зомби.

— Мертвая вода? Я читал о ней в детских сказках.

— Тебя, между прочим, самого обработали этой сказочной водой.

— Что-то я не чувствую себя зомби.

— Это от того, что у волхвов есть еще и живая, Манфрейм же поит своих воинов только мертвой водой, и убить такого солдата можно, лишь разрушив его мозг. Боли они не чувствуют.

— Неужто ты до сих пор этого не знал? — удивился Васлав, доставая из-за спины свою огромную, утыканную шипами дубину. — Против моего оружия никакая нежить устоять не может, так что вы об этих не беспокойтесь, отроки, я с ними сам разберусь.

В то же мгновение первая стрела с заунывным свистом пронеслась рядом с ними.

Арбалетная стрела достигает цели быстрее, чем та, которую выпускают из лука. Ее не видно в воздухе и от нее нельзя увернуться, даже если она летит издалека.

Почти сразу по ним начали бить залпами. Часть стрел застряла в рюкзаках, которые они использовали теперь вместо щитов, другие, ударяясь о скалы, выбивали ветвистые снопы искр.

Все трое, не сговариваясь, бросились к ближайшим камням, ища спасения от этого стального ливня. Глеб подивился скорости, с какой огромное тело князя оказалось в укрытии. Но ни малейшего следа страха не заметил он на его лице, казалось, наоборот, Васлав испытывал наслаждение от этой стычки. Его голубые глаза сияли от удовольствия, а с губ не сходила улыбка.

Глеб лихорадочно ощупывал свой пояс, где висел только короткий нож, и проклинал себя за беспечность, за то, что слишком понадеялся на Юрия.

Ему так не хотелось тащить лишнюю тяжесть на этот проклятый подъем! И вот теперь

у него нет ничего, кроме ножа, против закованных в броню и не знающих боли чудовищ.

Крушинский достал пистолет и оглянулся на князя.

— Мне тут волхвы подарили одну штуку... Ну что-то вроде велесовых молний, так ты не путайся и не обращай внимания на шум. — Он выстрелил раз, другой. Васлав побледнел, улыбка впервые исчезла с его лица.

— Так нельзя делать — нехорошо, — сказал он. — Только боги могут посылать на людей молнии!

— А посылать на нас нежить можно?! Там не люди, ты что, забыл, кто у Манфрейма воюет?

Не обращая больше внимания на Васлава, Крушинский стрелял почти непрерывно, целясь только в головы. Упал один солдат, второй... Но их по-прежнему оставалось слишком много, а из-за гребня появлялись все новые... Их не пугали выстрелы. Похоже, их вообще ничто не способно было испугать. Сейчас у Крушинского кончатся патроны, и с ними будет покончено. Они не смогли правильно определить число нападающих и попали в ловушку.

Глеб с ненавистью посмотрел на свой нож и вдруг понял, чем можно заменить отсутствующее оружие. Из рюкзака Крушинского торчала длинная рукоять современного альпенштока с титановым лезвием.

Вокруг уже кипел водоворот яростной рукопашной схватки. Обороняя спины друг друга, каждый знал, что защищает не только жизнь... Если их убьют, они окажутся в рядах этих движущихся машин, лишенных воли и всего человеческого...

Солдаты Манфрейма всегда похищали с поля боя трупы убитых врагов, и русичи неспроста сжигали своих павших, но разум цивилизованного человека отказывался верить в очевидное... Их самих некому будет сжечь... Все эти мысли вихрем пронеслись в голове Глеба, пока руки безошибочно, почти автоматически, проделывали нужные движения.

Альпеншток оказался значительно легче боевого топора — любимого оружия русичей, которым Глеб научился неплохо владеть у волхвов.

Благодаря своей легкости он не уступал в скорости мечу, но ни один меч не смог бы с такой эффективностью пробивать стальные шлемы — словно то были консервные банки.

Дубина Васлава производила в рядах врагов настоящее опустошение. Князь стоял, выпрямившись во весь рост, и его оружие, с ревом рассекая воздух, опускалось на головы нападавших, сплющивая шлемы и превращая в кашу то, что было под ними.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Глеб понял, что на тропе не осталось ни одного противника... Только сейчас он заметил, что из рассеченной на его плече куртки сочится кровь, но боли по-прежнему не чувствовал.

— Неплохая работа... — проговорил Крушинский, торопливо перезаряжая пистолет и осматривая груды неподвижных тел.

— Возьми в правом кармане моего рюкзака аптечку, — крикнул он Глебу, одновременно вправляя князю вывихнутый сустав. Великан даже не успел понять, что произошло. Его левая рука хрустнула и встала на место, а на лице не отразилось ничего, словно этот человек был отлит из металла.

На самом Крушинском не было ни единой царапины. Заря между тем разгорелась в полную силу, и о возвращении по голому склону ущелья, под прицельным огнем вражеских арбалетчиков, теперь не могло быть и речи.

— Что же нам делать? Рассветает... — растерянно проговорил Крушинский.

— Единственное, что остается, — попытаться добраться до позиции батареи. Ночью там не должно быть слишком много солдат, думаю, большинство из них лежат здесь.

— Это настолько безумно, что может получиться...

И, не теряя больше ни секунды, они бросились вперед. Последние сотни метров по хорошо утоптанной тропе промелькнули мгновенно. Их расчет строился на том, что прежде чем на такую высоту поднимутся новые солдаты, пройдет достаточно времени.

Скрываться после грохота ночного боя не имело смысла, и они с ходу ринулись на

бруствер, используя единственное свое преимущество — внезапность и стремительность этой отчаянной атаки.

Со стороны ущелья позиция считалась неприступной, и потому бруствер оказался невысоким — всего в пол человеческого роста. Перемахнув через него с разбегу, они попали на батарейную площадку — других укреплений не было.

Но, оказалось, не все солдаты участвовали в ночной вылазке. Глеб понял, что с его стороны было слишком самонадеянно рассчитывать на подобную глупость противника. Сколько раз повторял Векс на занятиях по тактике: «Не считай противника глупее себя, только тогда появится шанс выиграть схватку».

Вокруг сразу же закипела новая яростная сеча, но теперь они не стояли на узкой тропе, где противники могли нападать только по одному.

Вряд ли батарейная охрана успела понять, что атакующих всего трое. Пистолет Крушинского производил в их рядах страшное опустошение. Не отставал и Глеб, вполне освоившийся со своим новым оружием.

Боевая дубина Васлава оказывалась одновременно в нескольких местах. Был момент, когда Глеб заметил, как от одного его удара упали сразу трое.

Один из солдат откатился к ногам Глеба, и впервые он физически ощутил, что они сражались с нежитью: из серого месива, в которое превратилась после удара дубины голова солдата, не показалось даже капельки крови.

Через несколько минут на площадке остались лишь они трое. Глеб получил еще одну легкую, но весьма болезненную рану в лодыжку. Васлав вновь вывихнул руку, а на Крушинском по-прежнему не было ни царапины.

— Ты что, заговоренный?

— В общем-то, да... Варлам постарался.

— Мне он тоже предлагал, но я не поверил.

— Ну и дурак, будешь теперь мучиться. Без веры заклятье не действует. На дне аптечки есть бальзам, вотри его в раны. Он поможет, хотя и не так быстро, как мертвая вода.

— А ты и ее пробовал?

— Я бы тебе ее и сейчас предложил, да нельзя. Лишь один раз может человек воспользоваться ее волшебной силой без риска превратиться в живого мертвеца, да и то если найдется еще и живая. Некоторые выдерживают до трех раз, но судьбу лучше не испытывать.

Они говорили о незначительных вещах, позволив себе перевести дыхание после неравного боя, а заря между тем разгоралась.

Все трое прекрасно понимали, что выхода нет, что они увязли окончательно и уже никогда не смогут спуститься живыми с этого каменного уступа. Слишком далеко проникли они в расположение противника, и все возможные пути отхода давно отрезаны.

Они были молоды и в глубине души не могли поверить в неизбежность гибели, не хотели смириться с этим. Но время неумолимо приближалось к тому моменту, когда солнце проникнет в ущелье.

Весь противоположный склон был усыпан вражескими арбалетчиками. Враги не спешили, предпочитая расходовать стрелы, когда рассеется предрассветный полумрак.

До противоположного склона было не более сорока метров, и нетрудно представить, что здесь начнется, когда взойдет солнце.

Им не дадут приподнять головы, и снизу, под прикрытием стального града стрел, поднимется штурмовой отряд...

Сколько времени могут три человека противостоять хорошо вооруженной и обученной армии? Час, два? Сутки? Все равно это не меняло дела.

К тому же они прекрасно знали, что силы Манфрейма не измеряются одной этой допотопной армией, в его распоряжении лучшие легионеры базы. Чего стоил один Румет, которому подчинялись штурмовые отряды Кремера. Было у Манфрейма и многое другое. Инопланетные монстры — наиболее смертоносные боевые существа, завезенные с далеких

планет специально для его армии. Было еще и колдовство, в которое Глеб предпочитал не верить, — и без него хватало неприятных сюрпризов. Обо всем этом они знали и все же оказались здесь...

— Ну ладно, пора приниматься за дело... Где-то здесь должен находиться порох, — сказал Глеб деловым тоном, стараясь, чтобы ни одна из промелькнувших мыслей не отразилась на его лице.

Площадка заканчивалась отвесной скалой. Там виднелась небольшая, врубленная в камень дубовая дверь. Каптерка с запасами или караульное помещение — все, очевидно, находилось за этой дверью вместе с засадой...

Но опасение Глеба не подтвердилось. Караульное помещение оказалось пустым. Солдаты Манфрейма не отличались особой сообразительностью. При первых звуках схватки все, кто был на батарее, бросились в бой и остались лежать на площадке. Тот, кто ими руководил и организовал оборону бруствера, вероятно, погиб уже в первой стычке.

Караулка представляла собой небольшую комнату, вырубленную прямо в скале: четыре на два метра. Каждый из них про себя отметил этот последний рубеж в предстоящей утренней схватке.

Узкое оконце сойдет за бойницу, двери тоже не слишком широки, есть несколько кувшинов с вином, мех с водой, полмешка сухарей. Нападающим дорого придется заплатить за их жизни... Продержаться здесь, если немного повезет, можно до самого вечера, и тогда попробовать прорваться! Вновь появился проблеск надежды, и это сразу же подняло им настроение.

Они нашли здесь и другие полезные вещи: аккуратно сложенное у стены оружие, кольчуги, шлемы. Вот только не было пороха.

— Но где-то должны быть заряды для мортир...

— Тем не менее их нет. Значит, мы не там ищем.

— Если здесь есть подвал, то ход в него должен вести из этой комнаты.

Пока они спорили, Васлав, смахнув со стола все лишнее, достал из своего рюкзака копченый олений окорок и, понюхав содержимое одного из кувшинов, одобрительно кивнул.

— По-моему, отроки, мы достаточно повоевали, пора подкрепиться.

Глеба замутило от одной только мысли о еде, и он лишь крикнул, увидев, как мгновенно опустел один из кувшинов.

— Ты не очень-то налегай на вино, возможно, нам здесь долго придется сидеть, — проворчал Крушинский.

— Насчет этого можно не волноваться. Как только манфреймовские воеводы узнают, что мы захватили их огненных демонов, они покончат с нами очень быстро. — Однако это соображение несколько не уменьшило ни аппетита князя, ни его добродушия.

Вдвоем с Крушинским они еще раз, сантиметр за сантиметром, осмотрели пол и лишь тогда обнаружили тщательно замаскированный люк.

Подвал, врубленный в песчанике, оказался сухим и просторным. Они насчитали на полках двадцать бочонков с порохом и около сорока корзин с картечью. И, не теряя ни минуты, зарядили оба орудия.

Глеб понимал, что каждое из них сможет сделать не более одного выстрела. Перезарядить пушки под огнем неприятеля не удастся. Но и эти два выстрела должны были нанести нападавшим немалый урон.

Позже, если положение станет совершенно безвыходным, они взорвут подвал с порохом. От такого взрыва обвалится весь карниз, на котором стоит батарея, похоронив под собой и нападающих, и обороняющихся...

Закончив проверять прицелы, Глеб неожиданно остановился и повторил сначала про себя, а затем и вслух странную фразу: «В этом узком ущелье... В этом узком ущелье...» Его лицо напоминало застывшую маску.

— Что с тобой? — спросил Крушинский. Они вдвоем работали на площадке. Князь не пожелал участвовать в непонятном колдовстве, а скорее всего, просто не хотел прерывать

своей трапезы.

— Ты не заметил ничего странного в позиции батареи?

— Нет. А в чем дело?

— Обрати внимание на сектор обстрела.

— Дно ущелья. Простреливаются все подступы, ну и что в этом необычного?

— Какого ущелья? Это же ответвление, боковая расселина, батарея обороняет саму себя. Отсюда невозможно вести огонь по главной дороге к замку, видишь, ее закрывает выступ. Снизу мы не могли этого видеть.

— Подожди, кому понадобилось устанавливать единственную батарею в ущелье, которое никуда не ведет, это же полнейший идиотизм?!

— Есть лишь одно объяснение для подобной позиции. Батарея прикрывает нечто еще более важное, чем дорога к замку.

Но развить свою догадку он не успел. Над их головами просвистела первая стрела, напоминая о том, что лимит времени исчерпан.

И, словно протестуя против неизбежного, в ответ на этот одинокий выстрел, еще более усугубляя обрушившуюся на них безнадежность, Глеб сунул в запальное отверстие свою зажигалку.

Рев взбесившегося мастодонта в тишине этого утра был оглушителен. Он изверг из своего чрева черное облако дыма и град смертоносной шрапнели, не причинившей, впрочем, ни малейшего вреда укрывавшемуся в камнях противнику.

— Зачем ты это сделал? Одним выстрелом меньше, когда они пойдут на приступ. Мы не сможем перезарядить оружие.

— Какая разница, часом раньше, часом позже. Нам никогда не добраться до этого проклятого замка. Я так и не сумел выручить Брониславу. — В голосе Глеба слышалось неприкрытое отчаяние.

— Ты ее любишь? Она действительно так красива, как об этом говорят?

Глеб лишь кивнул в ответ.

— Тогда мы обязательно должны добраться... Ты говорил о диспозиции батареи...

— Мы все равно не успеем узнать, для чего она здесь поставлена, манфреймовцы пошли на приступ...

— Кроме двух известных, есть тайный подземный ход, ведущий в замок Манфрейма. Волхвы знали о нем — и поручили мне его поиски. Возможно, он где-то рядом.

Смысл слов Крушинского не сразу дошел до Глеба. После выстрела на них обрушился непрерывный ливень стрел, с сухим шелестом и скрежетом пролетающих над их головами. Одна стрела, чиркнув по стволу оружия, больно обожгла лицо Крушинского металлической крошкой.

— Вы что-то очень шумите, отроки, мне даже показалось, что здесь ревел дракон!

Васлав стоял у двери, гордо выпрямившись в сверкающих трофейных доспехах, которые оказались для него малы и прикрывали лишь незначительную часть тела. Две или три стрелы с визгом отколошетили от щита князя.

— С Ваславом вместе с полчаса, без тебя, мы продержимся, — проговорил Крушинский, обращаясь к Глебу.

— О чем ты?

— Иди в каптерку и ищи подземный ход!

— Там нет ничего, мы обыскали все!

— Обыщи снова! Найди его! Для чего здесь стоит батарея? Ты сам это сказал — так найди! От этого хода зависит не только наша жизнь. Ты даже представить себе не можешь, как много от него зависит!

С высоты восточного хребта Саранских гор замок Манфрейма виден как на ладони.

Два человека в монашеских одеждах, оранжевой и белой, внимательно и неторопливо осматривали замок.

Ледяной ветер перевала заморозил своим дыханием все вокруг. Но тонкие плащи

монахов, казалось, были неподвластны холоду. Похоже, они вообще не замечали температуры, давно достигшей того предела, когда на этой высоте и на таком ветру на лету замерзали птицы.

— Только Абсолют не имеет изъянов, — сказал тот, что был в желтых одеждах, — и это дает нам надежду.

— Ты прав, брат Дао, каждый плод имеет свою червоточину, — но они тем не менее до сих пор не нашли хода.

— Возможно, время еще не наступило, возможно, не в этом цикле, но Черный замок будет разрушен.

— Мне хотелось бы это увидеть...

— Гордыня нам не пристала, будем идти по путям, предначертанным кармой.

— Иногда человек способен изменить саму карму...

— Лишь в незначительной степени. Каждое такое изменение требует огромного мужества и силы.

Они надолго замолчали, продолжая рассматривать замок. Первые лучи восходящего солнца провели на остроконечной вершине алую полосу.

— Отсюда он кажется похожим на голову злобного великана в шлеме.

— В предании сказано, что Асилы построили этот замок после победы над одним из титанов. Его раздробленные кости были замешаны в цементе фундамента, и это увеличило магическую защиту в несколько раз. Так что сходство с головой не случайно. Шумерские жрецы считали, что в природе вообще не бывает случайных совпадений. Даже начертание букв и их сочетания обладают магическим влиянием на судьбы людей.

— Если в предании о манфреймовском замке есть хотя бы доля правды, то подземный ход — наша единственная надежда. В замок невозможно проникнуть иным способом.

— Слишком много страшных тайн скопилось в его стенах. Даже если мы не сумеем победить в этом цикле — одно только дополнительное знание, полученное во время битвы, может значительно ослабить влияние черного ордена на судьбы нашей планеты. Вы должны помочь вашим воинам.

— Для того я и пригласил тебя, брат Дао. Защита так сильна, что нам одним не пробиться.

— Тогда давайте попробуем прямо сейчас. Мои братья согласны. Через меня они предадут вам силу нашего круга.

Лица обоих монахов изменились. Глубокое сосредоточение и полное отрешение от окружающего привело к тому, что их фигуры стали медленно растворяться, становясь все более прозрачными и незаметными на фоне окружающего пейзажа. Через несколько минут уже ничто не нарушало мертвого безмолвия перевала.

Глеб готовился к смерти. Он вскрыл большую бочку с порохом, стоявшую на полу. Судя по ее размерам, внутри свободно мог бы поместиться взрослый мужчина. А вес бочки был таков, что Глебу не удалось сдвинуть ее с места.

Собственно, именно своими размерами она и привлекла его внимание. Стандартные бочонки с порохом, из соображений безопасности и удобства транспортировки, вмещали не более двадцати килограммов, но в этой было, наверно, не меньше центнера.

Очевидно, бочка выполняла роль своеобразного ларя или накопителя, куда ссыпали остатки некачественных зарядов.

Селитра на открытом воздухе моментально впитывает влагу, и черный порох очень быстро отсыревает — он знал это по своему небольшому охотничьему опыту.

Возможно, раньше порох и был слегка отсыревшим, но сейчас, на ощупь, он показался Глебу совершенно сухим. Слишком многое зависело от этой бочки, и Глеб решил проверить все еще раз. Он взял небольшую щепотку черных крупинок и, шагнув в сторону, подальше от вскрытого запасника, щелкнул зажигалкой.

Щепотка порошка вспыхнула ослепительным дымным пламенем, осветив на мгновение стены подвала. Факел погас еще раньше, и, когда порох прогорел, Глеб оказался в полной

темноте.

Вот уже несколько минут снаружи не доносилось звуков боя. Юра, вероятно, погиб.

Успел ли он объяснить Ваславу, что их тела не достанутся врагу? Огненная купель взрыва развеет их прах по окрестным ущельям, а души отойдут к теням дедов, в сверкающей небесной Ини...

Он так хотел сейчас соединиться с этой простой, не замутненной тысячелетней ложью верой!

Осталось лишь дожидаться скрипа лестницы и шагов многих людей. Он хотел, чтобы наверху, в комнате над его головой, скопилось побольше тех, кто стал причиной их гибели. Тех, кто похитил у него Брониславу.

Он попытался в последний раз вспомнить ее лицо и не смог. Рядом с проклятым замком его мозг погружался в ватную немоту, он не чувствовал никаких контактов. Все, чему учил его Варлам, здесь оказалось бесполезным.

Она не сможет даже узнать о его гибели и по-прежнему будет ждать, надеяться на помощь, которая так и не придет...

В двух метрах находилась стена подвала. Единственная гранитная стена среди песчаника, в котором вырублен склад. Единственная стена, не закрытая полками с боевым орудийным припасом.

Десятки раз он простукивал ее поверхность, в тщетной надежде найти дверь или хотя бы малейшую щель в каменном монолите. Наверно, от слишком сильного напряжения перед глазами Глеба поплыли световые пятна, то угасая, то появляясь вновь. А чуть позже слышались странные звуки, словно кто-то скребся в глубине гранитного монолита...

Возможно, именно так и должна скрипеть лестница, и это тот самый последний звук, после которого ему останется лишь повернуться к открытому бочонку с порохом и нажать на рычажок зажигалки.

Валериан, новый послушник приднепровской общины имени Святой Девы Марии, проводил свои дни в посте и молитве. Для новичков режим здесь соблюдался особенно истово. Двенадцать часов занятий под наблюдением строгих учителей, изучение древнеславянской азбуки и правил красноречивого писания святых текстов.

За косноязычие, как, впрочем, и за другие подобные провинности, в конце недели старший настоятель назначал розги. Тяжелее всего будущий молодой монах переносил полное отсутствие женщин.

Иногда, в особенно тяжелые моменты, он представлял свою прежнюю жизнь. Вот только имя, которое он носил в миру, вспоминать с каждым днем становилось все труднее. Кажется, его звали там Васин...

13

Замок Манфрейма был так велик, что внутри него свободно поместился бы целый город. Человек мог потратить много лет, безуспешно пытаясь обойти все его покои. Среди слуг ходили легенды о людях, навсегда затерявшихся в бесчисленных апартаментах, в половине которых давно уже никто не жил.

Точнее, там не жили люди, а о существах, нашедших приют в заброшенных помещениях, слуги старались не упоминать. Кто же лишний раз будет упоминать о вурдалаках, злыднях и кикиморах? Их словно магнитом притягивал старый замок, по ночам погружавшийся в свою вторую, тайную, нечеловеческую жизнь.

Но днем все опять возвращалось на свои места и замок становился похожим на древнее человеческое жилище.

Он был бесконечно стар, этот замок Манфрейма, старше своего бессмертного господина. Десятки поколений родились и умерли за его стенами, а замок все стоял, вбирая в себя пыль веков, накапливая золото и кровь.

Много раз люди пытались разрушить его неприступные стены, но каждая такая осада

лишь увеличивала мощь Манфрейма.

Погибшие в бою солдаты противника пополняли ряды манфреймовской армии. После любого сражения его войско увеличивалось. Лишь за последние столетия, когда у русичей появилась отвратительная привычка сжигать погибших в бою товарищей, у магистра возникли сложности с новобранцами и ему пришлось обложить человеческой данью все окрестные княжества.

Это была совсем не простая задача. Непокорные русичи слишком часто пытались нарушить установленный им порядок вещей, и, чтобы поддерживать его, приходилось постоянно напоминать им о той колоссальной силе, которой обладал орден.

Лишь после того, как космическая Федерация обратила наконец свое внимание на Землю, Манфрейм почувствовал некоторое облегчение, очень быстро найдя с ней полное взаимопонимание.

Федерация под его покровительством построила и теперь использовала очень важную для нее в стратегическом отношении базу. Манфрейм же получил возможность использовать в своих целях международные торговые каналы Федерации.

Вместе они составили силу, фактически полностью подчинившую своей тайной власти планету. Оба компаньона старались без необходимости не привлекать к себе внимания населения. Такое управление было проще в организации, свободнее в выборе решений, да и обходилось намного дешевле.

Пожалуй, лучше самого Манфрейма расстановку сил на планете и рычаги власти, ими управляющие, знал лишь один человек, предпочитавший держаться в тени, — главный казначей манфреймовского замка Марк Рашин, высокий, худой мужчина с орлиным носом и густыми курчавыми волосами.

В день, когда осаждающие начали штурм третьих по счету ворот, он как раз закончил очередной недельный отчет для своего господина и остался им крайне недоволен.

С таким отчетом показываться на глаза Манфрейму было весьма рискованно. Магистр, обладавший феноменальной памятью, в особенности на цифры, держал в своей огромной лысой голове данные за все ближайшие месяцы, и столь резкое падение доходов не могло остаться незамеченным.

Никто и никогда, включая самого Рашина, не видел ни лица Манфрейма, ни тем более его головы. Он появлялся на людях только в стальном шлеме с опущенным забралом. Но Рашин почему-то всегда представлял себе шефа лысым.

Однако независимо от состояния волос Манфрейма отвечать за убытки придется Марку.

Как будто это он устроил осаду замка, сделавшую невозможной движение обозов с товарами.

Кроме того, летучие отряды, собиравшие дань с соседних княжеств, все чаще наталкивались на засады, несли потери в постоянных стычках с русичами, а то и вовсе не возвращались. Работать в этой варварской стране становилось совершенно невозможно.

Если бы не замок, давно ставший для ордена координационным центром и перевалочной базой для его тайных операций, он рекомендовал бы совету перенести майорат в другое место.

Единственный выход, который у него еще оставался, — подsunуть отчет Манфрейму в самый неподходящий момент и, сославшись на необходимость срочной банковской операции, попытаться добиться его визы. Потом все равно, конечно, возникнут неприятности, но от самого страшного он будет застрахован. Манфрейм верил в магическую силу знаков, начертанных на бумаге, и никогда не изменял своего письменного решения.

Таким местом могла бы стать накопительная клиника, где вечерний осмотр и подготовка материалов к отправке заказчикам стали для Манфрейма своеобразным ритуалом, который он старался не пропускать. Здесь же его хозяин предавался единственному своему развлечению, не связанному с непосредственным получением доходов и усилением собственной власти.

Он отбирал подходящие части человеческих тел для будущих монстров, которых затем с увлечением конструировал в своей закрытой для всех лаборатории.

Сложность состояла лишь в том, что сам Рашин испытывал к залу вивисекций непреодолимое отвращение, которое приходилось тщательно скрывать от окружающих. Однако на этот раз выбора у него не было.

Клиника располагалась в просторном гранитном зале одного из нижних этажей. Отсюда вопли оперируемых не могли нарушать покой остальных обитателей замка.

Ниже находились лишь тайные этажи с личной сокровищницей Манфрейма, но в нее никогда не заглядывал даже он — казначей, официально утвержденный на этом посту советом ордена.

К столбам уже привязали четверых обнаженных мужчин и одну женщину. Техники готовили покрытый белыми простынями операционный стол, а хирурги звякали своими инструментами, заканчивая последние приготовления. Ждали лишь появления магистра. Кроме этих металлических звуков, ничто не нарушало мертвую тишину зала.

Скованные ужасом жертвы, не знавшие в точности того, что их ждет, хранили молчание.

Напротив столбов с пациентами стояло приготовленное для Манфрейма кресло из мореного дуба. Он любил наблюдать за лицами тех, кто ожидал своей участи, пока медлительные хирурги потрошили очередную жертву. Женщину, как правило, оставляли напоследок. В каждой партии всегда было не меньше одной женщины, и если магистр оставался доволен работой своих подручных, он разрешал позабавиться с ней перед вивисекцией всей бригаде «хирургов».

Специальные контейнеры с жидким азотом выстроились в длинный ряд по левую сторону операционного стола. Лаконичные надписи на латыни: «Печень», «Почки», «Легкие», «Прямая кишка» — чем-то напоминали кухню рачительной хозяйки. Здесь не пропадало ничего — ни единого кусочка, ни единой капельки крови. Аппараты вакуумного отсоса уже развесили над столом свои резиновые щупальца.

Полностью выпотрошенный труп направляли по конвейеру в соседний зал, где маги высокой квалификации заменяли изъятые на продажу внутренности специальной энергетической смесью и, обработав труп мертвой водой, отправляли нового новобранца в казармы Манфрейма.

Особенностью процедур в операционной было отсутствие всякого наркоза и обезболивающих препаратов. Манфреймовские хирурги разработали специальную теорию, из которой следовало, что только органы, извлеченные из живого, не приглушенного наркозом тела, наполнены полноценной жизненной силой.

Они использовали пропаганду этой теории в неофициальной рекламе и добились, к немалому удивлению Ращина, значительного увеличения сбыта своей продукции. Но главной причиной была, конечно же, простая экономия средств. Обезболивающие препараты стоили дорого, и тратить их на тех, кто все равно должен был расстаться с жизнью, не имело никакого смысла.

Рашин считал себя человеком мягким и порой даже сочувствовал несчастным, которых волокли в операционную. Конечно, это были всего лишь изгои, отобранные на заклятие своими сородичами. Или случайные пленники, посмеившие поднять бунт против своего господина. Жалкие дикари, не достойные сочувствия избранного.

Но, как бы там ни было, добровольно Рашин никогда не посещал места, куда так стремились попасть большинство манфреймовских слуг, любивших здесь развлекаться, когда их господин был занят другими более неотложными делами.

Вот и сейчас, нетерпеливо дожидаясь мастера, Рашин старался не встречаться с глазами пленников, хотя порой, совершенно непроизвольно, его взгляд скользил по обнаженному телу женщины, отмечая высокую полную грудь, веревки, впившиеся в белое беспомощное тело...

Впрочем, предстоящая ей процедура казалась Марку почти милосердной. Ведь в конце

ее, когда за дело принимался скальпель хирурга, жертва, как правило, уже ничего не чувствовала.

Звон металлических подков по каменному полу заставил Ращина вздрогнуть и вернул к действительности. Звук шагов Манфрейма невозможно было спутать ни с чем другим. Почему он так любил металл в своей одежде? Может быть, потому, что звон маскировал костяной скрежет, исходящий от его тела? Однажды Ращин слышал этот звук, и от одного только воспоминания мороз прошел по коже казначея.

Высокий рыцарь в черных доспехах, в металлическом шлеме с кровавым плюмажем — таким его знали все. Забрало шлема никогда не поднималось, и было непонятно, откуда брались у него силы не расставаться даже на ночь с этим бронированным одеянием.

Наконец магистр уютно устроился в кресле и обратил свое внимание на Ращина.

— Ну, что там у тебя? Опять спешим? — Бумаги тем не менее были уже в руках Манфрейма. Марк замер, боясь перевести дыхание. Вот наконец печать магистра на металлическом пальце рыцарской перчатки коснулась одной из них, выжигая в углу несмываемый знак дракона, и наверху оказался финансовый отчет.

Марк вытянулся, всем своим видом выражая безграничную преданность. Наибольшее беспокойство у него вызывало вовсе не общее падение доходов. Дело в том, что там, среди бесконечных колонок, затерялась одна цифирь... Цифирь, про которую он постарался напрочь забыть, не думать, не вспоминать ни разу... Цифирь, за которую его вполне могли привязать к одному из пустующих столбов в этом зале... Номер его личного счета в Цюрихе...

Догадывался ли магистр об этом счете? Кто знает. У него были свои, недоступные Марку каналы информации. Возможно, он водит его как рыбу на крючке, дожидаясь, когда Марк допустит серьезный промах, чтобы припомнить ему все сразу.

Но, несмотря на постоянную страшную угрозу, начав, он уже не мог остановиться, как не может остановиться алкоголик, распечатавший бутылку, из которой собирался отхлебнуть всего один глоток.

— Почему курс гривны падает так медленно?

— Курс гривны? Я, право, не знаю... Такая мелочь...

Он не был готов к этому вопросу, не мог даже предполагать, что шефа заинтересует состояние валюты варварской страны, годовой оборот которой был меньше расходов на однодневное содержание замка Манфрейма.

— Мелочей в твоём деле не бывает. Миллионы складываются именно из мелочи. А, валютой этой займись специально, в будущем она представит для нас значительный интерес.

Наконец перстень приподнялся и выжег в углу документа извивающегося дракона.

Отпустив Ращина, магистр продолжил наблюдение над вивисекцией.

Темная энергия, которая рождалась вместе с нечеловеческими муками тех, кто лежал на столе, текла к нему обильным потоком.

Иногда Манфрейм приподнимал руку и указывал на отдельный, только что извлеченный из трепещущего тела, дымящийся от крови кусок плоти.

Отмеченный им трансплантат хирургии заботливо укладывали в специальный золотой контейнер с жидким азотом, стоящий отдельно от остальных.

Эти органы затем становились исходным материалом для любимых биологических опытов Манфрейма, которым он посвящал свободные от основных дел часы.

В особом изолированном крыле замка, куда пускали лишь самых доверенных лиц, расположились его биологические лаборатории, оснащенные самым современным оборудованием, вывезенным из разных миров и эпох.

Здесь магистр занимался тем, что сращивал порой совершенно несовместимые части разных тел, выводя на свет неподдающихся описанию уродов.

Здесь он давал полную волю своей темной фантазии и, используя неограниченные возможности мертвой воды, оживлял созданных им монстров, порождая на свет создания, которые не могли существовать в природе, здесь он чувствовал себя почти богом...

Только когда последнее тело исчезло наконец в окошке приемника, Манфрейм встал и направился к лестнице, ведущей в глубинный этаж хранилища, где располагалась сокровищница.

Ни одно здание в мире не имело охранной системы такого уровня. Египетские жрецы могли лишь мечтать о подобной защите для своего лабиринта, Манфрейму удалось ее осуществить. Ни предупреждающих надписей, ни стражи ничего этого здесь не было. Живые существа ненадежны — полагаться можно только на самого себя.

Каждый, кто становился на первую ступеньку лестницы, сразу же оказывался в ее конце, только сам Манфрейм мог видеть всю длину этой лестницы.

За последней ступенькой двери охотно открывались, приглашая названного гостя войти в преисподнюю, и обманчивый блеск золотых миражей было последнее, что видел он в своей жизни.

Настоящий, невидимый, ход в сокровищницу ответвлялся от середины лестницы — и это был всего лишь первый уровень защиты. Пройдя его, бессмертный нажал на потайной камень у поворота. Невидимые древние механизмы повернулись, опуская решетку на логово Ламия.

Чудовище прорычало что-то нечленораздельное, но так и не поднялось со своего ложа. За последние триста лет, с тех пор как его кормили в последний раз, он сильно исхудал, но эти рептилии обладали феноменальной выносливостью. Еще лет на двести его хватит, потом придется подумать о замене.

Эта змея с собачьей головой служила Манфрейму уже более тысячи лет и была невероятно стара.

Наконец Манфрейм оказался перед дверью из берилловой стали трехметровой толщины. Мигающие, пробегающие по ее поверхности огни говорили о том, что сенсорная защита включена и любое постороннее прикосновение будет немедленно пресечено.

Закончив вводить длинную череду цифровых кодов и сенсорных тестов, он наконец увидел, как с глухим чмоканьем круглый гигантский поршень двери начал медленно отступать назад, а затем, повернувшись вокруг своей оси, ушел в стену.

Проход был свободен, но если бы кто-нибудь посторонний вошел в него в этот момент, лазерные установки, настроенные его командами, испепелили бы наглеца в считанные доли секунды.

Наконец Манфрейм оказался внутри первого зала сокровищницы. Дверь за его спиной закрылась — она всегда закрывалась, отрезая его от внешнего мира, — так он чувствовал себя в большей безопасности.

Всего здесь располагилось двенадцать залов, вытянувшихся длинной галереей, но настоящие ценности содержали лишь два последних.

Манфрейм шел мимо сундуков, крышки которых распахивались при его приближении. Поддавшись призывному блеску драгоценных камней, его руки невольно тянулись к ним, и он едва сдерживал себя, чтобы не остановиться и не начать вновь и вновь пересчитывать свои сокровища — иногда на это уходили годы, и редко когда ему удавалось добраться до последнего, самого главного зала.

Но сегодня он решил во что бы то ни стало попасть туда, где среди сокровищ чуди хранилась ониксовая бутылка со смесью драконьей крови и мертвой воды.

Раз в сто лет грамм этого эликсира поддерживал жизнь в его иссушенном временем теле, и он чувствовал, что срок очередного приема лекарства приближался.

Труднее всего Манфрейму давался проход через одиннадцатый зал, где на километровых полках в ящиках и мешках лежала валюта всех времен и народов.

Серебряные киевские гривны соседствовали с английскими золотыми соверенами, а новгородские куны — с американскими долларами. У мешков с долларами Манфрейм все-таки не удержался и, надорвав банковскую упаковку, пересчитал одну из пачек. Банкнот оказалось ровно сто штук.

В последний зал вел длинный каменный коридор, оснащенный многочисленными

ловушками, и продвигаться приходилось очень осторожно.

После очередного поворота туннеля прямо напротив него оказалось высеченное в стене изображение Ховалы. Древний дух приоткрыл один из своих двенадцати каменных глаз, око мгновенно налилось изнутри красным огнем, полыхнуло вдоль прохода огненной зарницей, но, узнав хозяина, Ховало опустил каменное веко, преграждая путь смертоносному огню.

А из конца прохода, прямо от бронзовых врат, ему навстречу семенила древняя старуха.

— Проклятая Мара, опять она здесь! — пробормотал Манфрейм сквозь зубы и сразу же приступил к оградительному заклятью. Слишком уж опасной была встреча с Марой даже для него самого. А безобразная старуха, трясаясь и припадая, направилась прямо к Манфрейму.

Ничье колдовство, даже то, каким обладала Мара, не могло провести ее сквозь установленную Асилами внешнюю защиту замка, и потому Манфрейм испугался, хотя встречал Мару в подземельях не первый раз и знал, что она с незапамятных времен обладает родовым правом появляться везде, где ей вздумается.

— Я не звал тебя... — проговорил он, надеясь, что в его голосе нельзя заметить растерянности, которую он испытывал.

— Конечно, не звал. Разве ты помнишь о родственниках? Ты думаешь только о своих богатствах, а защита между тем прорвана в двух местах и волхвы опять плетут против нас свои подлые козни. Ты обещал, что с ними будет покончено!

— Я сделал все, что в моих силах! С приходом христианства их изгнали из городов, их капища разрушены, а боги отвергнуты, чего еще ты от меня хочешь?

— Они укрылись в горах и невидимых градах, они по-прежнему сохранили большую часть своей силы! — В голосе Мары чувствовалась ядовитая ненависть, и Манфрейму казалось, что шипение этой ненависти вот-вот коснется его самого. — Ты обещал, что с ними будет покончено! — вновь с угрозой произнесла Мара, приближаясь вплотную.

— Такие дела не делаются слишком быстро! Мы только начали свою работу. Вся их сила от веры — и пока русичи верят в старых богов, волхвов невозможно уничтожить.

— Так сделай так, чтобы они перестали верить, чтобы эти варвары вообще забыли своих и чужих богов! А если ты этого не сделаешь, я и тебя изведу на корню. Не забывай об источнике. С каждым годом воды становится все меньше, и ты даже не знаешь, отчего это происходит.

В конце двенадцатого зала, в святая святых своей сокровищницы, Манфрейм остановился. Почти никогда он не испытывал страха и лишь сегодня, после встречи с Марой, убедившись в ее правоте, он испытал настоящий ужас.

Все, к чему он привык, его многочисленное войско и сама его жизнь зависели от этого источника.

У стены, освещенная никогда не гаснущими бронзовыми факелами, питавшимися подземным газом, стояла ваза из белого оникса. Она стояла здесь всегда, сколько себя помнил Манфрейм, а он помнил себя многие тысячи лет...

Очередная капля драгоценной влаги вспыхивала в воздухе от света факелов и падала в чашу...

Она возникала ниоткуда, из пустоты. Сантиметром выше ее не было, сантиметром ниже в воздухе появлялись капли его жизни... Он бился над этой загадкой многие тысячи лет, но проклятые Асилы надежно хранили свои тайны. Их кости давно истлели в земле, а тайны остались. И самой главной из них была именно эта, откуда поступала мертвая вода... Не узнав ее, он навсегда останется рабом этой жидкости.

Если отойти от чаши на несколько шагов, то начинало казаться, что вода сочилась из красного сталактита, свисавшего с потолка, но вблизи становилось ясно, что это всего лишь иллюзия, хотя какое-то отношение к источнику сталактит, несомненно, имел, узнать бы еще какое...

Но Манфрейм даже близко к источнику подходить боялся и уж тем более не смел проводить никаких исследований, связанных с таинственным красным камнем.

Предание гласило, что во Влесовой книге русичей есть упоминание об источнике влаги, дающей жизнь и смерть, — может быть, там он найдет разгадку? Но сначала нужно завладеть самой книгой...

Утром в своем почтовом ящике Сухой обнаружил маленький белый конвертик с символом жизни в левом углу.

В записке кратко сообщалось, что ему надлежит встретить на Казанском вокзале ламу Таена и организовать его встречу с остальными членами белого братства.

14

Змиулан был ласков и красив. Его теплая гладкая кожа, покрытая цветным орнаментом, на ощупь казалась приятной.

Бронислава не могла отделаться от ощущения, что ее сон давно уже перешел зыбкую грань между навью и явью, но ей никак не удавалось обрести окончательный контроль над своим сознанием.

Она все время проваливалась в бесконечную воздушную пропасть, в которой не было никого, кроме нее и Змиулана.

Змиулан, обвив ее обнаженное тело своими могучими кольцами, поддерживал Брониславу в полете, и его морда усмехалась ей в лицо почти человеческой улыбкой.

Морда выглядела неуловимо изменчивой: то на ней появлялись длинные рыбы усы, а глаза сужались в узкие щели, наполненные янтарным блеском, то сквозь морду проглядывало лицо очаровательного юноши, и тогда она ощущала на своих губах его горячие поцелуи.

Наконец, собрав всю волю, ей удалось вырваться из липких, ласковых объятий Змиулана. Огненный демон какое-то время летел рядом с ней, лениво шевеля крылами и предоставив ее тело свободному падению вниз. Тогда она закричала.

Кошмар кончился так же внезапно, как начался. Она лежала посреди смятой постели в круглой комнате западной башни. В окно светила полная луна и напротив виднелись голубоватые, в ее свете, зубцы соседней башни манфреймовского замка.

Возможно, будь Бронислава обычной женщиной, она бы так никогда и не поняла, что произошло. Но ее сознание умело настраиваться на тончайшие космические вибрации.

— Кто тебя подослал? — спросила она пустую комнату.

Только тишина, только шелест змеиной чешуи, только жалобный свист, похожий скорей на всхлипывание.

— Отвечай ты, гадина, или я все расскажу твоему господину!

— Я сам себе господин.

Затем она услышала тихий мужской смех. Огненными искрами он рассыпался по полу, светлой змейкой скользнул к окну и исчез.

Лишь одна искра, задержавшись возле ее кровати, вдруг упала ей на грудь холодным огненным глазом.

Бронислава засветила масляный светильник у изголовья. Комната наполнилась желтоватым слабеньким светом, но глаз не исчез. Теперь он превратился в дорогой перстень с огромным рубином чистейшей крови. Бронислава знала, что случилось с женщинами, которым Змиулан приносил такие подарки.

Они беременели, хотя ни один мужчина не прикасался к ним, а потом рожали чудовищных уродов.

Некоторые навсегда исчезали, и никто ничего не знал об их дальнейшей судьбе.

Спасения у нее не было. Заледенев от ужаса, дрожащей рукой она коснулась своей рубашки. Одежда при ней, значит, самого худшего пока не случилось, но ни одна женщина еще не вырвалась от Змиулана. Если уж он положил на кого свой огненный глаз — не ласками, так хитростью, не уговорами, так грубой силой, — он своего добьется. Невозможно противостоять тому, кто как хозяин приходит в твои сны — проклятый огненный демон!

Против него не помогают никакие заклятия, и некому ей помочь — она одна здесь, покинутая всеми, пленница этого страшного замка...

Когда Глеб наконец понял, что источник непонятных звуков находится у него за спиной, было уже слишком поздно. Двойной стальной захват, от которого затрещали суставы, заблокировал все его движения. Он не успел даже вскрикнуть, как во рту очутился искусно вставленный кляп. В подвале вспыхнул ослепительный свет, и грубоватый с хрипотцой голос тихо произнес:

— Осторожней там с кляпом, ему здесь долго лежать, смотри, чтоб не задохнулся, как в прошлый раз. За живого двойная премия!

— Тому было за восемьдесят, а этот, похоже, из наших, смотри, как брыкается!

Захват усилился, Глеба швырнули на пол. Сзади, за спиной, ловкие руки связали ему запястья, локти, а затем и ноги.

И только когда его оттащили в сторону и прислонили к стене, он увидел нападавших. Семь человек, одетых в маскировочные трико космических десантников, с портативными бластерами за спиной и длинными узкими ножами из вибростали.

Голова восьмого, державшего фонарь, торчала из той самой большой бочки, которую Глебу не удалось сдвинуть со своего места.

Так вот где ход! Он должен был, он обязан был предвидеть такую возможность, а вместо этого попался, словно мальчишка, теперь из-за его феноменальной глупости погибнут и все остальные...

Он видел, как бесшумные черные тени десантников, повинувшись безмолвным, незаметным для посторонних командам, уже ползли по лестнице на второй этаж, в каптерку, из которой по-прежнему не доносилось ни звука. Один за другим они ныряли в люк и исчезали из поля зрения Глеба.

Эти не сделают ни одной ошибки — профессиональные, хорошо обученные убийцы. Лишний раз он убедился в том, что свободные от нарядов пары работают на Манфрейма! Только сейчас до него дошел смысл разговоров в столовой о дополнительных левых заработках. Румет не зря приобрел диплом офицера космической базы. Толку от этого запоздалого понимания не было никакого. Глеб лихорадочно искал выход из создавшегося положения и ничего не мог придумать. Боль от заломленных рук становилась все сильнее, и ему пришлось волевым усилием подавить ее. Затем он отрегулировал дыхание, в конце концов, его не зря учили тому, что воин обязан быть готовым к схватке в любой ситуации и в любую минуту, до тех пор, пока хоть искра жизни теплится в его теле.

Им понадобилось не более пятнадцати минут, чтобы вернуться... Первым в люк втолкнули Васлава. Руки у него были связаны, и, не сумев удержать равновесие на узкой лестнице, он тяжело упал на каменный пол. Левый глаз и половину лица князя закрывал синяк. Однако даже после падения своего огромного тела, от которого содрогнулся каменный пол каптерки, он сумел сохранить присутствие духа и подмигнул Глебу здоровым глазом, словно хотел о чем-то предупредить.

Вторым по ступенькам медленно спустили раненого Крушинского. На этот раз заклятие не помогло, или оно уже израсходовало всю свою силу. В боку у Юрия торчало оперение стрелы, и полоса крови на одежде свидетельствовала о том, что рана была нешуточной. Однако, несмотря на смертельную бледность, он двигался самостоятельно, но, если они не сумеют в ближайшие полчаса оказать ему помощь, он истечет кровью... Глеб снова и снова лихорадочно обдумывал ситуацию в поисках хотя бы малейшей зацепки, малейшей ошибки в действиях их противников.

Раненого Крушинского не связали, очевидно, посчитав неопасным, а у князя остались свободными ноги — это давало им крошечный шанс, если он правильно понял знак Васлава...

По лестнице между тем один за другим спускались десантники. Вернулось только пятеро, и по их искаженным от ярости лицам, по тому, что все они набросились на лежащего Васлава, нанося ему беспорядочные удары ногами, нетрудно было догадаться о том, что

произошло наверху с остальными.

Васлав не пытался сопротивляться, он лишь согнулся, закрыв коленями лицо, и напряг свои могучие мышцы, чтобы ослабить силу ударов.

— Вы, грязные свиньи! Это Викс научил вас избивать связанного пленного?! — не сдержавшись, крикнул Крушинский.

— Среди них, похоже, один из наших, ну-ка посвети!

— Точно. Это Крушинский из седьмого звена. С ним лучше всего покончить сразу. Иначе он нас заложит Виксу!

Вперед вышел отдававший приказы офицер со шрамом на подбородке. Его лицо показалось Глебу знакомым. Оно выглядело странно задумчивым и спокойным, словно этот человек решал некую отвлеченную арифметическую задачу.

Рука его медленно потянулась к ремню бластера, и Глеб, подтянув свои связанные ноги, уперся ими в стену, готовясь к броску.

Если даже не удастся сбить офицера с ног, то прицел он ему испортит наверняка, правда, скорее всего, это будет последнее, что он сможет сделать в своей жизни. Один из десантников, стоявших позади офицера, дружески положил руку тому на плечо.

— Послушай, Мед Вин, сорок два кредоса — не слишком ли дорогая плата за то, чтобы сейчас пришить этого ублюдка? В клинике Манфрейма ему так прочистят мозги, что он забудет все, что сейчас узнал.

— Пожалуй, ты прав. — Рука Мед Вина медленно опустилась, и Глеб услышал, как в неожиданно наступившей тишине бешено колотится его сердце.

— Двое вниз на приемку, остальные спускают пленных. — Мед Вин отдал команду и спрятал бластер в кобуру.

Два солдата исчезли в отверстии бочки. Глеб продолжал свою, не видимую никому работу, — сейчас его мозг превратился в аналитическую машину, отмечающую малейшие детали в изменившейся обстановке, не упускавшей ни единого самого крохотного шанса, который можно было использовать.

Десантников осталось четверо, всего четверо. Как жаль, что Крушинский ранен — другого такого случая может не быть! Фонарь слепил Глеба, мешал подать Юрию условный знак. Даже раненный, он представлял из себя грозную боевую единицу. Только если действовать синхронно, появится шанс на успех.

— Сорок два кредоса?! Неужели так дешево стоит наша жизнь? — громко спросил забытый в темноте князь. Его голос прозвучал резко и неожиданно, все четверо десантников сразу же повернулись в его сторону. — За свою я дам в десять раз больше!

— А у тебя есть деньги? — вкрадчиво спросил офицер.

— Я — князь Васлав, с собой я их не ношу, но, если отпишу грамоту, выкуп за меня заплатят золотом.

Десантники переглянулись, соблазн был слишком велик. Они знали, что князя русичей никогда не бросали своих слов на ветер. Момент был выбран Ваславом весьма удачно, двое отсутствовали, и, значит, выкуп не придется делить на всех.

Кроме того, свободно владея всеми современными системами рукопашного боя, десантники редко находили себе достойных противников среди русичей и недооценивали Васлава.

— Развяжите ему руки и дайте бумагу, — приказал офицер.

«На их месте я не был бы так самоуверен», — подумал Глеб, чувствуя, как вновь напряглись все его мышцы. А связанные ноги, слегка согнувшись в коленях, уперлись в боковую стойку.

— Бумага не пойдет, командир! Они не умеют на ней писать. Но у меня припасены береста и стилос, специально для таких случаев. — Высокий, худой солдат начал копать в своей сумке. На несколько секунд его внимание отвлечено. Второй уже развязывал Ваславу руки, и о нем тоже можно было не беспокоиться.

Оставался еще один, тот, которому офицер передал свой фонарь, но он стоял слишком

далеко от Глеба. Крушинский лежал у самых его ног, если он не потерял сознания, то и с этим солдатом все обойдется.

Зато сам офицер, наиболее опасный противник из всех, находился на расстоянии броска от Глеба. Его внимательный взгляд остановился на лице Глеба, покрытом мелкими бисеринками пота.

— Ты что-то слишком нервничаешь, с чего бы это?

Но было уже поздно. Руки Васлава рванулись в стороны и мгновенно сдавили шею солдата остатками веревки, которую тот развязывал. Сразу же, синхронно с его *xxxxxчасть текста отсутствует - Kostyaraxxxxxxx*.

Краем глаза он успел заметить, как в том углу, где стоял последний, самый дальний и потому самый опасный десантник, метнулась с пола темная, стремительная, похожая на пантеру тень.

Офицер начал было приподниматься, но огромный кулак Васлава обрушился ему на затылок, прежде чем он успел понять, что происходит. Используя виброклинок офицера как обычный кинжал, князь перерезал веревки, стягивавшие Глеба, одним точным движением.

Теперь в пороховом погребе двигались лишь они двое. Все четверо десантников больше не подавали признаков жизни, но и Крушинский, сделавший свой нечеловеческий бросок, неподвижно лежал на полу.

Прежде чем Глеб успел оказать помощь своему новому другу, из бочки, маскировавшей колодец туннеля, раздался голос одного из спустившихся вниз десантников:

— Долго нам еще ждать, что там у вас случилось?

Раньше чем Глеб успел решить, как быть с этой новой опасностью, фигура Крушинского на полу шевельнулась, и тонкая огненная нить бластерного выстрела наискось разрезала бочку почти до половины.

Послышался булькающий звук, и долгий затихающий грохот падения тела в колодце. Представив, что стало с человеком, попавшим под этот выстрел, Глеб почувствовал тошноту, но, кажется, Крушинский лучше знал, с кем они имеют дело.

— Внизу остался еще один, он не должен уйти ни в коем случае! - проговорил Крушинский, вновь без сил распластавшись на полу.

Глебу очень не нравилась полная тишина в колодце. Человек, сохранивший самообладание и не издавший ни звука, когда ему на голову свалился перерезанный пополам труп его товарища, представлял для них весьма серьезную проблему. Крушинский абсолютно прав, если ему удастся уйти и вызвать подмогу, то все остальное окажется напрасным.

Но Глеб никак не мог заставить себя сделать то, что было необходимо. Наконец непослушными ватными руками он сорвал с офицера бластер, откинул крышку потайного люка и несколько раз выстрелил вниз.

Вспышки лазерных разрядов осветили гладкие стены туннеля, перекладки металлической лестницы, но последнего их врага там не было, он прятался где-то внизу, в расширявшейся части туннеля. Не больше секунды понадобилось Глебу для того, чтобы решить, как его оттуда выкурить. Схватив с полки небольшой бочонок с порохом, он швырнул его вниз.

За те доли мгновения, пока бочонок находился в полете, Глеб успел прикинуть последствия своих действий: не меньше двадцати метров глубины, сплошной скальный монолит, узкое жерло колодца внизу расширилось. В бочонке около десяти килограммов пороха. Взрывная волна такой мощности не представляла для них опасности, а детонации черный порох не боится, сойдет, пожалуй...

Прежде чем бочонок достиг дна колодца, прежде чем кто-нибудь из присутствующих успел произнести хоть слово, новый разряд бластера Глеба догнал бочонок у самого дна, и подвал содрогнулся от грохота взрыва.

Они отделались сорванной крышкой люка и волной отвратительно вонявшего дыма.

— Не слишком ли ты рисковал, мой друг? — спросил Крушинский, приподнимаясь на

локте.

— Как видишь — не слишком. Не двигайся и не разговаривай, сейчас я займусь твоей раной. У одного из них была универсальная аптечка.

Глеб включил сразу два фонаря и только сейчас обратил внимание на парализованного ужасом князя.

— Что это было, дракон?

— Самое обычное волховство. С нами тебе придется привыкать к подобным штукам.

— Нет, други, есть вещи, к которым человек никогда не привыкнет.

«Пожалуй, он прав, — подумал Глеб, — возможно, даже сам не знает, насколько. Вот сейчас я убил человека, такого же, как я, дурака. Разве что более жадного... И это только начало, придется убивать еще многих. В этой борьбе не остается места для жалости. Слишком серьезны причины, слишком много поставлено на карту. А я простой солдат, я должен выполнять конкретные задачи и не задумываться о большем».

Но он не мог не задумываться, потому что именно сейчас решал, какую цену можно заплатить для достижения поставленной цели. И что делать, если цена оказывается непомерно высока.

Раньше, в Афганистане, он не думал о таких вещах, возможно, потому, что тогда у него не было права выбора, хотя это чушь, у человека всегда есть выбор — больший или меньший, но он всегда есть.

Вопрос опять возвращается все к тому же — к цене, которую ты готов заплатить за то, чтобы не делать то, чего не хочешь делать.

Что-то в нем очень сильно изменилось, с тех пор как он попал в Китеж. Юрий сказал: они пришли сюда, чтобы набраться мудрости и силы. Возможно, именно это и происходило с ним сейчас.

А пока Глеб размышлял обо всех этих вещах, его руки механически делали нужную работу, впрыскивали обезболивающее, обрабатывали рану антисептиками, и наконец, закончив подготовку, он смог приступить к самой ответственной части операции: к извлечению глубоко засевшего в ребрах Крушинского наконечника арбалетной стрелы.

К счастью, жизненно важные органы не были задеты, и благодаря транквилизаторам Юрий сможет двигаться — это сейчас было самым важным, потому что с каждой минутой их шансы выбраться отсюда живыми стремительно уменьшались.

Через несколько минут, подобрав трофейное оружие, фонари и припасы, все трое уже спускались по узенькой металлической лестнице в шахту колодца.

Глеб сжимал в руках выключатель радиодетонатора, оставленного в верхнем складе, — в любую секунду, нажав его кнопку, он мог превратить в груды обломков весь скальный карниз, на котором манфреймовцы расположили свою батарею.

Колодец оказался гораздо глубже, чем они предполагали. Не менее тридцати метров шла вниз, иногда значительно отклоняясь от горизонтали, узкая металлическая труба. Осторожно спускаясь, они старались соблюдать тишину, но из-за Крушинского это не всегда удавалось. Хотя Юрию оставалось лишь придерживаться за скобы лестницы, в темноте, время от времени, его ноги задевали за стены, и труба далеко разносила гулкие звуки.

Внизу их ждала полнейшая неизвестность — даже если взрыв достиг своей цели, в туннеле, соединявшемся с колодцем, вполне могли находиться другие солдаты. Если там засада, в узкой трубе колодца они окажутся совершенно беспомощны.

Глеб сделал единственное, что было возможно. Жестом попросив Васлава задержаться, он ускорил спуск и оторвался от своих друзей метров на пять. Фонари давно погасили, чтобы не выдавать своего местонахождения, и Глеб вынужден был спускаться в полной темноте.

Наконец его нога, нащупывая очередную ступеньку, повисла в воздухе. Колодец кончился.

Глеб попытался нащупать дно, повиснув на руках и ухватившись за последнюю скобу, но ему это не удалось. Пришлось приготовить бластер и включить фонарь.

В квадратной комнате, которой заканчивался туннель, никого не было. До пола

оставалось не более двух метров. Глеб прыгнул и осмотрелся.

Стены изуродованы взрывом и измазаны кровью, если тут кто-то и был, живых не осталось. С одной стороны комната заканчивалась наглухо закрытыми дубовыми воротами, в другую уходил горизонтальный туннель, в глубине которого поблескивал монорельс.

— Спускайтесь. Кажется, здесь безопасно.

Нижний пролет лестницы, сорванный взрывом, валялся в стороне, Глеб помог Крушинскому, отвел его к началу прохода и усадил у стены.

— Не этот ли туннель ведет в замок?

— Скоро выясним. Нам придется это проверить. За воротами дно ущелья, над которым стоит батарея. Там наверняка полно солдат, так что у нас остается только эта дорога в глубь скалы, куда бы она ни вела.

Только теперь спустился наконец и Васлав, несущий в одной руке все снаряжение.

— Я слышал какой-то звук, похоже, они пытаются открыть ворота. — Глеб резко выпрямился и достал из кармана радиодетонатор.

— Если это так, нам придется взорвать батарею прямо сейчас.

— А если туннель заканчивается тупиком? Тогда мы отрежем себе последний путь к отступлению. Карниз наверняка рухнет и завалит ворота. Надо сначала проверить, куда ведет проход.

Но времени на это не осталось. Створки ворот распахнулись. За ними они увидели десятки манфреймовских нелюдей с мечами и копьями наготове. От их мертвого молчания повеяло такой безнадежностью, что Глеб, не раздумывая больше ни секунды, нажал кнопку детонатора.

Миссию, добровольно взятую на себя Сухим во время последней встречи членов братства, выполнить оказалось не так-то просто.

Ему не удалось встретиться с городскими чиновниками, ответственными за строительство многочисленных памятников и храмов, разросшихся за последнее время по всей Москве, точно ядовитые грибы.

По подсчетам братства, сумм, истраченных на эти сооружения, оказалось бы вполне достаточно, чтобы обеспечить нормальными пенсиями всех голодных стариков города.

15

Официальный зал приемов в манфреймовском дворце выглядел холодным и пустым. Таким он был всегда, с тех самых пор, как молодым офицером федеративной службы безопасности прибыл сюда Андреас Мориновский. Прошли годы, многое изменилось — только не этот зал. И сейчас, стоя здесь в ожидании своего господина, Андреас вспомнил молодость, то время, когда впервые переступил порог зала приемов.

Все так же свисали с потолка черные штандарты с крестами. Все так же безмолвно стояли между колонн фигуры рыцарей в стальных доспехах, и только он, Андреас Мориновский, за двадцать лет растерял многое из своих честолюбивых замыслов. Многое, но не все.

Место наблюдателя при дворце влиятельного вельможи казалось ему прекрасным трамплином в будущее. Если бы он раньше знал хотя бы малую частичку того, что знает теперь, он бежал бы отсюда, как бегут от чумы...

Но он остался. С годами подкуп и предательство превратились для него в основные орудия ведения дел... Его самого перекупали не менее двадцати раз. Он стал двойным агентом, затем тройным.

Однажды выяснилось, что хозяину известен каждый его шаг, каждая запятая в доносах.

Знать бы ему, какой орден стоял за плечами Манфрейма... Он ожидал разжалования, скорой казни, но его повысили.

Манфрейм назначил Мориновского начальником особых подразделений и внутренних служб, а затем присвоил ему должность фельдмаршала своей лейб-гвардии. Тайный

фельдмаршал тайной гвардии...

Затем он стал управляющим Черного замка, и все эти годы ждал, что на его голову опустится зависший в своем падении дамоклов меч. Как только он оступится, сделает неверный шаг, ему предъявят длинный, все увеличивающийся с годами счет...

Но вместе со списком его предательств рос в банке и личный счет Андреаса...

Цифры в лакированной книжечке да еще, пожалуй, молодые наложницы, ожидавшие в апартаментах, — составляли не такие уж многочисленные радости его жизни.

— Но теперь, похоже, все это кончится. Он провалил операцию, которой Манфрейм придавал совершенно особое значение.

Магистр, скупой, порой до отвратительной скаредности, на этот раз выделил тысячу золотых кредосов, чтобы нанять элитное подразделение космических десантников. И настоял на этом не кто иной, как он, Андреас Мориновский.

Разве мог он знать, что хваленые десантники бесследно исчезнут во время штурма артиллерийской батареи. Исчезнут вместе с человеком, чью голову Манфрейм оценил в тысячу золотых кредосов...

Мориновскому удалось восстановить все детали схватки на батарее. Он знал, по какому туннелю ушел в подземелье Яровцев со своими друзьями. Он мог бы их настигнуть, если бы тотчас организовал погоню.

Но, поняв, как важен для Манфрейма Яровцев, Андреас решил не спешить. У него появились на этот счет собственные, неизвестные хозяину планы, и теперь за это придется расплачиваться.

Никто не мог заранее предсказать, что именно знает Манфрейм, у того были свои каналы информации. И сейчас грохот его металлических сапог отозвался в душе Мориновского заунывном колокольным звоном...

Собрав остатки своего мужества, он еще раз перебрал в уме свои немногочисленные козыри в предстоящей борьбе за собственную жизнь.

Три основных источника силы поддерживали беспредельную власть Манфрейма: бессмертие, накопленные за долгие столетия несметные богатства и еще орден, набросивший свою сеть на многие планеты, проникший в различные эпохи и страны.

Андреас не знал, каким образом Манфрейм стал его магистром — возможно, в далекой древности он сам и создал эту мощную структуру. Постепенно орден превратился в беспримерное орудие власти, собирая и концентрируя в руках своего шефа богатства и знания разных цивилизаций.

Многие пытались бросить вызов могуществу Манфрейма. Андреас помнил о нескольких неудавшихся покушениях, о подосланных агентах, о непобедимых армиях, осаждавших этот замок столетия назад.

Кости врагов Манфрейма давно истлели под стенами, а замок стоит как стоял, и его бессмертный господин имел все основания с презрением относиться к собственным врагам.

Тем непонятнее становилось исключение, сделанное им для Яровцева, жалкого наемника из эпохи цивилизованного варварства. За ним не было никакой реальной силы. Андреас проверил все, что только возможно. Досье на этого человека занимало объемистый том.

Что-то тут было не так. Его чутье старого контрразведчика подсказывало — здесь скрыта одна из важнейших манфреймовских тайн, возможно, даже тайна его бессмертия...

Если бы он смог овладеть ею!

Возможно, к лучшему, что десантники потерпели неудачу. Только бы ему выдержать сегодня, только бы не оступиться, найти верную точку опоры, отвести от себя смертельно опасный гнев своего господина и получить новый резерв времени. Тогда уж он не упустит представившийся случай. Он выяснит, в чем тут дело, и, если понадобится, предаст своего хозяина еще раз.

Мориновский знал, какое значение имела для Яровцева княжна Бронислава: отчеты от манфреймовского агента на базе десантников проходили через его руки. Переговоры с

новым врагом Манфрейма можно будет начать не с пустыми руками.

С привычным грохотом Манфрейм опустился в кресло, и в зале повисло долгое молчание.

Глубоко за стальным забралом сверкали глаза существа, лица которого никто не видел. Перчатки покоились на подлокотниках, правая рука едва заметно поглаживала завитушки из темного резного дуба, инкрустированного золотом. Это кресло сделали в Китае три тысячи лет тому назад... Даже Манфрейму нелегко было представить такую громаду времени.

Жалкий червь стоял перед ним, вынашивая в своей голове нелепые планы. Он был ему полезен до тех пор, пока ткал собственную паутину и, сам того не зная, маскировал подлинные намерения своего властелина.

— Ты можешь встретиться с Яровцевым. Предложи в обмен его драгоценную княжну, на... Впрочем, он и так знает, на что.

— Для успешного ведения переговоров я должен знать, о чем идет речь.

— Это я буду решать, что тебе следует знать и чего ты знать не должен! — В голосе Манфрейма прозвучала явная угроза, и Мориновский сжался, покорно склонив голову. — Скажи лучше, куда делась последняя партия пленных русичей из тех безумцев, которые штурмуют мой замок. Мне доложили: в клинику они не поступили. Сорок человек — это почти двести тысяч золотых гривен, так куда они делись?

Опасность обнаружилась совсем не там, где ее ждал Мориновский. Секунду он мучительно подыскивал нужный ответ и наконец решил, что в данном случае лучше всего сказать правду.

— У них обнаружили симптомы чумы. Два человека умерло. Я распорядился поместить их для карантина в нижний подвал. — Он остановился, не решаясь продолжать.

— Ну, и что же дальше?

— Им удалось бежать...

— Больным?

— Не все были заражены...

— И куда же они делись? Из нижних подвалов еще никто не выходил живым.

— Они нашли ход в лабиринт...

Штольни со следами механической выработки кончились, как только отряд Яровцева миновал первую развилку туннеля.

Глеб старался наносить на планшетку каждый поворот, но перекрестков и ответвлений становилось все больше. Компас показывал сплошную чушь. Видимо, пласты пород в этих местах содержали металлические руды.

Все же общее направление движения удавалось контролировать, но все их попытки найти проход, ведущий к манфреймовскому замку, заканчивались неудачей. Многочисленные ответвления, поначалу идущие в нужном направлении, вскоре поворачивали в противоположную сторону и постепенно уводили все дальше в нижние горизонты.

Пройденный маршрут на планшете превращался в дугу, охватывающую замок с востока. Казалось, даже здесь, под землей, цитадель Манфрейма окружала невидимая и непреодолимая стена. Возбуждение от последней схватки давно прошло, Глеб чувствовал усталость и нарастающее отчаяние.

Время уходило. С каждым потерянным часом, все дальше, все нереальнее становилась его надежда вновь увидеть девушку с васильковыми глазами.

Она просила о помощи, надеялась на него, но все, на что он оказался способен, это бессмысленно подставить грудь под предательский удар Румета, а сейчас, когда дорога каждая минута, он все дальше и дальше удаляется от манфреймовского замка.

Еще один поворот, еще один туннель — сколько их уже было! Наступит ли конец бесконечному блужданию в паутине этого лабиринта? Он знал, что Бронислава жива. Обучение у волхвов не прошло бесследно, он чувствовал ее телепатическую ауру, хотя не мог разобрать деталей, слишком велико расстояние, слишком толсты разделяющие их стены.

Глеб представил, каково ей сейчас в руках манфреймовских подручных; есть вещи похуже смерти... Когда он думал об этом, его рука стискивала рукоятку бластера, а глаза в бессильной ярости скользили по стенам туннелей в поисках того единственно верного прохода, который вывел бы его к манфреймовскому логову.

Даже подавляющие воображение картины подземного мира не производили на Глеба никакого впечатления. Только что они миновали целую анфиладу залов, стены которых были усыпаны сверкающими самоцветами, алые кружева гранатов, голубые глаза цирконов, аметисты, притаившиеся среди кварцевых жил...

Глеб думал лишь о том, как относительна и недолговечна ценность всего этого богатства — здесь, под землей, на него не купить даже глотка воды.

По мере расходования запасов именно проблема воды становилась для них первостепенной.

Иногда где-то совсем близко, за стеной очередного разлома, они слышали шум подземного потока, но так и не смогли к нему пробиться.

Воды становилось все меньше, теперь уже приходилось экономить каждый глоток. Несмотря на огромную выносливость и силу Васлава, временами почти тащившего на себе Крушинского, двигались они все медленнее.

Маленький человек заблудился в подземном лабиринте, и хотя у него не было ни компаса, ни планшета, это событие казалось ему настолько невероятным, что лишь через несколько часов он окончательно смирился с поражением.

Домовые отлично чувствуют направление и обладают уникальной памятью. К тому же, являясь дальними родственниками гномов, они сохранили их родовую способность хорошо ориентироваться в подземных лабиринтах. Но лабиринт под манфреймовским замком изобиловал невидимыми силовыми стенами и магическими ловушками, то и дело выводившими к замаскированным колодцам и трещинам. Зачастую несчастный, заблудившийся в подземелье, снова и снова оказывался у того самого места, с которого начал свой путь.

В конце концов, Шагара был вынужден признать, что окончательно потерял ориентировку. Он не знал даже, сколько времени прошло с тех пор, как он проник в подземелье. Неделя, месяц?

Домовые питаются излучением жизненной энергии, исходящей от живых существ. Но в мертвом подземелье Манфрейма не было даже насекомых, и Шагара чувствовал, как постепенно слабость свинцовой тяжестью заполняла все его маленькое тело.

Он уже давно оставил попытки пробиться в центральную часть подземелья. Сейчас он лишь боролся за собственную жизнь и понимал, что это будет продолжаться недолго.

Бронислава никогда не узнает, выполнил ли он ее последнее поручение, передал ли записку гололицему чужеземцу, так некстати ворвавшемуся в их и без того переполненную опасностями и тревогами жизнь.

На чужеземце лежала печать скрытой светлой силы, но даже он, Шагара, со своим обостренным чутьем не смог разобраться, в чем здесь дело.

Слабость становилась такой сильной, что порождала равнодушие к собственной жизни. Шагара мечтал лишь о том, чтобы мучения не продолжались слишком долго.

Для домовых нет ничего страшней одиночества, невозможности хотя бы незримо присутствовать рядом с теми, кого они любят, и поэтому маленькое сердце Шагары билось все реже.

Он уселся на влажный прохладный камень рядом с гладким нефритовым сталагмитом и понял, что не уйдет отсюда уже никогда.

Его большие желтые глаза с узкими кошачьими щелями зрачков по-прежнему видели в темноте мельчайшие детали подземного лабиринта, окружавшего его со всех сторон, и выбранное место показалось ему подходящим для последнего сидения в мире, который он покидал навсегда.

Неожиданно рядом со сталагмитом возникло пульсирующее пятно света. Оно

оказалось слишком ярким для его привыкших к темноте глаз, и какое-то время Шагара не видел ничего, кроме цветного тумана. Когда зрение вновь вернулось к нему, рядом с камнем, на котором он сидел, стоял высокий худой человек в темной одежде, с длинным шарфом, перекинутым через плечо.

Инстинктивно Шагара протянул к нему свои невидимые пищевые щупальца. Ему было нужно от незнакомца совсем немного, маленькая толика излучений, окружающих любое живое существо и обычно без всякой пользы рассеивавшихся в пространстве. Но щупальца Шагара, наткнувшись на непроницаемую силовую стену, болезненно сжались. Губы незнакомца искривила презрительная усмешка.

— Даже и не пытайся. Ты получишь пищу только в том случае, если присягнешь мне на черной земле.

— Кто ты, что тебе от меня нужно?

— Меня зовут Андреас Мориновский, я управляющий манфреймовского замка, и ты мне нужен в качестве слуги.

— У меня уже есть хозяйка.

— Я знаю. Именно это делает тебя особенно ценным для поручений особого рода, она не должна узнать о нашем договоре.

— Нет. Домовые не меняют своих хозяев, если только те сами не отказываются от них.

— Это я, пожалуй, смогу устроить.

— Нет.

— Подумай хорошенько. Ведь у тебя нет души. Смерть для домового означает полный конец. Не останется ничего. Даже памяти о тех, кого ты любил. Представь себе, как это будет. Я предлагаю тебе так много — жизнь. Сотни, тысячи лет жизни! Ведь вы, домовые, стареете только по собственному желанию или глупости... — В голосе Мориновского слышалась откровенная зависть. — Какая разница, кому служить? Все домовые кому-нибудь служат.

— Я не вижу на тебе ни одного светлого знака. Каждому человеку, имеющему дом, полагается его хранитель, что ты сделал со своим?

Андреас нахмурился.

— Я не намерен отвечать на твои глупые вопросы. Так ты согласен?

— Нет!

— Глупец! Мне придется позаботиться, чтобы ты не причинил вреда моим планам. Хотя ты и так умрешь, но кто знает, жизнь полна неожиданностей.

Мориновский быстро сунул правую руку в складки своего плаща, и в ней блеснуло оружие. Это был не простой кинжал. Обычное заклятие против ножа на него не подействовало, только вокруг лезвия вспыхнуло голубоватое пламя. Нож продолжал приближаться с огромной скоростью... Шагара попытался отвести взгляд своего противника, но и это не помогло. Его спасло лишь умение мгновенно уменьшаться в размерах. Нож лязгнул о камень рядом с его головой.

— Проклятая крыса! — Мориновский грязно выругался. Для повторного удара у него не оставалось времени.

После того, как Мориновский поспешно исчез, еще несколько секунд Шагара ощущал замирающую вибрацию грубо разорванного пространства, а через несколько секунд чуткие уши домового уловили приближавшиеся шаги трех человек.

— Шагара! Ты что здесь делаешь?

Синий конус дугового разрядника выхватил из темноты крохотную фигурку человечка в красных штанах, слишком заметных на фоне светлого сталагмита.

— Тебя вот дожидаюсь... — проворчал Шагара, отпуская сталагмит, к которому инстинктивно прижался, спасаясь от ножа Мориновского, и принял более достойную позу.

Мощная волна жизненной силы, исходящая от людей, окатила его с ног до головы и заставила радостно затрепетать каждую клеточку измученного голодом тела.

— С тех пор, как передал тебе весточку, не могу пробиться к моей госпоже. Вишь куда

закрутило проклятое подземелье, уж и не чаял выбраться.

— Да это никак домовой, — изумился Васлав. — Что он делает в таком гиблом месте?

— Ему, как и нам, нужна Бронислава. Похоже, у нас появился попутчик.

— Неужто он заблудился?

— Мы никогда не плутаем! Дороги туда нет, вот что! — распетушился Шагара, принимая свою обычную вызывающую позу — руки уперты в бока, правая нога выставлена вперед, голова гордо откинута.

— Ну, ну, успокойся. Ты прав. Нас тоже все время выворачивает на кривую дорогу. Второй, виток заканчиваем и лишь уходим все больше в глубину. Этот туннель похож на спираль, ведущую вниз. Если нам и дальше не удастся с него свернуть, он уведет нас в самую преисподнюю.

После короткого привала они вновь продолжили движение. Воздух стал намного горячее за последние несколько часов. Возможно, где-то впереди их ждала раскаленная лава. Не зря над горой у манфреймовского замка вились черные туманы. Вулканическая деятельность в этих местах была на редкость активна.

Они шли слишком долго. Очередной выматывающий переход по бесконечному лабиринту расколов, сталактитовых залов, пещер, покрытых кальцитовыми кристаллами, близился к концу. Разговоры давно прекратились, угрюмое молчание сопровождало их вот уже несколько часов. Васлав и Крушинский, идущие позади, обменивались лишь короткими фразами.

Поход тяжело давался Ваславу, не привыкшему к длительным пешим переходам. Без своего богатырского коня он чувствовал себя совершенно потерянным.

Они почти утратили надежду найти ход, ведущий к замку. Даже сложная электронная техника, захваченная во время последнего боя, мало что меняла, хотя в заплечной сумке командира десантников нашелся даже навигатор.

По-настоящему полезным этот прибор мог быть лишь в том случае, если в его память предварительно вводилась информация о предстоящем маршруте. Однако даже сейчас, в незнакомом подземном лабиринте, прибор постепенно накапливал данные о пройденном пути, анализировал их, сопоставлял с многочисленными, имеющимися в его памяти примерами и пытался интерполировать карту лежащей перед ними части подземелья. Это удавалось лишь частично, с сорокапроцентной степенью вероятности, и Глеб, добровольно взявший на себя обязанности картографа, то и дело с огорчением отмечал неверные, ведущие в тупики повороты, отнимавшие у измотанных людей последние остатки сил.

Наконец на одном из привалов, когда истомленные жарой и жаждой люди пытались собрать со скал жалкие капли конденсата, Васлав спросил, не наступила ли пора возвращаться?

— Возвращаться нам некуда, князь, — ответил Крушинский. — Мы завалили единственный выход, по которому проникли сюда. Или мы найдем новый, или останемся здесь навсегда.

Крушинский, измученный своей раной, переносил жару тяжелее всех. По его шее стекали грязные ручьи пота, даже дыхание Юрия изменилось, стало прерывистой, в нем появились хрипы и свисты.

Глеб понимал, что, если жара не спадет в ближайшие часы, конец пути для них близок. Ни о каком возвращении не могло быть и речи, даже если бы они сумели разобрать завал, образовавшийся после взрыва, у них попросту не хватит сил на обратный поход.

Пунктир разломов на экране навигатора шел вниз до самого края. Неожиданно Глеб заметил одну странную особенность в схеме уже пройденных туннелей — все они имели одинаковый наклон и словно стремились соединиться в одной точке, расположенной где-то за пределами планшета.

Из-за слишком большого расстояния этого места не было видно на карте, но в углах схождения всех значительных разломов чувствовался определенный порядок.

— Тебе придется потерпеть еще немного, старина. — Крушинский держался на одних

транквилизаторах из последних сил, но, несмотря на это, он еще находил в себе силы подбодрить князя, из-за своей комплекции и веса с трудом переносившего жару. — Если мы изменим направление и начнем плутать по туннелям — это верная гибель.

— Я что-то чувствую впереди, — насторожился Шагара. — Какую-то жизнь.

— Жизнь в этом пекле? — не поверил Васлав.

— Тебе ничего не напоминает этот рисунок? — Глеб протянул планшет Крушинскому.

— Похоже на паутину... Все разломы ведут к какому-то центру.

«Да, и в центре паутины иногда прячется нечто живое, нечто коварное и хищное, поджидающее добычу...» — подумал Глеб, захлопывая планшет.

Сил оставалось совсем мало. Тем не менее им следовало торопиться. Если впереди ждал враг, нужно было сохранить хотя бы способность сопротивляться. Все подобрались, проверили оружие. Они понимали, что чужая жизнь здесь, в этом мертвом подземном царстве, означала, скорее всего, окончание их бесконечного пути в раскаленном аду.

Лама Таен оказался человеком вполне современным, начитанным и знакомым с обычаями европейских городов. Он легко вписался в жизнь огромного московского мегаполиса, полностью растворившись в нем, и не доставлял Сухому никаких излишних хлопот.

Беседы с ним касались порой совершенно неожиданных тем, а его замечания нравились Сухому своей непредсказуемостью.

— Как вы думаете, люди становятся предателями только из-за денег?

— Вообще-то это наиболее часто встречающаяся причина и самая неинтересная. Бывают другие случаи. Например, я знал человека, который предал свою страну, искренне желая ей блага и стремясь навредить общественному укладу, который его не устраивал.

— И он до сих пор считает, что поступил правильно?

— Не думаю. После этого у него вообще перестали возникать какие бы то ни было мысли.

16

Глубоко под землей пробивался к неведомой ему самому цели еще один отряд. Из сорока человек в живых осталось всего шестнадцать.

Они блуждали в адском лабиринте туннелей вторую неделю и давно потеряли надежду выбраться. Среди них было пятеро больных чумой, но они их не бросили, предпочтя, как это издавна заведено у русичей, погибнуть всем вместе.

Однако в раскаленном воздухе подземелий чума прекратила свое развитие. Новых заражений не было, а больные начали выздоравливать.

К сожалению, болезнь была не самым худшим врагом отряда Тверского князя Тереха, возглавившего побег русичей из манфреймовских застенков. С самого начала пути их преследовали порой совершенно необъяснимые неудачи. То проваливался в отвесную трещину высланный вперед дозорный, то они попадали в тупиковые ответвления с выходами ядовитых газов — отряд таял буквально на глазах. И лишь в одном им повезло, хотя сами они еще не догадывались об этом. По счастливой случайности в смертельно запутанном лабиринте пути двух отрядов пересеклись.

Глеб увидел их, когда кончился узкий проход и все четверо вошли в очередной гигантский зал. Свет фонарей терялся в нагромождении каменных глыб, и они не сразу заметили застывшие в угрожающих позах обнаженные человеческие фигуры.

В руках эти люди сжимали острые обломки камней, палки, кое у кого виднелось настоящее оружие. Их застывшие изможденные лица ничего не выражали, ослепленные электрическим светом, они стояли неподвижно, но не казались испуганными, на их лицах читалось решимость броситься на нового неведомого врага по первому знаку своего предводителя...

— Кто вы такие? — спросил Васлав на древнерусском.

— Мы люди князя Тереха. А вы кто?

— Мы из отряда Васлава, вместе с вами осаждали замок. Опустите оружие.

Но оружие не опустилось. Глеб удивился тому, что Васлав не назвал себя.

— Погасите ваш дьявольский свет, чтобы мы могли вас видеть!

Васлав направил фонарь в пол, но так, чтобы нельзя было понять, сколько людей стоит у него за спиной.

— Что случилось с вашим князем?

— С ним ничего не случилось. — Высокий человек в повязке из шкуры пещерного волка с двуручным тяжелым мечом, угрожающе выставленным вперед, вышел из-за ближайшего обломка. — Я князь Терех.

— Рад видеть славного князя. Говорят, твоя дружина была окружена в Аримском ущелье и полностью уничтожена. Хорошо, что слухи оказались ложью.

— Мы попали в плен, но сами отвоевали свою свободу! Теперь я хочу знать, кто вы. Покажите ваше оружие!

— Осторожней! — прошептал Шагара, притаившийся за спиной у Глеба. Этот человек скрывает темные мысли, я не могу понять, чего он хочет!

Васлав тем временем уже протянул самострел прикладом вперед. По его внешнему виду опытный человек почти безошибочно способен был определить принадлежность воина, поскольку в каждом городе оружие делали по-своему.

— Может быть, мы наконец поговорим как друзья? — спросил Глеб, выдвигаясь вперед. — Нам нечего делить, кроме этого подземелья, а оно достаточно велико. Если вам не подходит наше общество, мы разойдемся в разные стороны.

— Сначала я должен понять, кто вы такие. У вас оружие Китежа, а фонари чародеев. Погасите их, я хочу посмотреть, сколько вас здесь.

— Не делай этого, — прошептал Васлав. — Я встречался с Терехом, этот человек на него не похож. Здесь что-то не так.

— Мы не будем выключать свет. Вас больше, и в темноте вы получите преимущество. У нас есть не только фонари чародеев, у нас есть их огненные палки. Мы захватили их в бою у манфреймовских солдат, вы знаете их силу...

Подтверждая свои слова, Глеб выстрелил в потолок, и лазерный луч с легким шипением отсек огромную каменную сосульку. Она с грохотом упала в стороне от людей и разлетелась на множество осколков. Ни на одну секунду Глеб не забывал, что их всего четверо, включая раненого Крушинского и Шагара, против шестнадцати хоть и плохо вооруженных, но вполне боеспособных людей.

— Вы можете идти своей дорогой. Нам от вас ничего не нужно. Однако, объединившись, мы станем сильнее и у нас появится больше шансов выбраться живыми из подземелья. Те, кто захочет присоединиться к нашему отряду, пусть останутся.

Несколько секунд в пещере висела напряженная тишина, прерываемая лишь тяжелым дыханием людей, каждое мгновение она могла оборваться шумом беспорядочной схватки.

Сердце у Глеба сжалось. Возможно, сейчас ему придется стрелять в людей, которые не были для него даже врагами... Нелепый случай свел их на перекрестке подземных троп.

— Братцы, да это же князь Васлав!

Человек, выкрикнувший эту фразу, отбросил в сторону копье и первый шагнул им навстречу, за ним последовали остальные. Обстановка сразу же разрядилась. Их окружили дружески настроенные люди. Они обменивались приветствиями, новостями, делились последними крохами пищи и воды. Лишь человек, назвавший себя князем Терехом, держался в стороне. И Глеб продолжал следить за каждым его шагом.

Решив, что момент подходящий, лже-Терех попытался незаметно скрыться в небольшом боковом ответвлении, но Глеб быстро догнал его. Тот, не ожидая погони, не слишком торопился.

Вынырнув из темноты за его спиной, Глеб решительно положил руку ему на плечо.

— Я знаю, что ты не князь Терех. Может быть, не стоит оставаться одному в этих

пещерах? Скажи мне, кто ты. И, если у тебя нет серьезных причин скрывать свое имя, мы как-нибудь поладим.

Незнакомец отпрыгнул в сторону и направил свой меч в грудь Глебу. Его реакция оказалась очень быстрой, но Глеб успел уклониться, и меч высек из скалы каскад искр. Тотчас, не давая противнику опомниться, Глеб, все еще не желая убивать этого человека, отбросил свой меч и нанес ему короткий и точный удар кулаком в солнечное сплетение с одновременным перехватом кисти, держащей рукоятку меча.

Оружие со звоном выпало, противник застонал и опустился на колени, но почти сразу же вновь оказался на ногах. По тому, как быстро справился он с болью, Глеб понял, что перед ним отнюдь не новичок в рукопашных схватках.

— Будем продолжать или, может, сначала поговорим?

Вместо ответа противник нанес еще один коварный удар. На этот раз в его руке блеснул неожиданно появившийся нож, до сих пор спрятанный где-то в складках шкуры. Удар был столь стремителен, что Глеб не успел полностью заблокировать его, и нож оставил на плече глубокую царапину. Понадеявшись на свои знания специальных приемов рукопашной и отказавшись от оружия, Глеб проявил излишнюю самонадеянность. Сейчас он пожалел об этом.

Последовала целая серия новых выпадов. Теперь уж Глебу было не до разговоров, он боролся за собственную жизнь. Не желая применять лазер против врага, вооруженного холодным оружием, он оказался в невыгодном положении.

В конце концов ему удалось улучшить момент и переключить фонарь, висевший у него на плече, на полную мощность. Внезапная вспышка света ослепила противника, но лишь на мгновение, его глаза адаптировались к свету слишком быстро для глаз нормального человека!

Однако и выигранной доли секунды оказалось достаточно, чтоб Глеб, используя лазер как дубину, нанес противнику оглушающий удар по голове. Тот зашатался и мягко осел на пол.

Привлеченный шумом схватки, подошел Васлав в сопровождении нескольких человек из отряда Тереха. Один из них приложил ухо к груди своего предводителя и отрицательно качнул головой.

— Странно, я не хотел его убивать, да и удар был не такой уж сильный.

Васлав нахмурился, достал нож и раздвинул плотно сжатые зубы незнакомца. Его рот заполняла какая-то черная пена, и люди отшатнулись от лежащего на полу тела.

— Яд, — произнес Васлав, аккуратно вытирая нож. — Черный яд, которым пользуются агенты манфреймовского ордена, если их захватывают в плен. Теперь нам не удастся узнать, куда и зачем он был послан.

— Как он оказался среди вас? — обратился Глеб к человеку, только что проверявшему, жив ли лже-Терех.

— Его бросили к нам в камеру сильно избитого, почти без сознания. Когда очнулся, сказал, что он князь Терех и что у него есть план побега...

— Да, манфреймовцы хорошо готовят свои операции. Но, может быть, он был не один?

— Среди них нет больше предателей. Этого я почувствовал сразу, самодовольно вставил Шагара.

— Он знает, что говорит, — подтвердил Васлав. — Домовые не всегда могут читать мысли людей, но общий настрой они улавливают безошибочно. Я думаю, с таким помощником нам можно не опасаться предательства.

— Жаль, что не удалось сохранить жизнь этому шпиону, он многое мог бы рассказать. По крайней мере, мы должны выяснить, почему для бегства он выбрал именно этот туннель. Может быть, он выведет нас наружу?

С общего согласия было решено двигаться по новому туннелю. На курсографе он отклонялся от прежнего направления на девяносто градусов и, по расчетам Глеба, вскоре должен был их вывести к большому центральному разлому. Что и случилось примерно через

час пути.

Отряд оказался на перекрестке с четырьмя разными направлениями. Поиски следов или знаков тех, кто проходил здесь перед ними, ни к чему не привели. Все четыре туннеля выглядели одинаково мертвыми и пустыми.

— Нам нужно придерживаться прежнего направления, — мрачно предложил Крушинский. С того момента, как численность отряда увеличилась, его несли на импровизированных носилках четверо сменявшихся каждый час мужчин. — Мы должны выйти в центр, в место, куда сходится большинство туннелей, — мне кажется, там ключ ко всему лабиринту.

Большим отрядом двигаться стало значительно проще. Теперь они могли позволить себе высылать вперед разведку и выделять специальных людей для поиска пищи в боковых ответвлениях. К удивлению Глеба, ее находили не так уж мало: гифы каких-то грибов, черви, улитки. Однажды в небольшом подземном озере им удалось даже наловить несколько килограммов слепых пещерных рыб.

От своих новых спутников Глеб узнал о лабиринте манфреймовского замка много нового. К сожалению, о самом замке русичи ничего не знали. Вход в темницу располагался почти сразу же за воротами первой стены, и внутренних укреплений они вообще не видели.

Из глубины постоянно понижавшегося туннеля потянуло прохладным ветерком, и это было очень странно, потому что последние трое суток отряд, следуя за направлением сходящихся где-то впереди туннелей, погружался все глубже в недра земли. Тем не менее с каждым километром пройденного пути жара постепенно спадала.

Глеб не мог подавить в себе ощущение нарастающей тревоги — предчувствие неведомой грозной опасности, поджидавшей их впереди, становилось все отчетливей.

Отчаянный, полный боли человеческий крик, донесшийся с той стороны, куда ушли разведчики, в конце концов подтвердил худшие опасения Глеба.

Отдав нужные команды, он бросился вперед, на ходу снимая с предохранителя спусковой механизм лазера.

Тяжелый меч путался под ногами, и впервые он пожалел, что послушался Васлава и не избавился от этого ненужного предмета.

Рядом с ним бежало пятеро наиболее опытных и сильных бойцов отряда. Остальные остались прикрывать раненых и ослабевших. Туннель стал похож на ленту гигантских сосисок. Он то сужался, то расширялся, образуя округлые пустоты от трех до десяти метров в диаметре, соединенных между собой совсем узкими перемычками, сквозь которые им то и дело приходилось пробираться на корточках по одному. В таких местах они были наиболее уязвимы, но опасность подстерегала их не здесь.

Едва отряд выбрался в очередную широкую камеру и рассредоточился, как сбоку раздался странный звук, напоминающий хлопок пробки от бутылки шампанского, и сразу же новый крик ударил Глебу в уши.

Теперь хлопки следовали один за другим. Направив луч фонаря в эту сторону, Глеб увидел страшную и необъяснимую картину.

После каждого хлопка из стены вылетал какой-то белесый плотный предмет, сантиметров десяти в поперечнике, и стремительно несясь к людям. Если он находил в своем слепом полете очередную жертву, острые зубы вонзались в кожу. Тогда тонкий полупрозрачный тяж, соединяющий летающую голову с каменной стеной, мгновенно разбухал и краснел от перекачиваемой крови.

Головы, пролетевшие мимо цели, начинали кататься по полу. Их длинные тонкие, похожие на жгуты шеи, извиваясь, постепенно вновь втягивались в стену. Они тянули за собой лязгающие острыми зубами головы, и те исчезали в многочисленных отверстиях. Оттуда, из темноты, вылетали все новые и новые дьявольские орудия смерти.

— Это гидра! Подземная гидра! От нее нет спасения! — в отчаянии закричал один из воинов. Обратный путь был им теперь отрезан белесыми отростками, извивающимися по всему полу, а впереди чернели жерла новых отверстий. Именно оттуда минуту назад

доносились отчаянные крики разведчиков. Теперь там все стихло.

Включив лазер на полную мощность, Глеб полоснул лучом вдоль стены, мимо которой они только что прошли. Жуткий, нечеловеческий вой раздался за стеной.

Обрубленные лазерным лучом отростки исчезли, а из дыр полилась вода. Там, видимо, был водоем, в котором обитала сама гидра.

— Назад! — крикнул Глеб, продолжая расчищать путь. Они подхватили раненого, потерявшего сознание от боли, и отступили, потеряв двоих, не считая разведчиков.

Едва лаз расширился, едва они очутились в относительной безопасности широкого туннеля, предшествовавшего пещере гидр, как Глеб остановил свой маленький отряд.

— Нам придется вернуться. Я не знаю, удастся ли нам справиться с гидрой, но без воды мы погибнем наверняка.

— Сначала посмотри на это, командир!

Глеб поежился от иронического обращения, но, ничего не возразив, молча взял в руки одну из голов гидры, только что извлеченную из тела раненого.

По форме и размерам она напоминала бутылку. Тупую переднюю часть разрезала узкая пасть с мелкими острыми зубами, оснащенная мощным сосущим аппаратом. Сзади голова сужалась до размеров горлышка, переходя в тонкий жгут обрубленной шеи.

Наружная поверхность головы была покрыта гладкой плотной кожей, которая блестела, словно отполированная.

Из пасти расходились в стороны два широких прочных костяных шипа, видимо, служивших гидре в качестве распорок. Они, очевидно, удерживали голову внутри отверстия, пока шея накачивала позади нее достаточное для гидроудара количество жидкости, затем следовал выстрел...

Глеб вспомнил предупреждение Варлама о том, что монстры из замка Манфрейма имеют свое продолжение в будущем. Они трансформируются, их пространственные тела и ментальные поля изменяются, но структуры остаются...

Они живут, паразитируют на живом теле страны, вцепившись всеми своими головами в жизненно важные точки государства, и выкачивают из него цирконий и золото, нефть и алмазы... От того, удастся ли ему справиться с гидрой здесь, зависело ее существование в будущем.

Голова могла пролететь метров пять-шесть. Вся ширина прохода простреливалась насквозь, и укрыться от обстрела в узкой пещере практически невозможно... Значит, нужно что-то придумать. Солдат, передавший ему голову, прав, он не должен посылать людей на верную смерть даже ради спасения жизни остальных.

Лазер помог им вырваться из ловушки, но если он и дальше будет расходовать батарею также интенсивно, ее хватит ненадолго.

Неизвестно было, какие еще сюрпризы поджидали их впереди... Нет, на лазер рассчитывать не стоит, его нужно беречь как последнее средство защиты. Что же у них остается?

Глеб оценивающим взглядом окинул все их оружие: две самодельные палицы, один настоящий боевой меч, три пращи... Все это не то, а ведь здесь их лучшее оружие, если не считать пистолета Крушинского и второго лазера, батарея которого еще не использовалась...

Про второй лазер тоже лучше забыть, должна остаться хоть какая-то страховка от непредвиденных опасностей в этих смертельно опасных туннелях. Для защиты от летающих голов подошли бы обыкновенные щиты, вот только щитов у них не было. Ни щитов, ни доспехов. Жалкие остатки шкур, сохранившиеся у бывших узников, не могли предохранить от зубов гидры...

И тут Глеб вспомнил, что в одной из пещер, по пути сюда, он отметил мощные выходы глинистых сланцев.

Этот минерал обладал весьма полезным для них свойством — при точно направленном ударе раскола он распадался на плоские глыбы, достаточно большие и прочные, чтобы защитить человека.

Вскоре десяток импровизированных щитов был изготовлен. Самым сложным оказалось приделать к этому устройству внутреннюю рукоятку. А это казалось совершенно необходимым, поскольку незащищенные руки бойца, держащего плиту за края, немедленно станут объектом атаки.

В конце концов, Глебу удалось, используя свой меч как ворот, просверлить в центре каждой плиты небольшое отверстие.

Осталось лишь продеть в него полосу кожи или кусок веревки, завязать узел — и ручка для щита была готова.

Теперь следовало тщательно отработать тактику нападения на гидру малейшая ошибка могла им стоить нескольких жизней. Пока двое его посланцев отправились назад к основному отряду, чтобы принести все емкости для воды, какие у них были, Глеб не пожалел времени на тренировки.

В предстоящем нападении на гидру основная роль вновь отводилась его мечу. Отряд щитоносцев, прикрывая вооруженного мечом бойца, должен был вызвать на себя атаку всех скрытых голов.

После того, как они окажутся на полу, человек с мечом перерубит жгуты длинных шей. Но они слишком мало знали об анатомии этого монстра и его живучести, к тому же оставалось неизвестным, удастся ли отраду щитоносцев вызвать на себя и блокировать все удары.

Ведь если у гидры хватит сообразительности оставить где-нибудь в незаметной щели несколько резервных голов, в момент, когда люди вплотную приблизятся к стене и начнут набирать воду, они окажутся беззащитны.

Всего не предусмотреть, но самым опасным в их положении могла оказаться именно нерешительность.

Наконец вернулись те, кого он посылал к основному отряду.

К немалой радости для себя, Глеб сразу же заметил среди вновь прибывших огромную фигуру Васлава, тащившего на себе сразу десяток кожаных мехов.

— Как там Крушинский? Может быть, ты зря оставил его одного?

— Ваше волховское зелье действует быстро, ему уже лучше, да и домовый обещал за ним присмотреть. Ты ведь доверяешь Шагаре?

Глеб не стал спорить. Его распоряжения нарушались сплошь и рядом, о дисциплине, в тех условиях, в которых оказался отряд, оставалось только мечтать. К тому же он чувствовал, что князь прав, его место там, где решалась сейчас их общая судьба. В предстоящей схватке медвежья сила Васлава могла сыграть решающую роль.

Самый опасный момент наступил, когда они достигли конца туннеля и оказались перед очередным расширением.

Из узкого прохода в пещеру щитоносцы могли выскакивать только по одному, друг за другом. Точно следуя отработанным во время тренировки приемам, они сразу же выстроились у противоположной стены, прикрывая Глеба, взявшего на себя самую опасную часть операции. Обе его руки были заняты тяжелым двуручным мечом. На этот раз он остался непреклонен и не уступил просьбам Васлава доверить ему меч.

К счастью для них, ближайшая к проходу гидра, очевидно, сильно пострадала от лазерных ударов, не предприняла попытки нападения, и это дало отряду возможность выиграть несколько драгоценных секунд, чтобы занять необходимую для атаки позицию.

Поставив Васлава впереди острого клина щитоносцев, Глеб за его спиной сумел приблизиться к стене с отверстиями почти вплотную.

Однако в пещере по-прежнему стояла полная тишина. Гидры не атаковали. Только сейчас люди заметили, что лужи на полу высохли и новые капли больше не сочатся из отверстий.

Об этом следовало догадаться раньше. Если бы у гидр не было какого-то способа замуровывать дыры в стене, они бы давно лишились драгоценной воды из своего бассейна.

Но почему они медлят, почему не начинают атаки? Ожидание становилось

невыносимым. Глеб подобрал камень, размахнулся и швырнул его в стену с отверстиями. По-прежнему ничего не произошло. Ни одна голова не вылетела из стены. Ни одной капли драгоценной влаги, ради которой и было затеяно все это опасное предприятие, не появилось на стене пещеры...

Странную вещь обнаружил Сухой, проводивший свои исследования по заданию белого братства, за тысячу лет и за тысячи километров от той пространственно-временной точки, в которой находился отряд Глеба.

В день решающей битвы с гидрами, в далеком городе по имени Москва в единый миг исчезли сразу несколько коммерческих структур.

Никто так и не сумел никогда разгадать тайны их бесследного исчезновения. Они словно растворились в пространстве. Что и было с достоверностью зафиксировано в отчете Сухого.

17

Васлав молча держал перед собой сразу два самых больших щита, образующих острие каре, но на его лице постепенно проявлялось выражение досады.

Вспыльчивый князь начинал терять терпение. Больше всего Васлав почему-то боялся показаться смешным — хотя редко у кого этот могучий великан способен был вызвать насмешливую улыбку.

— Так где же ваша гидра? Ты уверен, что она находится именно здесь?

— Не высовывайся, — попросил Глеб. — Ты не видел, на что она способна. Давайте попробуем продвинуться глубже, там должна быть, по крайней мере, еще одна, и ее не задел лазер.

Ничего не изменилось. Постепенно люди теряли осторожность, и это становилось опасным. Кто-то метнул копье, кто-то воспользовался пращей. Черные жерла отверстий, направленные им в лица, загадочно молчали.

Это казалось невероятным, даже если предположить, что гидры способны каким-то образом обмениваться информацией. Как они могли определить, что шум в туннеле поднимает знакомая и слишком опасная добыча, от нападения на которую стоит воздержаться? В постоянной темноте у них не могло быть даже глаз!

И тут Глеб понял, что их выдало, — свет! Слишком яркий свет. Даже слепое существо способно чувствовать свет такой интенсивности.

— Потушите факелы, — приказал он, — и приготовьтесь к нападению! Как только я выключу фонарь, она ударит!

Так и случилось. В полной темноте почти сразу же раздались зловещие хлопки, сопровождающиеся глухими ударами голов по каменным щитам. Через минуту Глеб включил фонарь и принялся за работу — пол буквально устилали извивающиеся жгуты белесых шей, заканчивающиеся коричневыми бутылко-образными наростами. Теперь он уже сомневался в том, что это головы — скорее щупальца, снабженные присосками с острыми, как иглы, зубами по краям.

Пока он отсекал мечом подпрыгивающие живые бутылки, по полу постепенно разливалась голубоватая лужа. Вначале Глеб подумал, что это долгожданная вода, но вскоре понял — кровь гидр окрашена в голубой цвет. А вода из отверстий перестала поступать сразу же, как только закончилась атака.

Несколько литров, которые пролились на пол, уже смешались с этой голубой кровью.

— Ты собираешься возвращаться?

Глеб отрицательно покачал головой.

— Мы пойдем вперед. Есть надежда, что боковые ответвления выведут нас к главному бассейну, в котором засели эти твари. Они не могут жить без воды. Глеб достал курсограф и проделал быстрые вычисления. — Почти сорок процентов вероятности — не такой уж плохой шанс.

На экране прибора постепенно проявлялась бледная пунктирная линия предполагаемого маршрута, она уходила в первое боковое ответвление, расположенное сразу за пещерой гидр, огибала его и растворялась в бесчисленных переходах.

По мере продвижения и поступления новой информации курсограф будет высвечивать следующие части маршрута. Прибор рассчитывал ближайший участок по аналогии с только что пройденным и довольно часто ошибался.

— Я пойду первым. Ориентируйтесь по моему фонарю. Через каждые сто метров я буду дожидаться вас и снова уходить вперед.

Глеб выбрал такой порядок движения потому, что был вооружен лучше всех остальных и не хотел, чтобы кто-то заплатил жизнью за его решение, однако заставить подчиниться этому Васлава оказалось не просто.

— Я пойду с тобой.

— Кто-то должен охранять остальных. Они полностью измотаны. Ты будешь замыкать движение.

— Я пойду с тобой. Я так решил.

Он так решил... По опыту Глеб знал, что спорить с этим бесполезно. Существовал лишь один-единственный аргумент.

— Ты видишь вот это? — Он сунул князю под нос слабо мерцающий экранчик курсографа. Васлав сразу же попятился. Единственная вещь, которой боялся этот неустрашимый человек, называлась волховством. И под эту категорию легко попадали почти все необъяснимые, с точки зрения князя, явления.

— Что... Что это такое?

— Волховство, конечно. С его помощью я собираюсь найти гидру, но оно не будет действовать, если ты не оставишь меня одного. — Теперь все было в порядке и, наконец, он мог сделать то, что собирался.

Первый поворот, второй. Выигрывая время, для того чтобы выдвинуться вперед в тех местах, где пол позволял такое движение, Глеб переходил с ходьбы на медленный спортивный бег и постепенно отдалялся от отряда.

В этих мрачных туннелях двигаться намного труднее, когда рядом не ощущается плечо надежного друга и не с кем переброситься даже парой слов... Тени на стенах казались порой живыми, а тишина звенела от не прекращавшегося ожидания опасности.

Глеб подумал, что, возможно, и не было такой уж необходимости избавляться от общества Васлава, но что-то заставляло его остаться в одиночестве... Ему необходимо было обдумать стремительную цепь событий, вырвавшую его из стен запыленной московской квартиры и бросившую в невероятный мир. И сразу же одно-единственное воспоминание, одно-единственное имя заслонило все остальное.

Бронислава... Что с ней, жива ли еще? Страшные рассказы о пленниках манфреймовского замка русичи передавали друг другу шепотом, боясь навлечь беду одним только упоминанием этого места.

Для того, чтобы освободить Брониславу, нужно пробиться в замок. А вместо этого он удалялся от него все дальше, все глубже погружался в земные недра, и конца этому не было видно.

Варлам предупреждал, что дорога будет очень трудной и долгой, но, кажется, он так и не сумел подготовиться к ней в должной мере.

Если в начале этого пути, в своем родном мире, он чувствовал поддержку книги, то с тех пор, как она превратилась в невидимую ладанку на его шее, всякая связь оборвалась, если не считать короткого разговора в пещере, но он не был до конца уверен в том, что тот голос принадлежал книге.

Зачем же тогда тащить невидимый груз обязанностей, навязанных чужой волей обстоятельств, опасностей, к чему он придет, в конце концов? Где они, эти таинственные существа, которые, по уверениям Варлама, поручили ему заботу о книге?

Почему они не подскажут хотя бы правильный путь, и как долго еще будет

продолжаться эта дорога, конца которой не видно?

Словно черный комар пищал у него в голове, нашептывая чужие мысли.

Неожиданно Глеб обнаружил, что бежит не один. И ничуть этому не удивился. Странное равнодушие холодом обдало его мозг.

Невысокий человек, в сюртуке и при шляпе, появился из мелькающих теней и пошел рядом с бегущим Глебом. Он именно шел мелкими шажками, не прилагая ни малейших усилий, и тем не менее, словно скользя над полом, двигался все время рядом с бегущим Глебом.

— Добрый день, — произнес человек, снимая шляпу и вытирая совершенно сухой лоб. — Жарковато здесь, однако.

Глеб окинул взглядом его странный для пещерного мира и вообще для этой эпохи наряд — клетчатую пару, аккуратно завязанный галстук, бакенбарды, человек напоминал банковского клерка двадцатых годов. Глеб сохранил способность трезво мыслить и отмечать мельчайшие подробности окружающего, вот только перестал удивляться чему бы то ни было.

— Вас, очевидно, поразил мой костюм. Но, знаете, приходится работать одновременно в нескольких временных зонах и порой совершенно нет времени даже для того, чтобы переодеться.

— Кто вы такой? — спросил наконец Глеб, хотя это сейчас казалось ему совершенно неважным.

— Порученец. Дилер — если хотите более научное название. Мне дают различные коммерческие поручения, и я стараюсь их выполнить с наилучшими для клиентов результатами.

— Себя небось тоже не забываете?

— Ну что вы! Благополучие клиента определяет и мое благополучие, поскольку я получаю определенный процент от каждой сделки, независимо от ее результата.

— Ну, и что же вы от меня хотите? Неужто непредвиденное наследство?

— Нет, нет! — Человечек замахал руками. — Такими мелочами я не занимаюсь. У каждого из нас, знаете ли, свой класс. Я работаю только на крупных сделках. Купля-продажа, большие пакеты акций. В данном случае клиент поручил мне приобрести у вас одну вещь.

— Какую вещь?

— Я сам мечтал узнать, какую? Клиент сказал, что вы знаете, о чем идет речь. Очень странный договор. Но, судя по цене...

— И какова же цена?

— О, цена! Десять миллионов в любой валюте. Кроме того, вас возвращают в вашу эпоху. И это прекрасное условие! Что вам тут делать с этими варварами? Вы привыкли к комфорту. Ванну небось каждое утро принимали, пили горячий кофе, а здесь? Кроме того, если вы захотите, вместе с вами отправят и некую местную княжну. Представляете, как это увлекательно — показывать дикарке все прелести современного мира, да еще когда на счету есть кругленькая сумма.

Глеб почувствовал, что сердце дало сбой и, ломая искусственные пути равнодушия, застучало громко и настойчиво — вот он, его шанс спасти Брониславу! И при этом не нужно совершать никакого предательства. Он может оговорить особые условия, слуги Манфрейма выведут из подземелья отряд, отпустят Крушинского и Васлава — для них это так, ничего не значащие мелочи. Но самое главное, он может попробовать воспользоваться излишней осторожностью Манфрейма, раз уж тот не сказал своему поверенному, о каком именно предмете идет речь. У него есть шанс обмануть самого Манфрейма!

Он представил, как это будет: он отдаст манфреймовскому посланцу меч в обмен на договор об освобождении Брониславы.

Обман, конечно, откроется очень скоро, но к тому времени, если повезет, их уже здесь не будет... Часть денег можно потребовать наличными и сразу же скрыться. В огромной

беспорядочной стране найти двух беглецов совсем не просто даже для манфреймовских прихвостней.

Но что-то ему мешало принять окончательное решение, словно заноза сидела глубоко внутри. И он еще раз ясно представил это заманчивое будущее.

Постоянная угроза нависнет над ними непрекращающимся кошмаром. Вместо радости узнавания всех достижений, которые сделало человечество за тысячу лет, он подарит любимой женщине страх, перечеркивающий все.

Ведь когда их обнаружат, именно на нее обрушится месть Манфрейма, его самого защитит книга... И даже если этого не случится, стать вечными беглецами не такая уж завидная судьба...

Что-то еще его удерживало, что-то совсем уж нелепое и странное по отношению к Манфрейму, но имеющее значение для него самого. Называлось это вздорное ископаемое чувство почти забытым словом «совесть»...

Прежде чем Глеб успел ответить, прежде чем мысль сформировалась в слова — лицо манфреймовского посланца исказилось от разочарования и злобы.

Им нужна была всего лишь одна ошибка, один неверный шаг, чтобы прорвать защиту книги, но они его не дождались.

Когда Глеб повернулся к своему таинственному спутнику с готовым отказом, того уже не было рядом.

Пещеру с бассейном обнаружили совершенно случайно, и сделал это вовсе не Глеб. Он вообще оторвался от отряда слишком далеко и догадался об этом лишь по затихающему эху своего имени, перекатами нагнавшему его сзади, уже после того, как он миновал нужный поворот.

Пришлось возвращаться, ориентируясь по отблескам факелов на стенах, и когда наконец незамеченное им ранее боковое ответвление кончилось, весь отряд уже стоял на берегу огромного подземного озера.

Неизвестно, что их удержало от слишком поспешных действий, — может быть, мрачное молчание этого места и его поражающие воображение размеры, своды пещеры уходили так далеко Вверх, что свет факелов терялся в бесконечных изломах черного базальта. Даже луч мощного электрического прожектора Глеба, захваченного вместе с другими трофеями у десантников, не доставал до противоположного берега озера. Никто из измученных жарой и жаждой людей так и не решился прикоснуться к неподвижной черной поверхности воды, в глубине которой, на грани видимости и воображения, подхлестнутого страхом, двигались огромные тени. От воды тянуло ледяным холодом, пот на коже Глеба мгновенно высох.

— От него несет смертью, ты чувствуешь? — почему-то шепотом спросил Васлав, и Глеб в ответ лишь молча кивнул. Он не успел рассказать им о своей странной встрече и не знал, стоит ли это делать вообще... Здесь, на берегу мрачного озера, она казалась галлюцинацией, минутной игрой воображения. Гораздо более важные события заслонили ее, вычеркивая из памяти, — мало ли что привидится человеку в тенях этих пещер, если он останется один? Сейчас мучительная жажда и это огромное море, с притаившейся в его глубинах смертью, казалось для них самым важным.

Наконец, преодолев внутреннее сопротивление, Глеб решился опустить в воду меч — и ничего не произошло, разве что вдали, на поверхности, то тут то там стали появляться странные бурунчики, словно вода в этих местах кипела. Тени под водой не сделались яснее, не приблизились, но они не исчезли.

— Ты думаешь гидры здесь?

— Наверняка. — Глеб мельком взглянул на курсограф. — Это та самая пещера, из которой, с противоположной стороны, торчали их щупальца. В ней мы находились гораздо ниже поверхности озера. Гидры где-то здесь, скрываются в глубине, и мы толком не знаем, что они собой представляют.

— Воды все равно придется набрать, чего бы это ни стоило, я не собираюсь умирать от

жажды. — Васлав опустил под воду первый мех и стал ждать, пока вода заполнит его через узкое отверстие.

Напряженное ожидание опасности возросло до предела. Глеб стоял рядом с мечом наготове — он ни на секунду не отрывал взгляд от черной глубины и все же не сразу заметил, что одна из теней стала шире остальных.

Бурунчики на поверхности воды повернули в их сторону. Когда Васлав вытащил первый мех и потянулся за следующим, Глеб оттолкнул его и рубанул мечом по воде, по тому месту, где только что были руки Васлава. Меч застрял в чем-то мягком. Глеба будто током ударило.

От неожиданности он выпустил рукоятку, и меч, слегка раскачиваясь, стоял, вонзившись в поверхность воды — словно вода стала плотной, как резина.

А через секунду, метрах в двадцати от берега, над озером начала возноситься вверх, к потолку пещеры, гора живой протоплазмы, обтянутая скользкой кожей. Она все росла и росла — казалось, этому не будет конца.

Парализованные ужасом люди стояли совершенно неподвижно, слышно было лишь их свистящее дыхание и тихий плеск воды, спадающей вниз с огромного тела.

Рука Глеба, словно сама собой, без участия воли, нащупала рукоятку бластера. Пальцы легли на спусковую кнопку. Он направил раструб излучателя в сторону монстра и изо всех сил надавил на кнопку — но ничего не произошло.

Рукоять меча по-прежнему раскачивалась в метре от его лица. Словно вода озера тоже застыла от ужаса, превратившись в лед.

Лишь через несколько секунд Глеб понял, что забыл снять оружие с предохранителя, но теперь уже стало слишком поздно.

Над поверхностью озера появились два гигантских омута — ни с чем иным невозможно было сравнить глаза чудовища.

В их бездонной глубине вспыхнули и завертелись в завораживающем хороводе мерцающие огни. Оторваться от их танца казалось невозможным, казалось, вот сейчас, сию минуту они откроют ему некую истину — быть может, ту, самую важную, ради которой он покинул свой старый мир и очутился здесь. А может быть, ту, которую ищет каждый из нас всю жизнь, ищет и никогда не находит.

Чем дальше Глеб всматривался в игру мерцающих огней, тем меньше подчинялось ему собственное тело. Первыми отказали ноги, сами собой они понесли его вперед, к черной границе воды.

Глеба спас меч. В своем слепом движении он наткнулся на него, и отрезвляющий удар бронзовой рукояти в лицо разорвал порочный круг.

Чужая воля разомкнула свои щупальца лишь на мгновение, но его оказалось достаточно. Узкий шипящий луч, похожий на раскаленную иглу, вонзился в тело чудовища.

Беззвучный рев в диапазоне ультразвука ударил по нервам людей. Верхняя часть туловища (а быть может, то была всего лишь голова?) вдруг дрогнула и скользнула вниз по косому разрезу, проложенному лазерным лучом.

Из пережатых артерий ударили вверх фонтаны голубой ядовитой крови. Неожиданно Глеб закричал и, не выпуская из рук излучатель, отшатнулся назад. Его сознание, все еще соединенное в этот миг с сознанием чудовища, испытало обжигающую боль, словно его самого коснулся луч лазера.

В следующее мгновение в мозгу пронесся странный калейдоскоп непонятных картин. Выронив лазер, Глеб опустился на колени, сжимая голову руками.

За краткий миг его сознание вместило в себя чужую боль и чужую смертную тоску. И еще понимание... Смутное, отрывочное, чуждое человеческой логике, всему его жизненному опыту.

Гигантский монстр сконцентрировал в себе основные нервные центры колонии гидр, всю их общую память и запредельное для человеческой психики сознание.

Огромный амебовидный организм управлял всеми членами сообщества, словно

огромная матка какого-то фантазмагорического улья. Тело медузы, построенное из простейших клеток, никогда не умирало и копило в себе гигантский объем информации, выкачанной из окружающего мира за бесчисленные годы, каждой из сотен бессмертных тварей.

И самым чудовищным, самым невероятным в сознании монстра было тайное желание многие века недостижимой для него смерти.

Причиной его была, по всей видимости, боль, которую он всасывал вместе с кровью своих бесчисленных жертв, в мгновение гибели каждого живого существа, попавшего в расставленные им ловушки, его сознание соединялось с сознанием жертвы и впитывало в себя весь смертельный ужас, всю боль, которую испытывало погибающее существо. Обрывки этого чужого, искалеченного болью и ужасом сознания навсегда оставались внутри монстра, в глубинах его необъятного мозга.

Там они продолжали жить, продолжали страдать, продолжали умирать снова и снова...

Это был ад без надежды, без выхода, сосредоточение тысячи болей и смертей.

В последний миг, прежде чем контакт прервался, Глеб почувствовал в сознании чудовища что-то похожее на благодарность. Затем, не в силах больше терпеть этот груз необъятной космической боли, он покачнулся и, теряя сознание, упал бы в озеро, если бы дружеские руки не подхватили его и не оттащили назад, прочь от темной ядовитой воды.

Довольно долго мозг Глеба отказывался вернуться в окружавший их реальный мир. Лишь спустя много часов (а может быть, дней? — время в этом подземном аду измерялось иными мерками) он сумел произнести первые осмысленные слова. К тому времени отряд давно уже покинул подземный зал, в котором произошло столкновение с властелином гидр.

Рядом с носилками, на которых Глеба несли теперь вместо Крушинского, он увидел его самого и сказал, отвернувшись, разглядывая пятно света от фонаря, прыгающее рядом с носилками по серой стене:

— Знаешь, мы уничтожили что-то важное, что-то такое, что имело продолжение в нескольких пространствах сразу... Возможно, последствия этого еще дадут о себе знать.

Вряд ли Крушинский успел понять, что, собственно, он имел в виду. А позже Глеб никогда уже не возвращался к этому разговору.

Его раздумья о происшедшем прервал Васлав, видимо, давно ожидавший, когда Глеб полностью придет в себя.

— Я подобрал твой меч, но не могу понять, что с ним случилось... Ведь это щупальце монстра держало оружие над водой, как ты думаешь?

— Скорее всего, хотя там происходило много непонятного. Вода могла затвердеть в месте удара. Весь этот бассейн составлял с гидрами одно целое, каким-то образом даже воду они включали в свои организмы как составную часть.

— Ты думаешь, мы не сможем воспользоваться водой, которую успели там набрать? — встревожился Крушинский.

— Нет. По-моему, вода безопасна. Мне кажется, хозяин этого бассейна вообще не хотел причинить нам вреда, иначе мы бы никогда не выбрались оттуда живыми.

— Возможно, ты прав... Знаешь, когда монстр погибал, он выпустил меч, но прежде чем тот оказался на берегу, по воде прошел какой-то жидкий огонь, и меч раскалился почти добела. Через несколько мгновений, не успев подумать о последствиях, я коснулся его рукоятки и не почувствовал жара... А когда ты шагнул к воде, меч сам, словно живой, прыгнул навстречу. Он ударил тебя рукояткой в лицо и лишь затем упал на берег.

— Значит, он все-таки нашел способ... Монстр не мог убить себя, в него был заложен слишком сильный инстинкт самосохранения. Но на единый краткий миг он сумел освободить меня из сетей своего гипноза с помощью этой железной штуки...

Глеб задумчиво взял свой меч из рук Васлава и, пораженный, уставился на него.

— Он же ничего не весит, ты уверен, что это тот самый меч?

— Конечно. Я не спускал с него глаз с того момента, как началось это невиданное колдовство...

С удивлением Глеб разглядывал знакомую поверхность лезвия, покрытую узором древней закалки, рукоятку с характерным изгибом. Почти ничего не изменилось, только металл стал теперь сероватым и таким легким, словно в руках у него была рапира, а не двуручный меч — Глеб свободно мог его удерживать на вытянутой руке, не прилагая никаких усилий.

Сероватый металл слегка светился и на острие становился таким тонким, что сквозь него начинали просвечивать окружающие предметы. Когда Глеб хотел по привычке проверить заточку лезвия пальцем, Васлав остановил его:

— Осторожней, я уже порезал руку. Он стал слишком острым, возможно, самым острым из всех, что мне приходилось видеть.

Глеб не мог избавиться от ощущения стеклянной хрупкости лезвия и, чтобы проверить себя, осторожно коснулся им свисавшего с потолка сталактита. Каменная сосулька, в объёме не меньше метра, распалась надвое. Меч прошёл сквозь нее так, как раскаленный нож проходит сквозь масло. Глеб даже сопротивления не ощутил и едва успел уклониться от рухнувшего вниз каменного копия.

— Что же это такое? — спросил Крушинский, с удивлением глядя на Глеба.

— Мне кажется, это подарок, — задумчиво проговорил Глеб. — Или скорее способ, способ отомстить. Видимо, Гидр успел прочесть в моем сознании, что я враг того, кто сделал из него вместилище мук всех сожженных им живых существ. И решил вложить в мои руки это необычное оружие...

— Ты думаешь, в его возникновении замешан Манфрейм, и, кстати, почему ты говоришь о гидре в мужском роде?

— Манфрейм имеет отношение ко всему, что мы встретим в этих пещерах. Это его владения. Его полигон. Здесь расположены клиники, лаборатории. Здесь он проводит свои чудовищные опыты, в которых выращивает лишь страдание и гибель для всех живых существ.

Мы должны найти выход к замку, даже если нам придется проплутать в этих проклятых подземельях весь остаток жизни. А что касается Гидра... Он был воином. Он боролся до самого конца — боролся не с нами, а с тем, кто стал причиной всех его мук и несчастий. Вот доказательство этому.

Глеб взмахнул мечом, и, легкой тенью мелькнув в воздухе, он коснулся нового сталактита. Каменная колонна, провисевшая на потолке пещеры не одно столетие, с грохотом рухнула вниз...

— Итак, вы утверждаете, что за первой волной красного смещения находится наше прошлое?

— Несомненно. — Сухой усмехнулся и подлил в пиалу своему собеседнику горького восточного чая. — Особенно если иметь в виду не только астрономический аспект этого явления.

— Что же тогда?

— Психологию. Историю. Все вместе.

18

Все так же свисали с потолка черные штандарты с крестами. Все так же безмолвно стояли между колонн фигуры рыцарей в стальных доспехах, все так же сидел в своем кресле бессмертный властелин в черном плаще, и Мориновский вновь, запинаясь и в меру прикрываясь ложью, пытался выпутаться из очередной неудачи.

На этот раз, правда, его задача выглядела несколько проще. Нужно было убедить Манфрейма в том, что он предпринял все возможное, и, если это удастся, завеса тайны, окутывавшая Яровцева, могла наконец приподняться...

— Его прикрывает какое-то защитное поле...

— Я знаю. Дальше.

— У нашего посланника ничего не получилось — Яровцев отказался от нечестной сделки. Видите ли, совесть взыграла. Давно нужно было избавиться от него, я говорил вам — он чрезвычайно опасен, ему удалось каким-то образом уничтожить Гидра. Теперь он слишком близко подошел к логову Змиулана, чтобы его остановить, я послал камнетесов...

Впервые за весь доклад Манфрейм шевельнулся в своем кресле, проявив какие-то признаки эмоций.

— А кто тебе сказал, что Яровцева нужно останавливать?

— Но логово... Я думал...

— Ты слишком много думаешь. У тебя нет достаточно информации, чтобы думать. Мне вообще не требуются результаты твоих размышлений. Ты должен выполнять лишь то, что тебе поручено.

— Так мне их вернуть?

— Не надо. Тот, кто не справится с десятком камнетесов, не представляет никакой опасности для Змиулана. Посмотрим, на что он способен. Гидр, конечно, серьезный противник, но он слишком устал, ему давно пора было подыскать замену.

Манфрейм надолго замолчал, в его холодном мозгу всплыли давние воспоминания. Тогда созданием Гидра он гордился. Но это было так давно, что он не смог вспомнить, когда именно происходили эти события.

Долгие годы Гидр был его верным стражем, оберегая один из самых важных подземных проходов. Никто не выходил оттуда живым — его выдумка с присоединением сознания гибнущей жертвы к самому Гидру оказалась весьма удачной. Она во много раз усиливала ярость и неистовство стража. Но вот теперь Гидра уже нет...

— Вы хотите сказать, что Змиулан больше не является нашим союзником?

Как надоедливый комар пищал у него над ухом, разрушая картину воспоминаний, отвратительный голосок доверенного слуги. Страх — вот единственный надежный союзник, только страх. Но этого Манфрейм так и не произнес вслух.

— У меня вообще нет союзников. Одни временные попутчики, о замене которых приходится постоянно думать. И не делай вид, что ты ничего не знаешь о похищении княжны из моего замка. Дойти до такой наглости может только безмозглая змея — ей следует преподать надлежащий урок.

Змиулан — новая проблема. У страха был один существенный недостаток: время от времени кто-то из слуг или сторонников выбирался из его тисков и начинал мстить за годы, проведенные в унижительном рабстве, не понимая, что оковы он создавал своими собственными руками. Ведь, в конце концов, всегда существовал выход — нашел же его Гидр.

В таких случаях приходилось применять силу. Нельзя было допустить даже намека на ограниченность власти. И все шло хорошо до тех пор, пока у него не появился противник, ничего не знавший о беспредельности его могущества...

— Но камнетесы наверняка уничтожат Яровцева. Еще не было случая, чтобы кто-то сумел их остановить.

— Ты думаешь, уничтожат? Посмотрим. В любом случае проиграет один из наших врагов. Пусть все идет как идет. Но только учти — если камнетесы пострадают, я спишу с твоего счета в Цюрихе их полную стоимость. Да, да, с того самого, о котором я ничего не знаю.

Мориновский побледнел, но вовсе не от раскрытия тайны. Он давно подозревал, что Манфрейму известны все его манипуляции с этим счетом. Его смущала лишь сумма убытков, которой он рисковал. Камнетесов закупили на Затурне — планете, заполненной странными формами органической жизни. При высоком радиационном фоне там каждый год происходили какие-нибудь новые мутации и выбор видов был чрезвычайно велик.

Каменные дьяволы — так прозвали камнетесов ловчие — словно специально создавались длительной эволюцией как совершенные орудия убийства. Их стремление убивать все живое, отличное от их собственного вида, было основано не на охотничьем

инстинкте, так как они не нуждались в органической пище, аккумулируя в себе любые виды энергии, обнаруженные ими во внешней среде. Скорее, это был результат борьбы за жизненное пространство.

Крохотный астероид — один из спутников планеты Затурн, на котором их обнаружили, — целиком состоял из слипшейся массы их тел. В таком виде они не могли функционировать, но как только их попытались разъединить...

Впрочем, рассказать о том, что произошло после этого, было некому. Все первые экспедиции на Затурн попросту исчезли, и прошло немало времени, прежде чем Межпланетная Федерация смогла в какой-то степени обуздать и поставить себе на службу новое смертоносное оружие. Манфрейм был одним из первых, кто воспользовался находкой.

Главным достоинством каменных дьяволов оказалась неуязвимость. Их шкура, покрытая мелкими прозрачными чешуйками с зеркальной подложкой, обладала уникальной способностью поглощать из любой энергетической волны строго ограниченное, необходимое для питания количество энергии, все остальное отражалось в пространство, независимо от интенсивности и мощности источника. Астероид, на котором они обитали тысячелетиями, все ближе подходил к короне звезды, вокруг которой вращался, и эволюция сделала свое дело.

Лазерное оружие — бластеры и мощные стационарные энергометы оказались неспособны пробить их защитный покров.

Из-за высокой степени опасности посадки на Затурне были запрещены, и вся нелегальная операция по отлову и транспортировке стаи камнетесов обошлась Манфрейму в сорок два миллиона международных кредитов.

Чтобы не выдать своему господину бурю чувств, овладевших им в эту минуту, Мориновский запретил себе даже мысленно пересчитывать сумму в сорок два миллиона кредитов по курсу доллара, ежегодные котировки которого на межпланетной валютной бирже все время понижались.

Не только меч, но и еще несколько странных даров получил Глеб в наследство от своего уничтоженного на берегу подземного озера противника.

Далеко не сразу понял он, какие серьезные изменения произошли в его мозгу после контакта с Гидром. Однако постепенно из скрытых глубин подсознания кое-что пробивалось наружу.

Прежде всего он обнаружил в себе новую удивительную способность видеть окружающий мир внутренним зрением. Так, как, очевидно, видел его сам Гидр.

Видимо, передача информации из мозга Гидра произошла на подсознательном уровне, непосредственно в ту часть человеческой памяти, в которую записываются события нашей жизни.

Эта память, чаще всего неосознанно, влияет на все наши поступки. Ведь именно из нее складывается основной жизненный опыт человека. Непосредственное же использование такой скрытой информации в обычных условиях возможно далеко не всегда — ее большая часть недоступна нашему сознанию.

Мозг в своей каждодневной работе не в состоянии справиться с таким объемом информации и предпочитает скользить по ее поверхности, углубляясь в детали лишь в самых необходимых случаях.

Когда отряд в своем упорном движении к центру подземелья натолкнулся на очередное пересечение туннелей, Глеб, ни на секунду не задумавшись, повернул в левый проход...

Среди множества картин, вставленных в его память мозгом Гидра, была одна, пропечатавшаяся в сознании Глеба особенно четко.

Сквозь гигантское тело Гидра, ставшее на этот момент совершенно прозрачным, вдруг высветилась вся внутренняя кровеносная система животного...

В реально происходивших событиях ничего подобного не случилось. В этом Глеб был совершенно уверен.

Вначале он не понимал, для чего в его память с такой силой внедрили эту схему, и

лишь позже догадался, что Гидр пытался единственно доступным ему способом передать нечто чрезвычайно важное, минуя непреодолимый для него барьер человеческого языка...

Часами всматриваясь в экранчик курсографа, Глеб запомнил примерную схему пройденных туннелей и теперь, несмотря на ее сложное пространственное построение, вдруг узнал эту часть в рисунке кровеносной системы Гидра...

Была ли это и в самом деле кровеносная система сосудов монстра, неизвестно по какой причине повторившая в своем строении некий странный отпечаток внешнего мира, или то был лишь намек, способ, приглашение самому увидеть нечто, недоступное обычному человеческому зрению?

В сущности, это не имело значения. Важной являлась лишь сама информация...

Глеб давно уже понял: Гидр представлял собой нечто непостижимо сложное. Нечто гораздо большее, чем ее видимая, проступавшая в реальном мире часть.

Благодаря этой схеме он мог совершенно точно определить, какие из еще не пройденных туннелей скрывали в себе смертельные ловушки.

В его сознании они проступали окрашенными в кроваво-красный цвет. И чем пристальней он вглядывался в открывшуюся ему, недоступную обычному зрению схему, тем четче она становилась.

Общее количество туннелей в центральной части постепенно уменьшалось, но почти все они были полны ловушек. Лишь одна-единственная штольня, идущая в обход смертельно опасного центрального лабиринта, была способна вывести их к цели.

В картине, нарисованной его внутренним зрением, этот единственный проход окрашивался в синий цвет, и, возвращаясь к первоначальному смыслу всей схемы, он вел к сердцу Гидра...

Глеб видел это живое, мохнатое, содрогающееся от вожделения сердце оно поджидало добычу, — но из него в противоположную сторону выходил широкий синий проход. Прямой, как стрела, он перечеркивал весь лабиринт и уходил далеко за его пределы. Не здесь ли скрывался выход из подземелья? Тот единственный ход, ведущий в нижние этажи манфреймовского замка, о котором говорил ему Варлам и который они безуспешно искали во время штурма?

Чтобы выяснить, им придется пройти через центр. Через ту часть подземелья, где опасность была наибольшей, — иного пути не было.

Но, может быть, именно этого и хотел от них искалеченный мозг умиравшего монстра? Ведь сам он не имел возможности отомстить своим мучителям...

Но тогда получалось, что их опять пытались использовать для каких-то неведомых, чужих целей, и проход мог вести вовсе не туда, куда стремился попасть отряд...

Оправившись от раны, Крушинский отказался от помощи и давно уже двигался самостоятельно. Возможно, от того, что он шел медленней других или оказался внимательней, но именно он первым заметил нечто странное в облике нового, указанного Гидром прохода.

— Ты ничего не видишь? — спросил он Глеба через час, после того как они начали движение по новому маршруту.

— Нет. О чем ты?

— Посвети сюда.

Глеб послушно провел лучом фонаря по верхней стенке.

— Туннель слишком круглый.

— Что же тут особенного? Здесь встречаются проходы любой формы.

— На протяжении нескольких километров он похож на идеально ровную трубу.

— Мы слишком мало знаем о подземельях манфреймовского замка. Им тысячи лет, и многое здесь могло создаваться искусственно.

— Но это не главное. Посмотри внимательно на стены, разве ты не видишь этих бляшек?

— Каменные наплывы, — пробормотал Глеб, стараясь не выдать своей тревоги.

Туннель действительно слишком уж походил всем своим видом на внутреннюю часть какой-то гигантской артерии.

— Они похожи на окаменелости, а до этого туннеля встречались одни базальты. Откуда здесь взялись осадочные породы, на такой глубине? Не нравится мне этот проход. Ты уверен, что выбрал правильную дорогу?

— Знаешь, Юрий, по-моему, здесь вообще нет правильной дороги. С самого начала, с той самой минуты, как мы присоединились к штурмующим замок Манфрейма, мы бросили вызов судьбе. Иногда мне кажется, что человек слишком ничтожен, слишком слаб для того, чтобы бороться с Бессмертным властелином.

— И все-таки мы здесь...

— Это мало о чем говорит, разве что о нашей беспредельной наглости...

— Или мужестве. Не так уж все плохо, с той минуты как тебе подарили этот меч, у меня появилась надежда. Не одни мы боремся с Манфреймом. У Черного властелина есть могущественные враги.

— Твоими бы устами да мед пить...

Они надолго замолчали, и Глеб, решив, что момент подходящий, спросил Крушинского о самом главном:

— Ты как-то говорил мне, что хочешь выяснить причины бедствий, обрушившихся на наш родной мир. Удалось ли это тебе?

Глеб понимал — другого подходящего случая может и не представиться. Крушинский стал ему надежным товарищем, но выжать из него лишнее слово задача не простая, особенно когда это касалось глубоко личных раздумий, выводов, наблюдений... Обычно он сообщал лишь ту информацию, в важности которой не сомневался.

— Этот мир все-таки связан с нашим, что бы там ни утверждали научные столпы. Изменения в нем вызывают изменения в далеком отсюда будущем. Каждый из нас играет здесь двойную роль, и это неправильно.

Мы не должны были здесь быть, но что-то случилось настолько важное, настолько неправильное, что некоторые законы сочли возможным нарушить...

— Это я понимаю. Весь наш мир сдвинулся в красную область спектра, и чтобы вернуть его в нормальное состояние, годятся любые средства. Но как же Федеративная космическая база, ведь она здесь уже давно, как она влияет на события в нашем мире?

— База не имеет отношения ни к этому миру, ни к нашему. Она здесь чужая, и потому ее присутствие не сказывается так сильно, как наше с тобой вмешательство. К тому же база изолирована и подчиняется определенным правилам, запрещающим ей прямо влиять на местные дела. Во всяком случае должна подчиняться...

— Кто же их устанавливал, эти законы и правила, и кто их нарушил в нашем с тобой случае?

— Боги, наверное, — усмехнулся Юрий. — Разве ты не чувствуешь их постоянное внимание к собственной особе? Скажи-ка мне лучше вот что, выбирая этот туннель, ты пользовался информацией, полученной от Гидры?

— Значит, ты догадался? Да, я вижу план всех туннелей, он у меня тут, Глеб хлопнул себя по лбу. — И я знаю наиболее безопасный путь.

— А ты учел двойственность сознания Гидры?

— Что ты имеешь в виду?

— Ее внутреннюю установку на уничтожение всего живого, на использование любых существ, не принадлежащих к ее собственному виду, в качестве пищи. Вспомни, она ведь пыталась тебя уничтожить, и она же подарила нам этот меч, чтобы отомстить Манфрейму за свои собственные мучения. Информация в ее мозгу тоже может состоять из таких противоречий. Какая-то ее часть способна вывести нас к цели, но там наверняка есть и другая, ведущая к гибели. Сможешь ли ты отличить их друг от друга?

Если бы он мог ответить на этот вопрос хотя бы самому себе! Но ответа не было, и лишь одно Глеб знал наверняка: только движение содержало в себе надежду...

Неожиданно маленькая рука ухватила за его ладонь.

— Я их слышу. Они уже близко.

— Кого ты слышишь, Шагара?

— Несущие смерть. Каменные дьяволы идут по нашему следу. Их нельзя убить, оружие бессильно против их непробиваемых шкур...

Теперь и они слышали равномерный приближающийся топот, от которого медленно и ритмично начал вздрагивать пол под ногами.

Дотошные расспросы ламы о зоне красного смещения в жизни общества иногда вызывали неудовольствие Сухого.

Похоже, это открытие вызвало в тибетских монастырях настоящую бурю, по-новому осветив древнее учение о карме.

— Из ваших статей следует вывод, что в нашем прошлом существовали и активно действовали некие космические силы.

— Несомненно.

Лама улыбнулся, поставил на столик крошечную чашечку своего излюбленного чая и, хитровато прищурившись, посмотрел на Сухого.

— Куда же они делись? Почему их нет в настоящем?

— Откуда вы знаете, что их нет? Они просто усовершенствовали методы маскировки.

19

Глеб стоял, опершись спиной о выступ скалы у самого поворота, изо всех сил сжимая рукоятку меча, хотя вес оружия позволял использовать его как рапиру, вращая лезвие кистью одной правой руки. Но сейчас ему было не до фехтовальных приемов. Цокот когтей от ударов множества тяжелых лап лавиной неся из глубины прохода.

Глеб выбрал наиболее узкое место туннеля и надеялся, что у него хватит сил удержаться здесь до тех пор, пока Васлав с Крушинским заложат радиомину в боковом ответвлении, которое они недавно прошли и где вот-вот должна была появиться погоня.

Оттуда, одновременно с непонятным звонким цокотом, нарастал грохот движения огромных масс, и Глеб не знал, живы ли еще его друзья, взявшие на себя нелегкую задачу минеров.

Им предстояло найти туннель, пригодный для отхода, прежде чем удастся взорвать мины.

Если они не успеют вовремя сделать свое дело — на него обрушится вся стая.

Нападение оказалось слишком стремительным и застало их врасплох. Они ждали опасность впереди, а она настигала их сзади. Приходилось действовать без заранее подготовленного плана, импровизируя на ходу.

Даже если Крушинский сумеет заложить мины в нужных местах, часть стаи все равно проскочит зону взрыва, — именно этого они и опасались, когда оставляли здесь его одного прикрывать отход остального, полностью беззащитного перед этими смертоносными тварями отряда.

Ну а если взрыв опоздает хотя бы на несколько секунд, вся стая успеет проскочить опасную зону и окажется здесь.

Минуты тянулись бесконечно, а взрыва все не было. Самое неприятное перед боем — это неопределенное ожидание, когда о противнике почти ничего не известно, кроме того, что он очень опасен. Никому еще не удавалось живым уйти от стаи камнетесов.

Возможно, подрывники уже погибли, так и не успев привести в исполнение свой план, тогда у него не останется ни единого шанса — его попросту сомнет надвигающаяся лавина вместе с этой жалкой железкой в руках.

Сейчас он сожалел о том, что позволил Крушинскому убедить себя не применять лазер.

— Ты лишь зря потеряешь драгоценное время. Их шкура совершенно непробиваема для любых излучений.

В конце концов ему пришлось согласиться. Крушинский участвовал в одной из экспедиций на Затурн в составе ловчего отряда и хорошо знал все особенности новых врагов.

— Главное — не давай им выбраться из узкой части прохода. Здесь они смогут нападать только по одному, и численный перевес не будет иметь особого значения.

Их основное преимущество — скорость и быстрота реакций. Если хотя бы один выберется в главную пещеру, отряд погибнет весь целиком — они догонят его в считанные минуты и не ошибутся, камнетесы обладают самыми совершенными в этой части галактики органами обоняния и слуха.

И вот теперь Глеб стоял, обливаясь потом, хотя преследовавшая их в верхних горизонтах жара давно уступила место прохладе.

Хуже всего то, что он знал о противниках лишь с чужих слов и не мог составить о них собственного представления. Информация, полученная от других, мало значила в рукопашном бою. Крушинский сказал, что больше всего эти существа похожи на огромные ядовитые глаза.

Но даже напрягая все свое воображение, он не мог представить себе передвигавшихся отдельно от головы глаз.

Правда, у себя дома он часто видел на обложках многих книг огромные глаза, вылезшие из орбит, — художники любили изображать старинный масонский символ «всевидающего ока», но вряд ли эти картинки имели отношение к тому, что к нему приближалось.

Становилось все холоднее, хотя недавно пот градом катился по его коже. Из туннеля дул сильный холодный ветер, словно те, кто двигался по нему, несли перед собой ледяную воздушную пробку.

Чтобы хоть немного отвлечься от невыносимого ожидания, Глеб заставил себя расслабиться и проверил, хватит ли длины меча, чтобы достать до противоположной стены. Длины хватало. Меч задел стену и тонко зазвенел, словно хрустальный, а на гранитной стене появилось углубление, в точности повторившее форму острия.

Меч превратился в необычное оружие — настолько необычное, что в той, почти безнадежной ситуации, в которой он оказался, у него все же оставался небольшой шанс — если и не победить, то хотя бы уцелеть в предстоящей схватке.

Они провели не один час за изучением этого меча, но для того чтобы разобраться в изменившейся кристаллической структуре лезвия, нужна была современная металлургическая лаборатория.

Одно было совершенно ясно — меч необычайно утончился, сохранив при этом всю свою прочность. Он был теперь, наверно, не толще листа бумаги в своей средней части, а по краям лезвие становилось практически невидимым, утончаясь до слоя в несколько молекул.

В луче фонаря, прикрепленного к поясу, хорошо был виден туннель перед ним, но прежде чем в нем появились их преследователи, все вокруг наполнилась зеленоватым мерцанием — светились сами стены, попавшие в зону неведомого излучения, исходившего от камнетесов.

В фонаре больше не было надобности, в пещере стало светло как днем.

Наконец они появились. Собственно, рассмотреть он успел лишь одного, несущегося впереди стаи. Он заполнял своей огромной тушей всю шахту до самого потолка и по форме походил на гигантскую чечевицу, поставленную на тонкие гибкие лапы.

Лапы двигались так быстро, что рассмотреть их в отдельности было невозможно. Отчетливо проступал только общий сверкающий фон, словно камнетес использовал вместо ног вертолетный винт.

И эта штука приближалась к нему со скоростью современного танка. Она гнала впереди себя волну обжигающего холода. Глеб давно уже чувствовал прикосновение ледяного ветра, но теперь холод буквально жег его обнаженное тело.

Сопrotивляясь этой новой беде, он закричал и сам бросился навстречу сверкающему монстру, вращая перед собой лезвие меча.

Через секунду оно соприкоснулось с передними лапами твари, и камнетес внезапно остановился, словно с разбегу налетел на каменную стену. Воспользовавшись его мгновенным замешательством, Глеб без всякого замаха пырнул мечом в туловище камнетеса и не почувствовал никакого сопротивления.

Лезвие погрузилось почти до половины в ребро чечевицы. Раздался хлопок, и сотни сверкающих осколков брызнули в разные стороны. Глеб ожидал усиления холода, но вместо этого его обдало жаром и не было никакой взрывной волны камнетес просто лопнул как стеклянный шар.

Гибель предводителя на некоторое время остановила движение стаи. Вероятно, камнетесы впервые столкнулись с противником, способным уничтожить одного из них.

Знакомо ли этим кускам живых кристаллов чувство страха или самосохранения? Этого Глеб не знал. Он стоял неподвижно, выставив перед собой меч. Весь пол вокруг него был усыпан сверкающей пылью. Обломки покрупнее на глазах распадались в такую же пыль. До того, как окончательный распад коснулся верхнего, самого крупного куска спины камнетеса, Глеб успел рассмотреть на нем отчетливый рисунок огромного зрачка, помещенного в центр радужной оболочки.

Подтвердилась одна из легенд об этих тварях: сверху они и в самом деле походили на гигантские глаза. Вряд ли на спине действительно помещался глаз, это был всего лишь рисунок. Крушинский говорил, что камнетесы видят окружающее сразу всем телом, а под спинной крышкой находился какой-то поглотитель энергии.

На занятиях космодесантников Глеб усвоил простое правило: когда дело касалось инопланетных форм жизни, то сходство и аналогии с земными понятиями чаще всего оказывались ложными. А зачастую они несли в себе гибель. Бабочка, способная высосать из тебя кровь, цветок, убивающий спрятанным в чашечке жалом...

Между тем пыль постепенно оседала и покрывала все вокруг. Она прикасалась и к его обнаженной коже, несмотря на все старания избавиться от нее. У Глеба не было уверенности, что пыль не ядовита, но с этим он ничего не мог поделать.

В горле першило, перед глазами стояли цветные пятна. Он чувствовал себя так, словно находился внутри айсберга, постепенно превращаясь в кусок льда, — после гибели камнетеса, несмотря на кратковременную волну тепла, холод вокруг усилился неимоверно. Нужно было что-то немедленно предпринять, иначе он вообще не сможет двигаться.

Каменные дьяволы стояли метрах в двадцати от него совершенно неподвижно, и он не знал, как поведут они себя, если он попробует отступить хотя бы на шаг.

Только сейчас он рассмотрел, что три пары лап у них заканчивались полуметровыми прозрачными лезвиями. Точно такие же вращались перед ним в момент столкновения с камнетесом, но скорость вращения была слишком велика, чтобы он мог их видеть. Теперь Глеб почувствовал запоздалый страх, представив, что было бы, если бы хоть одна из этих лап, пробив защиту меча, коснулась его тела.

И сразу же, как только он об этом подумал, передний из камнетесов шевельнулся и медленно двинулся к нему.

В его кристаллическом мозгу впервые возникли колебания, не укладывающиеся в привычную схему. Перед ним стояло существо, осмелившееся бросить вызов его племени. Оно не бежало, не кричало от ужаса, а в руках держало всего лишь большой металлический нож. Это казалось нелогичным. И уж совершенно необъяснимой выглядела гибель от рук этого слабого существа одного из них. Здесь что-то было неправильно, какая-то часть информации не соответствовала истине — в этом не оставалось сомнений, — вот только камнетес никак не мог решить, какая именно.

Глеб медленно, не спуская глаз со своего нового противника, начал отступать — расстояние между ними не сокращалось и, воспользовавшись этим, Глеб, продолжая держать меч перед собой в вытянутой руке, сунул другую руку в заплечную котомку, нащупал ствол бластера и вытащил его из мешка. Придерживая оружие подбородком, он на ощупь установил кольцо распределителя на широкий луч и, не жалея батареек, обвел позади себя

огненный круг. Камни затрещали, в спину пахло благословенным жаром, теперь, по крайней мере, в ближайшие секунды, ему не грозила опасность превратиться в кусок льда.

На камнетеса это действие произвело определенное впечатление, он весь задержался, жадно потянувшись к теплу, и заметно ускорил движение. Не сдержавшись, Глеб врезал по нему из бластера на полную мощность и тут же пожалел о содеянном.

Луч, отразившись от зеркальных поверхностей дьявольской чечевицы, ударил в потолок. Камнетес слегка присел и неожиданно послал свое тело вперед.

Каскад ударов вооруженных полуметровыми алмазными лезвиями лап обрушился на Глеба одновременно со всех сторон. Его спасло лишь то, что камнетес, не рассчитав прыжка, оказался слишком близко от своего противника.

Нижняя часть туловища чудовища нависла над Глебом, и он очутился как бы в мертвой зоне. Как бы там ни было, удары лап потеряли точность, к тому же во внутреннем направлении они сгибались с видимым трудом, и это подарило Глебу те самые необходимые мгновения, за которые он успел броситься на землю и, перекатившись, оказался полностью под туловищем своего врага.

Подняв меч, Глеб приставил его к нижней поверхности монстра. Он не мог назвать животом эту белесую, тускло блестящую кожу, скорее похожую на металлическую крышку.

Ему не хватало длины рук, чтобы лежа нанести настоящий удар. В это время в глубине туннеля наконец-то грохнул долгожданный взрыв. От неожиданности каменный дьявол присел и сам напоролся на острие меча.

Обломки лопнувшего монстра тяжелым водопадом обрушились на Глеба, и на какое-то время он потерял способность контролировать обстановку.

Но именно эти обломки ослабили ударную волну слишком близкого взрыва, сорвавшую со стен и потолка все каменные наросты, сосульки сталактитов и непрочно державшиеся глыбы. Вся эта каменная лавина прокатилась над Глебом, окончательно завалив его толстым слоем камней.

В воздухе какое-то время кружились, постепенно распадаясь в ядовитую серебряную пыль, сотни осколков того, что недавно было телами каменных дьяволов.

Двое из них тем не менее уцелели, и выброшенные из туннеля взрывом прямо в центр большой пещеры, в которой находился отряд, они сразу же принялись за свою смертоносную работу.

Когда Глебу удалось выбраться из-под завала, все уже было кончено. В пещере не осталось ни одного живого человека. Камнетесы, закончив свою кровавую работу, куда-то убрались, и на время он забыл о них, потрясенный открывшейся картиной. Отсеченные руки, ноги, головы, искромсанные на куски тела его недавних товарищей валялись на полу кровавой грудой мяса. Его вины в этом не было, он сделал все, что было в его силах, чтобы защитить этих людей.

Он не помнил, сколько времени прошло с тех пор, как, отдав последнюю дань погибшим и собрав то, что от них осталось в одну братскую могилу, он присел на каменном надгробье.

Глеб чувствовал себя так, словно сам лежал внизу среди трупов, под слоем камня.

Похоже, он остался один... Никто не придет, никого не осталось в живых, два человека, первыми вставшие на пути кровавых мясорубок, наверняка погибли.

Ледяной холод, который мучил его в начале схватки, теперь проник внутрь. Не хотелось никуда больше идти, не хотелось ни о чем думать.

Шаги за спиной... Он даже не обернулся, когда чья-то рука опустилась ему на плечо. Яд от вьющейся в кожу пыли уже начал свою разрушительную работу.

— Все здесь? Все погибли?

— Я насчитал восьмерых, кроме вас.

— Что с тобой, Глеб?

— Никого не осталось... Пыль въедается в кожу...

— Похоже, у тебя жар! И ты прав, дружище, — эта пыль ядовита!

Не тратя больше времени на пустые разговоры, Крушинский приступил к решительным действиям. Транквилизатор из аптечки космодесантников, чашка горячего кофе из термоса сделали свое дело. Постепенно реальное восприятие окружающего вернулось к Глебу.

— Где Шагара? Среди мертвых я его не видел.

— С нами его тоже не было. Он оставался с отрядом.

— Да здесь я, здесь! — Из трещины вылезло нечто, похожее на мышонка в красных штанах. Лишь через несколько минут Шагара принял свои прежние размеры.

— А князь? Ты вернулся один?

— С ним было все в порядке, когда мы разделились перед самым взрывом, решили, что безопаснее уходить в разные стороны. Он уже должен вернуться. Наверно, туннель, который ему достался для отхода, оказался длиннее моего.

— Долго здесь нельзя оставаться. Двое из стаи камнетесов уцелели, и я не понимаю, почему они не напали на нас до сих пор, — сказал Глеб, тревожно прислушиваясь.

— Потому, что они нападают только на тех, кто их боится! Эти дьявольские мясорубки не имеют права на существование. Я найду их и уничтожу! — Глеб порывисто вскочил, но Крушинский остановил его.

— Вспомни Афган!

— При чем здесь Афган?!

— Месть никогда и никому не приносила успеха. Скольких друзей ты там лишился, ты хотел за них отомстить, поэтому не спешил с демобилизацией, хотя приказ на тебя уже пришел, ведь именно поэтому ты потерял ноги, и тем, кто погиб в Афгане, не стало от этого легче.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я ведь твой напарник. Прежде чем волхвы решили поручить тебе командование над своей дружиной, еще до того, как меня назначили твоим напарником, они собрали всю необходимую информацию. Наверно, у них в досье есть много такого, чего ты и сам давно не помнишь.

Юрий усмехнулся, почувствовав, что Глеб начинает понемногу отходить. Все время он держался в тени, никогда не претендуя на роль командира в их маленькой группе, и лишь в исключительных ситуациях, вроде этой, напоминал о том, кто из них старше.

Здесь не было рангов, армейских различий и даже возраст не имел значения, старшинство определяло нечто совершенно иное. Умение выжить и вовремя распознать врага, умение защитить себя и вовремя помочь другу... А может быть, самым главным в их положении было умение точно оценить ситуацию, сохранить способность к холодному и здравому мышлению при любых обстоятельствах.

— И потом, — продолжил Крушинский, — кому ты собираешься мстить? Ты ведь сам назвал эти существа мясорубками. Они действительно больше похожи на биологических роботов, и уж, во всяком случае, действовали они не по своей инициативе, они лишь выполняли чью-то команду.

— Опять Манфрейм?

— Здесь все — Манфрейм. До центра лабиринта остается совсем немного, к мне почему-то кажется, что там ты сможешь удовлетворить свою жажду мести.

— Почему Манфрейм выбрал для своего логова именно Русь? Что его здесь привлекло?

— Несметные богатства, плохо защищенные от таких пришельцев, я думаю, это главная причина, а остальные мы узнаем в конце нашей дороги, если, конечно, дойдем до конца. Многие пытались, но никто еще не вернулся от стен манфреймовского замка, возможно, мы первые, кому удалось проникнуть в его лабиринт...

— Больше нельзя ждать, — решительно сказал Глеб, с трудом поднимаясь на ноги. От слабости он едва стоял на ногах, несмотря на введенные противоядия. — Нужно искать Васлава.

— Хорошо. Пойдем ему навстречу. Он должен был возвращаться вот по этому проходу. — Крушинский показал на ответвление, тоненькой светлой жилкой мерцавшее на

экране курсографа.

Васлав стоял в глубине разлома на пересечении туннелей, там, где обещал ждать Крушинского. Разделившись, они увеличили шансы своих товарищей, хотя уменьшили свои собственные.

Взрыв должен был перекрыть средний широкий туннель, и тогда уцелевшие камнетесы смогут добраться до отряда только через те два боковых прохода, которые они прикрывали вместе с Крушинским. Оба эти туннеля сходились там, где вторую линию обороны занял Глеб.

Васлав не слишком хорошо понимал, что, собственно, должно произойти во время взрыва. Крушинский предупредил, что будет огненный удар, как в батарейном погребе. Нынче честные поединки не в моде. Их все больше подменяет изощренное волховство.

Волховства князь не одобрял и старался всячески избегать. Он сжимал в левой руке петлю каменного щита, с которым, единственный из всего отряда, так и не расстался от самой пещеры гидр, несмотря на постоянные насмешки товарищей, предлагавших понести кого-нибудь из них вместо тяжелой каменной глыбы.

В огромном правом кулаке князя помещалась рукоять длинной боевой дубины, усеянной стальными шипами, заканчивавшейся двумя, стальными же, шарами на цепях. Дубина эта, захваченная еще при штурме батареи, уже успела сослужить ему неплохую службу, и князь убедился в ее отменных боевых качествах.

Ожидание слишком затягивалось, князю хотелось есть, он нетерпеливо переступал с ноги на ногу, то и дело проверяя движением плеча, на месте ли мешок с провиантом.

Пообедать они, конечно же, не успели. Крушинский никогда не уделял должного внимания еде — от того и был таким худым. Недостаток физической силы он заменял волховством, что никак не могло вызвать одобрение князя. Однако в современном мире, извращенном чародейством, без дружбы с волшебниками не обойтись, и с Крушинским приходилось мириться. К тому же свою хитрость он умел направить на пользу общего дела — этого у него не отнимешь.

Вот и сейчас он осмеливался бросить вызов каменным дьяволам. Об этих тварях Васлав слышал немало страшных рассказов. Впервые их свору Манфрейм выпустил на осадивших его замок варягов. Тогда от десяти тысячного войска в живых осталось лишь несколько сотен, бесславно покинувших поле боя.

Сейчас на пути стаи стояло всего три человека, и приходилось признать, что, когда дело касалось манфреймовских прихвостней, честным поединком сражения не выиграть.

Хотя князь и ожидал от предстоящего волховства серьезных неприятностей, сила взрыва оказалось для него совершенно непредвиденной. Пол трянуло так, что Васлав не устоял на ногах.

— В своих статьях вы пытаетесь убедить коллег в том, что волшебство это всего лишь отрасль технологии, неизвестная современной науке. Но это же чепуха!

Впервые на невозмутимом лице ламы появились следы каких-то эмоций, и это вновь в который уж раз заставило Сухого улыбнуться. Чувствовалось, что ему доставляет удовольствие дразнить своего разгневанного оппонента.

— Все дело в терминологии. Чем чепуха отличается от гениальности? Вот видите, вы затрудняетесь ответить, а дело в том, что здесь тоже все зависит исключительно от точки зрения. Однажды я посмотрел старый фильм, в котором сумасшедшие захватили власть в психиатрической лечебнице и начали лечить своих собственных врачей, и знаете, с их точки зрения, это было вполне оправдано.

Что же касается волшебства, то оно отличается от современного технологического цикла лишь методом воздействия на материю.

обнаружить Васлава.

— Вставай, князь. Нас осталось слишком мало, а самое трудное еще впереди.

Словно услышав этот призыв, князь медленно приоткрыл замутненные беспамятством очи и запекшимися губами спросил:

— Все погибли? Весь отряд?

— Да. И где-то здесь еще бродит пара камнетесов. — Протянув руку Ваславу, помогая приподняться и не обращая внимания на изумленный взгляд Крушинского, заметившего странный светлый ток, прошедший от Глеба к князю, перед тем как тот пришел в себя, Глеб думал лишь о том, что каменное чрево пещеры, поглотившее их, не вечно, конец его близок, и уже совсем рядом центр лабиринта.

— Я слышу, как стучит сердце змея. Он слишком огромен, чтобы сражаться с ним без тебя...

Они шли уже часа два, спотыкаясь, поддерживая друг друга, когда из глубин земли долетел раскатистый ритмичный гул, затаенный и грозный. От этого рокота дрогнула земля под ногами...

Нет, это был пока еще не змей, близкое присутствие которого так явственно ощутил Глеб. Грохот и содрогание почвы усилились, и вскоре впереди, в красноватом зареве, высветилось окончание прохода, упиравшегося в центр подземного лабиринта.

Сойдясь вплотную и приготовив оружие, они медленно продолжали движение, готовые встретить лицом к лицу новую неведомую опасность. Жаркий сухой ветер, насыщенный сернистыми испарениями, постепенно усиливаясь, дул им навстречу и все больше затруднял движение. Но они шли не жалуясь и в глубине души ни на что уже не надеясь. Каждый из них давно простился с надеждой остаться в живых в этом безнадежном походе.

Камнетесы напали на них в тот момент, когда впереди в конце туннеля ясно обозначилось открытое пространство.

Видимо, обе твари не случайно выбрали это место для засады и давно поджидали их здесь.

Ровные стены туннеля, поврежденные тектоническими подвижками, здесь изобиловали трещинами и нагромождениями отколовшихся от стен кусков скал тут было где укрыться, и бросок смертоносных мельниц одновременно с двух сторон оказался бы для отряда последним, если бы не феноменальное чутье Глеба, появившееся после схватки с Гидром.

Стены пещеры вдруг потеряли свои привычные очертания у него перед глазами, и хотя он, как и все остальные, не видел притаившихся в засаде камнетесов, голубое мерцание, появившееся на скалах сразу в двух местах, заставило его остановить отряд. Он сделал это за секунду до броска камнетесов, и обе кристаллические махины, сверкая лезвиями своих когтей, с грохотом столкнулись друг с другом. Они тут же развернулись и бросились вперед, но было уже поздно.

Васлав успел поднять свою могучую палицу и обрушить на переднего нападающего удар стального шара.

От этого удара с потолка пещеры посыпался щебень, и звук получился такой, словно скала ударила по броне танка. Даже на камнетеса этот удар произвел должное впечатление. Он присел и на мгновение потерял ориентировку. Этого оказалось достаточно, чтобы Глеб достал своим длинным мечом незащищенное туловище.

Камнетес взорвался, как огромный мыльный пузырь, едва лезвие меча коснулось его. Мелкие осколки брызнули им в лицо и на короткое время ослепили Васлава, не ожидавшего такого результата.

Но в помощи князя уже не было необходимости: второй камнетес, оставшись в одиночестве, позорно сбежал. Последний раз его тело мелькнуло в светлом красноватом овале в конце туннеля и исчезло.

— Хороший у тебя меч, — с уважением произнес Васлав, осматривая усеявшие пол блестящие осколки. Попад под обвал после взрыва, он не участвовал в первом сражении и сейчас не скрывал своего восхищения.

— А почему вдруг стало так холодно, отроки? — спросил князь, невольно поеживаясь и плотнее натягивая на плечи жалкие остатки своего некогда роскошного походного плаща.

— Эти твари высасывают вокруг себя все тепло. Ты заметил, куда девался второй? — спросил Глеб у Крушинского.

— Он добежал до конца прохода и исчез. Возможно, затаился где-нибудь у выхода, похоже, там пещера сильно расширяется. — Крушинский не скрывал своего разочарования от того, что короткая схватка обошлась без его участия. И с сожалением заткнул за пояс пистолет, которым так и не успел воспользоваться. — Мне хотелось проверить, сможет ли их броня противостоять удару пули. Жаль, что второй сбежал так поспешно.

— Не огорчайся, у тебя еще будет шанс встретиться с ним.

— Не думаю. На Затурне они никогда не нападали в одиночку, похоже, у них стайная психология, как и у некоторых представителей двуногих на нашей далекой родине.

Наконец проход кончился, и они, нигде не обнаружив своего сбежавшего врага, остановились на краю пропасти, потрясенные открывшейся им картиной.

Огромная подземная полость, края которой скрывались в дымке испарений, освещалась гигантским лавовым водопадом. Огненная река низвергалась вниз с высоты сотен метров и исчезала в какой-то расселине, наполняя все вокруг грохотом и запахом сернистого газа. Лента раскаленной лавы освещала пещеру, если можно было назвать пещерой это гигантское земное чрево, кроваво-красным светом. Его тем не менее было достаточно для того, чтобы отчетливо видеть мельчайшие детали мрачной подземной долины, раскинувшейся перед ними.

В самом ее центре стоял замок, словно высеченный из целого куска темного базальта. Узкая дорога вела к нему, извиваясь между нагромождениями застывшей вулканической лавы и наплывами обсидиана. Начиналась или скорее заканчивалась эта дорога прямо под ними. Из-за выступающего карниза они не могли рассмотреть того, что находилось внизу, и оставалось непонятным, куда и зачем вела дорога.

Никакого движения, ни малейших признаков жизни не было видно в мертвой долине. Серый, черный и кроваво-красный цвета нигде не разбивались живыми пятнами зелени.

— Кажется, мы пришли куда-то, — мрачно заметил Глеб, не отрывая взора от темного молчаливого замка. Он чувствовал нарастающую тревогу и непонятную глухую тоску, пропитавшую, казалось, каждый камень долины.

— Какой безумец смог построить крепость в этом месте? — Крушинский недоверчиво рассматривал замок, на его лице появилось скептическое выражение, словно он давно ждал чего-нибудь подобного и теперь подтвердились его худшие опасения.

— Какое странное сходство... Четыре башни по углам, рисунок карнизов, крестообразные бойницы в стенах...

Замок под ними был точной копией манфреймовского, его близнецом, или скорее его зеркальным отражением. Находившийся в правой башне подъемный мост здесь расположился в левой, вскоре и в рисунке окон, в расположении балконов и шпилей они заметили ту же разницу.

Все, что в манфреймовском замке располагалось слева, здесь оказалось с противоположной стороны. Глеб, некоторое время проводивший расчеты на курсографе, озабоченно нахмурился.

— Он располагается в точности под замком Манфрейма на одной и той же оси, я не могу определить глубину, но она весьма значительна. И все это вместе мне совсем не нравится...

— Здесь за карнизом есть ступени, — послышался голосок неутомимого Шагары, поспешившего исследовать новое место.

Вскоре все четверо уже спускались вниз, сохраняя мрачное молчание. Ступени этой лестницы не предназначались для человеческих ног — они были так огромны, что перебираться с одной на другую удавалось лишь с помощью веревки.

Но самым непонятным оказались следы, глубоко отпечатавшиеся в каменном ложе

базальта. Огромные ступни, по своим очертаниям похожие на человеческие, выдавили в базальте ямы, в каждую из которых свободно мог поместиться всадник вместе с лошадью. Следы выглядели достаточно четкими, можно было рассмотреть любой из четырех пальцев, заканчивавшихся заостренными когтями. И все же, несмотря на когти, строение ступни в целом, округлая пятка и удлинённая форма, больше напоминали человеческую, чем звериную.

— Он что, был так тяжел, что продавливал камень? — наконец нарушил общее мрачное молчание Крушинский.

— Не думаю, — отозвался Глеб. — Скорее всего, камень был расплавлен, когда он здесь проходил.

— Ты хочешь сказать, что он мог ходить по расплавленному базальту?

— Вряд ли ему это нравилось. Передняя часть следа вдавлена сильнее пятки. Он бежал вниз по лестнице, и она плавилась у него под ногами.

— Похоже, здесь бывает не слишком подходящая температура. И те, кто спускались по этой лестнице, могут быть настроены вовсе не дружески.

— Долина, в которую мы попали, вообще мало похожа на курорт, скорее на преисподнюю, — мрачно пошутил Глеб, стараясь хоть как-то разрядить обстановку. — А следы... Им не одна сотня лет — видите, камень по краям начал выветриваться под действием влаги и сернистых испарений, хотя базальт необычайно прочен.

— Это долина Змея. Здесь врата, ведущие в царство Нави. Змей их охраняет, чтобы души умерших злодеев не смогли вернуться назад. — Впервые за время спуска Васлав нарушил молчание. На посуровевшем лице князя не было заметно ни малейшего волнения — он просто констатировал бесспорный для себя факт и был готов встретиться с оружием в руках любого врага, который осмелится преградить им путь.

Слова Васлава еще больше усилили тревогу, не покидавшую Глеба с того момента, как он увидел долину с замком.

— Час от часу не легче, — проворчал он, старательно делая вид, что гипотеза Васлава всего лишь мрачная шутка.

— Не думаю, чтобы это объяснение было хуже других. Замок в таком месте не могли построить люди, — заметил Крушинский. — И не люди ходили по этой лестнице.

Преодолев двенадцатую ступень, они оказались наконец на дне долины. За их спинами у высокой скалистой стены, рассеченной гигантской лестницей, по которой они только что спустились, заканчивалась дорога, ведущая из замка в никуда.

Она упиралась в глухую нишу, увенчанную аркой. Вначале ниша показалась им совсем пустой, но это было не так — постепенно глаза привыкали к неестественному свету, исходящему от огненного водопада, и тогда они увидели внутри ниши двадцатиметровую коленопреклоненную фигуру.

Руки людей сами собой потянулись к оружию, однако фигура казалась неподвижной, от нее веяло холодом и смертью.

Но даже обойдя вокруг, рассмотрев мельчайшие подробности этого странного создания, они так и не поняли, что оно собой представляло гигантскую скульптуру, высеченную из камня резцом нечеловеческого скульптора, или что-то совсем иное?

Скорее последнее... Камень, немой свидетель промелькнувших тысячелетий, запечатлел в себе следы трагедии, происшедшей здесь много веков назад.

То, что в начале показалось им коленопреклоненной скульптурой, высеченной из целого куска скалы, на самом деле было чем-то совсем иным.

Великан, изнемогая в неравной борьбе с неведомым могучим врагом, упал на одно колено. Но он все еще сопротивлялся, до самого последнего момента пытаясь поднять свое чудовищное оружие — палицу, намного превосходящую в объёме туловище взрослого человека.

Огонь, бушевавший вокруг него, был неумолим. Он оплавливал стены ниши и даже камень под ногами превращал в жидкую огненную грязь.

Но и тогда, в огне, великан продолжал бороться. Глеб видел все так ясно, словно сам находился в этом месте тысячи лет назад.

И не огонь погубил этого бесстрашного бойца, что-то еще более ужасное, что-то такое, что превратило живое тело в навсегда застывший камень, в тюрьму, заточившую внутри себя померкнувшее, но все еще живое сознание.

— Причудливое создание природы. Я видел еще более странные в горах, там, где дуют сильные ветры. За столетия они вгрызаются в скалы и постепенно ваяют из них фигуры великанов. — Крушинский говорил так, словно старался самого себя убедить в этой простой истине.

— В эту нишу не проникают ветры, — возразил ему Глеб. Он чувствовал, что приближается время схватки с неведомым и страшным противником, поджидавшим их в этой долине. Теперь они должны были отбросить страх и четко представлять то, что могло находиться за следующим поворотом дороги. Ожидание неведомой опасности всегда хуже ее самой, какой бы ужасной ни была эта опасность.

— Зато здесь достаточно лавы. Мы в жерле вулкана. Поток лавы мог создать эту причудливую фигуру...

Глеб понял, что Крушинский не верит в собственные слова, и не стал возражать.

— У меня такое чувство, — задумчиво проговорил он, пристально разглядывая бесформенную каменную корку, покрывавшую голову великана, словно он все еще жив...

— И так мороз по коже продирает от этого места, а тут еще ты со своими фантазиями!

— Пойдемте отсюда, отроки, — поддержал Крушинского Васлав. — Это место не для смертных людей!

— Нет! Подождите. — И неожиданно для самого себя, отстранив руки товарищей, пытавшихся его удержать, Глеб подошел к статуе вплотную.

Невидимая ладанка на его груди запульсировала и наполнилась теплом, впервые с тех пор, как он пересек границы этого мира. Здесь, рядом, скрывалось что-то очень важное, что-то такое, что он обязан был понять...

Внешне — это всего лишь мертвый камень, похожий, если Васлав прав, на надгробный памятник целому народу, некогда правившему подземным миром...

Но от каменной скульптуры струилось невидимое живое тепло и странная сила... Повинуясь внутреннему ощущению этого тепла, Глеб протянул руку к его источнику и коснулся оружия поверженного гиганта. Он почувствовал нечто похожее на удар мощного электрического разряда и не смог сразу отдернуть руку, словно ток приковал его к камню.

Сквозь него вихрем пронеслись странные образы и еще более странные мысли...

... Ничто не бывает напрасным, ничья жизнь, отданная борьбе с темными силами, не исчезает бесследно. Они копят, оседают на светлых дорогах, ждут своего часа, ждут путника, чтобы передать ему эстафету. Рано или поздно путник приходит и делает следующий шаг, быть может, всего лишь один, но и он не бывает напрасным.

Неведомая сила, быть может, века ожидавшая прикосновения, если уж не друга, то хотя бы врага того, кто заточил гиганта в эту страшную темницу, беспрепятственно вошла в Глеба, и он увидел картину последних мгновений безжалостной схватки.

Чудовищное создание тьмы, разомкнув свою трехглавую пасть, извергло из нее реки сжигающего огня, но ярость бойца, противостоящего ей, была сильнее боли, и он вновь нанес страшный удар своей палицей по средней голове змея.

От рева змеевидного монстра содрогнулся весь подземный мир, но Ягро, последний из людей, вождь своего уничтоженного народа, понимал уже, что ему не преодолеть оставшиеся метры дороги, не достичь ворот проклятого замка, потому что за змеем на фоне ворот проступила другая фигура, фигура Бессмертного Властелина, которому они поклонялись столь долго и против которого, в конце концов, восстали...

Образы ушли, оставив после себя привкус бесконечной горечи, прекратился ток силы, но он не исчез бесследно, оставив в душе у Глеба новую незаживающую рану. Так уже было в пещере Гидра. Идя по этой дороге, он постепенно накапливал чужую боль, чужую горечь и

чужую силу... Силу тех, кто не сумел дойти до конца.

Но это было не все. Глеб испытывал мучительное сомнение от того, что не понял самого главного. И уже повернувшись, чтобы уйти, он услышал молчаливый призыв, просьбу вернуться, вернуться, чтобы найти... Что?

Ответа не было — лишь мертвый камень окружал его теперь, и живая сила, израсходовав себя до конца, больше не проявлялась — осталась ли она с ним? Этого он не знал, зато совершенно определенно ощутил, что не сумел понять главного из того, что пытался передать ему побежденный Манфреймом гигант.

Он мог бы провести здесь многие дни, пытаясь разрешить загадку, но его спутники уже начинали проявлять нетерпение. Впереди их ждала нелегкая схватка, и нельзя больше терять время на размышления. Ничего нового не увидит он на этих оплавленных стенах, впитавших в себя огненные письма давно отшумевшей битвы. Его ждала собственная схватка, собственная боль и, может быть, такая же, если не более страшная судьба...

Несколько минут они двигались в полном молчании, словно спутникам передавалась мрачная задумчивость Глеба, по-прежнему испытывавшему мучительную борьбу. Они уходили, так и не разгадав загадки этого места, упустив что-то очень важное, может быть, самое важное из всего, что им встречалось до сих пор на этой гибельной дороге.

— Когда-то племя великанов правило всем подземным миром, но потом пришел змей и произошла великая битва. — Жизнерадостная натура князя не позволяла слишком долго мириться с мрачным покровом уныния, будто наброшенным на них чьей-то невидимой рукой. И он продолжил свой рассказ, точно хотел воспоминанием о великой битве прошлого развеять печаль, овладевшую ими. — Змей победил их. Последнего из великанов он оставил здесь навсегда в назидание тем, кто рискнет нарушить границы захваченного им царства.

Даже Крушинский не стал на этот раз возражать Ваславу — столь мрачное впечатление произвела на всех статуя поверженного воина. Они продолжали медленно двигаться по дороге, ведущей к замку, и временами, когда рокот подземных ударов усиливался, им чудились в их звуках чьи-то могучие шаги. Словно тот, кто остался позади, пытался идти вместе с ними.

Дорога, сложенная более светлыми плитами гладко обработанного камня, как и все вокруг, хранила на себе отметины бушевавшего здесь огня. Сейчас ее покрывал толстый слой вулканического пепла, но местами сквозь него проглядывали проплешины оплавленного камня.

Четыре цепочки четких следов оставались позади них. Глеб подумал, что так должны были выглядеть следы первых людей, побывавших на Луне. Никто до них не дерзнул потревожить покой этой серой дороги. Тысячи лет пройдут, и на ней все еще будут заметны их следы — они останутся здесь до следующего извержения вулкана, и кто знает, появятся ли рядом с этими следами другие, ведущие в обратную сторону, к миру живых людей, зеленых растений и яркого солнца?

Словно желая возразить предопределенности пути, заключенному в самом существовании этой дороги, Глеб подошел к ее краю и попытался сойти с обочины на черную корку лавы, покрывавшую местность вокруг до самого лавопада.

Но его плечо уперлось в прозрачную силовую стену. Это силовая стена не была похожа на ту, что окружала базу. Внутри слагавшего ее поля не ощущалось присутствие энергии. Что-то бесконечно мертвое и совершенно непроходимое отделило дорогу к замку от остального мира.

Постепенно замок приближался, его стены поднимались все выше, а пролеты стен раздвигались вширь, захватывая весь горизонт мрачного подземного мира, с каждым их шагом он прорастал из земли, заполняя собой все еще остававшееся свободным пространство.

Наконец они подошли к его воротам. И тогда стало ясно, что каждая завитушка орнамента, каждая заклепка на воротах, каждая трещина в камне, малейшие, запомнившиеся им во время штурма манфреймовского замка детали повторены здесь в своем зеркальном

отражении...

— Любые миры, даже сместившиеся в красную область, обладают свойством зеркального отражения. По оси симметрии, в том же самом пространстве находятся их двойники.

Там левое становится правым, правда ложью, а добро превращается в зло.

— Это, должно быть, дьявольские миры.

— Не совсем так. Для тех, кто там находится, точно такой же представляется наша собственная Вселенная. Все зависит от точки зрения.

— И вы считаете, что существует возможность физически очутиться внутри такого Зазеркалья?

— Я не завидую тем, кому это удастся.

21

Замок ждал их. Едва они приблизились ко рву, как подъемный мост опустился, и огромные ворота, сделанные из непонятного серого материала, ушли вверх, открывая им путь.

Они приготовились к атаке, к огненным рекам, летящим со стен, и потому остановились перед воротами, как останавливается осторожный зверь перед распахнутыми дверцами ловушки.

— Нам все равно придется войти. — Глеб изучал стены замка, пытаясь найти хоть какую-то зацепку для глаза — шов, выступающий камень. Но стены были совершенно гладкими и казались отлитыми из того же материала, что и ворота.

— Войти, конечно, придется, — согласился Крушинский, — но неплохо было бы сначала подумать, как мы вернемся, если ворота опустятся за нами.

— Внутри должен быть механизм, управляющий их подъемом.

— Но его может и не быть.

— Тогда мы найдем другой путь. — Глеб пожал плечами. — Или ты предлагаешь вернуться?

— Я предпочитаю всегда иметь свободу выбора. Не люблю, когда мне навязывают единственное решение, — проворчал Крушинский, направляясь к воротам.

— Я тоже этого не люблю. Но бывают случаи, когда выбирать не приходится.

— Не спешите, отроки, — остановил их князь. — Негоже торопиться в таком деле.

Он подошел ко рву и легко, словно ребенка, поднял огромный кусок скалы. Богатырские мышцы князя напряглись, обрисовав его мощный торс, и Глеб подумал, что сейчас, как никогда, Васлав похож на легендарного богатыря.

Водрузив камень в том месте, где ворота смыкались с землей, Васлав удовлетворенно осмотрел дело своих рук. Теперь, если створки опустятся, они упрутся в камень и не смогут отрезать им путь.

— Камень могут убрать, — буркнул Крушинский, досадуя, что такая простая мысль не пришла ему в голову.

— И все же это лучше, чем ничего, — усмехнулся Глеб, незаметно подмигнув князю.

Они пересекли пустой двор. Не было ни слуг, ни стражи — ни малейшего движения.

Больше всего Глеба поражала вулканическая пыль, ровным слоем покрывавшая весь двор. Не похоже, чтобы извержения здесь случались слишком часто. Скорее всего, эта пыль копилась многие годы, и, возможно, все это время в замке не побывало ни единого живого существа. В тот момент он даже предположить не мог, насколько это утверждение соответствовало истине.

Только их следы отчетливо и недвусмысленно перечеркивали двор. Казалось, ни стены, ни башни замка не подвержены разрушительному воздействию времени. Нигде не видно было ни обломков, ни трещин. Двор выглядел совершенно пустым, но, с другой стороны, такой порядок не мог поддерживаться сам собой. Если здесь бывали сильные извержения,

способные расплавить дорогу, то почти наверняка осколки вулканических бомб должны были залетать во внутренний двор. Заметили они и другие детали, говорившие о том, что какие-то обитатели, не оставляющие следов, здесь все-таки были.

Передняя часть двора ограничивалась контрфорсами и высокими квадратными башнями. Они внимательно следили за их бойницами, все еще ожидая внезапного нападения, но ничего не происходило. Словно невидимые хозяева замка задались целью окончательно усыпить их бдительность.

Высоченные двери парадного хода, последовав примеру ворот, распахнулись при их приближении. Изнутри пахло запахом пыли и сандала. Странная смесь, говорившая скорее о наличии какой-то незнакомой жизни, чем о ее полном отсутствии.

На этот раз они не стали принимать мер предосторожности — в замке были балконы, окна, здесь они не чувствовали себя в ловушке, а может, просто не хотели показать неведомым хозяевам свой страх перед ними.

Миновав дверь, все четверо оказались в огромном пустом зале. Здесь не было ни мебели, ни предметов обихода. Ветер, свободно проходивший в незащищенные стеклами окна, покрыл пол толстым слоем все той же вездесущей вулканической пыли. Из-под нее местами просвечивала когда-то яркая цветная мозаика. Ее рисунок и форма окон производили странное впечатление.

Нет более характерных, общих для любой цивилизации признаков, чем те, что заложены в прикладных искусствах. Именно по ним учили в космодезантийской школе определять принадлежность внеземных цивилизаций к культурным классам развития.

Здесь они видели перед собой нечто, совершенно непривычное, не укладывающееся ни в какие схемы, даже на Рингусе — планете, заселенной разумными рептилиями, узор орнамента на циновках, сплетенных из тростниковых стеблей, вызывал у людей знакомые ассоциации, связанные с окружающим миром.

Узор на полу зала порождал лишь гнетущее чувство неправильности и какой-то необъяснимой расколотости, незавершенности композиции.

Расчистив часть этого загадочного рисунка, Глеб мысленно попытался представить себе его зеркальное отражение, поменяв местами правую и левую часть и как бы вывернув наизнанку само изображение. Волосы у него на голове встали дыбом от подобного эксперимента, а часть картины, которую он увидел, долго преследовала его в ночных кошмарах.

Он ничего не сказал друзьям, торопливо покинув это место.

Едва они пересекли зал, как Шагара вздрогнул и остановился. Глеб, никогда не забывавший о его феноменальном чутье, дал знак остальным, и все четверо застыли у входа в следующее помещение.

— Бронислава... Она где-то здесь! — Казалось, домовый совершенно потерял голову от волнения.

— Подожди, успокойся. Ты уверен, что не ошибся? Ты можешь определить направление?

Шагара отчаянно замотал головой.

— Здесь такие стены... Я чувствую ее присутствие сразу со всех сторон...

— Это ничего, это не важно. Во дворе ты ничего не почувствовал?

— Нет. Только после того, как прошли дверь, это началось и потом усилилось — она здесь, здесь, я же чую ее!

Глеб все еще боялся поверить, хотя сердце уже яростно сорвалось с места и бешено застучало в груди.

— Давайте все же не будем обольщаться. Может случиться так, что мы встретим здесь другого человека, лишь внешне похожего на Брониславу.

— Ты будешь ее искать?! — потребовал Шагара прямого и ясного ответа.

— Конечно. Конечно, мы будем ее искать и обязательно разберемся со всей этой чертовщиной!

Они пересекли зал и очутились перед низким порталом с целым рядом дверей.

— Нужно искать следы — все равно чьи. Если здесь есть хоть какие-то обитатели, они не могут существовать без пищи — должна быть кухня, столовая, спальня, наконец...

— Ты уверен, что они нуждаются в привычной для нас пище, что они вообще нуждаются в пище?

— Они, может, и не нуждаются, но если здесь действительно находится Бронислава, им приходится ее кормить и содержать в подходящих для человека условиях.

Не раздумывая больше, он толкнул ближайшую дверь, и все четверо оказались в следующем зале.

В центре помещения возвышалась огромная золотая колонна, сверкавшая миллионами желтых огней.

Подойдя ближе, пораженный Глеб понял, что этот необычный предмет лишь внешне напоминает колонну. Он даже не доходил до потолка зала и заканчивался наверху поперечной перекладной с тремя углублениями.

Вдоль всей колонны шло еще одно спиральное углубление, обвивавшее ее от низа до самого верха. Оно было таким глубоким, что внутри мог бы свободно поместиться стоящий во весь рост человек.

Наружная часть колонны состояла из искусно выполненных золотых пластин, покрытых тончайшей резьбой, издали они походили на сверкающую чешую. Вблизи это ощущение терялось из-за величины самих пластин, каждая из которых напоминала своими размерами и формой боевой щит.

В целом вся колонна вызвала у Глеба ощущение того, что внутри гигантской золотой спирали совсем недавно покоилось холодное тело чудовищной рептилии... Вряд ли он смог бы объяснить, почему это так, но в последнее время он научился доверять своим неосознанным подсознательным впечатлениям.

— Пожалуй, столовой здесь может и не быть... — мрачно подытожил Крушинский их общие наблюдения. — Эта штука весьма смахивает на трон, и у нее не меньше сорока метров в высоту. Представляешь, каким должно быть тело того, кто возлежал внутри золотой спирали? — Он подошел к столбу и постучал по нему рукояткой кинжала. — Здесь сотни тонн золота, если он весь такой.

Вдоль стен полукругом располагались мраморные скамьи, делаая предположение Крушинского о тронном зале еще более очевидным.

— Может быть, нам лучше разделиться? — не настаивая на своем утверждении, спросил Крушинский. — Если судить по наружным размерам замка, здесь столько комнат, что нам не хватит и года, чтобы их все обойти.

Повинуясь внезапному порыву, Глеб обнажил меч и слегка ударил им по колонне. Меч отскочил, не оставив даже царапины. Тогда Глеб размахнулся и рубанул изо всех сил. От толчка меч едва не выбило у него из рук, но на обманчиво мягкой поверхности золота по-прежнему не осталось ни малейшего следа.

— Похоже, наше оружие здесь не слишком эффективно... Мне кажется, и с лазером будет то же самое.

— Может, попробовать?

— Не стоит. Каждый заряд дороже всего этого золота.

— Я чувствую присутствие вражьей силы, — сказал Васлав, перекладывая палицу в боевое положение. — Нам нужно держаться вместе, отроки, этот враг слишком силен.

— Он прав, — согласился Глеб. — К тому же у нас только один курсограф, а заблудиться здесь так же легко, как в подземном лабиринте. Будем держаться вместе. Если Бронислава действительно находится в замке и до сих пор жива, то в ближайшее время ей ничего не грозит.

Они прошли десятки разнообразных помещений, в большинстве своем заброшенных, со следами вековой пыли и запустения.

Лишь в некоторых унылая обстановка неожиданно и резко менялась. В одной комнате

они обнаружили большую серебряную пепельницу, полную окурков от американских сигарет, и эта находка настолько поразила Глеба, что он предложил устроить здесь засаду, на что Крушинский резонно возразил:

— Мы не можем себе позволить транжирить время попусту, у нас слишком мало сил после подземного лабиринта. Мы до сих пор еще не нашли здесь ничего стоящего — даже воды. Осмотр такого замка может занять не один месяц.

Он был совершенно прав. Все они, за исключением, пожалуй, одного Шагара, едва держались на ногах от голода и жажды.

— Где-то совсем близко должна быть человеческая пища. — Шагара повел своим широким носом и указал на мало приметную дверь в боковом портале. Возможно, это там...

За дверью оказался еще один заброшенный зал, но теперь они слышали, впервые с того момента, как переступили порог мертвого замка, какой-то шум. Из-за высоких двойных дверей, ведущих в следующее помещение, доносилось шарканье многих ног, звон посуды и приглушенные голоса.

— Похоже, здесь собираются обедать, а нас до сих пор не пригласили к столу. — Крушинский достал из-за пояса пистолет, обменялся с Глебом и Ваславом коротким взглядом и, убедившись, что они готовы к броску, произнес короткое:

— На счет «раз»!

Они ворвались в зал и как вкопанные остановились на пороге. Их появление не произвело ровно никакого впечатления на слуг, накрывавших разнообразными яствами длинный стол. Казалось, ни один из этих облаченных в золоченые ливреи лакеев вообще не заметил появления посторонних.

Они чувствовали себя, словно зрители некоего киносеанса, когда человек, сидящий в зале, не способен принять участие в действии, разворачивающемся у него пред глазами.

Один из лакеев, несший огромное блюдо с фаршированным поросенком, наткнулся на Васлава и, приоткрыв рот, недоуменно уставился в пространство, словно столкнулся с невидимым призраком.

— Кажется, они нас не видят и не слышат, — едва слышно прошептал Крушинский.

— Биороботы, зомби?

— Непохоже. Это что-то совсем другое. Я знал одного из них. Вон тот седой, со шрамом на левой щеке, был воином в моем отряде. Не из тех искусственно созданных волхвами. Он был настоящим воином и руководил сотней.

— Значит, манфреймовские подонки захватили его.

— Нет. Он погиб в бою, и я лично присутствовал на его погребальном костре.

— Здесь нет живых людей, — откликнулся Шагара. — Я их не чувствую одна мертвлять.

— Но этого не может быть! Если тело сгорело...

— Вот именно! Мы забрались в такие глубины, где законы нашего человеческого мира уже не действуют. Это другая вселенная, другой, параллельный мир — называй его как хочешь, но больше всего он похож на преддверие ада.

— Это ворота в царство Мары. Мир Нави. Но с мертвыми я предпочитаю не иметь никаких дел! Пойдемте отсюда, отроки, — предложил Васлав.

— Ну уж нет! — возразил Крушинский. — Мертвые они или нет, а поросенок на этом подносе пахнет настоящим жареным поросенком!

После этого, не дожидаясь решения остальных, он направился к столу, обходя по дороге медленно двигавшихся лакеев.

— Можно это есть? — спросил Глеб Шагара, зная уже, что домовые в таких вещах не ошибаются.

— Обычная человеческая пища. Яда в ней нет.

— Хотел бы я знать, для кого здесь приготовили этот пир, — пробормотал Глеб, направляясь к столу вслед за Крушинским.

Васлав остался в одиночестве, с тоской наблюдая, как оба его товарища поглощают

огромное количество пищи, то и дело запивая ее ароматным вином из богато украшенных драгоценными камнями золотых кувшинов. Наконец не выдержал и он.

Странный пир продолжался не меньше часа.

Лакеи, казалось, не замечали, что на столе пустеют подносы, и продолжали вносить в зал все новые блюда.

Во время одной из таких перемен Глеб увидел, что среди примелькавшихся фигур лакеев появились новые лица. Одно из них показалось ему знакомым, и как только он его заметил, человек с зеленоватыми, живыми и хитрыми глазами направился прямо к нему. Он встал за креслом Глеба и заговорил так тихо, чтобы никто, кроме Глеба, не смог разобрать слов.

— Полагаю, вы меня узнали. В нашу первую встречу вы легкомысленно отказались от предложения моего клиента. Теперь ваша жизнь висит буквально на волоске. Сейчас вас пригласят к хозяину этого замка, и тогда никто уже не сможет вам помочь.

— Вас трудно узнать в этой ливрее. Раньше вы носили клетчатую пару...

— Мы часто меняем одежду, а иногда и тела — работа, знаете ли, такая. Все зависит от обстоятельств. — Говоря все это быстрым и тихим шепотом, он не забывал подливать вина в пустеющие кубки Васлава и Крушинского. — Не теряйте времени. Его у вас осталось ровно столько, чтобы ответить на мое предложение. Да или нет?

— Убирайтесь к дьяволу!

— Ну что же... вы сделали свой выбор...

И сразу же ударил гонг. В конце зала распахнулись резные ворота, и целая процессия воинов с драгоценным оружием в руках, но с такими же мертвыми и пустыми, как у лакеев, глазами вошла в зал и как-то неожиданно, сразу, окружила Глеба. Протрубила труба, и герольд, уставившись в пространство, где стоял Глеб, своим невидящим взглядом произнес:

— Хозяин просит вас подняться в его апартаменты.

Глеб беспомощно обернулся к друзьям и только сейчас увидел, что мертвый каменный сон сломил их буквально в несколько мгновений. На столе, среди овощей и остатков пищи, покоилась голова Васлава, и его могучий храп разносится далеко вокруг. Тихо, с безмятежным лицом, откинувшись на спинку кресла, спал Крушинский.

Одного Шагару не было видно, наверно, как обычно в минуту серьезной опасности, он уменьшился до размеров мухи.

Итак, Глеб остался один на один со всем этим. Клетчатый пиджак, одетый в ливрею лакея, исчез также мгновенно и бесследно, как и в прошлый раз.

Глеб потянулся к мечу, висевшему на перевязи за спинкой стула, но металлический голос герольда произнес за его спиной:

— Оружие брать с собой не разрешается.

«Еще бы, — подумал Глеб. — Так я тебя и послушал...» Но рука, протянутая к рукоятке меча, стала вдруг непомерно тяжелой, словно налилась свинцом. Напрягая всю силу, он смог продвинуть ее вперед лишь на доли сантиметра.

Яростно скрипнув зубами, Глеб посмотрел прямо в нахальные невидящие глаза герольда и рванулся к нему, прорываясь сквозь вязкие слои пространства.

Его движения стали замедленными, словно размазанными во времени. Но он все же дотянулся до герольда, схватил его за руку и, рванув на себя, попытался вырвать из рук не ожидавшего нападения пажа длинную серебряную трубу.

Тогда воины, окружавшие его, приподняли свои сверкающие, острые как бритвы мечи и уперли их лезвия в спину Глеба. Он почувствовал, как холодная сталь прорезает кожу его куртки и упирается в кольчугу.

Стража не собиралась шутить, и, несмотря на это, он еще раз попытался броситься на своих противников... Но сила, сравнимая разве что с силой взрыва, сбила его с ног и, прежде чем Глеб успел понять, что, собственно, произошло, какой-то могучий вихрь подхватил его.

В одно мгновение смазались очертания обеденного зала, лица друзей все, что его окружало минуту назад, бесследно исчезло.

— Как, по-вашему, существует выход из зазеркалья? — спросил Сухой.
Таен лишь хитро усмехнулся.
— Вы же его придумали.
— Мне кажется, существует, но лишь для тех, чье отражение оказалось полностью несовместимым с вывернутым наизнанку миром.

22

Когда пространство вокруг Глеба вновь стало четким, он оказался в просторной, богато убранной комнате. На мягком, покрытом шкурой снежного барса диване полулежал молодой человек лет двадцати восьми. Он был одет в роскошный, расшитый золотом восточный халат и всасывал дым из какого-то сложного сооружения, напоминающего турецкий кальян. Кроме них двоих, в комнате никого не было.

— Садитесь, — кивнул на низкую оттоманку в углу комнаты молодой человек, ненадолго оторвавшись от своего мундштука. Глеб последовал его приглашению, передвинув оттоманку в более удобное для беседы положение, поближе к дивану. Хозяин не возражал, с интересом разглядывая Глеба.

Только теперь Глеб обратил внимание, что глаза у него не человеческие, с желтой радужной оболочкой и длинными узкими зрачками.

— Кто вы? — спросил Глеб, не в силах скрыть своего изумления.

— Я именно тот, за кого вы меня принимаете.

— Но тогда почему?..

— Почему я похож на человека? Видите ли, у меня три ипостаси, и я выбираю любую из них, в зависимости от обстоятельств. Считайте, что вам повезло, у меня сегодня хорошее настроение. Здесь, знаете ли, довольно скучно. До меня, как я уже сказал, редко добираются гости.

— Две ипостаси — змеиная и человеческая... А что собой представляет третья?

— Человеческое тело слишком хрупко, а иначе я бы вам показал. Это огонь, концентрация космических энергий, опоясывающих ваш мир.

— Но если вы действительно Он, я не понимаю, о чем мы можем говорить.

— Да о чем угодно. О вашем мире, например, о справедливости, за которую вы так ратуете, о том, почему от вас отвернулись боги. Не от вас лично, от вашего народа.

— Вы в этом уверены?

— А вы сомневаетесь? Вспомните, как вы живете, каждый думает лишь о том, чтобы ему было очень хорошо, чтобы хорошо было сегодня, сейчас. А так как всем сразу хорошо не бывает, то пусть будет плохо другим. Вот суть вашей жизненной философии, разве не так?

— Не у всех, и мы это изменим. Не всегда же нашей жизнью будут управлять жулики.

— Вы уже пытались. Помните: «Мы свой, мы новый мир построим» — сегодня вы даже не знаете, что, собственно, собираетесь строить.

— Наверно, все эти события не обошлись без вашего участия?

— Да что вы, помилуйте, какое мне дело до мира живых людей? Мне своих проблем хватает. Давайте лучше вспомним ваших жуликов, крадут ведь не только управляющие вами чиновники, гаишники на дорогах обирают водителей, милиция обирает тех, кого должна охранять, торговцы обкрадывают покупателей, а покупатели, в свою очередь, подметают все, что плохо лежит. Или я чего-то не понимаю, или, может быть, вам просто нравится так жить?

— Десятки лет искусственно создавались условия, поощряющие жульничество.

— Согласен, и все-таки этого недостаточно, чтобы полностью изменить психологию целого народа.

— Она и не изменилась. Все, кого вы упомянули, лишь малая часть, пена, всплывающая на поверхность при любых серьезных изменениях в жизни общества. И чтобы узнать, с чего начинались эти изменения, где истоки наших бедствий, я готов проделать путь

сюда еще раз.

— Ну вы пришли не по адресу, я сам люблю задавать вопросы, а отвечать на них — нет, увольте. Скажите-ка лучше, что вы будете делать, если вам действительно удастся построить пресловутый мир справедливости, в котором не останется зла?

— То есть как что? Мы будем в нем жить!

— Да? А вы никогда не задумывались над тем, почему в вашей литературе отсутствует описание рая? Есть ад Данте, есть ад Мильтона, могу назвать еще не меньше десятка, но не припоминаю ни одного стоящего описания рая. А в самом деле, что в нем делать? Слушать музыку? Наслаждаться разрешенными к употреблению плодами? Да вы от скуки там все перебеситесь, как это уже случилось однажды с Евой.

— Действительно, случилось?

— Ну это было так давно, что даже я теперь не припомню... Во всяком случае, история поучительная, согласитесь. Однако пора поговорить о деле.

Он отложил в сторону кальян, расплавил складки своего роскошного халата и внимательно посмотрел на Глеба. Сейчас Глеб почувствовал в его взгляде что-то холодное и отстраненное. Он словно насадил на иглу какое-то маленькое насекомое и равнодушно его исследовал.

— Ваш визит ко мне довольно необычен. У вас наверняка должны быть весьма серьезные причины, чтобы навестить меня.

— Они есть. В вашем замке находится женщина, русская княжна Бронислава, я хотел бы...

— Поговорим позже о ваших желаниях. Ох уж эта ваша человеческая манера сразу приступать к сути дела. Я уже сказал вам, что не спешу и предпочитаю сначала побеседовать с новым человеком, а уж потом решать его судьбу.

— Судьбу?!

— А вы как думали? Ко мне по пустякам не заходят.

Как никогда остро Глеб почувствовал собственную беспомощность от того, что оказался здесь без оружия. Ему все время казалось, будто сквозь полупрозрачную ткань халата просвечивает змеиная чешуя... Но если это действительно так, она заменит собой любую кольчугу. Интересно, выдержит ли такая штука удар меча, подаренного Гидром? Глебу чертовски хотелось это узнать... Хотя если уж выдержала золотая инкрустация тронного ложа, то эта, скорее всего, окажется еще прочнее...

— Объясните мне для начала, как вы здесь оказались. Дорога, по которой вы шли, недоступна ни единому живому существу. Без посторонней помощи вы не могли пройти там, где прошли.

Несколько секунд Глеб мучительно раздумывал над ответом. Пожалуй, их единственная надежда состояла в том, что зло многолико и, как правило, всегда враждебно к представителям собственного клана, но он не может показать свое знание об этом. Его ответ должен был прозвучать совершенно нейтрально — предельно искренне...

— Ну помощь вряд ли, скорее всего, нам просто не слишком препятствовали.

— Я так и думал... Значит, он снова решил попытаться, на этот раз вашими руками.

Какой-то могучий гул возник глубоко внизу, под тысячеметровыми слоями лавы, лежащими в основании замка. Он постепенно нарастал, пробивался наружу. Вначале от него едва заметно завибрировали стены, посыпалась пыль с потолка, заныли зубы. Он исчез так же неожиданно, как возник, но что-то неуловимо изменилось во всей обстановке комнаты.

Лицо хозяина вытянулось и как бы пожелтело. Он встал и неверной, раскачивающейся походкой направился к окну. Наблюдая за ним со спины, Глеб еще раз отметил, сколь обманчиво сходство этого существа с человеком. Он шел, тяжело волоча ноги, почти не сгибая их в коленях, словно нес на своих плечах груз бесконечных тысячелетий и миллионов погибших человеческих душ.

Подойдя к окну, Змиулан одним резким движением отбросил в сторону портьера, и в глаза Глебу ударил ослепительный свет лавового водопада.

Свет этот стал таким ярким, что в комнате на полу можно было рассмотреть любую пылинку — даже цвет лавы изменился. Она походила теперь на восходящее солнце.

— Я так и думал, — повторил Змиулан еще раз, сейчас уже о чем-то совершенно другом.

— Глеб, будь осторожен. Мне кажется, он что-то задумал. Ты ему нужен, и я никак не могу понять для чего, — вдруг прозвучал внутри него голос, который когда-то позвал его в это невероятное путешествие. И вместе с этим голосом, молчавшим так долго, Глеб почувствовал, как возрождается надежда выбраться из этого чудовищного мира.

— Чего он так испугался?

— Ну это понятно... Под замком, ближе к центру земли, есть еще семь горизонтов тьмы. Место, в котором ты находишься, — всего лишь преддверие. Чудовищные создания, обитающие в огненных глубинах, столь ужасны, что, если им удастся прорваться наружу, Змиулана не спасет даже его третья ипостась. Правда, и от Земли тогда уж ничего не останется.

Глебу казалось, минуло неисчислимое количество времени, прежде чем Змиулан отпустил штору окна и вновь обернулся к нему.

— Пожалуй, я отпущу вас отсюда живыми, хотя бы потому, что этого так не хочет Манфрейм — пусть это будет ему напоминанием о необходимости выполнять взятые на себя обязательства.

— Я не уйду отсюда без Брониславы и без своих друзей.

— Я знаю. Я как раз собирался с ней расстаться... Она была очень славной женщиной и как могла скрашивала здесь мое одиночество, но условия жизни в моем замке пагубно отражаются на хрупкой человеческой натуре.

Глеб почувствовал неудержимое желание сломать тонкую костистую шею рептилии. Это казалось так легко, почти просто. Он привстал. В конце концов, даже безоружный рейнджер может нанести один-единственный решающий удар... Он сделал шаг к окну.

— Спешите, пока я не передумал...

Прошелестел горячий ветер, как пушинку подхватил Глеба и бросил вниз, через два перекрытия, туда, где за обеденным столом, теперь уже в полном одиночестве, спали опоенные змеиным зельем его друзья.

И лишь очутившись здесь, лишь снова увидев перевязь со своим мечом, висящую на спинке стула, лишь схватив ее и забросив такой неощутимо острый и стремительный груз за спину, он почувствовал себя так, словно вновь обрел способность двигаться.

Несколько минут Глеб сосредоточенно занимался растиранием висков и холодными примочками, используя для этого остатки питья в кувшинах. Мертвый каменный сон наконец начал покидать его друзей. Их тела расслабились, Крушинский застонал, но все еще не открывал глаз.

— Вел, ты меня слышишь? — несколько неожиданно для самого себя позвал Глеб Книгу только что пришедшим на ум именем.

— Конечно. Почему ты меня так назвал?

— От имени Влеса, наверно... «Влесова книга» — так тебя называли в моем веке.

— Ну что же... Мне нравится. Глеб, а почему раньше ты никогда не пытался разговаривать со мной, я имею в виду так, как сейчас?

— Наверно, не понимал самого главного, мне казалось, что ты всего лишь передатчик чужих мыслей.

— С большинством книг дело обстоит именно так, но у некоторых появляется собственная душа.

— К тому же раньше мои мысли плохо подчинялись мне, я не умел сконцентрировать их в энергетический комок для передачи.

— Ты сильно изменился после контакта с Гидром.

— Я хотел спросить, ты не знаешь, куда подевался Шагара?

— Посмотри под тем большим блюдом с соусом, видишь, в его дне есть углубление,

по-моему, он забрался туда.

Действительно, спящий домовый, уменьшившийся до размеров мухи, оказался именно там. Не желая терять времени на новую проблему, Глеб попросту сунул его в карман и все свое внимание переключил на князя, который определенно не желал просыпаться.

Неожиданно, без всякого предупреждения, вновь дунул горячий ветер, и все трое оказались за воротами замка. Еще не пришедший в себя князь и только что открывший глаза Крушинский лежали теперь на камнях у ног Глеба.

Низко над головой неслись косматые клубы вулканического дыма, заменявшие здесь облака, сегодня особенно густые и плотные. Откуда-то сверху раздался голос, от которого дрогнули скалы:

— За статуей вы найдете дорогу, ведущую на поверхность. Я выполнил свое обещание.

— Еще нет! — крикнул Глеб облакам. — Ты забыл освободить Брониславу!

— Я ничего не забываю. Ты найдешь ее за статуей в пещере. Не знаю только, обрадует ли это тебя...

— Вел, ему можно верить?

— Прямо он никогда не лжет, но часто его слова имеют двойной смысл, впрочем, у тебя все равно нет выбора.

Голос стих, облака почти сразу рассеялись. Остался лишь похожий на змеиное шипение свист ветра у них над головами.

— Что произошло? — спросил Крушинский, приподнимаясь.

— Обо всем расскажу позже, когда мы уберемся подальше. Лучше помощи разбудить князя.

Обратный путь показался намного короче. По-прежнему нельзя было отойти в сторону — невидимая прозрачная стена огораживала дорогу с обеих сторон. Но теперь три цепочки следов на ней вели в обратную сторону. Все-таки они появились — следы, возвращающиеся к миру живых людей!

За статуей после непродолжительных поисков они обнаружили замаскированную кустами узкую трещину, уходящую в глубь скалы. Именно там, где сказал Змиулан.

— Мы несколько раз осматривали это место и ничего не заметили, задумчиво проговорил Глеб, стараясь разглядеть в окружающем пейзаже хоть какой-то намек на другой ход.

— Посмотри туда! — Крушинский указал вверх, на каменную анфиладу гигантской лестницы, по которой они спустились в долину.

На самом ее верху, над двенадцатой ступенью, чувствовалось какое-то движение. Две блестящие штуковины, похожие на неизвестные механизмы, появились по ее краям. Рассмотреть на таком расстоянии детали они не могли, но Крушинский берег как зеницу ока то небольшое снаряжение, что досталось им в качестве трофея от схватки с космическими десантниками. И теперь, порывшись в своем рюкзаке, он извлек бинокулярный голограф, позволяющий проецировать непосредственно на сетчатку глаз картину местности в любом масштабе.

Сняв с головы обруч с проекторами, он долго молчал, словно не верил ни собственным глазам, ни прибору.

— Черт меня побери, если это не мотоциклисты... не на мотоциклах, конечно, какие-то другие самодвижущиеся аппараты, и они не одни... Их там целая армия...

— Целая армия мотоциклистов? — не поверил Глеб.

— Посмотри сам!

Верхняя часть последней ступени приблизилась, развернулась. Сейчас с помощью отраженного от сводов лазерного луча голографа он как бы парил над скалами. На площадке у выхода из манфреймовского лабиринта скопилось не меньше сотни солдат. Они разматывали крючья, крепили лестницы. Десятки странных экипажей и сотни еще более странных существ готовились к спуску по отвесной стене.

В том месте, где подземный ход, ведущий из лабиринта, выходил к краю полости,

появлялись все новые и новые отряды. Им предстояла непростая задача преодолеть двадцать метров отвесного уступа первой ступени. За ним следовало еще одиннадцать таких же, но Глеб вместе со своими спутниками преодолел их без специального снаряжения, и не было никакого сомнения, что через пару часов вся эта орда окажется внизу.

— Похоже, Манфрейм не оставляет нас без присмотра. Он не такой человек, чтобы пустить дело на самотек, и решил проверить, чем закончился наш визит в замок.

— Мы должны укрыться, пока они не спустились.

— Слишком поздно, нас уже заметили. Это место сверху видно как на ладони.

— Тем более надо спешить.

— Только не в эту пещеру. Они бросятся туда вслед за нами, и мы окажемся в ловушке. Мы не знаем даже, не кончается ли тупиком расселина, которую нам так любезно подсунули.

— Глеб, ты что, с ума сошел? Не собираешься же ты сражаться с целой армией на открытой местности!

— Мы найдем другое укрытие.

— Здесь нет другого укрытия! Еще несколько минут, и будет вообще слишком поздно! Передовой отряд начал спуск гораздо раньше, мы не видели его за козырьком, посмотри, они уже выходят на дорогу!

— Значит, мы будем сражаться здесь.

— Хорошо. Раз ты так считаешь. Но только объясни сначала, что происходит.

Глеб видел, что Крушинский едва сдерживается, еще секунда-другая, и в этот опаснейший момент он может остаться один, если немедленно не объяснит своего решения.

— Там Бронислава... В пещере. Я не хотел, чтобы манфреймовские вояки нашли ее. Пещеру не так просто заметить, если мы сами не укажем им путь.

— Откуда ты знаешь?

— Он сказал мне об этом, пока вы спали. Таковы были условия сделки. Мы уходим отсюда и забираем с собой Брониславу, я не знаю, зачем ему это понадобилось...

— И ты поверил?

Стиснув зубы, Глеб отвернулся. Да, он поверил, потому что очень хотел поверить, хотя прекрасно понимал и сам, насколько нелепо ожидать выполнения условий от хозяина долины мертвых. Вполне возможно, и появление этого войска не обошлось без его участия.

— Что нам делать, Вел? — спросил Глеб, не разжимая губ. И тут же пришел ему одному слышный ответ:

— Здесь, внизу, опасно, постарайтесь взобраться повыше. Справа от вас можно немного подняться по узкому отрогу, это предохранит от стрел и от опасности, которую я чувствую внизу.

Книга и на этот раз дала дельный совет. Прежде чем в долину хлынула пестрая орда инопланетных монстров, им удалось подняться вверх метров на двести — этого было достаточно, чтобы стрельба из луков стала неэффективной.

Когда они закончили подъем, на крошечной площадке, где с трудом смогли разместиться, внизу под ними все уже кишело от обезьяноподобных существ, впрочем, лишь внешне производивших впечатление неуклюжести. Выше пути не было. Гребень, по которому они карабкались, заканчивался отвесной стеной.

Существа под ними быстро справились с установкой какого-то неизвестного механизма, напоминавшего мортиру, и поспешно начали подтаскивать к нему крупные обломки камней.

— Если эта штука окажется достаточно эффективной, мы здесь в ловушке, отметил Крушинский. — Выше пути нет.

Скала над ними без единой трещины, снизу их видно как на ладони. Площадка оказалась слишком маленькой, чтобы можно было укрыться за ее краем. К тому же после первого пристрелочного выстрела они убедились, что ковш мортиры посылает камни вверх по крутой траектории, значительно превосходившей высоту их убежища.

Вскоре мимо них вниз со свистом пролетел первый кусок скалы. Пока их спасло лишь

то, что позицию для мортиры выбрали не слишком удачно. Круто выброшенные вверх камни возвращались обратно и, ударившись о землю, разлетались градом осколков. После первых же выстрелов среди прислуги появились раненые.

Без разборки устройство невозможно было сдвинуть с места, и на какое-то время стрельба прекратилась. Они получили короткую передышку.

Почему-то никто из их противников даже не пытался взобраться на гребень.

— Похоже, они не слишком спешат до нас добраться. Может быть, лучше спуститься, пока снова не собрали эту штуку?

— Мы не сможем продержаться на равнине и нескольких минут. Нужно ждать.

Он и сам не знал — чего. Ждать вопреки логике, ждать верной гибели лишь потому, что так посоветовала Книга... Но ведь и она могла ошибаться...

— Я не ошиблась, Глеб.

Под ними осталась лишь небольшая часть нападавших, возившихся с установкой мортиры. Основная часть манфреймовской армии напрямик устремила к замку, затопив все пространство дороги. Они двигались беспорядочной дикой толпой, не сохраняя строя.

Кое-где пеструю однообразную ленту разбивали неуклюжие осадные орудия, штурмовые лестницы и тараны.

— Неужели они всерьез собираются атаковать замок?

— Похоже на то. Кажется, Манфрейм решил воспользоваться неразберихой, вызванной нашим визитом, и попытаться осуществить свои давние планы.

— Внизу их осталось не больше двух десятков. Как только расстояние между прислугой мортиры и основным отрядом увеличится, попробуем открыть огонь из лазерного оружия. Сейчас они еще могут вернуться, если почувствуют опасность. Пусть считают, что мы в ловушке.

— У тебя не хватит зарядов, чтобы перебить их всех, — батарея почти полностью разряжена, а пистолет на таком расстоянии малоэффективен. Думаю, они покончат с нами гораздо раньше.

Как всегда, логика Крушинского, его холодная способность в любых критических обстоятельствах безошибочно оценивать обстановку оказалась на высоте... Глеб мучительно искал выхода из ловушки, искал и не находил...

— Если я правильно понял, в тибетской Книге Мертвых утверждается, что демоны, преследующие нас после смерти, — всего лишь иллюзия, порожденная нашим собственным сознанием, и не способны причинить настоящего вреда.

Лама резко поднялся со своего места и несколько раз нервно прошелся по комнате, казалось, его непробиваемая невозмутимость впервые дала трещину. Наконец он остановился напротив Сухого и несколько секунд пристально его разглядывал, точно увидел впервые.

— Это очень опасное утверждение. Все зависит от степени веры. Чем больше вы верите в иллюзию, тем реальнее она становится. В конце концов, наступает момент, когда миры как бы меняются местами. Иллюзия превращается в реальность, и, наоборот, иллюзорным становится наш собственный мир — в таком перевернутом мире демоны очень опасны.

23

Передняя волна нападавших наконец достигла замка. По-прежнему они двигались узкой колонной, сдерживаемые силовыми стенами дороги. Длинная, похожая на змею процессия растянулась на несколько километров. Ее хвост отделился от площадки, на которой находился Глеб со спутниками, метров на пятьсот.

Оставшийся внизу отряд закончил сборку мортиры на новом месте и готовился вновь открыть стрельбу. Однако Глеб не торопился доставать лазер и расходовать последние оставшиеся у них заряды.

Предчувствие неминуемой беды повисло над долиной. Что-то грозное чувствовалось в

низких, вновь неизвестно откуда появившихся тучах.

Перед нападавшими, так же как недавно перед отрядом Глеба, гостеприимно распахнулись ворота замка. Солдаты Манфрейма не раздумывая устремились в открывшийся проем.

И тогда возник звук, от которого дрогнули скалы. Звук, похожий на низкий рев. Огненный протуберанец вылетел из ворот и понесся вдоль дороги, повторяя ее изгибы, сметая и уничтожая все живое на своем пути. Буквально за несколько секунд пестрая лента живых существ, заполнявших дорогу, стала вначале красной, а затем черной.

Огненная волна влетела в долину, разлилась у подножия гор, мгновенно поглотив в своем пылающем чреве и остатки нападавших, и их жалкую технику.

Через несколько секунд огонь опал, раскаленные камни остыли, и ничто, кроме кусков жирного черного пепла, не напоминало о трагедии, только что разыгравшейся у них на глазах.

Неожиданно где-то посередине дороги появилась яркая точка. Она быстро приближалась, увеличивалась в размерах и постепенно превращалась в человеческую фигуру, одетую в расписной цветастый халат, почти неприличный на фоне этой черной дороги.

— Собственно, я собирался их предупредить, хотел сделать как лучше... — Слова Змиулана прозвучали отчетливо, точно он стоял среди них. — Теперь все кончено. Вы можете спускаться.

И опять дорога стала совершенно пустой, лишь ветер шелестел хлопьями темного пепла, да на том месте, где недавно стояла фигура змея, исчезали последние отблески миража.

Что-то живое упрямо шевелилось у Глеба в кармане, что-то рвалось наружу, и наконец тоненький голосок прокричал:

— Бронислава там! Внизу! — Шагара, вырвавшись из кармана, стал расти, достиг своих обычных размеров и сразу же бросился вниз.

Его пришлось останавливать силой. Раскаленные камни внизу представляли собой реальную опасность, да и не чувствовали они себя готовыми ступить на эту дорогу снова... Лишь после того, как впечатление от увиденного немного ослабло, все четверо начали спуск в глубоком молчании.

Вскоре их руки ощутили прикосновение еще не остывшего от огненной купели камня. Вопреки опасениям Глеба, камень оказался лишь слегка теплым. Кратковременное воздействие пламени не успело как следует раскалить его поверхность.

Все же некоторые плоскости, вставшие на пути огня и блесевшие теперь как отполированное зеркало, пришлось обойти стороной.

Вскоре под ногами у них захрустел шлак и остатки обуглившихся костей. С трудом сдерживая тошноту, Глеб старался не смотреть по сторонам, и это едва не стоило ему жизни.

— Стоять! Не двигаться! Всем руки за голову!

Грозный окрик прозвучал настолько неожиданно, что все они почти инстинктивно выполнили команду.

Из-за камня, в пяти метрах от расщелины и в нескольких шагах от них, поднялся офицер десантников в легком защитном скафандре.

Только сейчас Глеб понял, какую непростительную ошибку совершил, забыв, что элитную гвардию манфреймовского воинства всегда составлял отряд десантников. Им, как правило, поручалась важнейшая задача в любой операции. Остальное «мясо», — как презрительно называли десантники всевозможный инопланетный сброд и биологических роботов, — чаще всего служило им только для прикрытия. Манфрейм никогда не считался с численными потерями, имея возможность воссоздавать в своих лабораториях тысячи полумеханических кукол. Так было и на этот раз...

Офицер между тем подошел ближе и откинул темный защитный щиток со своего шлема.

— Кого я вижу?! Уж не дезертировавший ли это Глеб Яровцев, за голову которого назначена хорошая премия? Такая хорошая, что даже не верится, будто ее заплатят... Только без глупостей! — предупредил офицер, заметив, как исказилось от бессильной ярости лицо Глеба. — Мои люди наблюдают за каждым вашим движением. Ларсен, покажи им.

Десантники всегда отличались превосходным умением маскироваться на любой местности, и, пока из-под куста возле расселины не сверкнула вспышка лазерного выстрела, Глеб не предполагал, что там может скрываться человек. Луч расплавил поверхность камня над его головой, и раскаленные брызги больно кольнули лицо. Невольно Глеб дернулся, и второй выстрел сразу же опалил волосы на голове.

— Достаточно! — приказал офицер. — Иначе вы испортите мою драгоценную добычу.

— Вел, ты собираешься что-нибудь предпринимать?! — прошипел Глеб, не размыкая губ.

— Разумеется, нет. Я лишь даю советы, которыми ты часто пренебрегаешь. Что касается действий, то это твоя обязанность. А слово, которое только что пришло тебе в голову, вообще не относится к лексикону цивилизованных людей!

Похоже, выпутываться из этой передраги ему придется самому.

Не слушая больше болтовни Книги, Глеб решительно шагнул вперед, к офицеру. Впрочем, при этом он старался не делать резких движений, чтобы не спровоцировать неожиданный выстрел из засады.

— Тебе что, жизнь надоела?

— Нет. Я только хочу поговорить с вами наедине, господин офицер!

— О чем мне разговаривать с беглым курсантом?

— А вам не показалось странным, что за мою голову назначена такая большая награда?

— Это действительно странно.

— Вот об этом я и хотел поговорить без посторонних ушей.

Несколько секунд офицер обдумывал, как ему поступить. Недоучившийся курсант в его глазах не представлял серьезной опасности, и наконец жадность победила в нем осторожность.

— Хорошо. Мы отойдем, но не настолько, чтобы тебя потеряли со своих прицелов мои люди.

— Этого не требуется. Важно лишь, чтобы никто не слышал наш разговор. Последнюю фразу Глеб произнес достаточно громко и не сомневался, что она достигла ушей притаившихся в засаде стрелков.

Они отошли метров на пятьдесят, и по легкому шороху в скалах, нависших у них над головой, Глеб понял, что его расчет оправдался.

Внимание тех, кто должен следить за каждым его движением, было теперь направлено лишь на то, чтобы не пропустить ни одной фразы из предстоящего разговора.

Теперь у него появился один-единственный шанс. Неверный шаг будет стоить жизни и ему, и его товарищам. Еще раз, не упуская из виду ни одной мельчайшей подробности, он проанализировал обстановку.

До офицера оставалось не больше метра, и главная ошибка противника заключалась как раз в том, что он по-прежнему заставлял пленника держать руки за головой — обычный и почти всегда безошибочный прием — только не в данном случае. Рука Глеба осторожно нащупала рукоять меча, торчавшую из заплечной перевязи.

Офицер прекрасно видел этот меч, но был абсолютно убежден в том, что холодное оружие не способно пробить трехслойную броню скафандра, защитившую его от пламени.

На всякий случай он все же расстегнул кобуру бластера, но оружия так и не достал, не принимая всерьез своего противника.

— Так что ты мне собирался сказать? — спросил офицер, начинавший терять терпение.

— Все дело в этом мече, позвольте я вам его покажу, — произнес Глеб, выиграв этой отвлекающей фразой еще несколько драгоценных мгновений.

Обнаженное лезвие сверкнуло в его руках, отражая свет лавопада. Глебу не

понадобилось даже замаха, рука не ощутила ни малейшего сопротивления, когда лезвие прошло сквозь скафандр и вонзилось глубоко в тело офицера, словно перед ним стояла всего лишь тень человека.

Захлебнувшись собственной кровью, офицер рухнул к его ногам, но прежде чем его тело коснулось земли, Глеб бросился на землю, используя уже мертвого противника как прикрытие.

Вспышка бластера сверкнула именно в том месте, где он и ожидал, с изрядным опозданием. Луч прошел слишком высоко.

Глеб выхватил оружие из поясной кобуры офицера и сразу же ответил выстрелом на выстрел. Со скалы вниз начало падать тело неудачливого стрелка. Но был еще второй, и он почему-то медлил...

Грохот выстрелов из пистолета Крушинского прояснил ситуацию, и тело второго десантника упало вниз.

Крушинский показался из-за камней, когда Глеб уже поднялся на ноги.

— Ты думаешь, их было только трое? — спросил Глеб, проверяя батарею доставшегося ему трофейного лазера. Во время этого короткого боя он ни на секунду не забывал о том, что в его собственном бластере остался всего один заряд.

— Я видел троих. Но в пещере может быть засада. Похоже, они знали, куда идти.

— Была там засада, но теперь ее уже нет, — произнес Васлав, появляясь из-за скалы со своей боевой дубиной в руке.

— Путь свободен, отроки. Вот только мне кажется, вас не обрадует то, что вы там увидите...

Не прошло и минуты, как все трое оказались внутри. Лишь Васлав, не желая второй раз продирается сквозь узкий вход, остался снаружи. Да и то ненадолго, почти сразу же, словно пожалев о своем первоначальном решении, он догнал их и молча встал сзади.

В полумраке они смогли рассмотреть в центре помещения лишь большой белый камень. Когда наконец Глеб догадался включить фонарь, камень превратился в мраморный саркофаг.

— Она там, — прошептал домовой, и такая печаль прозвучала в его голосе, что у Глеба перехватило дыхание. Сам он все еще не хотел поверить в очевидное.

На саркофаге не было ни единого шва, он казался отлитым из целого куска мрамора, и лишь в изголовье темнело небольшое окно из какого-то прозрачного материала.

Склеп с саркофагом напоминал хрустальный зал. Пещеру, целиком выдолбленную в гигантском кристалле горного хрусталя, заполняли тысячи красноватых бликов. Просочившись снаружи, они горели темной радугой в бесчисленных гранях.

В центре пещеры, в коконе из белого мрамора, лежала княжна... И вдруг, прерывая эту долгую минуту отчаяния, в голове у Глеба прозвучал неслышный голос:

— Она жива, Глеб, и я начинаю понимать, почему Змиулан отпустил вас...

— Она не может быть живой, внутри этой каменной глыбы нет воздуха!

— Сейчас ей не нужен воздух. Ты что-то знаешь про летаргию? Она спит мертвым сном. Слишком много яда попало в ее кровь. Со всем своим могуществом Змиулан сумел удержать ее лишь на самом краешке жизни. Теперь ты должен вынести ее отсюда. Именно этого он от тебя и ждет. Ее жизнь слишком драгоценна для него, только поэтому вы сможете отсюда выйти... — Голос Книги прервался, словно она тоже могла испытывать боль.

— Но почему, почему?!

— Ты узнаешь об этом позже.

Когда прошло первое потрясение, они начали замечать детали окружающей обстановки. Внутри стены склепа повторяли геометрическую форму октаэдра удлиненного восьмигранного кристалла, заканчивавшегося восьмью треугольниками, вершины которых сходились в одной точке, закрытой от них мраморным саркофагом.

Помещение производило впечатление какой-то искусственности, геометрической заданности — так могла бы выглядеть рубка космического корабля, вот только вместо

пульта здесь размещался саркофаг.

«Яд? Шок? Летаргия? Как ей помочь?» Его мысли металась вокруг этой проблемы, когда вновь послышался шепот Книги:

— Есть лишь один способ спасти ее — вынести отсюда как можно быстрее! Извини, тебе придется самому решать эту проблему — выход закрывается, я теряю поток энергии, мы не сможем разговаривать, пока ты находишься внутри этого кристалла.

Глеб оглянулся. Расселина, через которую они с таким трудом протиснулись в склеп, почти совсем исчезла, на ее месте осталась лишь узкая, не больше миллиметра, трещина, но и она постепенно растворялась в сверкающей прозрачной стене.

— Кажется, на этот раз мы попались. Ничем иным и не мог закончиться твой договор со Змиуланом.

— У него были более простые способы покончить с нами. Здесь иное... Мы должны понять, что все это означает.

— Так ты еще не понял? — В голосе Крушинского, как всегда в минуты сложного, отчаянного положения, звучал сарказм, почти оскорбительная насмешка, и если бы Глеб не знал его так хорошо, он принял бы ее на свой счет. Но этот человек смеялся лишь над опасностью и над собственным страхом.

— Не спорьте, отроки, посмотрите-ка лучше сюда... — Васлав, первым преодолевший в себе внутреннее сопротивление, подошел к саркофагу вплотную и теперь стоял, выпрямившись. Его взгляд был направлен не на княжну, он смотрел в ту точку пространства, где сходились вершины сверкающих треугольников стен.

Над этим геометрическим центром, наливаясь изнутри темно-малиновым светом, горел знак древней дороги. Два крыла и звезда между ними.

— Раз здесь есть этот знак — эта штука должна двигаться. Белоярский говорил мне, что такой символ Асилы ставили на своих пространственных путях.

— Я считал это всего лишь легендой.

— Я тоже, пока не увидел знака.

— Есть лишь одна-единственная вещь на свете, которой должен бояться Манфрейм, — этой дороги, коль скоро она существует на самом деле!

— Значит, она все-таки существует, и мне кажется, именно о ней хотел нам рассказать превращенный в камень великан.

Возможно, миллионы лет назад он был среди тех, кто создавал этот корабль.

— Это колесница Перуна. Оставьте ее в покое, отроки. Смертным не дано управлять огненными колесницами богов.

— А знаешь, возможно, Васлав прав. Слишком странно выглядит этот склеп, слишком он похож на рисунок космического корабля, найденный в храмах майя... Только там вместо саркофага сидел человек и каким-то образом управлял этой штуковиной... Возможно, и здесь есть скрытый, невидимый механизм управления...

Слова Крушинского подхлестнули мысли Глеба и неожиданно изменили их направление.

— Или совсем даже не механизм... Нечто совсем простое... Может быть, это сама звезда? — Повинуясь внезапному инстинктивному порыву, Глеб шагнул вперед, протянул руку и приложил ладонь к красноватому пятнышку. Ничего не произошло, он ощутил лишь легкое покалывание и разочарование от своей ошибки.

Вот только звук... высокий, на грани слышимости, он возник где-то внизу, под ними, и никто не мог решить, слышал ли его на самом деле. Осталось лишь странное ощущение знакомой с детства мелодии, которую так никогда и не удастся вспомнить во всей последующей взрослой жизни.

Что-то изменилось и во внутреннем освещении стен. Исчезли красноватые сполохи в гранях огромного кристалла, и цвет звезды сменился на синий, затем отовсюду на них поползла темнота. В чернильном мраке, в котором они оказались, остался единственный голубой огонек крылатой звезды, словно свет маяка, он отдалялся от них, уводя за собой.

Небольшая скала, затерявшаяся среди необозримого моря лесов, тянувшихся от Китежа до берегов северного океана, неожиданно дрогнула, словно от мощного землетрясения. Однако никакого землетрясения не было. Вокруг все оставалось спокойным, и лишь с вершины этой скалы продолжали сыпаться камни.

Неожиданно какая-то неведомая сила расколола ее вершину. Из образовавшейся трещины вырвалось пламя, выбросившее высоко в воздух сверкнувший на солнце обломок.

Описав над вершиной скалы невысокую дугу, обломок, обладавший неестественно правильной формой, рухнул к ее подножию. Его поверхность покрылась мелкой сетью трещин и начала распадаться на отдельные кристаллы кварца.

Трещина на вершине скалы, забитая густой лавой, какое-то время продолжала вишнево светиться, но вскоре ее цвет стал таким же серым, как и остальные склоны. Больше ничто, кроме россыпи сверкающих обломков у подножия, не напоминало о произошедшем здесь катаклизме.

— Глеб! Да очнись же ты, черт побери! — Голос Крушинского пробился к его сознанию, и Глеб открыл глаза. Рука, державшая прибор с транквилизаторами из космодесантной аптечки, первой попала в поле зрения.

Последовал легкий укол в предплечье, и туман в голове окончательно рассеялся.

— Что произошло?

— Я как раз собирался тебя об этом спросить. Похоже, что-то не сработало. Мы рухнули на скалу, и капсула раскололась.

— Мне привиделся странный сон, словно мы попали на какой-то остров, на котором жили древние боги...

— Самое странное в твоём сне то, что его видели мы все.

— Перун разгневался на нас за святотатство. Мы воспользовались его колесницей...

Не слушая Васлава, Глеб пытался вспомнить что-то важное из своего сна, нечто такое, что необходимо было вспомнить немедленно, потому что через мгновение, когда сознание окончательно прояснится, ему не удастся вернуть эти странные, тянущиеся из уплывающего сна образы.

— Похоже, те, кто построил эту дорогу и корабль, пытались войти с нами в контакт, они дали понять мне, что живое существо не может пройти через грань между нашими мирами, и вернули нас назад на Землю, но перед тем... Мне кажется, я что-то помню, обрывки, отдельные слова... По-моему, они сказали, что скоро мы встретимся...

Заставив себя преодолеть боль в избитом теле, пробивавшуюся даже сквозь заслон транквилизаторов, Глеб сел и осмотрелся.

Княжна лежала среди прозрачных обломков своего саркофага, словно окруженная глыбами льда. В ее лице Глебу почудилось чуть больше жизни, чем раньше. Может быть, от того, что прохладный воздух вызвал легкую краску на ее щеках, хотя дыхание по-прежнему не появилось.

Глеб мучительно старался вспомнить, какого цвета глаза скрывались за этими плотно сомкнутыми веками, и не мог, то есть он знал, что они голубые, но вспомнить лицо живой княжны так и не сумел.

— Возможно, волхвы помогут ей... Нам понадобятся лошади.

— Неподалеку проходил татарский разъезд. Пока Крушинский возвращал тебя к жизни, я предпринял небольшую разведку, — донесся до Глеба голос Васлава.

И только сейчас Глеб окончательно поверил в то, что им удалось выбраться из мертвого подземного царства.

ЧАСТЬ 2

В году семь тысяч восемьдесят девятом, от сотворения мира нашего господом Сварогом, двадцать шестого дня, месяца Сретения, два человека мужчина и женщина неторопливо шли через многочисленные татарские разъезды по дороге, ведущей к большому Китежу.

Мужчина, закованный в латы русичинских витязей, с высоким остроконечным шлемом и длинным мечом за спиной, не мог не привлечь внимания татар своим внушительным видом, твердым взглядом и уверенной походкой. И все же его не замечали...

Двое протекали, как вода сквозь пальцы, через посты и заставы татарской рати. Может, виной тому была светло-русая женщина, одетая так, как одеваются иногда жены русичей, когда им приходится заменять мужей на поле брани и становиться во главе дружин.

Кожаная куртка, ушитая стальными пластинами, такой же, как у мужчины, остроконечный шлем, короткий самострел с набором рессорных пружин — не виданное в то время оружие, высокие сапоги из кожи лося и такие же штаны дополняли ее наряд.

Иногда кто-то из дозорных замечал мелькнувшую в метре от его лица светлую волну женских волос, выбившихся из-под шлема, но татарин тотчас же отводил взгляд, словно стыдливая девица, не выдержав леденящих душу синих глаз и безмолвно подчиняясь их приказу — забыть. Забыть все. Не видеть, не замечать ничего, кроме этого раннего утра, кроме высокой травы, кроме ветра, гулявшего по голой степи, кроме пустынной в этот ранний час дороги.

И два человека, вопреки логике и здравому смыслу, достигли-таки тайного подземного хода, ведущего подо рвом за крепостную стену, в самое сердце замершего на берегу Светлояр-озера града Китежа, молча ожидавшего свершения своей судьбы.

Что-то изменилось во всем облике Глеба, после того как он живым вернулся из подземного царства. Осунулись и заострились черты лица, суше и жестче стал взгляд, а внутри поселилось нечто холодное и жестокое, словно он тоже, вместе с Брониславой, наглотался змеиного яда. Но, возможно, объяснялось все гораздо проще — обыкновенной человеческой горечью. Волхвы вернули к жизни его подругу, да вот только он не узнавал ее больше, словно не она, а совсем другая женщина провожала его к лодке на берегу в их единственный настоящий вечер...

Сейчас они шли по городу точно чужие, изредка обмениваясь короткими деловыми фразами, будто она была всего лишь одним из бойцов его отряда...

— Васлав может не успеть. Татар слишком много у стен города. Никогда не думала, что неприятельское войско бывает таким большим.

— Это только передовые отряды. Их основные силы застряли в болотах, но через пару недель они будут здесь.

— Откуда ты знаешь?

— Волхвы следят за всеми действиями татар, у нас есть полная информация об их передвижениях, но при такой разнице в силах Китеж все равно не продержится долго...

Город сильно изменился с тех пор, как он видел его в последний раз, улицы опустели, закрытые толстые ставни напоминали плотно сомкнутые веки угрюмого, приготовившегося к битве воина.

Лишь однажды им встретился дозор из десяти человек, и Бронислава отвела их взгляды, чтобы не вступать в ненужные переговоры. Воины выглядели измученными, их глаза покраснели, а лица осунулись от недоедания.

— Когда мы в первый раз виделись с твоим отцом, я не стал ему открывать тайну греческого огня, мне казалось несправедливым использовать современное оружие против ваших врагов, вооруженных луками и стрелами. Но сейчас я знаю, какая сила их направляет, — теперь все средства будут хороши. Если только еще не поздно...

Бронислава промолчала — она часто молчала, а иногда даже не обращала внимания на прямо обращенные к ней вопросы. Порой Глебу казалось, что волхвам не до конца удалось ее разбудить, и пробиться сквозь ледяную оболочку, сковавшую ее душу, ему не удавалось. Ни разу он не видел улыбки на ее лице с тех пор, как они покинули Белоярскую общину

волхвов.

Глеб расстался со своими друзьями. Васлав отправился поднимать северные княжества на берегах Ледовитого моря. Он был уверен, что сумеет сплотить древние славянские племена против общего врага и приведет их на подмогу Китежу, вот только успеет ли?

Крушинский решил, что больше всего от него пользы будет на базе космодесантников, там его ждали друзья-единомышленники — он надеялся со временем расширить тайное сообщество тех, кто ненавидел Федерацию Ланов, и набрать достаточно сил, чтобы захватить для начала базу на Земле-2. Он мечтал направить огромную мощь Федерации на благо людям и не собирался бросать свою службу.

Шагара попросту куда-то исчез, как это делал довольно часто. Книга молчала. Она молчала с тех пор, как за ними закрылись двери хрустальной кабины. И даже волхвы не сумели объяснить ему, в чем здесь дело.

— Может, время еще не пришло, в нужный час ты узнаешь, что делать, а пока береги ее и живи, как все русичи...

Но его позвали из невероятного далека, из мира, который сейчас казался ему совершенно нереальным. Кем он стал, в конце концов, хранителем древней Книги, оруженосцем этой девчонки или обыкновенным наемником?

Впрочем, наемник из него не получился. На базе объявлен розыск, и за поимку дезертира Яровцева назначена солидная награда.

Глеб думал о том, что никто из его друзей сейчас не чувствует себя так одиноко, как он. Победного возвращения с освобожденной княжной, которое виделось ему иногда в прошлых мечтах, не получилось.

Ничего у него не получилось. И впервые он пожалел о таком простом, понятном и по-своему уютном мире инвалидной коляски.

Поздно вечером Глеб остался один в гостевых покоях княжеского терема. Круг завершился. Он снова оказался в той самой точке, с которой начался его путь в древнем Китеже, настало время подвести итоги и решить, что делать дальше — оставаться воеводой у светлейшего Владислава или податься в какие-то иные края, постараться по-другому перековать свою судьбу?

Согласившись участвовать в штурме манфреймовского замка, он надеялся если уж не на полную победу, то хотя бы на серьезное ослабление их грозного врага и на освобождение девушки, ради которой решил оставить свой родной мир...

«Не только ради нее, — тут же поправился он, еще раз вспомнив последние годы своего жалкого существования в инвалидной коляске, — не надо себя обманывать — предложенная награда показалась тогда несоизмеримо огромной...»

Ему вернули здоровье, он получил новый мир, полный опасностей и приключений, он даже освободил из подземелий Змиулана женщину, которую любил, да и сейчас еще любит по-прежнему, не в этом ли причина его горьких раздумий?

Впрочем, это как раз легко объяснить. Глеб встал с полатей и на широком столе нащупал серебряный жбан с медовухой. Четвертый жбан за эту бесконечную ночь без сна. Вкус напитка показался ему таким же горьким, как его мысли, но в голове зашумело, и горечь несколько притупилась.

Как живое всплыло в памяти печальное лицо Варлама, и вновь прозвучали его слова, сказанные во время последней встречи, когда он после долгого утомительного и опасного пути доставил бесчувственную Брониславу в Белоярскую общину.

— Предсказания сбылись, мы проиграли. Княжеские дружины разгромлены и отброшены от замка Манфрейма.

— Если вы были уверены в разгроме, для чего понадобилось посылать людей на верную смерть?

— Жизнь в материальном теле лишь краткий миг. Не имеет значения, когда она оборвется, к тому же всегда есть шанс, что предсказатели ошибутся. Такова карма, но каждый имеет право попытаться ее изменить — не получилось в этот раз, мы попробуем

снова. В другом месте, в другое время...

Волхвы верили в бесконечную цепочку жизни, в их сознании впереди была вечность, но он простой человек, взваливший на себя непомерный груз, и он знал, какие слова так и остались не высказанными Варламом. Он — командующий — оставил армию без руководства в самый ответственный момент штурма, ввязался в авантюру, все поставил на кон и проиграл. Он рвался в замок Манфрейма, любой ценой он должен был попасть в этот проклятый замок, но подземный ход вел совсем в другую сторону, и хотя он вернулся вместе с той, ради которой рисковал своей и чужими жизнями, это вдруг потеряло свое особое значение, оправдывавшее любые жертвы.

Он не добился ничего. Не ослабил ни на йоту могущество Манфрейма, не узнал, где находятся истоки его бессмертия и непомерно злой силы, ничего ему не удалось сделать...

Возможно, ответ содержался в старом корабле Асиров, но корабль взорвался, едва прорвавшись к поверхности земли. Если бы удалось узнать маршрут, точку в космосе, к которой он должен был направиться... Другие корабли есть на космической базе, они могли бы попытаться найти это место...

Крушинский обещал разобраться. В архивах базы могли находиться какие-то сведения о древней цивилизации Асиров, если она действительно сохранилась где-то на окраине Галактики, но от Юрия до сих пор не было никаких известий, хотя со времени, когда они расстались, минуло уже две недели.

Возможно, его отсутствие на базе не прошло незамеченным, и Юрий находится под арестом, а он ничем не может помочь своему другу, не может даже узнать о его судьбе.

Глеб почувствовал, как давно забытая ярость — ярость бессилия, хорошо знакомая по старому земному миру, вновь поднимается в нем.

Он безнадежно увяз в борьбе со слугами Манфрейма, так и не узнав главного — кто направляет самого Манфрейма, кто и каким образом наделил его бессмертием и неизмеримой властью над судьбами жителей этой древней земли. Змиулан к этому не причастен. Тоненькая ниточка протянулась в космос, но за нее ему так и не удалось ухватиться. Теперь придется засесть в глухой обороне и сидеть до тех пор, пока, рано или поздно, до него не доберутся манфреймовские слуги...

Скорее всего, это будут наймиты с базы. Глеб слишком хорошо знал, что, почувствовав в нем серьезного противника, узнав о Книге, Манфрейм не успокоится.

Пока Глеба спасало лишь то, что Книгой невозможно завладеть силой. Но Манфрейм, в конце концов, найдет способ преодолеть возникшее препятствие и тогда...

Он старался не думать о том, что произойдет тогда. Он будет делать то, что должен делать — он будет отстаивать Китеж от татар, и это, в конце концов, станет продолжением все той же схватки...

То, что татары сегодня стоят под стенами Китежа, результат его поражения в борьбе с Манфреймом. Он почти не сомневался в этом. Загадочным образом различные события сплетались в единую ткань причин и следствий, ничто не остается в стороне от этой ткани, ни один поступок, ни единое слово.

Похоже, обучение в Белоярской общине дало свои плоды, превратило его из воина в монаха, философствующего в одинокой келье. Он вновь потянулся за кувшином, но тот давно был пуст, нового не нашлось, а звать слуг в поздний час Глеб не захотел.

Князь доверил ему руководство всей своей дружиной. Если удастся отбросить татар от стен города, Бронислава станет его женой... «Сейчас не время для свадьбы, и я не смогу выполнить своего обещания немедленно», сказал старый князь. Таким образом Глеб получил отсрочку и удивился испытанному при этом облегчению.

Весь следующий день Глеб составлял план обороны города, проверял укрепления, выставлял дополнительные посты.

Он провел тщательную ревизию всех наличных сил. Дружина Владислава, измотанная многодневной осадой, все еще была боеспособна в основном благодаря тому, что высокие стены города пока что позволяли сдерживать атаки противника, да и татары не

предпринимали решительного штурма, дожидаясь подхода своих основных сил. Ограничивались непрерывными изматывающими атаками. То там, то здесь они лезли на стены по приставным лестницам, оглашая воздух своими дикими воплями и совершенно не считаясь с потерями.

Их сбрасывали вниз, засыпали стрелами, камнями, смолой, и они откатывались назад, чтобы назавтра вновь начать все сначала.

Во всяком случае, время до серьезного штурма у него еще было, и, справившись с первоочередными задачами по обороне города, Глеб приступил к осуществлению своего плана по созданию более современного оружия. Прежде всего, нужен порох — в угле недостатка не было, селитра тоже нашлась в старых винных подвалах. Сложнее обстояло дело с серой, но тут он получил помощь с неожиданной стороны.

Вечером, когда совершенно измотанный после целого дня непрерывных татарских атак он возвращался в терем, слуга, поджидавший у ворот, передал, что княжна просила его зайти в свою светлицу.

Сердце невольно замерло после этой новости. Вот уже вторую неделю Бронислава не вспоминала о нем — может быть, в ее состоянии наметилось улучшение?

Торопливо миновав укрепленный двор, он поднялся в светлицу княжны.

Невольная жалость нахлынула на Глеба, когда он увидел, как сильно изменилась княжна за ту неделю, что они не встречались. Бледность, которая не оставляла ее с момента пробуждения, теперь усилилась настолько, что кожа напоминала пергамент. В глазах появился нездоровый блеск. Глеб попросил разрешения включить медицинский анализатор из своей космодесантной аптечки, не слишком надеясь на ее согласие, — княжна доверяла лишь травам и собственным методам лечения. Но на этот раз она не возражала. Глеб прикрепил тоненький датчик к ее запястью, невольно подумав о том, какой тонкой, почти невесомой стала ее рука.

Этот полевой анализатор не был рассчитан на профессионалов, и все же знаний, полученных на занятиях в школе космодесантников, Глебу не хватало, чтобы поставить правильный диагноз.

Что-то определенно расстроилось в организме молодой женщины — изменился состав крови, энергетический баланс, даже в строении белков заметны были отличия от стандартного набора человеческих ДНК. Медиатор, закончив свои анализы, отказался от привычного заключения.

«Необходима консультация специалиста», — появилось в его окошке короткое сообщение.

— Со мной что-то не так, да? — Впервые Бронислава обратилась к нему с подобным вопросом, и самый ее интерес пробудил в нем какую-то надежду.

— Ты что-нибудь помнишь о нашем прощании у озера?

Он не сумел сдержаться и тут же пожалел о своем вопросе.

— Я помню, вот только все какое-то ненастоящее... Словно это случилось не со мной. Но я позвала тебя не для этого. Мне передали, что ты всех спрашиваешь о каком-то желтом порошке. Расскажи мне о нем, я многое знаю о ядах и травах.

Он не сумел сдержать своего разочарования, но она не заметила и этого.

— Это не яд и не трава... Хотя в какой-то мере, конечно, яд — мне нужна сера, желтый порошок, который иногда находят в земле. Если его поджечь, он горит слабеньким голубым огнем и испускает неприятно пахнущий газ, этим газом довольно легко отравиться, так что, пожалуй, можно считать серу ядом.

— Возможно, ты имеешь в виду селениум? Наши пчеловоды окуривают его дымом пустые ульи, чтобы сохранить здоровье пчел.

Селениум оказался серой, но радость Глеба была преждевременной, поскольку во всем городе его набралось чуть больше килограмма.

Пришлось для добычи серы снаряжать специальную экспедицию. Провести ее через татарские посты могла только Бронислава. Глеб, взваливший на свои плечи руководство всей

обороной города, не мог сопровождать ее в этом походе.

Несмотря на бледность и качественные изменения в составе крови, физически княжна чувствовала себя вполне нормально, даже больше того, в ее движениях появилась некая, несвойственная ей раньше, легкость и сила.

В конце концов, чтобы убедить Глеба в том, что она вполне справится с задачей, Бронислава пробила стрелой из своего арбалета летящего в небе ястреба.

Как только ушла экспедиция, Глеб решил провести пробную варку пороха. В детстве он увлекался изготовлением пиротехнических хлопушек и, к счастью, не забыл старых рецептов.

Отыскав для своей лаборатории изолированную часть кухни в подвале княжеского терема и выставив кругом дополнительные сторожевые посты, он, однако, не удовлетворился этим.

Тайну рецепта пороха следовало сохранить во что бы то ни стало. Пришлось воспользоваться своей старой репутацией чародея. Охране он сказал, что намерен вызвать могучего демона, и подходить к нему ближе чем на сто метров смертельно опасно. Для пушей острастки он обнес флигель красными флажками с сигнальной веревкой, обвешанной кусками старых доспехов. И лишь после этого спустился в подвал, где в огромной печи уже пылал жаркий огонь.

Десяток мешков с толченым древесным углем, приготовленным по его указанию, лежали в углу кухни. В плетеной корзине находился единственный пока килограмм селениума, этого запаса должно было хватить килограммов на десять смеси — вполне достаточно для пробных испытаний. О том, что для вызова демона понадобится еще и селитра, он никому не сказал, не желая раскрывать важнейшую составную часть рецепта.

Мешок селитры пришлось попросту украсть на винодельне.

Закрыв толстые дубовые двери подвала, Глеб приступил к священнодействию — он высыпал толченый древесный уголь в котел, добавил туда селитру и тщательно перемешал, а затем залил водой.

Как ни странно это выглядело для непосвященных, хороший черный порох мог получиться лишь в том случае, если порошок угля как следует прокипятить в растворе селитры до полного испарения воды, а затем окончательно высушить.

Только тогда мельчайшие кристаллы селитры проникали в многочисленные поры древесного угля. Здесь был один довольно опасный момент, когда воды оставалось уже совсем немного, нагретая смесь легко воспламенялась, так что легенда о вызове огненного демона вполне могла обернуться явью. Приходилось соблюдать максимальную осторожность.

Когда в конце целого дня утомительной и грязной работы Глеб получил наконец несколько килограммов черного пороха, он понял, что с массовым производством ему одному не справиться. Следовало подумать о надежной команде помощников, и сделать все нужно было так, чтобы при этом сохранить рецептуру в секрете.

В конце концов, он поручил подготовительные операции отрокам из соборного хора. Мальчишки были послушны и старательны, к тому же их надежнее, чем взрослых, удалось устроить сказкой о вызове демона.

Добавление селитры и завершающую операцию варки он, однако, проводил в полном одиночестве.

Начав подготовку к изготовлению большой партии пороха, Глеб приступил к испытаниям того, что уже было получено. До возвращения экспедиции, отправленной за серой, ничего другого все равно не оставалось.

Найдя подходящие развалины на окраине города, он окружил это место сплошным кольцом стражников и один спустился в подвал. Однако не успел Глеб закончить все приготовления к испытанию первой мины, как явился посыльный и передал, что Владислав желает лично присутствовать при вызове демона.

Похоже, княжеские согластатаи не теряли времени даром и докладывали князю о

каждом его шаге.

Взвесив все, Глеб решил, что продемонстрировать свои достижения будет даже полезно для дела. Сейчас, как никогда, ему была необходима поддержка князя.

Вскоре о действии пороха станет известно всем. Главное — сохранить в тайне сам рецепт.

По требованию Глеба в подвал был допущен только князь с двумя телохранителями. Все остальные сопровождающие остались снаружи.

Заранее засыпав небольшую порцию черного порошка в плотный полотняный кусок ткани и обернув все это берестой, Глеб получил довольно безобидную, но весьма эффектную хлопушку. Как только фитиль догорел, раздался грохот, и князь вылетел из подвала, весь осыпанный ошметками сажи и сгоревшей ткани.

С этого дня его уважение к Глебу усилилось необычайно и любые распоряжения нового воеводы выполнялись мгновенно.

Теперь основной проблемой стало изготовление оружия, в котором можно было бы использовать порох.

Встретившись с оружейниками и кузнецами, Глеб попытался объяснить, что именно ему нужно. Сразу же стало ясно: технологический барьер преодолеть не так-то просто. Изготовление длинных и тонких трубок, способных выдержать значительное давление газов, необходимых для стволов будущих ружей, без специальных станков и налаженной цепочки вспомогательных производств оказалось попросту невозможным.

Оставались ракеты и пушки. Пушечные стволы, вспомнив подвиги Петра Первого, Глеб приказал отлить из церковных колоколов, к счастью, бронзовое литейное производство в Китеже существовало.

Несмотря на бурные протесты церковников, князь его поддержал. В то время на Руси к новой вере относились еще без должного почтения, и на следующий день к литейной волоком подтащили четыре тяжелых колокола.

Печь оказалась достаточно вместительной, на строительство новой не хватило бы времени. Пока плавилась бронза, служивые и подмастерья, под непосредственным руководством Глеба, приступили к изготовлению формы для отливки первого ствола будущей мортиры.

В толстом слое гончарной глины вырыли круглую метровую яму, в центре которой подвесили ровно обструганную деревянную болванку, обмазанную специальным глиняным составом, способным выдержать длительное нагревание.

К тому времени, когда под действием высокой температуры дерево выгорит, бронза, по расчетам Глеба, должна стать достаточно вязкой, чтобы не продавить стенки формы.

У него не было нужной справочной литературы, приходилось полагаться лишь на собственную память и здравый смысл. Почти каждую операцию повторяли по несколько раз, методом проб и ошибок постепенно продвигаясь к цели.

В конце концов, к моменту, когда благополучно вернулась экспедиция с серой, у него было отлито два ствола будущих мортир. К сожалению, он не знал, насколько прочными получились стенки этих стволов, не образовались ли в металле, из-за необычного способа производства, скрытые раковины и трещины.

Ответ на это могли дать лишь полевые испытания орудий. Сложность состояла в том, что Глеб не хотел открывать противнику подготовленные им сюрпризы до начала генерального штурма города. Именно тогда они должны были произвести максимальный эффект, посеяв панику в его рядах. Поэтому от испытаний пришлось отказаться, положившись во всем на удачу.

Мортиры установили на деревянные лафеты и расположили в наиболее уязвимых местах за крепостной стеной. По приказу Глеба их замаскировали специальными щитами, хотя это была, пожалуй, излишняя предосторожность, вряд ли кто-нибудь из современников князя Владислава смог бы догадаться о назначении этих устройств.

Теперь оставалось лишь ждать подхода основных татарских сил.

Первое, что увидел Крушинский, миновав защитное поле и проходную базы, был гладкий сферический корпус посадочной шлюпки незнакомой ему конструкции. Это могло означать лишь одно: на орбитальную верфь пришвартовался чужой звездолет, не принадлежащий флоту Федерации.

Событие это само по себе было достаточно необычным, но чтобы на посадочную площадку военной базы пропустили чужую шлюпку — такого еще не случалось.

Крушинский неплохо изучил историю федеративного флота и не мог припомнить ни одного аналога. Должно было произойти нечто чрезвычайное, или гость оказался настолько важен, что руководство базы пошло на нарушение основного устава. Дежурный сержант на удивленные расспросы Крушинского лишь равнодушно пожал плечами.

— Какой-то купец, скупщик редкостей, а почему его пропустили, об этом ты спроси полковника. С тех пор, как регулярные рейсы из метрополии стали редкостью, устав нарушают сплошь и рядом.

Погрузившись в текучку накопившихся за его отсутствие дел, на время Крушинский забыл о госте.

Свою двухнедельную отлучку с базы он заранее оформил как очередной отпуск и позаботился о том, чтобы соответствующие документы, корешки билетов пассажирских транспортов и гостиничные счета были представлены в канцелярию.

Небольшое тайное общество ветеранов Земли помогало своим членам в подобной ситуации, и Крушинский не сомневался, что его двухнедельное отсутствие не вызовет лишних вопросов начальства.

Разделавшись с первоочередной текучкой, он решил встретиться с председателем совета ветеранов Александром Красиным.

Лейтенант Красин принял его довольно сухо. Он не одобрял участия Крушинского в штурме манфреймовского замка, полагая, что оно привлечет к нему излишнее внимание и вряд ли останется незамеченным начальством.

До сих пор тайну своей организации от руководства базы им удалось сохранить только благодаря тому, что ветераны, по сути, не предпринимали никаких активных действий и лишь поддерживали друг друга в случае крайней необходимости. Кроме этого, деятельность общества сводилась к бесконечным разговорам и разработке бесчисленных планов.

Крушинский не без основания начал подозревать, что руководство базы прекрасно осведомлено о работе совета ветеранов и не предпринимает никаких мер лишь потому, что решило: в его деятельности больше пользы, чем вреда. Совет служил своеобразным клапаном для стравливания недовольства, и, поговорив на его собраниях, поругав начальство и помечтав о том, насколько изменится жизнь на базе после того, как ветераны возьмут управление в свои руки, они возвращались к повседневным обязанностям.

Тем не менее некоторая польза от деятельности совета, несомненно, была и для членов этой организации. Хотя бы в получении нужной информации и в защите от излишних придилок — вступивший в совет новичок автоматически становился своим в армейском коллективе базы.

Провожая его к воротам парка, — все свои встречи они старались проводить вне помещений базы, на шпигованных подслушивающими устройствами, Красин спросил:

— Ты хоть понимаешь, какую бурю мне пришлось выдержать, когда полковник срочно потребовал прервать твой отпуск?

— Зачем я ему понадобился?

— Он забыл об этом сообщить. Но с тех пор, как прибыл купец с Арометана, он мне ни минуты не дает покоя. Сразу же отправляйся к нему и постарайся выкрутиться, чтобы не пострадали те, кто тебя прикрывал.

Крушинский основательно подготовился к визиту. Запасся всеми необходимыми

документами, несколько раз даже прорепетировал легенду своего пребывания на курорте Браены и раздобыл у знакомых ребят подходящие фотографии пляжных девчонок. Но все это оказалось совершенно излишним.

К удивлению Крушинского, полковник вообще не вспомнил о его незаконном отсутствии и сразу же приступил к делу.

— Нам предложена очень выгодная сделка. Вы, конечно, понимаете, в каком трудном финансовом положении оказалась база с тех пор, как регулярные рейсы имперского флота в этот район прекратились. Так вот, теперь появился реальный шанс его поправить. Арометянина, обратившегося к нам со столь заманчивым предложением, зовут Иммануил Фруст. Этот человек весьма известен в торговом мире. Его состояния достаточно для того, чтобы купить три такие базы, как наша. Так вот, Фруст прибыл сюда специально, чтобы приобрести некий предмет антиквариата, какую-то старинную книгу.

Полковник замолчал и несколько секунд с интересом разглядывал Крушинского, словно увидел его впервые. Под ледяным пристальным взглядом его серых глаз Юрий чувствовал себя школьником, только что совершившим очередную пакость и попавшимся на глаза строгому учителю.

— Мало ли чудачеств бывает у денежных мешков, при чем тут наша база? - попробовал он хоть отчасти восстановить уверенность.

— Фруст считает, вам должно быть кое-что известно об этом предмете. Он проделал долгий путь от Арометана и потратил на это путешествие почти два месяца. Кроме того, он зафрахтовал специальный корабль, влетевший ему в кругленькую сумму. — Полковник сделал долгую паузу, продолжая внимательно разглядывать Крушинского. — Причина, заставившая его поступить столь не ordinarily, должна быть достаточно весомой. Награда, которую он обещал нам, столь значительна, что невольно наводит на мысль о необычайной ценности предмета, который он желает приобрести.

Полковник вновь замолчал, достал из столика ароматическую сигару, долго ее разминал и, не предложив Крушинскому, закурил, словно был в комнате один.

— Так вот, я хотел бы знать об этой книге все, что вам о ней известно, прежде чем эта информация попадет к Фрусту.

— Но, сэр, я не понимаю даже, о чем идет речь. Я не имел дела с редкими книгами, — вполне искренне ответил Крушинский, не упустив тем не менее случая сбить с полковника излишнюю спесь заветным словечком «сэр». Все подчиненные прекрасно знали, как Коноплянников ненавидел это уставное обращение, и при случае использовали его, чтобы вывести начальника из равновесия. Но на этот раз трюк не удался, полковник лишь поморщился и продолжал своим скрипучим голосом:

— В таком случае вы должны встретиться с Фрустом и выяснить все возможное. Недаром же он пожелал увидеть именно вас! На базе полторы тысячи персонала, но заинтересовал его почему-то один Крушинский.

— Я вижу, что это выглядит достаточно странно, и тем не менее совершенно не понимаю, в чем дело.

— Ну хорошо. Идите. Ваша беседа будет прослушиваться. И от того, как вы ее проведете, напрямую зависит ваше служебное положение. Постарайтесь выведать у этого денежного мешка как можно больше полезных сведений. Позже мы решим, каким образом можно будет извлечь из этой информации наибольшую пользу для базы.

В этом Крушинский совершенно не сомневался, тем более что полковник искренне полагал, будто его личные интересы это и есть интересы базы.

Фрусту отвели апартаменты в гостевой вилле, всегда пустовавшей в ожидании прибытия какого-нибудь высокого начальства, и то, что Коноплянников приказал ее расконсервировать и подготовить для совершенно постороннего человека, никогда не носившего военной формы, поразило Крушинского больше всего остального. Однако сюрпризы на этом не кончились.

Еще не переступив порога виллы, Крушинский почувствовал странный запах. Пахло не

слишком неприятно — но совершенно необычно. И лишь войдя в жилое помещение, Юрий понял причину этого странного запаха. Фруст не был гуманоидом. И хотя Федерация в принципе поддерживала отношения с двумя расами негуманоидов, Крушинскому никогда не приходилось сталкиваться лицом к лицу с разумным существом, совершенно не похожим на человека.

Впрочем, Фруст сделал все от него зависящее, чтобы смягчить шок от первого впечатления при встрече с представителями человеческой расы.

Его тело было покрыто толстым слоем биопласта, воспроизводящего очертания человеческой фигуры и полностью скрывавшее от глаз внешний вид инопланетянина.

Только по необычайно большому росту можно было судить, что на самом деле он значительно крупнее любого человеческого существа.

Лицо, вылепленное из того же биопласта, казалось неподвижной мертвой маской, на котором жили только маленькие, близко посаженные темные глаза.

— Прошу вас, располагайтесь за этим столом, сейчас принесут кофе или любые напитки, какие вы пожелаете.

Голос шел откуда-то из района грудной клетки, губы при этом оставались неподвижны. Скорей всего под одеждой скрывалось портативное переговорное устройство, и первые несколько минут Крушинский не мог отделаться от ощущения, что он разговаривает с роботом или какой-то механической куклой. Но потом, после нескольких живых и вполне эмоциональных фраз его собеседника это неприятное ощущение прошло.

— Извините, что встречаю вас в таком виде. Кроме причин чисто эмоциональных, я вынужден защищать свою кожу от слишком для меня сухого и горячего воздуха, которым вы дышите.

— В таком случае и я должен извиниться за то, что не сумел перед встречей придать своему телу вид, к которому вы привыкли.

Губы его собеседника чуть дрогнули в гримаске, означавшей, очевидно, улыбку, и Юрий невольно удивился тому, какой совершенной может быть конструкция биопластовой оболочки.

Следуя обычаю космических торговцев, хозяин не спешил приступать к делу. Он дождался, пока робот-слуга вкатил тележку с напитками и фруктами, отослал его и собственноручно принялся сервировать стол, демонстрируя тем самым свое уважение к гостю.

Юрию не приходилось раньше бывать в этой вилле, и теперь он с любопытством осмотрелся. Здесь было не меньше пяти комнат. В центральной, где они сидели, располагался большой высокочастотный камин, от которого шла волна живого тепла. Обстановка поражала роскошью, несвойственной любым другим помещениям базы. Крушинский чувствовал себя так, словно, перейдя из одной казармы в другую, неожиданно попал в отель международного класса.

Впрочем, почти сразу же он с удивлением обнаружил, что большая часть обстановки принадлежит хозяину и, скорее всего, приехала вместе с ним.

Все эти вазы, ковры, странной формы кушетки, необычные картины, хрустальные украшения в виде огромных шаров, блестящих разноцветными огнями, попросту не могли появиться на базе, не вызвав среди персонала бесконечные пересуды.

В целом обстановка производила непривычное ощущение какой-то театральной декорации и этим словно дополняла такую же обманчивую внешность хозяина. Скорее всего, всем этим вещам предназначалась одна-единственная, строго функциональная роль — произвести на посетителя впечатление солидности.

Крушинского не покидало ощущение, что хозяин совершенно равнодушен ко всем этим дорогим безделушкам и, скорее всего, подбирал их специально для гуманоидов.

Фруст тем временем закончил сервировку стола и предложил гостю занять за ним предназначенное ему место.

Прежде чем сесть, Крушинский попытался определить направление, с которого

скрытые камеры фиксировали их беседу, но аппаратуру здесь устанавливали профессионалы, и он ничего не заметил.

Потянувшись к бокалу с редкостным ароканским тоником, Крушинский старался не смотреть на грубо вылепленное лицо Фруста, своим неестественным цветом и видом напоминавшее посмертную маску.

Видимо, для изготовления биопласта не нашлось хорошего скульптора гуманоида. Наверно, Фруст произвел бы гораздо лучшее впечатление в своем естественном виде, каким бы безобразным ни был облик существа, скрывающегося под покровом биопласта. «Разве что... Разве что оболочка скрывает нечто слишком хорошо знакомое...» Крушинский от этого предположения весь подобрался.

Зато напиток превзошел все его ожидания. В глубине бокала вспыхивали и гасли колющие рубиновые звездочки, живущие собственной, независимой от окружающей обстановки жизнью, а вкус и аромат напомнили Юрию лучшее вино его юности.

Наконец хозяин решил, что приличия соблюдены полностью, и приступил к делу.

— На моей планете, в отличие от вас, гуманоидов, каждый род занимается каким-то определенным делом. Мои предки собирали художественные и культурные ценности по всем доступным им мирам, и из поколения в поколение вместе с ценнейшей коллекцией передавалась легенда о древней Книге, которая могла бы стать венцом коллекции моего рода. Вначале это была всего лишь легенда, но со временем, предприняв ряд очень сложных изысканий, мне удалось установить, что Книга существовала на самом деле. Больше того, мне удалось совершенно определенно доказать, что она не погибла в пожаре, не утрачена безвозвратно, что она существует в своем первоизданном физическом виде в вашей пространственно-временной реальности, и тогда ее поиски стали делом всей моей жизни.

Последняя фраза показалась Юрию не совсем понятной: что имел в виду Фруст под словами «ваша пространственно-временная реальность» — уж не хочет ли он сказать, что сам к ней не принадлежит, или это намек на некое знание обстоятельств, связанных с появлением на Земле-2 Яровцева, Крушинского, да и всех остальных сотрудников базы? Но иностранец, тем более инопланетянин, никоим образом не должен был знать того факта, что вербовочные службы Федерации вот уже много лет незаконно использовали в собственных интересах случайно обнаруженный на одной из планет пространственно-временной туннель, связавший между собой Землю-1 с Землей-2.

Инопланетянин вызывал в нем стремительно возраставший интерес, настолько большой, что он уже не раз пожалел о том, что беседа фиксируется подслушивающими устройствами, заставляя его избегать опасных вопросов. Он словно шел по заминированному полю.

Фруст между тем продолжал свой рассказ:

— Долгие поиски привели меня на вашу планету, и теперь я должен рассказать вам о самой Книге, вырезанной на липовых досках. Причем резались на ней не только письмена. На первой доске изображен витязь, едущий на белом коне. Да, да, это так, хотя в это трудно поверить! — воскликнул Фруст, подливая в бокал Крушинского новую порцию тоника. — Несмотря на то, что Книга выполнена резной клинописью, на ее первой странице есть цветная фреска. Насколько мне известно, это единственный случай рисунка на подобной книге. Но дело не только в этом. — Неожиданно голос Фруста снизился до едва слышного шепота: — Говорят, эта картина со временем изменяется. Витязь может уехать, появятся новые персонажи, вот только пейзаж всегда остается прежним. На рисунке виден город на берегу озера с четырьмя церквями с белокаменными стенами... Если выйти из ворот вашей базы и пройти три километра к северу, вы сможете увидеть этот город...

Фруст остановился с кувшином в руке, его глаза горели каким-то мрачным внутренним огнем.

— Мне нужна эта Книга — и поверьте, я не остановлюсь ни перед какими расходами. Мой род очень богат, вознаграждение за помощь может быть очень большим. Его хватит для того, чтобы навсегда расстаться с вашей солдатской жизнью. Вы поселитесь на лучшем

планетарном курорте — любые женщины, любые сокровища — все, что вы пожелаете, будет к вашим услугам.

— Но позвольте, — прервал наконец Крушинский этот сладостный поток обещаний, — я никогда не слышал ни о чем подобном! У русичей полно резных досок, которые заменяют им бумагу, но я никогда не видел на них картин.

— Возможно. Но у вас есть друг, который наверняка видел эту Книгу.

— В таком случае, почему бы вам не обратиться к нему самому?

— Это достаточно сложно. В настоящий момент он находится в осажденном городе. И, кроме того, для переговоров с ним мне понадобится ваша помощь.

Фруст, словно ему было жарко, расстегнул ворот рубахи и нагнулся, подливая Крушинскому в стакан очередную порцию напитка. На его мертвой искусственной коже не блестело ни единой капли пота, но зато на шее сверкнула золотая цепочка — единственное украшение, которое Юрий заметил.

Когда Фруст нагнулся, тяжелый предмет величиной с наперсток выскользнул из-под рубашки и закачался в метре от лица Крушинского.

Золотой столбик, обвитый врезанной спиралью, заканчивался переладиной с тремя углублениями. Эту форму невозможно было не узнать и невозможно было спутать с чем-нибудь другим.

Если до этого Крушинский позволил себе несколько расслабиться, уж слишком все происходящее смахивало на дурной любительский спектакль, то теперь он вновь весь подобрался, словно хищная кошка, готовая к прыжку.

— Вы ведь видели его, не так ли? — спросил Фруст, вновь пряча спираль под рубахой.

3

Нет ничего более изматывающего, чем длительное ожидание штурма в осажденном городе. Но именно в такие моменты в людях проявляются те скрытые от постороннего взгляда черты, которые составляют суть каждой личности, а слагаясь вместе, и суть целых наций.

В любом народе в периоды больших потрясений или бедствий на поверхность всплывает различный мусор. Воспользовавшись благоприятными условиями, по ночам на улице Китежа появились шайки мародеров и грабителей, но просуществовали они недолго, княжеской дружине не пришлось даже увеличивать ночную стражу — горожане сами разобрались с этими любителями поживиться за чужой счет.

Общее несчастье сплотило горожан. Почти никто из них не надеялся остаться в живых, и люди перестали ценить вещи, которые создавались тяжким трудом. Город превратился в большую общественную коммуны.

В одном из купеческих теремов, ставших городской собственностью после гибели хозяина, сделали общественный продовольственный склад. Туда жители сносили оставшиеся у них ценности. Каравай хлеба равнялся нескольким дням человеческой жизни. И тем не менее никто не отказывался делиться последними жалкими крохами съестного с ранеными и воинами дружины. Впрочем, теперь весь город превратился в одну большую дружину. Даже женщины и дети несли на стенах ежедневные дежурства.

После первой успешной экспедиции за серой Бронислава создала свой собственный подвижный отряд по доставке продовольствия и почти все время проводила в походах вне города. Припасы, которые ей удавалось доставлять, помогли им продержаться в самые суровые дни. К сожалению, вьючные животные не могли пройти сквозь подземный ход, а на себе много не принесешь, к тому же Бронислава могла провести рядом с собой незаметно лишь небольшую группу людей.

Тем не менее через две недели после начала этих регулярных походов за продовольствием им удалось даже создать небольшой неприкосновенный запас.

К счастью, с водой в городе все обстояло благополучно, его стены с северной стороны

шли по самому берегу, и сейчас, в период поздних осенних дождей, воды озера обильно наполняли колодцы и подземные ключи свежей чистой водой.

Ежедневно разведка доносила о подходе новых крупных татарских орд. Со дня на день нужно было ожидать штурма, а от Васлава не поступало никаких известий, даже Крушинский молчал, хотя от базы до города всего несколько километров.

Видимо, не все гладко прошло с его возвращением после самовольной отлучки. Глеб хорошо знал, каким непреклонным, а порой и жестоким может быть полковник, когда дело касалось неугодных ему людей. Малейший повод использовался для того, чтобы избавиться от них, и самым простым способом был перевод в штурмовую группу.

Постепенно Глеб погружался в трясину второстепенных дел и незначительных событий, все больше заслонявших собой нечто важное. Недаром Книга молчала с тех пор, как он вернулся в Китеж. Что-то он сделал не так, ошибся в чем-то очень важном, и теперь приходилось рассчитывать лишь на собственные силы. С каждым днем он ощущал, как нарастает сопротивление в причинно-следственном потоке событий.

Совершенно неожиданно возникла проблема с батареей прислужой. Никто из русичей не желал иметь дело с огненными демонами. Эти мужественные, закаленные в боях воины становились испуганными детьми, как только слышали о чародействе или волховстве. Кто-то упорно распространял по городу слухи о дьявольских машинах и неизбежной божественной каре. Глеб подозревал в этом церковников, не простивших ему насильственного изъятия колоколов, но доказать ничего не мог.

В конце концов он решил продемонстрировать мортиры в действии, у него просто не оставалось другого выхода. Если сейчас ему не удастся приобрести сторонников и помощников из числа княжеских воинов, к началу решающих боев некому будет стрелять.

После долгих размышлений Глеб пришел к выводу, что подобная демонстрация перед близким штурмом может оказаться даже полезной, показав татарам, с какой страшной силой им придется иметь дело. Если его план удастся, звука выстрелов будет достаточно, чтобы посеять среди атакующих панику.

Одну из мортир по его приказу подняли на стену и установили на виду у татарского войска. Осаждающие не обратили на нее никакого внимания, видимо, приняв это металлическое сооружение за обычный котел для смолы.

В день решающего испытания Глеб потребовал от князя послать на стены все резервное войско. Он не пытался объяснить дружинникам сути происходящего, лишь сказал, что перед ними машина для бросания греческого огня. Похоже, ему никто не поверил. Вся дружина русичей, укрывшись за широкими зубцами стен от татарских стрел, ожидала вызова демона.

Глебу пришлось самому выполнять роль заряжающего, наводчика и даже подносчика зарядов. Никто не желал приближаться к дьявольской машине.

Наконец все было готово. Для первого выстрела Глеб выбрал цель, по которой невозможно промахнуться, — атакующую кавалерийскую лаву. Каждый день с утра до вечера татарская конница демонстрировала один и тот же прием: с дикими воплями сотни две всадников во весь опор неслись к городским стенам. Когда до них оставалось несколько метров, татары выпускали тучу стрел и поворачивали обратно.

С виду малоэффективная, эта тактика, используемая в течение длительного времени, приводила к положительному результату, психологически изматывая противника. Кроме того, стреляя залпами из луков с близкого расстояния, татары, пусть ненамного, но зато почти каждый раз уменьшали число защитников города.

Попадая под ответный обстрел лучников, укрытых за каменными стенами, они несли ощутимые потери, но, имея огромное численное превосходство, совершенно с ними не считались. Теперь кое-что должно было измениться.

Глеб решил использовать мортиру в качестве обычного орудия для стрельбы прямой наводкой. С расстояния в несколько десятков метров это должно было получиться вполне эффективно.

Как только вдалеке показалась очередная волна атакующих всадников, Глеб запалил

пеньковый, заранее пропитанный селитрой фитиль и неожиданно почувствовал, как холодные мурашки забегали по спине.

Когда отливали ствол мортиры, его толщину определил набросок, сделанный без серьезных расчетов. Глеб руководствовался лишь здравым смыслом и тем немногим, что помнил о музейных бронзовых пушках Земли. Он не знал точных характеристик сплава, добытого из церковных колоколов, он не знал, есть ли в этом конкретном стволе, в метре от которого он стоял, скрытые раковины и другие дефекты.

У него не было никакой возможности провести предварительные испытания.

На секунду мелькнула мысль, что первый выстрел следовало произвести, пользуясь дистанционным фитилем. Он тут же отбросил ее — он должен был показать княжеским дружинникам, что демона вполне можно приручить и направить против врага. Он не мог проявить сейчас даже ничтожной толики страха, он не имел права даже на разумную осторожность. И, стиснув зубы, с тлеющим фитилем в руке Глеб ждал приближения татарской конницы, как ждали ее до него сотни русских воинов, не вернувшихся с городских стен.

Когда пришло нужное время, он почувствовал на секунду странную общность со всеми павшими под татарскими стрелами, изрубленными на куски, пронзенными пиками — со всеми теми, кто навсегда остался на берегу Калки. Он увидел лица зверски замученных женщин, детей, которых, как поленья, бросали в огонь татарские всадники. Эти видения пронеслись в его памяти в какую-то долю секунды перед тем, как он поднес к горстке пороха, насыпанной поверх запального отверстия, дымящийся фитиль.

И сразу же мир вокруг него потонул в огненном грохоте. Лишь через несколько секунд, после того как ветер отнес в сторону едкие облака дыма, он понял, что все-таки остался жив.

Мортиру швырнуло назад намного дальше того, на что он рассчитывал. Ее лафет ударился о зубец стены и раскололся, но это не имело ни малейшего значения, потому что ствол выдержал давление газов и заряд картечи попал точно в середину беспорядочно несущейся к стенам города татарской орды.

Для первого выстрела он не пожалел с таким трудом нарубленной из жалких остатков драгоценного металла картечи. И результат превзошел все его ожидания.

Картечь прорубила в рядах всадников широкую просеку. Но сам по себе удачный выстрел ничего не значил по сравнению с тем воем ужаса, который вырвался из тысячи татарских глоток.

Через несколько минут перед северной стеной Китежа не осталось ни одного татарского всадника. Глеб знал, что скоро они опомнятся и вернуться, но ему не хотелось омрачать восторг и радость русичей, решивших, что над безжалостным врагом наконец одержана победа.

В одном он убедился почти сразу же — недостатка в орудийной прислуге у него больше не будет. В одну секунду пушка из дьявольского орудия превратилась в надежного помощника, способного остановить ненавистного врага.

В тот день лишь поздно ночью, закончив подбор и обучение батарейных расчетов, ему удалось вернуться в княжеский терем. Добравшись наконец до своей постели, он заснул глубоким, все поглощающим сном, но ближе к рассвету его сон перешел в пограничную область, в те загадочные темные страны, где между случайными видениями, навеванными прошедшим днем, тренированный мозг может разглядеть легкие, едва намеченные контуры будущего...

Ему снилась крылатая звезда, летящая из неведомых глубин космоса. Она приближалась, увеличивалась в размерах и превращалась в корабль. В обычный земной парусник, который он встречал на морском берегу. Единственный человек управлял этим кораблем, и его лица Глеб никак не мог разглядеть.

Потом Глеб попал в огромный зал, заполненный картинами. Картины оживали, красавицы и чудовища сходили с полотен и постепенно заполняли помещение. Он должен был отыскать среди них ту, которую любил.

Он искал долго, искал и не находил. Ему казалось, нужно лишь сделать усилие, сосредоточиться, и он узнает ее в одном из чудовищ, чьи морды превращались у него на глазах в карнавальные маски. Но видения ускользали, не желая подчиниться его воле.

— Глеб! Глеб, проснись! — кто-то настойчиво звал его. Наконец Глеб вскочил на постели весь в холодном поту. Масло в светильнике почти выгорело. Он трещал и наполнял светлицу душным смрадом, но проснулся Глеб не от этого и теперь мучительно старался вспомнить, что же его разбудило? Голос. Голос, произносивший его имя. Он был чужим, незнакомым.

Глеб не сомневался, что на этот раз Книга тут ни при чем. Она была совершенно холодной под его рукой, а в те моменты, когда Книга пыталась говорить с ним, от нее исходило живое тепло...

Что-то было не так... Тишина в покоях терема казалась слишком плотной, почти нарочитой, даже сверчки не трещали, а он, слава Богу, не лишился еще своего обостренного чувства опасности. Что-то было не так в княжеском тереме и во всем притаившемся в ночи городе...

Он бесшумно поднялся и невидимой тенью скользнул к стене, туда где висело оружие. Лишь нащупав рукоятку своего меча и чуть тепловатый приклад бластера, Глеб почувствовал себя уверенней. Теперь нужно было выяснить, что заставило его подняться с постели. Скорее всего, это все-таки был звук... И тут он услышал снова удаляющееся стрекотание металлической стрекозы, звук двигателя десантного вертолета — вот что прервало его сон!

Глеб, прижавшись к стене, осторожно двинулся к окну, стараясь не попасть в зону обзора приборов ночного видения — теперь он не сомневался, что ночные гости вооружены современным оружием, а его бластер почти разряжен.

Глеб осторожно выглянул во двор. Легкие силуэты в маскировочных накидках из синтерелла, почти не заметные в свете ущербной луны, подтвердили его худшие опасения. Глеб насчитал пятерых, и еще один был на башне, там, где обычно находился княжеский часовой... У этого наверняка что-нибудь помощнее простого лазера, а двор перед ним как на ладони...

Судя по тому, что тишину до сих пор не нарушил ни единый звук, если не считать вертолетного двигателя, работали профессионалы высокого класса.

База космодесантников, как он и предполагал, не оставила его своим вниманием. И теперь ему предстояло решить, где лучше принимать бой.

Внутри помещения он очень скоро окажется в ловушке, стены не смогут его защитить от волновых сканеров. Незаметно пробраться во двор?.. Нет, это не годится. За двором они внимательно следят и не позволят ему сделать ни единого шага.

Оставался подвал. Подвал с его многочисленными помещениями, кладовыми и переходами располагался на большой площади и представлял собой настоящий лабиринт. Если он туда доберется до того, как десантники откроют огонь, шансы хоть немного уравниются. Хотя Глеб прекрасно понимал, что в одиночку он и там продержится не больше часа, а найдут его с помощью приборов биологического поиска в считанные минуты.

Тем не менее в его положении каждая выигранная минута имела решающее значение. До рассвета оставалось не больше часа, и вряд ли они захотят привлекать к своей операции внимание всего города. Группа должна вернуться на базу до рассвета. Зная устав космодесантников, он в этом почти не сомневался.

Узкий коридор за дверью он изучил заранее, как и все остальные помещения княжеского терема, и теперь безошибочно и бесшумно продвигался к намеченной цели в полной темноте.

Приборы ночного видения сквозь стены не действуют, — на экране биологического поиска при таком расстоянии будет лишь размытое пятно, означавшее, что объект находится в зоне локатора. Более точного направления они не получают, и у него был вполне реальный шанс добраться до подвала незамеченным.

Глеб еще раз поблагодарил удачу, или что там его так вовремя разбудило. Может быть, Шагара?

Сейчас ему очень не хватало поддержки, хотя бы моральной, он был совершенно один.

Лестница, ведущая в нижний этаж, благополучно кончилась. Половицы не скрипнули, и снаружи по-прежнему не доносилось ни звука.

Не слишком-то они спешат... Возможно, уверены, что жертве некуда деться. Все наружные двери давно находятся у них под контролем, а биолокатор сообщает, что объект находится внутри помещения.

Первый выстрел сканера настиг его, когда он закрывал за собой дубовую дверь подвала. Сканер стреляет почти беззвучно, только характерный свист выдает тренированному слуху его выстрел да еще вибрация двери под его рукой.

Однако этот вид излучения не способен проходить сквозь материальные преграды, и толщины двери оказалось вполне достаточно, чтобы полностью нейтрализовать выстрел.

Сканер, установленный на половину мощности, не способен убить человека. Его волновое излучение лишь парализует жертву, но Глебу от этого было несколько не легче. Слишком хорошо он понимал, что его ждет, если он попадет в лапы наемников Манфрейма, — сначала допрос под изощренной пыткой, затем... Затем они найдут способ заставить его добровольно расстаться с Книгой, а уж тогда...

Нет, сейчас убивать его им нет никакого резона, ведь после этого Книга будет для них практически недоступна.

Но сканер не может пробить каменные стены подвала, им придется применить что-нибудь помощнее, чтобы до него добраться, — и грохот взрыва у входной двери подтвердил его худшие опасения.

Все-таки дверь задержала их на несколько секунд. Пока они с ней возились, он миновал поварскую и, дважды свернув по извилистому коридору, оказался в огромной кладовой, заваленной глыбами подтаявшего за лето льда.

Продовольствия здесь больше не было, все дочиستا вымела татарская осада. Это позволяло ему продвигаться достаточно быстро. Глеб побежал, легко ступая на носки и минуя одно за другим многочисленные помещения кладовки.

Приобретенная в походе по подземельям Манфрейма способность видеть в темноте обострялась во время опасности, и сейчас, сосредоточившись, он мог легко представить себе весь путь впереди, со всеми поворотами и дверьми даже каменные стены не были помехой для этого необычного зрения.

Предметы представлялись ему бесцветными, но четкими и объемными. Новое зрение позволяло ориентироваться в полной темноте гораздо лучше, чем его противникам, использовавшим приборы ночного видения.

Уверенные в своем преимуществе, они, очевидно, рассчитывали загнать его, как слепое животное, в какой-нибудь тупик и не зажигали света. Это с каждой выигранной минутой увеличивало шансы добраться до заветной копильни, в печи которой он совсем недавно варил порох. Там оставалось в укромном месте целых два бочонка, он не знал еще, что будет делать с ними, если все-таки доберется до места, но постепенно у него в голове складывался определенный план.

Теперь все зависело от удачи и от быстроты его передвижения в темном подвале. Однако на одном из поворотов кто-то из десантников сумел-таки выйти ему наперерез.

Вынырнув из бокового коридора, пересекавшегося с тем, по которому бежал Глеб, десантник оказался сзади, и Глеб заметил его слишком поздно, когда сильные тренированные руки уже сомкнулись у него на шее в стальном захвате, прерывая дыхание.

Противник был намного тяжелее Глеба, и это давало ему дополнительное преимущество в короткой яростной схватке.

Резко нагнувшись вперед и одновременно падая на колени, Глеб сумел высвободить левую руку и вслепую послать в темноту за собой широкую полосу своего меча. Как всегда, он даже не почувствовал момента, когда меч вошел в живое тело, рассекая его легко, как

бумагу. Короткий вскрик за спиной известил о том, что удар достиг цели. Руки на шее Глеба тотчас разжались, и он смог протолкнуть в свои измученные легкие порцию желанного воздуха.

Откашлявшись, он всмотрелся в темноту за собой и увидел серые силуэты преследователей — они были слишком близко, гораздо ближе, чем он рассчитывал.

Схватка задержала его, и теперь бежать дальше стало уже бесполезно. Вспыхнул ослепительный луч электрического прожектора и словно припечатал его к стене. До заветной двери оставалось еще метров пятьдесят.

— Брось оружие и не двигайся.

Этот спокойный хриплый голос не оставлял ни малейшей надежды, лазер тут же со звоном упал к ногам Глеба. Но оставался еще меч... Его они не будут опасаться, пока не поймут, что произошло с нападавшим десантником...

— Меч тоже и не делай глупостей, наши сканеры установлены на полную мощность, и поверь, парень, мне надоело за тобой бегать. Если ты дашь хоть малейший повод нарушить приказ доставить тебя на базу живым, я с удовольствием это сделаю.

Глеб не дал ему этого повода. Полный заряд сканера с такого расстояния вызывал необратимый паралич всех мышц. Меч последовал вслед за лазером.

Как только перед ним вспыхнул этот слепящий диск белого света, Глеб сразу же потерял свою странную способность видеть сквозь стены. Теперь он не мог рассмотреть даже собственных рук. И в этот отчаянный момент в той стороне, где стояли его противники, дважды щелкнул пистолетный выстрел.

Прожектор погас, и в последнем всплеске гаснущего света Глеб увидел, как падает на землю фигура того, кто держал в руках фонарь. Два пистолетных выстрела и два попадания.

Глеб знал лишь одного человека, который с такой неподражаемой виртуозностью владел этим старинным видом оружия.

4

Вдвоем с Крушинским им удалось продержаться до того момента, когда тревога, поднятая стрельбой, вызвала ответную атаку княжеских стражников. В узком и тесном подземелье стрелы оказались не менее эффективны, чем лучевое оружие.

Теперь они поменялись ролями со своими врагами. Зажатые с двух сторон десантники яростно оборонялись, стараясь пробиться к выходу и заботясь лишь о спасении собственных жизней.

Глеб, орудуя попеременно то мечом, то захваченным в бою лазером, не чувствовал ни малейшей жалости к тем, чьи трупы устилали пол.

Они охотились на него, как на зверя, подобравшись тайком ночью, и теперь несли заслуженную расплату.

Чтобы дать возможность княжеским лучникам вести прицельную стрельбу с противоположной стороны подвала, он время от времени выпускал в потолок широкий лазерный луч. Раскалившись добела, камни после такого выстрела довольно долго светились, испуская мертвый, нереальный свет.

Часть десантников, одетых в легкие защитные скафандры, оказались неуязвимы для стрел, но никакой скафандр не мог выдержать удар меча Глеба.

Наверно, именно такое оружие древние называли мечом-кладенцом, который сам собой рубит врагов.

Теснимая со всех сторон, неся большие потери, группа захвата в конце концов прорвалась к выходу сквозь ряды княжеских дружинников. Глеб не стал их преследовать.

Теперь он чувствовал лишь опустошение и леденящую усталость, которая накатывала на него в последнее время после каждого рукопашного боя, если приходилось проливать чужую кровь. Была ли причина этого мертвящего, оупляющего состояния скрыта в мече?

Вполне возможно, это оружие высасывало из него энергию как насос, и теперь он с

огромным облегчением водворил меч обратно в ножны.

Когда смолкли звуки последних выстрелов и клекот десантного вертолета, уносившего восвояси изрядно потрепанных рейнджеров, затих вдали, Крушинский, внимательно наблюдавший за Глебом, спросил, словно не замечая его состояния:

— Как тебе удалось приучить к выстрелам княжескую дружину? Раньше они бросались врассыпную.

— Мне пришлось изготовить порох, чтобы сдерживать татарскую конницу.

— Не слишком ли ты рискуешь? Подобные вещи запрещены межпланетной конвенцией. Здесь только федеративных патрулей не хватало.

— Наши враги настолько многочисленны и сильны, что патруль уже ничего не изменит в сложившейся расстановке сил. Для того чтобы удержать город, годятся любые средства. Если падет эта цитадель, вся российская цивилизация будет отброшена назад.

— Этот мир навсегда отделился от нашего и не может влиять на историю России.

— Никто этого толком не знает, да и потом, какое это имеет значение для нас? Мы живем здесь и наши потомки будут жить в нем, значит, мы ответственны за его будущее.

— А не объяснить ли все это проще: любой ценой ты решил удержать город, в котором живет Бронислава, он ведь кажется тебе домом, не так ли?

— В чем-то ты прав... Китеж стал для меня последним пристанищем. Если его уничтожат, на всей этой планете не останется ни одного уголка, где я мог бы преклонить голову. А Бронислава тут ни при чем, с ней все гораздо сложнее... Возможно, ее душа навсегда осталась в подземельях Манфрейма.

— После пережитого шока вряд ли ее состояние может быть нормальным, тебе нужно набраться терпения. Но не знаю только, хватит ли его у тебя, ты сильно изменился за последнее время.

— Вокруг рушится целый мир, все ценности, даже человеческая жизнь, обесценены до предела. Неудивительно, что, расставшись ненадолго, мы с трудом узнаем друг друга. Иногда мне кажется, время здесь идет значительно быстрее, чем на нашей Земле, и тогда я чувствую себя бесконечно старым... Да ладно, расскажи лучше, как ты узнал о нападении.

— Это целая история.

— Тогда пойдем ко мне, отдохнем после боя. Второй раз, по крайней мере, сегодня ночью, они сюда не заявятся, а с рассветом начнутся новые татарские атаки — времени у нас не так много.

Стража в сенях почтительно расступилась, пропуская их во внутренние покои.

— Я смотрю, ты здесь пользуешься уважением.

— Я теперь воевода. Все княжеские войска подчинены непосредственно мне.

— Вот даже как... Крепко ты врос в эту землю, и все же тебе придется покинуть Китеж.

— С чего бы это?

— Ты знаешь торговца антиквариатом, некоего Фруста, с Арометана?

— Первый раз слышу.

— А вот он тебя знает... По крайней мере, знает о тебе.

Они прошли через весь терем на половину, в которой жил Глеб. Слуги зажгли в его светлице лампы, кровать была убрана, а на столе стояли подносы с фруктами и новые кувшины с хмельным медовым напитком.

— Неплохо ты тут устроился, совсем неплохо!

— А ты постой целый день на стене под татарскими стрелами, тогда поймешь, как важно иметь возможность расслабиться, если выпадает короткая минута отдыха.

— Китеж тебе все равно не отстоять, несмотря на твою артиллерию, город обречен. Как только хан Гирей вылезет из болот и подойдет к Китежу, ты не продержишься и двух дней — у него есть стенобитные машины. А инструкторы Манфрейма уже просветили его насчет твоих пушек.

— Откуда у тебя эти сведения?

— Разведка с базы старается собирать информацию обо всем происходящем вокруг.
— Ну и что же ты мне посоветуешь? Сдать город без боя?
— Нет, есть более надежный путь. Бороться с причинами, а не со следствием, с теми, кто направляет татар. — Он замолчал и внимательным взглядом обвел комнату, затем достал блокнот и, написав в нем короткую записку, протянул ее Глебу.

«Здесь нельзя разговаривать — нужен заземленный металл, еще лучше спуститься в подвал».

Глеб пожал плечами, ему вовсе не хотелось возвращаться в помещение, пропахшее порохом и кровью, где только что шел бой. Однако он привык считаться с мнением Крушинского. Многочисленная княжеская стража, специально проинструктированная им на этот счет, не могла пропустить сюда базовских технарей для установки подслушивающих устройств. Тем не менее он отдал слугам необходимые распоряжения, и спустя полчаса они сидели глубоко под землей.

Здесь пахло сыростью, плесенью и кислой брагой, однако в остальном княжеские слуги за полчаса сделали все возможное, чтобы это помещение напоминало жилую комнату.

Здесь горели смолистые факелы, а от жаровни с углями шло живое тепло, стол мало отличался от того, что стоял в покоях Глеба. Впрочем, еда почти не интересовала Крушинского, и Глеб пожалел, что с ними нет Васлава, который каждое простое действие, будь то еда или битва, умел наполнять своей бьющей через край жизненной энергией.

Крушинский долго молчал, задумчиво цедил из кубка хмельной медовый напиток и о чем-то сосредоточенно думал. Глеб не торопил его и не задавал вопросов, понимая, что, когда придет время, друг сам расскажет ему все.

Наконец Крушинский поставил кубок на стол и, не сводя с Глеба внимательных глаз, сказал:

— Больше всего меня поразило в рассказе Фруста то, что он знает о тебе многое такое, чего знать не должен. О том, например, что ты появился здесь из другого мира. Возможно, он имел в виду космический перелет, а возможно, знает даже о временных переходах между мирами. Фруст стал для меня полнейшей загадкой. Он существо весьма осторожное и хитрое, те сведения, которые мне удалось из него вытянуть, сложились буквально по крупицам, и у меня сложилось впечатление, что в какой-то степени свои знания о нас он получает из наших же разговоров. Причем для этого ему не нужна никакая техника. Он обладает особым видом телепатии, позволяющей при желании слышать нужный разговор на любом расстоянии. Вот почему мы сидим в этом подвале.

— Но ученые базы ничего не знают о подобной телепатии.

— Арометанская наука по сравнению с нашей ушла далеко вперед, к тому же Фруст не гуманоид и может обладать от рождения свойствами, о которых мы даже не подозреваем. Никто понятия не имеет, к какому виду живых существ он принадлежит.

— Как это может быть, ты что, его не видел?

— Его тело закрыто толстым слоем биопласта, и о том, что находится под ним, можно только догадываться.

— Ну хорошо. Считай, ты меня убедил. Так что же ему нужно, этому Фрусту?

— Книгу, Глеб. Книгу, которая обладает столь высокой ценностью, что некий иномирянин, обладающий неограниченными финансовыми возможностями, готов совершить ради нее космическое путешествие в десятки световых лет. Книгу, о которой я, между прочим, ничего не знаю, хотя мы друзья, и я был уверен, что от меня у тебя нет никаких значительных тайн.

В его голосе Глеб уловил тщательно скрываемую обиду и ответил так, как только и мог ответить:

— Есть тайны, которые нам не принадлежат и которыми мы сами распоряжаться не вправе.

После этого они надолго замолчали. Глеб надеялся, что Крушинский поймет его правильно и не позволит несправедливой обиде заслонить все, что их связывало.

— Хороший мед, — проговорил Крушинский, осторожно, словно он был стеклянный, устанавливая очередной опустошенный кубок на стол.

— Знаешь, я ведь один раз решаю, стоит ли человек моего доверия, и если уж решил, что стоит, то не изменяю своего решения даже в том случае, если он начинает вести себя несколько странно. Тогда я пытаюсь предположить, что им движут весьма веские причины. — Глеб чувствовал в его голосе остатки обиды и счел за лучшее промолчать — ничего другого он все равно не мог сделать.

— Фрусту настолько была нужна твоя Книга, что он предложил в обмен на нее открыть нам секрет манфреймовского бессмертия и способ проникнуть в его неприступный замок. Неплохая цена, как ты считаешь?

— Это невозможно, Юрий, вещь, о которой ты говоришь, не имеет цены и к тому же мне не принадлежит.

— Ну что же... Невозможно так невозможно. Будем ждать, пока Манфрейм доберется до нас первым.

— Ты уверен, что Фруст действительно знает, как сделать то, о чем говорит?

— У меня сложилось впечатление, будто он вообще знает все. Человеку, способному залезать в чужие мозги, не так уж сложно наладить торговлю чужими тайнами. Думаю, это основной источник его несметного богатства. Он практически закупил всю базу, и, возможно, даже сегодняшний визит рейнджеров был проведен по его прямым указаниям. Зачем-то ты ему очень нужен, Глеб. Очевидно, не слишком надеясь на результат нашей встречи, Фруст решил подстраховаться, а возможно, заранее предвидел результат.

Одну могу сказать вполне определенно: полковник Коноплянников принимал его так, как не принимал начальника штаба флота. Фрусту разрешили даже использовать по своему усмотрению посадочную площадку базы.

— А что он собой представляет как человек?

— Как человек?

— Ну хорошо, извини, как личность?

— Мне трудно об этом судить. Что можно сказать о существе, с ног до головы упрятанном в биопластовую оболочку? Возможно, ему вреден наш воздух или не подходит температура этой планеты. А уж его психология — вообще тайна за семью печатями.

— Или ему настолько необходимо скрыть от нас свою внешность, что он готов мириться с любыми неудобствами...

— И это вполне возможно... Так что же мы, по-твоему, должны предпринять?

— Я хочу с ним встретиться.

— После сегодняшнего визита рейнджеров? По сути дела, он нанял для тебя убийц, и если ты с ним встретишься...

— Нет, Юрий, он не собирался меня убивать — мертвый я ему не нужен, а вот захват — это другое дело... Встречу с ним надо организовать так, чтобы исключить возможность захвата.

— Есть другой вариант: перехватить его корабль и уж потом разговаривать с позиции силы.

— Я думаю, настоящего разговора тогда не получится — ты сам сказал, что у него достаточно средств, чтобы оплатить визит патрулей и даже федеральных крейсеров, а после их прибытия с позиции силы будет разговаривать он.

— Похоже, в любом варианте мы окажемся в проигрыше.

— Нет, не совсем так. У нас есть небольшое преимущество, о котором ему, похоже, ничего не известно. Ведь он не спрашивал тебя о мече?

— Ему нужна Книга, а не меч!

Глеб встал и из заплечных ножен достал оружие, с которым никогда не расставался. В темном подвале, в неярком свете факелов, меч заблестел так, словно был отлит из серебра.

— У него есть одно свойство, о котором даже я узнал не сразу. Видишь этот камень на рукоятке?

— Да, похоже на рубин, но только он очень тусклый и вряд ли представляет какую-то ценность.

— В присутствии манфреймовских слуг камень начинает светиться. Это свойство, вложенное в него ненавистью Гидра, может оказаться для нас решающим во время встречи с Фрустом, по крайней мере, мы будем знать, в какой степени можно ему доверять, является ли он врагом Манфрейма или это всего лишь очередной хорошо замаскированный шпион.

— Нет, Глеб... Здесь что-то гораздо более сложное и странное. Этот человек или не человек, не важно, так вот он мне показал золотую копию Змиуланового трона. Помнишь тридцатиметровую спираль, которая так тебя поразила, что ты не пожалел для нее хорошего удара своего меча?

— Еще бы я его не помнил... Но если это так, значит, он посланец нашего старого подземного друга.

— Или чего-то еще более древнего. Когда-то этот трон принадлежал совсем не Змиулану.

— Если это так, то от встречи с ним нельзя отказываться ни в коем случае. В нашем положении мы не можем себе позволить риск потерять возможных могущественных союзников.

— Ну хорошо, предположим, ты меня убедил. У тебя есть план, как организовать встречу, чтобы не попасть в ловушку?

— Думаю, да. Если он настолько заинтересован в этом деле, как об этом говорит, то он согласится встретиться со мной и в Китеже, а здесь я уж сумею организовать все так, чтобы полностью исключить риск.

— В осажденном городе? Как он сюда попадет? Не на десантном же вертолете! Фруст не пойдет на столь шумное оформление своего визита.

— Пусть это его не тревожит. У нас есть связь с внешним миром. Наш отряд встретит его в условленном месте и проведет в город.

— Ну хорошо... Я попробую с ним об этом поговорить.

На самом деле Глеб еще не решил, стоит ли проводить в город постороннего человека, доверять которому пока что он не имел никаких оснований, через единственный оставшийся в городе канал связи с внешним миром.

— Я слышал: в Китеже объявлено о твоей предстоящей свадьбе?

— Это пока чистая формальность, князь вроде бы давал обещание выдать ее замуж за того, кто освободит княжну из плена, ну и не хочет терять лицо.

— Ты тоже относишься к этому как к простой формальности?

— Даже и не знаю, что тебе сказать... С ней происходит что-то недоброе, и это уже почти невозможно скрыть. Она меняется — меняется физически.

— Ты хочешь сказать, она ждет ребенка?

— Нет, произошло что-то гораздо более страшное, и я не могу понять, что именно.

— А ты не пытался поговорить с ней?

— Пытался и не раз. Она уходит от этого разговора. Она окружила себя целой толпой горничных, нянек, организовала из своей светлицы походный госпиталь. Мне кажется, она старается все время оставаться на людях, чтобы поменьше думать о накапливающихся в ней переменах...

— С этим что-то надо делать, Глеб, может быть, организовать ей встречу с хорошим медиком? В нашем совете есть разные специалисты, и я мог бы...

— Она не согласится. Я уже пытался ее уговорить. Похоже, она знает, что именно с ней происходит, и не хочет, чтобы об этом узнал кто-нибудь еще.

Оба надолго замолчали. Глеб встал и подошел к жаровне. Угли в ней давно прогорели, толстый слой пепла скрывал еще таящийся где-то в глубине огонь.

Неожиданно дрожащий от волнения голос слуги вывел его из глубокой задумчивости:

— Воевода, Светлейший князь, очнись! Беда, великая беда случилась!

— Ну, что там еще стряслось?

— Там, у княжны, посмотри сам батюшка... Великая беда...

Вдвоем с Крушинским, мешая друг другу, они бросились к лестнице, ведущей из подвала во двор, и через пару минут оказались в покоях княжны.

Здесь все носило следы разгрома: поломанная мебель, разорванное белье, распахнутые настежь окна. Стая волков, обломавшая о них зубы, все же не ушла без добычи...

— Где же вы все были! — в ярости закричал Глеб, обернувшись к дозорным, стоявшим на часах возле разгромленных покоев.

— Тех, кто здесь стоял, когда это случилось, нет в живых.

— Почему не доложили раньше?

— Часовые у входа в подвал по твоему приказу, воевода, никого не пропускали внутрь, пока не разбудили самого князя.

— Не понимаю, зачем им понадобилось ее похищать, — тихо проговорил Глеб, повернувшись к Крушинскому. — Это же не девка с подворья, что они будут делать, когда все откроется?

— Решили хотя бы так компенсировать неудачу. Продадут Манфрейму... Он назначил за нее большую цену, на базе об этом знал каждый второй...

— Зачем ему Бронислава после всего? Ведь она уже побывала в его замке...

— Хотя бы для престижа. Непобедимого бессмертного Манфрейма вдруг лишили принадлежавшей ему женщины...

5

Вертолет шел на небольшой высоте, словно стремился укрыться среди верхушек сосен. Бронислава, умело связанная, с заклеенным пластырем ртом, валялась на заднем сиденье между двумя десантниками.

Один из них развлекался тем, что гладил ей ноги, высоко задрав подол. Другой пытался растянуть пуговицы на сарафане, но ему мешали добраться до заветной цели плотно стягивавшие тело молодой женщины ремни.

— Мы могли бы приземлиться ненадолго и развлечься с этой крошкой, прежде чем лететь в замок, — хрипловатым голосом проговорил тот, что растягивал пуговицы.

— Перебьешься, — ответил ему один из троих, сидящих рядом с пилотом. Эта женщина принадлежит Манфрейму. Если ты не знаешь, что это значит, то могу напомнить. Реквизировавший у слуги Манфрейма лошадь сержант Каристон не прожил после этого и часа. К тому же сорок тысяч кредиток нам обещали за живую и невредимую женщину.

Словно обжегшись, десантник поспешно отдернул руку от своей жертвы и, чтобы не впасть в дальнейший соблазн, привел ее одежду в порядок.

Наконец этот мучительный полет закончился во дворе манфреймовского замка. Последнее, что увидела Бронислава, пока ее несли в носилках к черному входу, был десантник, остолбенело уставившийся на свою руку. Вся кисть у него почернела. Он поддерживал ее другой рукой и стонал от боли. Второй из издевавшихся над ней всю дорогу негодяев выглядел не лучше.

Едва получив деньги, лейтенант отдал приказ к возвращению, словно забыв об этих двоих, пораженных неведомой болезнью. К ним уже направлялась стража с арканами в руках. Как выяснилось позже, опасаясь неизвестной заразы, характер которой так и не сумел установить стандартный медицинский анализатор, лейтенант предпочел получить дополнительную плату за своих людей.

Манфреймовской клинике постоянно нужен был свежий материал, и платили за него не скупясь.

Бронислава ждала, что ее понесут наверх, в знакомую ненавистную комнату, в которой она провела столько несчастливых дней, но княжна ошиблась, ее несли вниз, к подвалам. Если бы женщина могла кричать, она бы закричала от ужаса, но пластырь на ее рту едва позволял дышать.

Носилки поставили перед черным креслом Манфрейма в том самом операционном зале, где под его наблюдением из живых людей вырезали на продажу части их тел и конструировали чудовищных монстров для его армии.

Никакой биопласт не мог сравниться с настоящей человеческой кожей. Не доверяя виртуозности палачей-хирургов, Манфрейм проводил в кресле этого зала долгие часы, совершенно равнодушный к воплям своих жертв.

Чувствовал ли он удовлетворение, глядя на оцепеневшую от ужаса женщину, или хотя бы торжество от унижения своего самого могущественного противника, управлявшего подземным царством?

Вряд ли ему были доступны чувства, свойственные человеческому сознанию. Он лишь кивнул палачам, приказывая подготовить к вивисекции новую жертву.

Брониславу полностью раздели и привязали к столбу так, чтобы она могла видеть все, что происходит с теми, кто был доставлен сюда раньше нее. Но даже эта идея принадлежала не Манфрейму, а его палачам, которые, по крайней мере, могли испытывать садистское наслаждение, наблюдая за мучениями своих жертв.

С женщиной, которая лежала на столе, уже все было кончено. Перед Брониславой оставалось лишь трое мужчин. Первого из них отвязали от столба, обтерли спиртом, словно это был не живой человек, а какая-то нуждавшаяся в дезинфекции вещь, и повалили на хирургический стол. Хватая воздух широко открытым ртом, он даже не оказывал сопротивления.

Бронислава стояла, гордо вскинув голову, и старалась увидеть сквозь черные провалы шлема глаза того, кто никогда не имел глаз.

В подземелье пахло кровью, потом и человеческим страданием. Крики тех, кого резали живьем, наконец затихли.

Наступила ее очередь, но на бледном как мел, словно высеченном из мрамора лице молодой женщины невозможно было прочесть никаких чувств.

Манфрейм казался разочарованным, почти раздосадованным. Но он никогда не позволял своим эмоциям стать видимыми для окружающих, и уж тем более они не могли возобладать над соображениями расчета и выгоды.

— Кладите ее на стол, — коротко бросил он палачам, и те подобострастно поспешили исполнить приказ. В этом помещении, забрызганном кровью предыдущих жертв, обнаженное тело женщины казалось анатомической деталью чудовищного спектакля.

— Скоро ты заплатишь за все. — В ее голосе не было даже ненависти, была лишь констатация факта, и неожиданно, возможно, впервые за долгие тысячи лет, Манфрейм испытал нечто похожее на страх.

Выйти из города Крушинскому и Глебу помогли трофейные маскировочные накидки. Вечером человек, накрытый светопреломляющей пленкой, практически невидим. Проходя рядом с татарскими постами, им приходилось соблюдать лишь полную тишину.

Наконец, обогнув озеро, они очутились в той части леса, куда татарские разъезды почти не заглядывали, страшась невидимой стены силового поля, окружавшего базу.

Только здесь они позволили себе сделать первый привал. Пользуясь небольшой карманной рацией, полученной от Фруста, Крушинский начал переговоры о месте встречи.

Глеб сидел молча, чувствуя, как внутри него поднимается волна черной ярости, похожей скорее на отчаяние от собственного бессилия — враги постепенно уничтожали все, чем он дорожил. Они лишили его даже последнего права оскорбленного воина — права на месть.

Манфрейм за стенами своего замка оставался практически не достигаем.

Полученной во время неудачного штурма информации для опытного воина было вполне достаточно, чтобы понять: любая попытка взять замок штурмом обречена на провал. Именно поэтому он оказался здесь, отказавшись даже от своего первоначального условия о месте встречи в самом Китеже. Информация о том, как попасть внутрь манфреймовского замка, стоила любого риска. В Китеже — особенно последние недели осады — ему казалось,

что все между ним и Брониславой ушло в прошлое, что он окончательно забыл эту женщину и она стала для него совсем чужой. И лишь сейчас, когда ее вновь не стало рядом, он понял, как глубоко заблуждался.

В дополнение ко всем его бедам в небе кружились первые октябрьские снежинки, холодный ветер нес от озера густой туман, и он знал, что после настоящих заморозков, как только на болотах образуется прочная корка наледи, огромные полчища татарской конницы под предводительством самого Гирея подойдут к Китежу.

Он вспоминал свое первое прибытие в город, веселый перезвон колоколов, княжеский терем, где, казалось, навсегда поселилась бесшабашное веселье, и первое, по-настоящему поразившее его открытие — люди из той глубокой древности, в которой он очутился, практически ничем не отличались от его современников. Они так же любили, страдали, старались заботиться о собственном благополучии, хранили верность друзьям и иногда их предавали...

«Пожалуй, последнее здесь случается реже», — подумал он, наблюдая за Крушинским и вспоминая Васлава. Тут чувства выражены ярче, рельефнее, люди ведут себя проще, они более открыты.

В глубине души он понимал, что не так уж и справедлив в своих выводах, одно знал совершенно отчетливо: он не сможет допустить гибели этого мира, города, приютившего его и ставшего ему домом, и если придется вместе с ним погибнуть — ну что же, значит, такова его судьба...

Наконец Крушинский спрятал в карман свой крошечный аппарат и, недовольно поморщившись, сказал:

— Или арометянин слишком уж осторожен, или он заманивает нас в ловушку.

— Где именно он назначил встречу?

— У Оленьего болота. Ты по-прежнему согласен на его условия?

— В конце концов, город или лес — разница небольшая. Если он человек Манфрейма, засаду можно организовать где угодно. С тех пор, как вновь похитили Брониславу, у меня появилось такое ощущение, словно кто-то включил часовой детонатор. Дорога каждая секунда. В нашем положении привередничать не приходится. Будем встречаться там, где хочет Фруст.

— Тогда нам придется протопать восемнадцать километров к северу от этого места, — Крушинский уточнил расстояние, достав из своего планшета пластиковую карту местности.

— Это хорошее место. Я бы тоже его выбрал на месте Фруста — к нему можно подобраться только с одной стороны. Крутом непроходимые топи. Однажды я пытался пройти до Оленьего острова, но мне это не удалось.

— У меня есть карта, на которую нанесены даже звериные тропы. А что тебе понадобилось в местных болотах?

— Где-то в этом районе упал Меконг.

Вот и еще одна несправедливость — бесконечная череда уплотненных до предела событий лишила его возможности всерьез заняться попавшим в беду другом.

Конечно, Меконг всего лишь машина, но его механическому мозгу была свойственна преданность. Иногда Глеб замечал даже в точных и почти всегда безошибочных аналитических выводах машины скрытое чувство юмора.

Меконг погиб, стараясь отомстить за него, а он так и не удосужился отыскать хотя бы его обломки, чтобы посмотреть, что стало с электронным мозгом.

— Нам пора двигаться. Фруст предупредил: в пути могут быть различные неожиданности.

— Это еще что за новости?

— По его сведениям, обо всех наших передвижениях очень скоро становится известно Манфрейму.

— Не с его ли помощью? Знаешь, Юрий, мне все это начинает сильно не нравиться.

— Думаешь, я в восторге? Но до сих пор мы лишь проигрывали Манфрейму по всем

пунктам. Ты сам сказал: нам не приходится выбирать.

Они собрали рюкзаки и начали свое продвижение к северу. Оба шли молча друг за другом. Глеб шел вторым, поскольку карта была у Крушинского, и старался оставлять на тропе по возможности меньше следов, хотя вряд ли его осторожность имела какой-то смысл.

Тропа часто спускалась в распадки, где низкорослые березки вперемешку с осинками едва-едва вытягивались выше человеческого роста. Под ногами хлюпала вода — корка наледи была еще совсем непрочной.

Лес зеленел, радовался последним лучам редкого осеннего солнца, и казалось, этот мирный пейзаж не может скрывать никакой опасности. Но после очередного подъема тропа исчезла, и они очутились на невысоком холме, откуда открывался широкий вид на окружающую местность. Впереди и немного правее их маршрута в небо поднимались многочисленные дымы костров. Глеб насчитал двадцать пять, потом сбился со счета и оставил это никчемное занятие. Итак было ясно: впереди разбило походный лагерь какое-то многочисленное войско.

— Посмотрим, что там такое? — предложил Крушинский.

— А как же встреча? Разве у нас есть лишнее время?

— Когда доберемся до места, я свяжусь с Фрустом и сообщу о нашем прибытии. Он не из тех людей, что станут беспокоить себя раньше, чем необходимо. Ждать в любом случае придется нам.

После того, как решение было принято и они свернули в сторону костров, им все чаще стали попадаться следы пребывания человека в этих диких местах. Срубленные на дрова деревья, охотничьи ямы и силки...

— Большое войско, но не татарское.

— Почему ты так решил?

— Татары не забираются столь далеко на север и не ставят капканов на лесного зверя.

— Могли и научиться за это время, — пробормотал Глеб, не слишком доверявший следопытским изысканиям Крушинского.

Вскоре до них донеслись первые звуки большого военного лагеря: конское ржание, окрики часовых. Друзья решили дождаться темноты и лишь затем продолжить разведку.

— Странно все же, что нам позволили подойти так близко к лагерю. Накидки накидками, но человек не может двигаться совершенно бесшумно. Не глухие же у них стоят на постах!

— Ты стал чересчур подозрителен. Прошли же мы через татарский лагерь.

— Татары чувствуют себя хозяевами положения и могут позволить себе быть не слишком внимательными. К тому же эти дети степей от природы довольно беспечны. Но перед нами совсем не татары... Шатры как у русичей, доспехи тоже русичинские, однако, кто они такие на самом деле, с этого расстояния я определить не берусь.

Тихо переговариваясь, оба продолжали изучать лагерь. Время текло незаметно. Порой ветер доносил до них запахи жарящейся на костре пищи, конского навоза — обычные запахи, сопровождавшие любую длительную стоянку. Непонятным оставалось лишь, чего они ждут так долго в этом диком месте, лагерь явно был разбит здесь не первый день.

Часа через два, после того как солнце скрылось, а луна еще не успела осветить окрестности, они осторожно подобрались к притаившимся в темноте внутренним сторожевым постам, окружавшим лагерь довольно плотным кольцом. И это тоже показалось Крушинскому подозрительным — не было смысла выставлять так много охраны внутри лагеря, если подойти к нему мог беспрепятственно кто угодно.

Разрешить все эти загадки можно было, лишь проникнув на территорию самого бивуака. Пользуясь феноменальной способностью Глеба видеть в темноте, им удалось проскользнуть в лагерь незамеченными под своими маскировочными накидками.

Над центральным шатром, украшенным богатым золотым шитьем, гордо реял штандарт командира этой довольно значительной по тем временам армии. К сожалению, в темноте даже уникальное зрение Глеба не позволяло различать цвета, хотя по переключке

часовых, по нескольким фразам, услышанным у костров, они уже догадались: лагерь принадлежит какой-то большой дружине русичей.

Их настораживало лишь то, что в этих местах на сотни километров вокруг не было никаких значительных поселений, а тем более городов, одни лесные фактории да редкие хутора, брошенные на зиму жителями.

Видно, уж очень издалека шло это войско... Глеб впервые за эти черные дни почувствовал волнение от радости предстоящей встречи. Все сомнения давно оставили его, и он решил, не рискуя, правда, поделиться своей догадкой с Крушинским, что перед ними войско, которое собрал на севере Васлав и вел его теперь на подмогу Китежу.

Если бы не Крушинский со своей изматывающей осторожностью, он бы давно перестал прятаться и вошел в шатер. Но Глебу не хотелось лишать себя удовольствия посмотреть на его физиономию, когда они после всех этих переползаний очутятся в медвежьих объятиях Васлава.

За стеной шатра двигалась тень массивного, похожего на медведя человека, звенели подносы с посудой, рекой лилось вино и раздавался зычный бас того, кто так часто называл их в трудные напряженные минуты схваток «отроками», невольно вызывая улыбку, снимая напряжение и превращая кровавую схватку «в забаву для достойных мужей».

— Собрал-таки подмогу князь, идет к Китежу... — не выдержал наконец Глеб.

— Тише! — потребовал Крушинский. — Манфрейм знает о нас почти все. На его месте я бы устроил именно такую ловушку.

— Для засады такое войско собирать не станут! — возразил Глеб, но Крушинский, не ответив, неслышно продолжал скользить к шатру, как змея маскируясь в высокой траве.

Немного приотстав, Глеб увидел, как он прыгнул, почти не приподнимаясь, из невероятной позиции и сверху обрушился на часового, стоявшего у самого входа в шатер.

Но у коновязи оказался еще один, тщательно замаскированный пост. Затрубил рог, вспыхнули факелы, со всех сторон к ним бежали вооруженные люди... Полог шатра распахнулся, и на пороге появился незнакомый воин высоченного роста с рассеченным сабельным ударом лицом.

Прав оказался Крушинский. Здесь их ждала хорошо организованная засада, и Глеб почувствовал разочарование не от собственной ошибки, а от того, что встреча с Ваславом, казавшаяся такой близкой, все же не состоялась. Впрочем, времени на переживания по этому поводу у него почти не осталось.

На них набросились сидящие в засаде вокруг шатра воины.

Ловушка с приманкой была организована по всем правилам военного искусства да к тому же оснащена современной техникой, удар волнового сканера почти сразу же вывел Крушинского из строя.

Тем не менее Глеб, вопреки логике и здравому смыслу, обнажил меч и бросился в схватку.

Ярость ли, поднявшаяся в ответ на его обманутые ожидания, была причиной или невероятное везение, но он сумел пробиться к тому месту, где засел человек со сканером. Ни на секунду не останавливаясь, легко рассекая своим мечом стальные лезвия, направленные в его сторону, Глеб левой рукой освободил висевший на поясе лазер и в падении дважды выстрелил туда, где прятался человек со сканером.

Красноватая нить смертоносного лазерного луча перечеркнула невысокий холмик, скрывавший его противника, но сканер все же успел выстрелить в последний раз, и заряд, беспорядочно метнувшийся в сторону, лишь отраженной волной задел Глеба. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы острая боль скрутила все его тело и нарушила координацию движений.

В рукопашной схватке малейшее промедление может оказаться решающим. На Глеба навалились сразу несколько человек, подмяли под себя.

Все было бы решено в считанные секунды, если бы на краю поляны, на которой развернулась эта короткая схватка, вновь не запел боевой рог и земля не задрожала от топота

копыт кавалерийской атаки, направленной откуда-то извне на лагерь, устроивший им такую коварную ловушку.

Хватка тех, кто навалился на Глеба, сразу же ослабела. Не ожидавшие серьезного сопротивления, его противники думали теперь лишь о спасении собственных жизней.

В сложных и опасных ситуациях наемники почти всегда вспоминают о том, что их жизни слишком дороги. Замешательство противников подарило Глебу несколько необходимых секунд, позволивших справиться с болью и вырваться из кольца врагов.

Вокруг в бешеной скачке неслись лошади, из-под копыт летели комья грязи, а взошедшая наконец луна освещала картину полного разгрома вражеского лагеря.

Теперь Глеб увидел, что ловушка, в которую они так глупо попались из-за его беспечности и легковерья, совсем не так многочисленна, как казалось при осмотре лагеря со стороны.

Всего с полсотни человек поджидали их здесь, все остальное — ложные костры, палатки, коновязи — оказалось искусно построенной бутафорией. Ловушка тщательно готовилась и была рассчитана именно на них, в этом теперь не осталось ни малейших сомнений. Кто атаковал лагерь, кто их выручил в решительную минуту — с выяснением этого Глеб решил подождать.

Сейчас самым важным было не упустить командира войска, организовавшего здесь засаду, человека, знавшего о них все.

Глебу очень хотелось выяснить, из какого канала их враги получили такие подробные сведения, к тому же у шатра, когда его полог распахнулся, Глеб успел заметить, что кристалл на рукоятке меча вспыхнул зловещим красноватым огнем.

Командир этого отряда принадлежал к высшим приближенным Манфрейма. Захват такого человека был для них необычайно важен. Очень может быть, что в случае удачи станут возможны даже переговоры об обмене Брониславы.

Глеб решил сделать все от него зависящее, чтобы добраться до шатра, прежде чем человек со шрамом на лице успеет скрыться. Но сначала ему пришлось избавиться от двоих, наиболее серьезных из напавших на него противников.

Эти двое, единственные, кто не испугался неожиданной кавалерийской атаки, хоть и одетые в доспехи русичей, на самом деле были десантниками. Глеб понял это почти сразу по характерным приемам современного рукопашного боя. Он хорошо знал, где именно обучают таким приемам, но, к счастью, его меч в ближнем бою давал колоссальные преимущества. При этом численное превосходство противников практически не имело значения, поскольку они почти сразу же оказывались обезоруженными.

Меч без всякого сопротивления, легко, как тростинки, рассекал наконечники копий, лезвия мечей и толстые боевые палицы, направленные в его сторону. Очень скоро вокруг Глеба образовывалась мертвая зона.

Панцири или защитные скафандры — мечу было все равно, словно они были сделаны из картона.

Иногда Глебу даже казалось, что в наиболее опасные моменты меч сам ведет его руку, точнее направляя удар.

Вот и сейчас лишь на секунду мелькнуло перед ним перекошенное от боли лицо последнего из нападавших.

В этом странном бою Глебу не приходилось даже отражать ударов, лезвие просто следовало в нужное место, сметая на своем пути любые преграды. Мертвое пространство вокруг все увеличивалось, перед ним уже расступались и свои, и чужие.

Прорвавшись сквозь заслон стражи, прикрывавшей шатер военачальника, Глеб в считанные мгновения вновь оказался у входа.

И все-таки он опоздал. Дико заржала с ходу рванувшая в галоп лошадь, унося на себе во тьму человека, которого он так жаждал догнать.

Глеб, не желая признавать неудачу, схватил за уздечку какого-то потерявшего седока коня и бросился в погоню.

Но жеребец оказался с норовом, он не захотел подчиняться воле незнакомого человека, и вскоре Глеб, потеряв из виду своего врага, остался один в ночном поле.

Как только схлынуло напряжение схватки, прекратилась погоня, на Глеба навалилась ставшая уже привычной безмерная усталость. Та самая, что обрушивалась на него всякий раз, как он вновь вкладывал в ножны обагрённый человеческой кровью меч.

Перестав укрощать строптивого жеребца, Глеб отпустил поводья, и конь, предоставленный сам себе, медленно побрел обратно к лагерю.

Где-то в стороне резко и пронзительно кричала ночная птица, от жеребца несло потом и кровью — привычные запахи схватки навалились на него вместе с невеселыми мыслями.

Он думал о том, что попал в какой-то заколдованный порочный круг, из которого не было выхода.

Одна погоня следовала за другой, одна рукопашная схватка сменяла другую, и впереди не виднелось ни просвета, ни выхода.

Цель он потерял. Цель, ради которой оказался в мире далекого прошлого. Крушинский говорил об истоках, о поисках причин тех бед, что обрушились на его родину, но все это только красивые слова. Юрий тоже плывет по течению, и его уносит бурный поток событий в неведомое будущее, и сил едва-едва хватает лишь на то, чтобы оставаться на плаву.

Он стал хранителем Влесовой книги, он дал клятву самому себе доставить ее к истоку, к тем, кто вырубил на ее страницах письмена, определившие судьбу целого народа, но, оказалось, даже волхвы не имели к этому отношения.

В еще более глубокую, недостижимую древность отодвинулись истоки, казалось, даже Книга изменила ему...

В который раз безуспешно он попытался позвать ее, настойчиво повторяя в своих мыслях такое знакомое слово «Вел», и ничего не услышал в ответ: ни отзвука, ни тепла.

— Вот возьму и продам тебя! Цену предлагают достойную — вход в манфреймовский замок и тайну его бессмертия.

— И правильно сделаешь.

Что это было? Ответ книги, чужие слова прозвучали в сознании или он услышал всего лишь отзвук собственных мыслей? Даже на это он не в силах был найти ответ...

6

Все трое сидели за длинным столом в том самом шатре, который чуть было не стал для двоих из них смертельно опасной ловушкой.

В центре, держа обеими руками огромный окорок только что зажаренного на костре кабана, восседал князь Васлав.

Он ел сосредоточенно, с жадностью, отдаваясь процессу еды с нескрываемым удовольствием, и, глядя на него, Глеб не в силах был сдержать радостную улыбку.

Он еще не задал князю ни единого вопроса, не желая разрушать ощущение необъяснимого комфорта и безопасности, всегда появлявшееся у него в обществе этого человека, зато Крушинский старался вовсю.

— Объясни, наконец, каким образом твоя помощь подоспела вовремя, откуда вообще ты узнал о нашем походе?

Вытерев свою необъятную бороду от потоков стекавшего по ней жира, Васлав проворчал:

— Это я должен спросить, отроки, как вы смогли отыскать меня в северных княжествах и передать послание?

— Послание? Какое послание? — в один голос спросили Крушинский и Глеб.

Порывшись в карманах своей огромной куртки из грубого домотканого сукна, хорошо защищавшей тело от холода и тяжести доспехов, князь извлек на свет берестяную грамотку и протянул ее Глебу.

Глеб читал ее долго, а потом глубоко задумался, не замечая нетерпения Крушинского.

Наконец он проговорил:

— У нас объявился неведомый друг. Никто не мог знать подробностей нашего маршрута, и тем не менее кто-то знал и о нем, и о засаде, и даже о примерном сроке, когда мы можем оказаться в этом районе.

— Лишь один человек мог знать все это.

— Ты имеешь в виду Фруста?

Крушинский кивнул, а Васлав недовольно покачал головой.

— Наверняка снова какое-нибудь волховство, знаю я этих отроков с космической базы. Да ладно, главное — мы подоспели вовремя, а теперь хватит говорить о сем. — Покончив с окороком, он отшвырнул обглоданную кость в угол, где уже скопилась их порядочная груда, расчистил перед собой поверхность стола и, пододвинув поднос с пирогом, сказал:

— Ежели положить, что этот пирог Китеж, то ров здесь. — Он нарисовал вином прямо на поверхности стола линию, довольно точно повторявшую изгибы китежского рва, — приходилось только удивляться феноменальной памяти князя.

— Покажите, где начало подземного прохода?

Глеб поставил в этом месте лампаду. Тогда Васлав потребовал нарисовать расположение татарских сотен.

— Ну, всех я не припомню, они беспрерывно находятся в движении...

— В движении тоже можно увидеть порядок, ежели смотреть внимательно и прилежно, — прогудел князь.

Когда Глеб с помощью Крушинского закончил на этой своеобразной карте рисовать оперативную обстановку, сложившуюся вокруг Китежа, было уже далеко за полночь.

Васлав заразительно зевнул, потянулся и сказал, что утром они отправятся дальше, а войско пойдет к Китежу. Теперь же отроки устали, и утро вечера мудренее.

Он решительно собрался уходить, и Глебу понадобилась вся его напористость, чтобы заставить князя объяснить, что, собственно, он имел в виду, и если он действительно собирается их сопровождать, то на кого оставит войско?

— Я своих сотников хорошо знаю и знаю, кому поручить сие несложное дело.

Задача, стоящая перед отрядом Васлава, и в самом деле не выглядела слишком уж сложной. Четыре сотни опытных пехотинцев и две сотни конных должны были с ней справиться без особых проблем, если только к этому времени не подойдут основные татарские силы.

Глеб еще раз для верности показал, как должен расположиться клин после прорыва татарского заслона.

— Вот здесь вы станете. Главное — запастись побольше продовольствия, город давно голодает, и успеть переправить запасы через подземный ход. Это займет не меньше двух дней — и все это время твое войско будет находиться в круговой обороне. Главное — заранее запасите продукты, не торопитесь с прорывом, пока не заполнят обозы. В лесах много дичи, грибов и ягод, а день, два роли не играют.

Затем они должны будут держать вокруг подземного прохода круговую оборону, пока не переправят все припасы в город.

Если на них нажмут слишком сильно, пусть уходят в Китеж, проход за собой им придется завалить, чтобы татары его не использовали, но с помощью артиллерии мы после возвращения сумеем прорубить в татарской осаде коридор и вернем их обратно.

— Они останутся в Китеже. Здесь только добровольцы, они знают, что, если Китеж сдадут, татары пойдут дальше на север и доберутся до их домов.

Больше никто не поднимал вопрос об отстранении Васлава от их похода к Оленьей топи. Они снова были вместе, и любые трудности казались теперь Глебу легко преодолимыми. Словно прочитав его мысли, Васлав спросил:

— О Шагаре что-нибудь известно? — После рассказа о новом похищении Брониславы Васлав старался не затрагивать этой болезненной для Глеба темы. Несмотря на кажущуюся внешнюю грубость, князь обладал удивительно тонким чутьем.

Глеб покачал головой.

— Последний раз его видели вместе с хозяйкой, думаю, и сейчас он где-нибудь недалеко от нее.

Они легли спать в трофейном шатре, укрывшись толстыми шерстяными попонами. От жаровни тянуло едким угаром, Васлав храпел так, что стенки шатра слегка вздрагивали, и Глеб долго не мог уснуть.

Он думал о Брониславе, о своей несостоявшейся любви, о разрушенном татарами крае и о черной тени Манфрейма, накрывшем своим плащом не только эту страну...

И еще он пытался представить, какие новые возможности удастся извлечь из предстоящей встречи с Фрустом. Не верилось ему, что он простой торговец.

Слишком серьезные силы сошлись в нервном узле целой эпохи, которую представлял собой Китеж, и теперь каждая из них старалась повернуть в свою сторону колесо событий...

Утром небольшая кавалькада покинула лагерь. Конвой сопровождал их только до тропы, ведущей в глубину Оленьей топи. По требованию Фруста на этой встрече не должно было быть посторонних.

«Не слишком ли много требований», — с раздражением подумал Глеб, незаметно для себя прищпоривая лошадь и вырываясь вперед. Очень скоро ему пришлось вернуться обратно. Тропа сузилась, и теперь они должны были продвигаться медленно и осторожно, чтобы не провалиться в скрытые под тонкой наледью топи. Вперед выехал Васлав, хорошо знающий эти места.

Неожиданно справа от них, тяжело захлопав крыльями, в воздух поднялась большая птица. Она показалась Глебу такой огромной, что он не сразу поверил собственным глазам. Однако Васлав среагировал мгновенно. Тетива на его луке звонко щелкнула, и птица, перевернувшись в воздухе, грузно шлепнулась в болото, метрах в десяти от них. Только теперь Глеб узнал знакомого лишь по картинкам глухаря.

— Будет неплохой ужин, если сумеем его достать, — заметил Крушинский. Действительно, сойти с тропы в этом месте не представлялось возможным. Спешившись, они не смогли сделать в сторону ни одного шага. В конце концов Крушинский, самый легкий из них, обвязался веревкой и ползком направился к глухарю. Он достал его, но при этом по пояс провалился в ледяную трясину. Пришлось делать незапланированный привал, разжигать костер и сушить одежду. Однако добыча того стоила, они взяли с собой минимальный запас продовольствия, не желая уменьшать количество продуктов, предназначенных осажденному Китежу.

Теперь же у них появилось несколько килограммов свежего мяса.

Каждый раз, удаляясь от города, Глеб удивлялся богатству дикой природы этого, еще не изуродованного цивилизацией мира. В прозрачных реках плескались ильмени. Иногда совсем близко от отряда, не обращая на человека ни малейшего внимания, проходили лоси. На лесных полянах, усыпанных ярко-алой брусникой, тут и там виднелись шляпы подосиновиков, а длинные плети клюквы, увешанные крупной, с орех, ягодой, путались под ногами лошадей.

Охотники добывали в местных лесах соболей, куниц и песцов. Медосборщики привозили в город на продажу целые подводы янтарных сотов. Не зря этот край привлекал завистливых чужеземцев.

Продвигались медленно, и к вечеру стало ясно — к назначенному сроку они не успеют достичь закрытого со всех сторон топкими болотами Оленьего острова, где была назначена встреча.

Крушинскому пришлось связываться с Фрустом и переносить время. Закончив переговоры, он спрятал рацию и недовольно поморщился.

— Фруст говорит, мы должны поторопиться, дальнейшие задержки опасны. Манфреймовские шпионы на базе развили бурную деятельность, пытаюсь выяснить, что происходит. О том, что ты покинул Китеж, им уже известно.

Лошади не желали идти быстрее в этом топком болоте. Тропа то и дело исчезала, им

приходилось спешиваться и вешками прощупывать путь через трясину.

Вечер долго не наступал, хотя солнце уже скрылось за горизонтом и вся западная сторона неба окрасилась в алый цвет.

— Сейчас мы представляем собой довольно легкую добычу. Неплохое место для новой засады, — проворчал Глеб, в сотый раз осматривая местность впереди отряда.

— Ну, нападающим здесь тоже не развернуться, — возразил Крушинский.

— У десантников есть реактивные ранцы для ведения боя на любой местности, а мы как на ладони, нельзя даже свернуть в сторону, чтобы укрыться.

Впереди над болотом возвышался небольшой остров, поросший высокими соснами. Эти деревья не росли на болотистой почве, и они надеялись засветло добраться до места, где можно разбить палатки и избавиться от чувства беспомощности, которое Глеб испытывал, то и дело проваливаясь по колено в жидкую грязь. Лошадей теперь все время приходилось вести на поводу.

До острова оставалось не более сотни метров, когда позади них в трясине что-то жутко ухнуло и раздался шлепок, словно по грязи кто-то хлопнул гигантской ладонью.

Все трое резко остановились и развернулись, доставая оружие.

Но болото казалось пустынным — лишь наметанный глаз Крушинского разобрал метрах в двадцати позади них какой-то странный зеленый холмик, не больше человеческого роста.

— Этой штуки здесь раньше не было... — проговорил Крушинский, устанавливая на прицеле лазера дистанцию ближнего боя.

— Не спеши. Не стоит стрелять, пока не разберемся, что это такое.

— Тогда может стать уже поздно.

— А если она взорвется? Мы стоим слишком близко, подожди, пока я посмотрю, что там. — Глеб достал электронный бинокль и повернул кольцо резкости. На экране перед ним появилась зеленая морда с огромным, отороченным белой каемкой ртом и небольшими, широко расставленными глазками. Тело этой странной твари напоминало зеленый бесформенный мешок.

— Это какое-то животное...

— В болоте не водятся животные таких размеров! — Крушинский буквально вырвал у него бинокль.

— Оно похоже на гигантскую лягушку, черт меня побери, если это не какая-то манфреймовская тварь! — Он снова схватился за пистолет, и опять Глеб придержал его руку, сам не понимая толком, почему.

Неожиданно лягушка прыгнула. Ее тело стремительно вытянулось вверх и превратилось из бесформенного мешка в четкую зеленую линию, мелькнувшую над верхушками деревьев. Через секунду животное плюхнулось в грязь на расстоянии нескольких метров от остолбеневших воинов.

Она с такой силой ударила своим животом в поросшую замерзшей ряской поверхность болота, что жирные куски грязи заляпали всех троих с ног до головы, а над лесом вновь прокатился тот самый звук шлепка гигантской ладони.

Сейчас потрясенных людей отделяло от монстра не более двух шагов. Опытные воины, в неопределенных и сложных ситуациях применявшие оружие почти мгновенно, не раздумывая, на этот раз стояли неподвижно, словно неведомая сила удерживала их от каких-либо действий.

Кожа лягушки, блестящая от слизи, казалась усыпанной красными, с ноготь величиной, бородавками, и, несмотря на это, животное не выглядело безобразным.

Поражали ее глаза, вблизи оказавшиеся размером с хорошее блюдо. Глебу все время казалось, что в глубине их мерцает скрытый огонь.

— Сейчас она снова прыгнет, и тогда ее зубы... — почему-то шепотом произнес Крушинский, его рука вновь медленно, сантиметр за сантиметром, продвигалась к рукоятке пистолета, словно преодолевала невидимую преграду.

— У лягушек не бывает зубов. Не вынимай пистолет, подожди.

Глеб слегка обнажил меч, но лишь для того, чтобы взглянуть на его рукоятку. Камень выглядел серым и совершенно безжизненным.

— Она не принадлежит к манфреймовским слугам.

— Тогда что ей от нас надо?

— Именно это я и стараюсь понять. — Глеб бросил оружие обратно в ножны и решительно уселся на кочку, всем своим видом демонстрируя отсутствие враждебных намерений.

Сейчас совершенно неподвижная лягушка уже не казалась живым существом. На ее огромном теле жили только глаза да еще дыхательный мешок под нижней челюстью время от времени ритмично вздымался.

После прыжка она пригнула передние лапы, и теперь ее голова оказалась на одном уровне с лицом Глеба. Он чувствовал, какая сила сжатых до предела мускулов скрыта в ее подготовленных к новому прыжку лапах.

Время, казалось, остановилось, больше никто не произнес ни слова. Люди, так же как и животное, не двигались и внимательно изучали друг друга.

Глебу отчего-то казалось, что в мерцающих огромных глазах ночного гостя тлеют искорки разума.

Возможно, именно это ощущение заставило его остановить Крушинского, пытавшегося достать пистолет.

— Что тебе нужно от нас? — ровным голосом произнес Глеб, не отрывая взгляда от ее глаз и понимая, каким нелепым кажется его поведение. Ответа, разумеется, не последовало.

Лишь мелькнул на секунду красный узкий язык, быстрым движением облизал губы, и узкая щель приоткрытой пасти снова захлопнулась. Обычные лягушки не замечают неподвижных предметов, но взгляд этого существа, казалось, изучал лица стоявших совершенно неподвижно людей, перебегая с одного на другое.

— Долго это будет продолжаться? — спросил Крушинский, начиная нервно тереть застежку на кобуре своего пистолета. Глеб лишь пожал плечами.

— Если она не нападет первой, мы ее не тронем.

Наконец Васлав не выдержал этого молчаливого разглядывания.

— Вы как хотите, отроки, а я пошел. Это наверняка водяной или леший. Негоже человеку находиться рядом с подобной нечистью.

Никто ему не возразил, и Васлав, стараясь не делать резких движений, начал осторожно отступать к краю болота.

Поскольку это не вызвало у животного никакой ответной реакции, примеру князя последовал и Крушинский. Теперь Глеб остался один на один со своим молчаливым собеседником.

— Так чего же ты хочешь? Для комара, даже твоего масштаба, мы все-таки великоваты...

Словно отвечая на его вопрос, где-то в глубине Оленьей топи тяжело заухал филин, вылетая на вечернюю охоту.

Холод и сырость постепенно пробирались под одежду. Сидеть здесь дальше, ожидая неизвестно чего, с каждой минутой становилось все более нелепо. Терпения у этой непонятной твари наверняка было больше, чем у Глеба.

Наконец он встал и медленно, не оборачиваясь, пошел к товарищам.

Лишь дойдя до самого края, туда, где кончались кочки и под ногой начала появляться твердая почва, он обернулся.

Расстояние между ним и этим болотным чудищем почти не сократилось, лягушка плавными скользящими движениями, точно змея, следовала за ним по пятам и теперь, неожиданно застигнутая за этим занятием, замерла, остановив в воздухе переднюю лапу, начавшую и не завершившую шаг. Казалось, лягушка чего-то ждет.

— Уходи, — попросил ее Глеб. — У моих друзей могут не выдержать нервы, и тогда

тебе несдобровать.

Словно услышав его наконец, она повернулась к нему боком и тихо ускользнула в надвигавшуюся с запада ночь.

Когда под искореженной северными ветрами елью вспыхнул костер и между расставленных на ночь палаток заструился аппетитный запах жареного глухаринного мяса, кто-то из них решился наконец разорвать порочный круг затягивающего как омут молчания.

— Ты думаешь, она вернется?

Ночь уже чертила за светлой границей костра свои обычные нестойкие образы. Взошла луна, и над болотами вновь заухал филин, словно призывая из небытия духов тьмы.

— Не бывает лягушек таких размеров, их просто не может быть в этих краях! Она давно должна была погибнуть от голода, ведь насекомые такого размера...

— Это не лягушка, — прервал Глеб непривычно длинную тираду Крушинского.

— Тогда что же это?

— Нечто, лишь внешне похожее на гигантскую лягушку. Помнишь камнетесов, доставленных на землю с Затурна?

— Ты хочешь сказать, что ее тоже привезли сюда с какой-то другой планеты?

— Я не знаю. Я лишь пытаюсь найти какое-то объяснение... Ее могли создать и здесь, как создают биороботов, но это сделал не Манфрейм, во всяком случае, она ему не принадлежит. Камень на рукоятке моего меча никогда не ошибается, опознавая манфреймовских подданных.

— Вот почему ты не хотел ее убивать...

— Да, и еще потому, что в ней не было злобы, только любопытство и безмерное удивление, вероятно, не меньшее, чем наше.

— Ты говоришь о ней так, словно уверен, что это разумное существо.

— В этом я почти не сомневаюсь. Когда она смотрела на меня, я почувствовал нечто... Некое поле разума, если можно так выразиться.

— Этому тоже научил тебя Гидр?

— Он и еще Бронислава... Она не обладала настоящей телепатией, но использовала какой-то особый вид воздействия на человеческий разум, похожий на гипноз.

Васлав, как всегда молчаливый, почти не принимал участия в этой беседе. Князь предпочитал не говорить о том, чего не мог объяснить. Вместо этого он уделил все свое внимание подстреленному в болоте глухарю, на ощипанной туше которого уже образовалась аппетитная румяная корочка.

Выйдя из голодного Китежа, Глеб использовал любую возможность, чтобы наестся, и еще не сумел привести в норму свой повышенный аппетит. Сейчас запах жарящейся на вертеле птицы мешал ему сосредоточиться и понять что-то важное, касающееся болотного гостя.

Как часто бывало в подобных ситуациях, Крушинский задал вопрос, который мучил Глеба весь остаток вечера.

— Если это создание, как ты говоришь, не принадлежит Манфрейму, то кто и зачем подбросил его у нас на пути? Я не верю в естественное происхождение такого монстра, а доставить такое чудо на космическом корабле — удовольствие не из дешевых. Пожалуй, я знаю лишь одного человека, который мог бы себе это позволить, но по-прежнему не понимаю, зачем ему понадобилось такое странное предприятие.

— Думаю, мы это скоро узнаем. — Потянувшись за своей порцией ароматного мяса, Глеб так и застыл, наклонившись к костру и не отрывая взгляда от границы освещенного пространства.

— Сидите тихо и не двигайтесь. У нас снова гости.

В кустах, сбоку от них, послышался шорох, и на поляну медленно выползла огромная лягушка. Она уселась перед костром почти по-человечески, выпрямив верхнюю часть туловища и освободив передние лапы.

— Ты тоже хочешь есть? Может быть, присоединишься к нам? — Глеб протянул ей

большой кусок сочного глухариного мяса, и скользкая лапа осторожно взяла из его рук предложенную пищу.

7

— Это вкусно. Мне кажется, я уже ела раньше что-то похожее.

Слова возникли в голове Глеба совершенно отчетливо. Казалось, они не имели ни малейшего отношения к существу, раз за разом отправлявшему в свою огромную пасть порции глухариного мяса, но он знал, что это не так.

— Как ты здесь оказалась? Откуда ты?

— Я не помню. Холодно. Больно. Хотелось есть. Потом пришли вы.

— Старик, по-моему, ты начал разговаривать сам с собой.

— Я разговариваю с ней.

— Значит, все-таки телепатия?

— Да. И очень мощная. Но какая-то неумелая... Словно она недавно научилась говорить. Не мешай мне теперь. Я хочу понять, почему она здесь оказалась.

Глеб попробовал зайти с другого конца, слова, которые он старался произносить внутри себя, как учил его Варлам, сами собой непроизвольно срывались с губ. Сейчас это не имело значения, и он был слишком сосредоточен, чтобы контролировать свою речь.

— Но раньше, до того, как пришли мы... С какого момента ты себя помнишь?

— Болото. Очень холодно. Раньше — не помню. Все белое. Снег.

— Кто-то послал тебя. Кто-то хотел, чтобы ты встретила нас. Зачем?

— Не должна подходить. Только слушать, когда говорят. Запоминать.

— Но ты все-таки подошла.

— Мне было страшно. Холодно, хотелось есть. Мне показалось, я тебя видела, прежде чем...

— Прежде чем что?

— Прежде чем ничего.

Ее речь постепенно становилась все более осмысленной и плавной. В ней появились несурзные в этом безобразном теле человеческие нотки. Порой ему даже казалось, что она сознательно чего-то недоговаривает.

Лягушка справилась с мясом и теперь жадно смотрела на кусок в руках Глеба. Он протянул ей его и вновь на секунду почувствовал прикосновение холодной и скользкой лапы.

— Хорошо. Давай попробуем еще раз, — сказал он, когда лягушка окончательно насытилась. — Но ты должна мне помочь. Ты ведь хочешь узнать, откуда ты появилась?

— Нет.

— Нет? — Ответ обескуражил его.

— Нет. Я не хочу вспоминать об этом.

— Но у тебя должно быть имя... Хотя бы его ты должна вспомнить.

— У меня нет имени.

— Как же нам тебя называть? Люди привыкли обращаться друг к другу по имени.

— Тогда придумай мне имя. — Ее большие выпуклые глаза отражали блики угасающего костра. Очевидно, свет раздражал эти приспособленные к ночному освещению глаза, и лягушка надолго прикрывала их тонкими кожистыми веками, в такие моменты Глебу казалось, что она уснула и он разговаривает с болотом, с камнем, с вырезанной из кочки скульптурой, но только не с живым существом.

— Хорошо. Я буду звать тебя Неладой.

— Мне все равно, но я не понимаю, что означает это слово.

— Имена обычно обозначают лишь того, к кому они относятся. — Он солгал всего наполовину. К тому же он был уверен, что утром их странная гостья исчезнет, как исчезают ночные кошмары. Вряд ли ему когда-нибудь придется воспользоваться этим нелепым

именем.

Он долго не мог уснуть: от болота тянуло сыростью, а от погашенного костра в палатку шел тяжелый запах обгоревшей гнили. Наконец, уже далеко за полночь, он забылся беспокойным сном.

Во сне он видел княжну, сидящую в черной башне ненавистного ему замка, но потом башня исчезла, и он увидел Брониславу в какой-то темной сырой и узкой пещере. Она лежала перед ним совершенно обнаженной, черные руки, выступавшие прямо из потолка пещеры, медленно разрывали ее тело и уносили в темноту куски кровавой добычи. Поток хлестала кровь из ее разорванного тела, но женщина не издавала ни звука. Только губы силились произнести одну и ту же фразу, и он мучительно следил за их движением, стараясь понять, что она хочет сказать.

Кошмар длился всю ночь. Лишь под утро Глебу удалось вырваться из его липких объятий.

Весь в холодном поту он вскочил на своей походной постели.

Полог палатки оказался отдернут, хотя он хорошо помнил, что застегнул его на ночь. Прямо ему в лицо светила полная осенняя луна. Чье-то свистящее дыхание раздавалось совсем рядом. Нащупав рукоять меча, с которым не расставался даже во время сна, он выглянул из палатки.

Прямо над ее коньком с правой стороны возвышалась огромная голова Нелады.

— Ты почему не спишь?

— Не умею спать. Раньше умела, теперь должна слушать ночь.

Он тоже прислушался к этой тяжелой ночи, стараясь унять дрожь. По-прежнему вдалеке ухал филин надрывно скрипело какое-то дерево под порывами ветра, и если внимательно всмотреться, то в глубине болота можно было заметить перемещающиеся с места на место зеленые огоньки. Возможно, это были глаза ночных животных или просто болотные огни.

— Зачем ты дышишь на мою палатку? — спросил он, не особенно надеясь получить ответ.

— С тобой мне не так страшно, Глеб.

Уходя от этих слов, как малый ребенок убегая от кошмара, который все равно не в силах разрешить, он лишь поплотней застегнул полог и снова уснул, провалившись на этот раз в каменный, без сновидений, сон.

Утром, когда он пошел к воде умываться, Нелада сидела у черного круга выгоревшего костра. Отсюда до палатки было не меньше десяти метров. Ему показалось даже, что она не изменила позы. Возможно, последний разговор с ней был частью ночного кошмара, он счел за благо не разбираться в этом.

Прозрачное для обычных световых лучей уплотнение появилось над лесом ровно в шестнадцать пятнадцать.

Глеб почувствовал его приближение и вскинул инфракрасный бинокль.

— Кажется, к нам гости.

— Наконец-то! Я уж начал опасаться, что мы напрасно проделали весь этот путь.

Уплотнение материализовывалось, обретало форму. Защитное поле, прикрывавшее его от внешней среды, постепенно становилось все тоньше.

Сейчас эта штукавина напоминала слегка размытую голубоватую чечевицу. Казалось, между ней и стоящими на поляне людьми проходил мощный поток нагретого воздуха, но никакого тепла не чувствовалось в холодном октябрьском ветре.

— Для космической шлюпки эта штука явно маловата. На базе нет подобных транспортных средств.

— Что известно о технологическом уровне развития арометян?

— Почти ничего. Данные об этой цивилизации практически отсутствуют. Арометан находится на самом краю нашей Галактики, туда не добирался ни один федеральный звездолет.

Свист на границе ультразвука надавил на барабанные перепонки, верхушки деревьев закачались, расступаясь от напора невидимых энергетических вихрей.

Чечевица опустилась на мокрую траву посреди поляны. Земля зашипела, целое облако пара поднялось вверх и неторопливо поплыло над лесом. Звук стих, прекратилось всякое движение.

Стоящая посреди поляны обтекаемая кабина оказалась совсем небольшой, всего метра три в поперечнике. Тем не менее откинувшийся на траву пандус невольно вызывал уважение своей толщиной.

— В случае необходимости она может выходить в открытый космос, ты посмотри, какая обшивка! — Крушинский не скрывал восхищения.

Лишь один человек спустился по ступеням пандуса, и Глеб неопределенно повел плечом, словно ему вдруг стало холодно.

— Он или слишком осторожен, или, напротив, беспечен. Прибыть на такую встречу без конвоя...

— Не забывай о шлюпке. Она наверняка нашпигована самыми разнообразными системами защиты. И мы все сейчас под прицелом.

Фруст решительной походкой направился к ним. На нем был легкий зеленоватый комбинезон и черный берет — довольно странное одеяние для торговца, к тому же слишком легкое для позднего октября. Лицо, как это почти всегда бывает с биопластом, не имело ничего общего с человеческим лицом, кроме формы.

Глеб не мог отделаться от ощущения, что перед ним биоробот, но рукопожатие Фруста оказалось неожиданно крепким, а под неподвижной маской лица блеснули живые человеческие глаза.

— Прошу ко мне, господа, внутри нам будет удобней вести беседу, да и безопасней, пожалуй. Извините, что был вынужден назначить встречу в столь отдаленном месте и доставил вам этим дополнительные неудобства, но ваша планета очень быстро учит осторожности.

Никто не отказался от предложения посетить шлюпку. Крушинский едва сдерживал любопытство, а Глебу понравилось то, что Фруст не стал возражать против присутствия Васлава, участие которого в этой встрече не оговаривалось заранее.

— Нелада, если мы войдем внутрь, ты сможешь его слышать? — спросил Глеб, не разжимая губ, используя свои не такие уж большие навыки телепатии, и зеленое чудо, невидимое в болотной трясине, немедленно ответило:

— Только если дверь не будет закрыта.

— Постараюсь об этом позаботиться.

Внутри шлюпка поразила их, но совсем не так, как они ожидали, — прежде всего, полным отсутствием всякой аппаратуры. Каюта напоминала рабочую комнату базового коттеджа — все здесь было строго функционально. Четыре стула, большой рабочий стол с видеокристаллами и экраном проектора. Обстановку завершали совершенно голые стены.

— Вижу, что вы разочарованы. — Наверно, в этот момент Фруст улыбнулся бы, если бы ему удалось. Но биопласт на лице почти неподвижен — и это его свойство еще больше усиливало впечатление мертвой маски. — Вся необходимая аппаратура находится внутри обшивки. Поэтому она такая толстая.

— А где же управление? — спросил Крушинский, все еще недоверчиво оглядываясь.

— Мысленный контроль. Вообще-то на определенном этапе развития почти каждая цивилизация отказывается от громоздких механизмов. Посредники между человеческим разумом и материей становятся не нужны.

И, подтверждая свои слова, он шевельнул рукой, как бы приглашая дверь закрыться. Тяжелый стальной пандус, повинаясь этому движению, медленно и без всяких усилий стал подниматься с сырой травы.

— Душно здесь у вас, да и непривычно моему спутнику находиться в закрытой стальной коробке, — кивнул Глеб в сторону князя.

— С железной-то избой я еще как-нибудь свыкнусь, а вот стол у тебя, купец, бедноват. Ни меда, ни хлеба корки.

— Не обессудь, князь, ваша еда для меня не годится. А ты зря стараешься, Глеб Петрович, — не услышит твоя лягушка, если я сам этого не позволю. Да и не лягушка она вовсе...

— Не лягушка? Так ты и про нее знаешь?! — Казалось, подозрения полностью подтвердились, только человек Манфрейма мог о ней знать.

Единым движением Глеб выхватил меч и остолбенел: кристалл на рукоятке горел ровным голубым огнем. Внутри кристалла всегда таилось только красное пламя — цвет ненависти и крови, цвет, вырывающийся наружу лишь в присутствии манфреймовских слуг. Но сейчас кристалл светился ровным голубым огнем, и Глеб растерялся, не понимая, что это значит.

— Кто ты?

— Житель очень древней планеты. Такой древней, что, когда она образовалась. Земли еще не было на свете. Весь ваш цикл не успел начаться. Ты слышал о центре красного смещения?

— Это условная точка, точка, в которой находится наблюдатель...

— Это сейчас она стала условной, а когда-то была центром мироздания, точкой, с которой все начиналось. Большой космический взрыв, породивший всю нашу Вселенную, произошел именно из этой точки. И хотя она расширилась беспрельдно, ее первоначальные координаты можно вычислить. Если бы ваши математики сумели это сделать, они получили бы в результате точку, где в момент рождения Вселенной находилась моя планета. Но это было очень давно. Космос похож на океан со своими изменчивыми течениями, и эти космические течения имеют свойство отражаться в общественной жизни планет самым непосредственным образом. Красное смещение происходит не только в космосе, но и в мире, в котором вы живете. Он тоже начал сдвигаться в красную область, в область крови и человеческих страданий. Одни способствуют этому смещению, другие стараются ему помешать. Тебе пора определиться, Глеб, и понять, для чего тебя провели через временной барьер. Ты выполнил свою миссию. Круг завершен. Ты должен вернуть мне Книгу.

— Должен вернуть? Я ничего никому не должен! Откуда вам стало известно о Книге? Откуда вы знаете о барьере? Не слишком ли много вы знаете вообще для простого скупщика редкостей?

Глеб по-прежнему стоял в боевой стойке, и лезвие обнаженного меча тускло отсвечивало у него в руках. Рукоятка стала холодной, такой холодной, что пальцы, сжимавшие ее, начало покалывать. Раньше, когда камень светился красным, она нагревалась, но Глеб не посчитал это изменение существенным.

Пандус после его просьбы не закрывать выход повис в каком-то неопределенном положении, так и не дойдя до конца, но щель все равно была слишком узкой, чтобы в нее протиснуться в случае необходимости. В замкнутом пространстве кабины Глеб чувствовал себя уютно.

Фруст не торопился с ответом, словно давая возможность ему самому разобраться во всем. Он стоял в расслабленной позе, слегка облокотившись о стол, и, казалось, не замечал направленного в его сторону меча.

Наконец он произнес своим бесцветным голосом, в котором почти полностью отсутствовали привычные человеческому уху эмоциональные интонации.

— Я был одним из тех, кто вырезал письмена на страницах Влесовой книги. Помнишь условие? «Ты должен отдать Книгу тому, кто первый коснулся ее страниц».

— Все это слова, а мне нужны доказательства, — хрипло проговорил Глеб.

— Помнишь водителя санитарной машины и тех, кто тебя лечил? Я не возражаю, если ты пригласишь сюда свою лягушку. И опусти наконец меч, он тебе не понадобится.

Пандус начал медленно опускаться, но Глеб все не изменял боевой позы. Тишина в помещении звенела как туго натянутая тетива. Рука Крушинского лежала на рукоятке

пистолета, и лишь один Васлав, ближе всех стоявший к открывшейся наконец двери, безмятежно улыбался, поигрывая своей пудовой боевой палицей.

Не отрывая холодного изучающего взгляда от Фруста, Глеб сказал:

— Вариант с телепатией не пройдет, мне нужно что-нибудь более весомое, чем контроль над чужим мозгом. Вы сами сказали: она может слышать лишь то, что вы позволите ей услышать. Ваша необыкновенная осведомленность меня также не убеждает, все эти сведения можно выкачать из чужих мозгов, обладая соответствующими способностями.

— Я мог бы отвести вас на Арометан, но это долго, — задумчиво проговорил Фруст. — Возможны дешевые фокусы с энергией и перемещением материальных масс, но даже если это вас убедит, я не стану этим заниматься. Остается один-единственный способ. Дай мне Книгу. Всего на минуту. Она полностью израсходовала свою внутреннюю энергию и оттого молчит, я вдохну в нее жизнь.

Он протянул руку, но Глеб не шелохнулся, за все время разговора он ни разу не переменил позы.

— Вас здесь трое опытных воинов. Я один и без оружия, сила полностью на вашей стороне, так чего вы опасаетесь?

— Не все, что кажется очевидным, является истинным.

— Понимаю, ты не терял времени даром в общине Варлама. Но, в общем, ты прав. Во всем, что касается этой Книги, нужна особая осторожность.

— Кстати, объясните уж заодно, зачем вашему человеку, если это действительно был ваш человек, понадобилось завербовать меня в космические рейнджеры, какое отношение вы имеете к базе?

— В базу, Глеб, ты еще смог поверить, но даже это удалось втолковать тебе с огромным трудом, если ты вспомнишь свою первую беседу с водителем санитарной машины.

— Я не понимаю, почему вы не завладели Книгой прямо там, на Земле. Заполучить ее, пока я ничего не знал, вашему посланнику было бы гораздо проще.

— Конечно. Но нам нужен был надежный хранитель Книги. Только реальный человек твоего мира мог пронести Книгу через временной канал в ее физической, материальной форме.

— Вы хотите сказать, что сами такой формой не обладаете?

— Я этого не говорил, но ты почти прав.

— Что значит «почти»? Я хочу увидеть, как вы выглядите без этой биопластовой маски!

— Не получится, без искусственной оболочки я представляю собой лишь сгусток энергетических полей, структуру более разряженного мира, если я это сделаю, мы потеряем возможность общаться.

Глеб мучительно раздумывал, не зная, как ему поступить, но впервые за время этой необычной встречи лезвие его меча слегка опустилось, теряя цель.

Бывают ситуации, в которых нужно рисковать всем и отдать все лишь для того, чтобы сделать один-единственный шаг вперед.

Он находился именно в такой ситуации. Битва с Манфреймом проиграна, княжеские дружины разгромлены, татары стоят под стенами Китежа, и Бронислава... Этот человек выбрал подходящее время для своего визита, и он знал слишком много — такими сведениями мог обладать либо очень могущественный враг, либо друг, и Глеб никак не мог определить, кем он должен считать Фруста. Его хваленая интуиция молчала, и он знал, что как только добровольно отдаст Книгу, неважно, на время или навсегда, он лишится ее защиты.

Слишком рискованная цена за то, чтобы узнать, правду ли говорит Фруст.

С другой стороны, его ведь не навсегда назначили хранителем Книги. «Ты должен отдать Книгу тому, кто первый коснулся ее страниц», — вспомнились ему слова напутствия, их произнес женский голос той, кто впервые назвал его Хранителем. БЫЛ ли то голос самой

Книги — он не знал, и не знал, почему она молчит сейчас, в самый важный для них обоих момент. Не от того ли, что в этом случае он обязан сам принять правильное решение? В объяснение Фруста о полной потере энергии он упрямо не хотел верить, скорее всего, оттого, что подсознательно считал Книгу живым существом.

Получалось как в старой сказке: налево пойдешь, себя потеряешь, направо пойдешь...

Неожиданно в голову ему пришла неплохая идея.

— Скажите мне слово, с которого начиналась третья страница книги, самое первое слово на этой странице.

Фруст молчал, и Глеб почти физически ощутил, как опять сгущается напряжение.

— Вы ведь сказали, что участвовали в ее написании, — значит, вы должны были знать...

— Совсем не обязательно, Глеб. Совсем не обязательно при этом наизусть помнить ее текст, но случайно я знаю это слово, проблема лишь в том, что ты его не знаешь и у тебя нет третьей страницы Книги, ты не сможешь меня проверить.

Это была правда, он блефовал, поставил простейшую ловушку и сам же в нее попался.

— Все же скажите мне его!

— Хорошо, раз ты настаиваешь. Там написано слово «Стрибог».

— И что же оно означает?

— Ничего. Это просто имя одного из древних славянских богов.

— А может быть, это имя одного из тех, кто написал Книгу? — озаренный внезапной догадкой, тихо произнес Глеб.

— Все может быть, Глеб, но это сказал ты, а не я.

— Как вас зовут, торговец Фруст? Как звучит ваше настоящее имя, не записанное в официальных документах? Надеюсь, хоть это вы можете мне сказать?

— Меня зовут Дат Страбор.

Медленно, неуклюжим движением левой руки, по-прежнему не выпуская рукояти меча, Глеб снял ладанку. Она сразу же стала видимой и теперь лежала у него на ладони холодная, как льдинка.

Окончательно опустив меч, Глеб протянул ладанку Страбору, и едва только рука этого существа коснулась ее — дощечка засветилась холодным небесным светом, тем самым, что еще сильнее запылал сейчас в кристалле на рукояти его меча.

Страбор не взял образок, он лишь осторожно и нежно провел по его поверхности ладонью, словно приветствуя дорогое ему существо. И, вдохнув в него жизнь этим движением, медленно отвел руку в сторону, как бы давая Глебу возможность еще раз оценить всю важность принятого решения.

Знакомый голос прошелестел в его сознании, словно ветерок пролетел:

— Ты не ошибся, Глеб. Этот человек говорил правду.

Вечером они сидели на полянке у костра, зажженного рядом с опущенным пандусом шлюпки. Внутри было неуютно. Голые стены не располагали к длительной беседе. Васлав, как это бывало почти каждый вечер, готовил ужин, и, казалось, ничего особенного не произошло, если не считать того, что теперь у Глеба больше не было Книги. Где-то недалеко в кустах притаилась огромная лягушка, обладающая человеческим разумом, а на пороге шлюпки стоял биоробот, внешне похожий на человека и назвавший себя именем древнего Бога...

Впрочем, биороботом он, скорее всего, не был. Постепенно Глеб начал привыкать к тому, что внешняя, видимая сторона предметов далеко не всегда отражает их внутреннюю сущность.

В одном он больше не сомневался: Страбор прибыл сюда из немыслимых далей и, возможно, он действительно принадлежал к древнейшей цивилизации Асилов.

— Выходит, ты все еще сомневаешься в этом?

Глеб никак не мог привыкнуть к тому, что его разум для этого существа похож на открытую книгу.

— У меня есть все основания сомневаться. Я не верю, что эта последняя страница древней книги, пусть и обладающая огромной ценностью, могла заставить вас сюда прилететь именно сейчас. Должно быть что-то еще... Что-то гораздо более важное!

— Ты обладаешь незаурядной интуицией. И это очень хорошо, потому что то, что тебе предстоит, потребует от тебя всего твоего мужества, всех твоих сил, всей твоей способности предугадывать события...

— Мне предстоит?

Глеб слегка растерялся от этого сообщения и почувствовал гнев от того, что кто-то, пусть даже причисляющий себя к расе богов, пытается решить за него, что ему предстоит делать.

— Это не моя воля, Глеб! Есть определенное предназначение у каждого живущего существа. Те, кому удастся его выполнить, становятся совершеннее, они поднимаются на следующую ступень... Но ты, конечно, волен отказаться. Это добровольная миссия. Я ни к чему тебя не собираюсь принуждать и всего лишь выполняю свою часть соглашения.

— Какого соглашения?

— Разве ты уже забыл о предложении торговца Фруста обменять книгу на главную тайну Манфрейма?

— Я отказался иметь с ним дело. Сейчас я разговариваю с Дагом Страбором.

— Ну что же, Глеб, тогда слушай. Бессмертие Манфрейму обеспечивает эликсир, настоящий на мертвой воде. Единственный в мире неиссякаемый источник этой воды находится в сокровищнице манфреймовского замка. Если Манфрейм лишится этого источника...

— То он лишится не только своего бессмертия, но и армии...

— Ну вот видишь, не так уж много усилий понадобилось приложить Дату Страбору, чтобы тебя заинтересовать.

8

Глеб стоял вдвоем со Страбором у догоравшего костра, остальные давно разошлись по своим палаткам, не желая мешать их беседе.

— Ты говорил, что твой народ умеет предвидеть будущее. Скажи, мы вернемся из похода на манфреймовский замок?

— Иногда действительно можно предсказать будущее, но не в узловых точках, определяющих, по какому варианту пойдет дальнейшее развитие общества. Именно такой момент наступит, как только ты окажешься за стенами Черного замка.

— Так ты не знаешь или не хочешь сказать?

— Я не знаю, Глеб. Но вероятность того, что вы не вернетесь, очень высока.

— Тогда у меня есть к тебе одна просьба. Помоги Китежу. Если мы не вернемся, город продержится недолго.

— Я не могу этого сделать. Есть специальные правила, определяющие границы нашего вмешательства...

— Это всего лишь красивые слова. Вы попросту умыли руки, ушли и бросили все после того, как поняли, что развитие созданной с вашей помощью цивилизации идет не так, как вам бы хотелось.

— Ты не понимаешь... Возможность нашей помощи, само наше присутствие в вашем мире зависит от вас. От вашей воли, от вашей веры. Человеческий мозг способен излучать энергетические волны, складываясь от тысячи индивидуумов, они создают мощное ментальное поле, только при его поддержке возможно наше длительное пребывание на вашей планете. Когда ушла ваша вера — ушли и мы...

Они замолчали, и Глебу казалось, что он почти физически ощущает в своем собеседнике глубоко скрытую горечь.

Ночь приближалась к рассвету, даже луна закатилась за вершины дальнего леса, и

поляну, на которой они сидели, окутала тьма. Только красноватые угли костра еще пытались разогнать ее, но им трудно было справиться со всей громадой этой ночи.

— Тогда зачем ты здесь? Предоставьте нас полностью собственной судьбе.

— Равновесие нарушено. Мир стремительно сдвигается в красную область смещения касается и Арометана. В меру наших возможностей мы стараемся противостоять этому процессу.

— Видите, как все просто... Кто-то из финансистов моего времени сказал, что за любыми, необъяснимыми на первый взгляд событиями всегда стоят те, кому это выгодно. Когда смещение коснулось непосредственно вас, вы сочли возможным нарушить свои незыблемые правила.

Страбор молчал, и на его искусственном биопластовом лице нельзя было прочесть, какая буря бушует за ним. Выслушивать упреки от низших, от тех, кто лишь недавно спустился с деревьев, — к этому он не привык.

— Может это сделать другой? — неожиданно спросил Глеб.

— Что именно? Уничтожить Манфрейма?

Глеб утвердительно кивнул.

— Манфрейма нельзя уничтожить, но можно разрушить основу бессмертия Черного властелина — источник мертвой воды.

— Я спросил не об этом.

— Ну, в общем... Шансов у кого-то другого будет еще меньше. Можно сказать, что их не будет вообще. Наши астрологи провели целое исследование, пытаясь вычислить человека, способного это сделать, и выбор пал на тебя.

— Тогда можете считать, что помощь Китежу — главное условие моего участия.

— Это шантаж, Глеб.

— Возможно. Но мне почему-то кажется, что, если не будет сохранен Китеж, нет смысла бороться и с Манфреймом.

— Десятки городов разрушены Батыем, весь мир сдвинулся в красную область. Почему именно Китеж?

— Он станет символом и легендой в том далеком будущем, о котором вы так мечтаете. Вся Древняя Русь в его имени. Оставьте нам хотя бы легенду от этого страшного времени.

— У меня ведь нет выбора, не так ли?

— Вся миссия окажется безрезультатной, если вы откажетесь. Так что ваша совесть чиста. Оставьте моральные проблемы нам, грязненьким, тем, кто недавно спустился с деревьев.

Страбор вздрогнул, на секунду ему показалось, что сидящий у костра дикарь так же свободно, как и он сам, читает мысли в его голове.

— Тебе придется это сделать без меня. — Он достал из кармана своей защитной куртки небольшую, но очень тяжелую металлическую коробку и протянул ее Глебу. — Это замедлитель времени. Через тридцать минут, после того, как ты отвернешь крышку футляра, он начнет действовать. Радиус около километра в этом районе. Время по сравнению со всем остальным миром практически остановится.

— И что же случится?

— Образуется зона абсолютно недоступная, к тому же незаметная. Все, что окажется внутри нее, исчезнет для внешнего наблюдателя.

— А для жителей города?

— Они ничего не успеют заметить. Для них тысячелетие растянется в один длинный ненастный день. Может быть, кто-то случайно наткнется на прозрачную стену, за которой не будет ничего, кроме серого тумана.

— Невидимый град... Значит, вы знали, что наш разговор закончится подобным образом?

— Я Страбор с Арометана, мои соплеменники научились предвидеть будущее еще тогда...

— Когда мы сидели на деревьях? Можешь не продолжать — я это уже слышал. Как долго будет действовать твое устройство?

— Тысячу лет или две — до тех пор, пока время снаружи не вернется в нормальную область. Пока не прекратится красное смещение вашего мира.

— Почему так долго? Разве его нельзя выключить?

— Работа замедлителя основана именно на смещении, в нем нет никаких механических устройств, он создаст зону нормального времени, замедлит его, и это будет продолжаться до тех пор, пока снаружи сохраняется разница в напряжении временных полей. Как только ты вскрыешь оболочку кристалла, поле остановленного времени распространится в пространстве и создаст закрытую зону. Оно уже не будет связано с капсулой, и «выключить» замедлитель можно после этого одним-единственным путем — ликвидировав источник энергии.

— Этот способ не кажется мне слишком удобным.

— К сожалению, другого я не знаю. — Страбор довольно долго выдерживал скептический взгляд Глеба, не скрывавшего своей иронии.

— Во всяком случае, это единственное, что еще можно сделать, не нарушая нашего основного закона о невмешательстве в развитие чужих цивилизаций.

— Хорошо. Можете считать, что сделка состоялась, — заявил Глеб, спрятав коробку.

— Сделка? Ты так предпочитаешь называть наше сотрудничество?

— Для вас это сделка. И вот еще что: когда все кончится, если мне удастся остаться в живых, я хотел бы вернуться в свой прежний мир.

— Это право есть у тебя всегда. Канал действует в обе стороны, и он открыт до сих пор. Тебе нужно лишь найти пещеру, в которой ты ночевал в день своего прибытия сюда.

— Об этом мне забыли сказать, когда вербовали в космические рейнджеры.

— Мы слишком нуждались в тебе и боялись, что ты уйдешь не разобравшись. Но все равно это было неправильно. Чтобы исправить ошибку, я хотел бы сделать кое-что, не оговоренное «сделкой». Для тебя и твоей Нелады. Поговори с ней, ты знаешь, какие у нас хирурги...

И еще одно. Ты ведь собираешься отправиться в Китеж прямо сейчас?

Глеб не ответил, но, похоже, Страбор и не нуждался в ответе.

— Будь осторожен, у тебя останется ровно полчаса после вскрытия капсулы. Если за это время ты не успеешь пересечь границу пода, ты останешься в Китеже на несколько тысячелетий.

— Не беспокойтесь, сэр. Рейнджер выполнит все взятые на себя обязательства.

В город он попал перед самым рассветом, Страбор был настолько любезен, что подбросил его на своей шлюпке до самой дубовой рощи на берегу Светлояр-озера.

Посты, расставленные Ваславом вокруг подземного хода, бдительно несли свою службу, но Глеб знал пароль и прошел через них беспрепятственно.

Странное впечатление произвел на него ночной город во время короткого прощания. Глеб позволил себе несколько минут бесцельного блуждания по его узким мощенным деревянными настилами улицам.

Собственно, он прощался не с городом, а с огромным куском своей жизни. Если ему суждено вернуться в такую нереальную отсюда Москву, он вернется другим человеком.

Здесь, в этом городе, он познал любовь и дружбу, здесь он научился ненавидеть. Здесь все чувства в отношениях между людьми были бесхитростны, а люди открыты. Здесь ему доверили дружину и оборону города...

Вот каменный храм, с колокольни которого по его приказу сняли колокола, чтобы отлить из них пушки; отец Ефросиний так никогда и не простил ему этого святотатства.

Вдруг он понял, что прощается не только с городом, но и со всем этим миром. Независимо от того, что произойдет в замке, он с ним расстанется. Расстанется навсегда — решение принято.

Он задумался о том, стоило ли все начинать. Столько бедствий, опасностей, схваток,

столько крови пролилось вокруг... Он оказался в самом центре напряженных и яростных событий, он проник в подземный мир, он видел Великого змея... Вспомнились слова из какой-то книги: «прекрасный и яростный мир». Этот мир был именно таким. Он вернул ему все долги, уплатил по всем счетам... Нет, не все, тут же поправил он себя, оставался еще Черный замок.

Скоро рассвет. Начнется предутренний обход стражи, его могут заметить, узнать, — пора было приступать к делу.

Глеб достал капсулу и рассчитал, где примерно будет находиться центр зоны. Город был таким маленьким по сравнению с городами его мира, всего четыреста метров в ширину...

Глеб еще раз проверил все ориентиры, прикинул расстояние до городских стен и начал отвинчивать крышку капсулы. Вдруг он подумал о том, имеет ли он на это право. Кто уполномочил его за всех этих людей, спокойно спящих сейчас в своих домах, решать их судьбу? Правда, решал не он один... Глеб вспомнил заранее подготовленную Страбором капсулу и горько усмехнулся. Получалось так, что из колеи, predetermined ему этим человеком, выбраться не просто. И все же это именно его рука отвернет сейчас крышку капсулы, и пока еще в его власти остановить predetermined Страбором ток событий...

Он представил себе, как это будет. Прожив предстоящий, бесконечно длинный день, день длиною в несколько тысячелетий, жители Китежа окажутся в совершенно ином мире... Будет ли он лучше этого? Сумеют ли они приспособиться к его новым общественным законам? Будут ли они счастливы, наконец? Или превратятся в своеобразный музей, резервацию, в индейскую колонию в собственной стране... Захотят ли они принять такую судьбу? Этого он не знал.

Зато он знал только одну альтернативу такому развитию событий кровавая резня и полное уничтожение города.

И еще одна мысль помогла ему принять нелегкое решение. В минуту, когда он отвернет крышку капсулы, начнет создаваться легенда, легенда, которая поможет Руси выстоять в самое черное время, легенда о скрытом граде Китеже...

Не колеблясь больше, Глеб сорвал крышку капсулы. Он ожидал звука силового импульса, но ничего не случилось...

Внутри лежал рубиновый кристалл с мизинец величиной. Кристалл выглядел темным, холодным и совершенно безжизненным.

Недоверчиво осмотрев капсулу еще раз, Глеб на всякий случай засек время и спрятал кристалл в расщелине каменного забора, окружавшего церковь Благовещения.

Посчитав, что ждать результатов лучше всего снаружи, и, если ничего не произойдет, потребовать объяснений от Страбора, ожидавшего его вместе со шлюпкой на опушке дубовой рощи, Глеб торопливо направился к кладбищу, где возле каменной усыпальницы князя Георгия — основателя Китежа, начинался подземный ход.

На кладбище перед рассветом всегда скапливаются ночные тени, словно надеются задержаться здесь подольше.

Одна из них шевельнулась, как только Глеб подошел к парапету, окруженному ржавой кованой решеткой. За ней, прикрытый металлической дверью, начинался подземный ход, но, похоже, сегодня так просто ему до него не добраться.

Швырнув плащ на решетку отрады и обнажив меч, в полосу лунного света вышел рыцарь. И, узнав его, Глеб почувствовал, как холод сковал все движения: слишком глубоко проникло в него и затаилось в сознании воспоминание о смертельном ударе.

— Узнал меня? Вижу, что узнал. Да, я тот, кто убил тебя однажды, но, видно, недостаточно хорошо. Сегодня я попробую сделать это лучше. И рядом уже не будет княжны, чтобы залечить твои раны.

Хриплый голос Румета невозможно было спутать ни с каким другим. Голос, предвещавший смерть. И, борясь с ледяной волной, поднявшейся из скрытых глубин своего собственного рассудка, Глеб шагнул ему навстречу и проговорил непослушными губами:

— Вот мы и встретились снова, сколько раз я представлял себе этот день! Ты еще помнишь металлопластовую кольчугу? Это ведь было не слишком честно, Румет. Ты же давал обещание о равном оружии, сегодня посмотрим, как тебе понравится мое!

Он знал, что поединок будет коротким, — всего один удар... Сверкнули искры, и меч Глеба отлетел назад. От неожиданности он чуть не выпустил рукоятку.

— Ты думал, что в мире нет оружия, равного твоему? Так не бывает. Сегодня твою голову повесят на стене в зале приемов, мой господин обожает подобные трофеи.

— Ты хорошо говоришь, почти красиво... — Глеб уже оправился от неожиданности, и меч в его руке превратился в сверкающий круг — по крайней мере, преимущество в легкости оружия все еще оставалось за ним. Но вот остальное было куда хуже.

Его противник оказался не просто хорошим фехтовальщиком, он был мастером высочайшего класса.

В тот первый поединок Глеб не успел этого понять.

Но и Глеб был уже не тем неопытным юношей, который впервые в жизни взял в руки меч, чтобы защитить свою любовь...

Мечи, словно сделанные из обычной стали, при каждом ударе, парировавшем очередной выпад, высекали ветвистые искры.

Где-то на грани сознания мелькнула мысль: интересно, как долго это может продолжаться? Несмотря на все уроки, полученные на базе и в общине, Глеб владел мечом гораздо хуже Румета, и с каждой минутой боя, с каждым новым выпадом это становилось все очевиднее...

Противник теснил его шаг за шагом до тех пор, пока спина Глеба не уперлась в решетку ограды — дальше отступать было некуда. И несмотря на близкий конец поединка, он не мог не думать о стрелке часов, неумолимо приближавшейся к роковой отметке. Если устройство все-таки сработает, его тело через несколько тысячелетий обнаружат у кладбищенской ограды. Интересно, что подумают о нем потомки?

— Ты помнишь воду моего господина, вернувшую тебе жизнь? В замке воды достаточно, и мой господин получит еще одну говорящую голову своего врага какое необычное украшение!

Румет расхохотался в лицо Глебу, рассчитывая этим сообщением окончательно сломить в нем волю к сопротивлению. И действительно, в первую секунду Глеб почувствовал, что ледяной холод, сковывавший его мышцы с самого начала этого неестественного поединка, стал сильнее.

И все же теперь за его плечами были десятки схваток и не только рукопашных. Он усвоил правила, которые не преподают в фехтовальных школах: если противник сильнее, сделай вид, что ты проиграл, заставь его расслабиться, а потом найди деталь, мелочь, любую зацепку — найди и используй ее в бою.

— Ваше предложение об обмене Книги все еще остается в силе? — За градом ударов ему едва удалось выдать из себя этот вопрос.

Румет рассмеялся. Он уже играл с Глебом, как кошка играет с мышью, наслаждаясь беспомощностью своей жертвы.

— Нет, мой мальчик, считай, что это была шутка. Я обещал своему господину еще одно украшение для его гостиной. Вот это предложение остается в силе!

И когда он говорил это, Глеб сделал то, чего бы не сделал ни один уважающий себя фехтовальщик. Заканчивая очередной выпад, он разжал ладонь, посылая вперед свой легкий как перышко меч. И меч, неожиданно для противника удлинившись, коснулся его груди.

Глеб видел, что под обычными доспехами Румета просвечивает все та же металлопластовая кольчуга, способная остановить удар любого оружия. Все же этот человек не был настолько уверен в собственных силах, как хотел это показать.

Но именно кольчуга сделала его беспечным и позволила Глебу провести свой неожиданный прием.

Глеб рисковал всем и поставил на кон все. Если бы кольчуга Румета была сделана из

того же металла, что и меч, это был бы последний удар Глеба. Но вероятность такого исхода казалась ничтожно малой, слишком редка подобная сталь...

И Глеб оказался прав. Со свистом преодолев разделявшее их пространство, меч погрузился в тело Румета по самую рукоятку.

Какую-то долю секунды Румет стоял, бешено вращая глазами, не понимая, что произошло. Он даже занес свой меч для завершающего удара, но покачнувшись, изо рта у него хлынула кровь, и он упал лицом вперед, к ногам Глеба.

— Сожалею. Но я не взял с собой вашей воды.

Выдернув меч из груди уже мертвого Румета, Глеб бросился к лестнице, часы отсчитывали последние минуты.

Когда он выбрался с противоположной стороны туннеля, над городом плясали радуги, они вспыхивали как зарницы и растекались разноцветной пеленой, закрывая собой весь Китеж.

И где-то там, в неведомых Глебу исторических глубинах, уже начали слагаться слова...

«И сей град Болший Китеж невидим бысть и покровен рукою божиею, иже на конец века сего многмятежна и слез достойного покры господь той град дланию своею. И невидим бысть по их молению и прошению».

9

Тысячи вопросов оставались без ответа, и Глеб понимал, что ответы ему придется искать самому, возможно, всю оставшуюся жизнь.

Из-за спины Страбора, сквозь медленно сужавшийся проем пандуса, Глеб видел огромную неуклюжую голову Нелады с ее печальными, уставившимися в его сторону глазами. Даже сейчас, про себя, он не решался произнести ее настоящее имя.

Вспомнился их последний ночной разговор. Безмолвный разговор, которому не мешали слова, произносимые вслух.

— Тебе придется уехать с этим чужим человеком, он обещает помочь тебе.

— Помочь мне? Разве мне можно помочь?

На секунду ему показалось, что в ее огромных глазах мелькнула искра неожиданного интереса, что где-то в глубине своего искалеченного сознания она понимает все и все помнит.

— Однажды его друзья помогли мне. У меня был поврежден позвоночник, не действовали обе ноги, осколочное ранение в Афгане.

— Что такое Афган? — спросила она, словно поняла все остальное.

— Это место... Место, в котором люди убивали друг друга. Хирурги из мира Страбора способны творить настоящие чудеса. Ты хочешь, чтобы они тебе помогли?

Она долго молчала, и, когда он уже начал думать, что так и не получит ответа на свой вопрос, в его сознании вновь возник ее бесцветный и четкий голос:

— Мне очень страшно, Глеб, только рядом с тобой мне кажется, что мир перестает падать. Но ведь ты хочешь, чтобы я согласилась, я чувствую твоё желание...

— Я хочу, чтобы ты снова...

Он не договорил, не рискуя переступить ту роковую черту, за которую оба старались не заглядывать.

Поняла ли она все, что он ей сказал? Наверняка она понимала гораздо больше того, в чем решалась признаться самой себе...

Человеческий разум, помещенный в такое тело, не может не исказиться, а специальная психогенная обработка должна была превратить ее в послушное орудие своего хозяина, но этого не случилось, не могло случиться. Существовало нечто, не укладывающееся в арифметические формулы современной психологии, рассчитанные манфреймовскими подручными.

Страбор обещал очистить ее разум от всех посторонних наслоений, но даже лучшие

хирурга Аромета не смогут вернуть ее прежнего облика.

— Мы не будем и пытаться — все равно получилась бы лишь жалкая подделка, к тому же ей пришлось перенести за свою короткую жизнь так много, что она сама не хочет возврата в свое прежнее тело. На Землю вернется совершенно другая женщина — вы оба должны понимать это, и только от нее будет зависеть, захочет ли она увидеть тебя снова...

Теперь, глядя на закрывающуюся шлюпку Страбора, Глеб чувствовал печаль и то самое облегчение, которое заставило Неладу сразу же согласиться на это путешествие в неизвестность.

Огромный груз ответственности свалился с его плеч. Он снова сам хозяин своей судьбы. Рядом с ним стояли два верных друга, важнейший перекресток остался позади, и сейчас лишь одно имя как рефрен звучало у него в голове: «Манфрейм». Он должен заплатить за все свои черные дела, за страдания и кровь, за искалеченные судьбы, поруганную любовь. «Я скоро приду, Манфрейм, теперь уже совсем скоро», — шептали его губы, а пандус все поднимался, превращаясь в узкую щель. Наконец, исчезла даже эта щель.

Фыркнули двигатели шлюпки, и она мгновенно растворилась в пространстве. Лишь ураганный ветер, пригнувший ближайшие вершины деревьев, напоминал о том, какие силы бушевали над этой поляной, но и он вскоре стих.

— Ты уверен, что корабль арометян существует на самом деле?

— Уверен.

— Но отчего тогда его не засекли радары базы?

— Цивилизация Аромета насчитывает миллионы лет. Они обладают технологиями, которые и не снились мудрецам с базы.

— Почему ты ему поверил?

— Потому что его зовут Страбор.

— Не понимаю.

— Я тоже понял не сразу, но, похоже, цивилизация Асиров стояла у истоков нашей. И хотя мы сознательно оттолкнули их от себя, привязанность к своему детищу осталась. К тому же сегодня они нуждаются в нас — их влияние на нашу эпоху с момента принятия христианства весьма ограничено. Манфрейм стал нашим общим врагом — вот почему я ему поверил.

— А он выполнил свое обещание, рассказал, как проникнуть в замок Манфрейма?

— Конечно. Я думаю, он ради этого и прилетал. Все остальное, даже Книга, было для него второстепенно.

— Может быть, просветишь? — Крушинскому не удалось скрыть обиду за легкой насмешкой.

— Тут нет никакого секрета. Чем больше людей об этом узнают, тем лучше. Если не удастся нам, попробует кто-нибудь еще. Мы пытались проникнуть в замок не с того конца, вот и потерпели неудачу.

— Ты хочешь сказать, не с той стороны?

— Да нет, пожалуй, именно с конца. Мы пытались найти подземный ход, ведущий к замку снизу, но снизу он совершенно неприступен. И все же каждая крепость имеет свое слабое место. Первоначальную самую мощную защиту над этим замком построили задолго до Манфрейма, ее поле питается от магнитного поля Земли.

— Но в таком случае у нее неограниченный источник энергии и она практически непреодолима.

— Я тоже так подумал, но весь фокус в том, что силовые линии этого поля сходятся в узкий пучок, сконцентрированный над шпилем центральной башни замка. По форме они напоминают неплотно завязанный мешок...

— Ты хочешь сказать, что в защитном поле есть отверстие?

— Похоже на то, во всяком случае, Страбор в этом не сомневается. А так как эта узкая горловина расположена довольно высоко над замком, человек, не знающий о ней, никогда не попадет внутрь.

Мы пытались атаковать замок снизу, теперь нужно попробовать с другого конца.

— Но для этого нам понадобится соответствующее транспортное средство.

— Точно. Боевая десантная ракета подойдет лучше всего.

Вечером, никому не сказав ни слова, Глеб тихо встал, скатал свой спальник и ушел в сторону болот.

С самого начала этого похода, с момента, когда он узнал, где должна состояться встреча со Страбором, он ждал подходящего случая, чтобы проверить свое предположение.

В последний миг погибающий электронный мозг Меконга передал ему ослепительно яркую картину местности, последнее, что он видел, и она навсегда запечатлелась в памяти Глеба.

Много позже, перевернув ворох географических карт, доставленных Крушинским из библиотеки базы, он нашел это место — оно называлось Оленьей топью...

Луна светила как бешеная, но Глеб тем не менее то и дело проваливался в грязь. Не помогал ни его опыт, ни предварительное изучение подробных карт Оленьей топи. Болота коварны, они живут своей скрытой и малопонятной людям жизнью. Они растут, меняют свои очертания, образуют новые топи и затягивают старые провалы.

Глеб пошел в этот маршрут один, потому что не хотел объясняться с Крушинским. Пришлось бы рассказать все, а он немного стыдился того, что за все это время так и не удосужился выяснить судьбу своего механического друга.

И теперь, словно наказывая себя за душевную черствость, он пошел в болота один, твердо решив хотя бы удостовериться в том, что переданная Меконгом картина поляны с двумя сломанными березами действительно существует и действительно находится в Оленьей топи.

Он шел уже около часа и продвинулся за это время не больше чем на километр к отмеченному крестиком на его планшетке месту.

Почва становилась все ненадежней, а тут еще он попал в район прошлогоднего пожара. Обуглившиеся черные деревья в лунном свете производили тягостное впечатление.

Пожарище успело зарости свежими кустами и травой, запах гари выветрился, и он не стал его обходить, о чем и пожалел теперь, поскольку вокруг исчезла ненадежная опора древесных веток, за которые он то и дело цеплялся, по колено проваливаясь в топь.

Он успел уже раскаяться в том, что затеял этот нелепый поход в одиночку сквозь незнакомое ночное болото, но отступить не хотелось.

Звук он слышал в конце второго часа. Звук, похожий на легкое чавканье или жеванье. «Чвак-чвак», — раздавалось у него за спиной. Когда он останавливался, стараясь прислушаться, звук сразу же пропадал. Это выглядело подозрительным — похоже, кто-то за ним следил.

Глеб достал лазер, проверил заряд.

Тот, кто крался вслед за ним, обладал удивительным терпением. Однажды Глеб простоял совершенно неподвижно целых пятнадцать минут, и звук не раздался ни разу.

Наконец попалось удобное для засады место. Глеб нырнул в густую заросль кустов и, распластавшись на мокрой земле, стал поджидать своего преследователя.

Неизвестно, сколько прошло времени, даже руку с часами не хотелось передвигать, чтобы ненароком не сломать напряженной тишины ночного болота.

В конце концов его терпение было вознаграждено. Шарообразная лохматая фигура, почти неразличимая в свете луны, осторожно выглянула из прогалины в кустах на краю поляны.

Медведь? — подумалось Глебу. Нет, слишком большие уши...

Что же это такое? После встречи с огромной лягушкой ничто уже не могло удивить его в этом болоте.

Наконец существо поравнялось с кустом, где спрятался Глеб.

— Стой на месте и не двигайся! — громко и отчетливо произнес он, нарочно щелкая переключателем мощности своего лазера, хотя в этом не было ни малейшей необходимости.

— Двинешься — размажу по кустам! — пообещал Глеб.

— Да стою, чего уж там... — промямлил какой-то гундосый, с придыханием голос.

— Подойди ближе и встань так, чтобы луна светила на твою поганую рожу!

Существо повиновалось, и рожа оказалась гораздо хуже, чем Глеб мог себе вообразить. Слюнявые толстые губы, вывернутые и свисавшие до самого подбородка, глаза, полностью утонувшие в густых бровях, и рыжая борода по пояс дополняли картину.

— Ты кто? — спросил Глеб, опуская лазер и приподнимаясь с земли.

— Да леший я — кто же еще в такую пору может шастать по болоту. Ты-то чего тут забыл?

— Э нет, так не пойдет, это я тебя поймал, и я первый буду задавать вопросы.

— Подумаешь, поймал! Вот заморочу сейчас голову, так и маму родную не найдешь в этом болоте.

— Маму, может, и не найду, а тебя вот нашел. Ты зачем за мной шел?

— Родственник попросил проследить, вот и приходится нарываться на неприятности...

— За мной просил следить?

— Да нет! Ты ему ни к чему! За лягушкой этой залетной, чтоб ее неладная залатала!

Глеб почувствовал, как у него от волнения перехватило дыхание.

— Кто таков? Зовут как твоего родственника?

— Шагарой зовут! Нешто знаешь его?

— Жив, значит... Где же его нелегкая носит, сам почему не пришел?

— Не может он. В манфреймовский замок попал, обратного хода оттуда нашему брату нету. Вот и попросил меня присмотреть, значит, за этой лягушкой, а тут ты шастаешь, дай, думаю, подойду, может, узнаю, куда она подевалась...

— Далеко лягушка наша улетела. Обещала вернуться, да не скоро это случится.

— Вот, значит, как...

— Да так уж, сам ее жду.

— А по ночам чего по болоту шастаешь?

— Штуку одну ищу, железную, которая тут не так давно свалилась.

— С неба, штоль, свалилась?

— Может, и с неба, неужто про нее знаешь? — встрепенулся Глеб.

— Как не знать! Когда этот железный дракон тут в листвене гробанулся, шуму-то было! А уж пожарище, почитай, весь месяц потом полыхал.

— В листвене говоришь? Точно, это в апреле было... Покажешь поляну с двумя березами переломленными?

— А чего не показать? Покажу, только сгорели твои березы, сам-то ты мимо них, почитай, прошел...

— А не заморочишь?

— Чего тебя морочить? Ты и так мороченный, мертвой водой моченный, мы с тобой теперча одной крови. От тебя и человечинной-то не пахнет — думаешь, я почему к тебе подошел?

— Ну так пошли...

Вернулся Глеб под утро, когда развеялся ночной туман, и сразу же увидел костер и встревожено всматривавшегося в болото Крушинского.

— Ну и где тебя черти носили?

— Да уж носили... Ракету искал.

— Чего? — не понял Крушинский.

— Нам транспорт нужен для атаки замка, вот мне и захотелось узнать, что стало с моим Меконгом...

— Меконг? Чего его искать? Он же полностью разрушен, его даже с реестра базы списали.

— Это один из тех эпизодов, воспоминание о которых не доставляет удовольствия. Судя по тому, как себя вела ракета в последнем бою, у нее большой запас живучести. Мне

удалось обнаружить место, где она упала, но самой ракеты там нет.

— Естественно. Она наверняка утонула в болоте, и извлечь ее оттуда будет достаточно сложно. Но даже если это удастся, повреждения могут оказаться такими большими, что ремонт будет нецелесообразен. Не проще ли увести с базы новую ракету?

— Может, и проще, но тогда у нас возникнут сразу две проблемы. Во-первых, кража такого масштаба не останется незамеченной, и мы раньше времени привлечем внимание к своей операции, во-вторых, Меконг может иметь одного-единственного пилота, и мы попадем в серьезную зависимость от непроверенного человека. Нет, Юрий, это не годится. Поручи своим специалистам провести магнитную съемку района Оленьей пади. Если им удастся обнаружить магнитную аномалию, мы все же попытаемся установить, в каком состоянии находится ракета.

Главную причину своего решения он так и не назвал Крушинскому. Он все время испытывал чувство вины, вспоминая о Меконге, и сейчас, когда представилась наконец реальная возможность найти останки своего механического друга, Глеб твердо решил сделать это.

— А где князь?

— Тебя пошел искать. Ты мог бы и предупредить о своей экскурсии...

— А не заплутает он? — встревожено спросил Глеб, вспомнив о ночной встрече.

— Он эти места с детства знает. — Крушинский снял с костра закопченный покореженный чайник, в котором всегда заваривал душистый клюквенный чай, игнорируя все новомодные походные приспособления для готовки пищи, плеснул ароматной жидкости в кружку и протянул Глебу.

— Не слишком ли это просто?

— Что именно? — не понял Глеб.

— Да твой план проникнуть в манфреймовский замок?

Он ведь веками достраивался теми, кто изгнал отсюда самих Асилов. Манфрейм пришел на готовенькое, но и он немало сделал, чтобы превратить замок в совершенно неприступную крепость. Уверен, он учел и такой вариант, как чей-то неожиданный визит в единственный незащищенный канал. Там должно быть полно сюрпризов для непрошенных гостей.

— Тут я с тобой согласен. Я просил Страбора оставить нам оружие Асилов, но он наотрез отказался, сказал, что и так сделал все, что мог, самым фактом своего появления в нашем мире, нарушив целый ряд их законов. Мы должны выкручиваться сами, и тебе придется глубоко запустить обе руки в арсеналы базы.

— В этом мне помогут. Если понадобится сформировать хороший десантный отряд, то и здесь проблемы нет.

— Проникнуть в замок смогут лишь те, кто будет находиться внутри Меконга, но снаружи... Да, пожалуй, поддержка Ваславу не помешает.

— Ты планируешь одновременный штурм снаружи?

— Конечно, без этого нам не обойтись, тем более что князь недолюбливает железных драконов и Меконг ему явно не придется по вкусу.

Глеб сосредоточенно обдумывал только что пришедшую в голову мысль, потом он встал и несколько раз прошелся по палатке, старательно обходя в беспорядке разбросанные Крушинским вещи, — тот уже начал составлять список того, что может понадобиться им для штурма.

— Князю придется снова собирать дружину.

— Скажи ему об этом сам. Его это не слишком обрадует.

— Ну, я думаю, он сможет использовать часть войска, пришедшего из-под Китежа.

— Кстати, о Китеже. Ходят какие-то невероятные слухи о его исчезновении. Ты что-нибудь знаешь об этом?

— С Китежем все будет в порядке. Страбор помог мне поставить вокруг него невидимую силовую стену, примерно такую, как та, что стоит вокруг базы.

Он не стал вдаваться в длительное объяснение подробностей, не слишком понятных ему самому. Да и какое это имело значение, если они не вернутся? А если вернутся...

— Если удастся наш штурм, многое изменится в этом мире, да и не только в этом...

— Глобальные задачи не для меня, я человек дела, я не люблю слишком долго рассуждать, но, поверив тебе однажды, я пойду с тобой до конца.

Ночь давно рассеялась. Над болотом наступило серое утро, потянул предрассветный ветерок и унес последние клочья тумана.

На дальней поляне появилась фигура изрядно промокшего Васлава. Глеб представил, как он искал его всю ночь, и вместе с угрызениями совести от того, что ушел тайком, никого не предупредив, он почувствовал то самое тепло, какое только и можно почувствовать, имея таких друзей.

Наверно, именно в эту самую минуту он окончательно поверил в то, что даже их безумное предприятие с атакой манфреймовского замка имеет шанс закончиться удачей.

Даже бессмертные рано или поздно находят свой конец, а проигрывать битвы приходилось и самим богам.

10

Второй день отряд из восьми человек трудился в болотах Оленьей пади, это были все люди, отсутствие которых на базе можно было объяснить подходящими причинами.

Зато у них появился небольшой, но мощный землеройный снаряд. Под предлогом ремонта ночью его перегнали из ангара базы к котловану.

И все равно рабочих рук не хватало. Работа осложнялась жидкой грязью, уничтожавшей почти сразу все результаты их труда. Лишь после того, как подошла из-под исчезнувшего Китежа часть дружины Васлава, охранявшая продовольственный обоз за пределами городских стен, стало немного легче.

Глеб с интересом выслушивал потрясающие новости, стараясь в меру своих артистических способностей изображать удивление. Татары, не обнаружив утром городских стен, тем не менее с диким воем понеслись по привычному маршруту в атаку и вскоре оказались с противоположной стороны города в лагере другой орды. Только тогда паника охватила их ряды. Ушли они на следующий день.

Вечером каждый желающий мог увидеть в неподвижной глади озера отражение златоглавых китежских соборов. Наверно, именно это отражение невидимого града окончательно доконало татарских всадников. К обеду их кавалерийские лавы одна за другой стали покидать места стоянок, разнося по всей Руси весть о неслыханном чуде.

Дружинникам Васлава, потрясенным только что пережитым, пришлось сразу же после прибытия столкнуться с огромным металлическим драконом, глотающим в котловане жидкую грязь.

Не выдержав этого зрелища, воины, не утрачившиеся десятикратно превосходящей их татарской конницы, в панике разбежались, как только над поляной появилась металлическая рука землечерпалки. Глебу пришлось собирать их по всему болоту и организовывать специальную лекцию с осмотром робота.

В конце концов, наиболее храбрые из воинов согласились даже осмотреть кабину, после чего дело пошло на лад. Через несколько дней русичи привыкли к этому механическому помощнику и работы пошли значительно быстрее.

Возничи рубили гати и волоком свозили их к заметно углубившемуся котловану. С помощью двойного крепления стен им наконец удалось остановить плавун.

На пятый день работ на дне показался металлический купол ракеты...

Глеб очень спешил. Он прекрасно понимал, что работы такого масштаба не могут долго оставаться незамеченными. Не Манфрейм, так руководство базы, имевшее в своем распоряжении все необходимые технические средства, рано или поздно обнаружат этот котлован и как только поймут, что здесь происходит, от них не останется мокрого места...

Их могла выручить лишь скорость да еще удача... Самым неприятным для Глеба оставалось ощущение полной незащитности. Все меры предосторожности, которые они принимали, ничего не значили для современных боевых машин, каждую секунду на них с неба могли обрушиться тонны взрывчатки.

Оставалась надежда лишь на помощь организации ветеранов Крушинского, уже дважды перехватившей опасную информацию о подозрительной активности русичей, да еще, пожалуй, на маскировку — особенно с воздуха.

Нельзя было оставлять не укрытым ни одного предмета, ни одного человека. Котлован затянули специальной маскировочной сетью, способной отражать и рассеивать даже волны радаров.

Странное чувство овладело им, когда Глеб вновь очутился в рубке своего Меконга. Здесь все давно умерло.

Поскольку компьютерный анализатор, как и все остальное, не функционировал, Глеб не смог получить данных о размерах повреждений, а беглый осмотр ничего не дал.

Он думал о том, что, вероятнее всего, ремонт придется начинать с самого начала и восстанавливать одну главную линию — энергетическую установку, посадочные двигатели и ручное управление.

— Ну, как там? — набросился на него Крушинский, с нетерпением ожидавший снаружи.

Хмурый Глеб постучал по корпусу, словно проверяя прочность обшивки, и, наконец, ответил:

— Автоматика, похоже, сгорела вся. Основные агрегаты, я думаю, целы. Понадобится чистка, профилактика и перевод почти всех ее механизмов на ручное управление. Это самая сложная задача, времени может не хватить, так что давай начинать работать.

Полковник Коноплянников почувствовал приступ раздражения сразу же, как только включился дисплей его внешнего фона. На экране появилось бледное, вытянутое, с плотно сжатыми губами лицо Мориновского.

Коноплянников терпеть не мог казначея Манфрейма за его непомерную жадность и за то, что этот человек всегда объявлялся в самый неподходящий момент. Полковник с трудом переносил общение с Мориновским еще и потому, что его господин никогда не устаивал Коноплянникова личной беседы, словно он не командовал здесь космической базой и не являлся полномочным представителем Федерации на этой планете.

— Слушаю вас, — ледяным тоном произнес полковник, сразу же давая понять, что для долгой беседы он временем не располагает.

Мориновский, зная заранее, какую мину состроит Коноплянников после его вызова, лишь усмехнулся.

— Послушайте, полковник, мы получили информацию о том, что кто-то пытается увести одну из ваших штурмовых десантных ракет.

— Никогда не слышал подобной чепухи. Меконги сконструированы так, что могут подчиняться одному-единственному пилоту.

— И тем не менее. Вообще-то мы за подобную информацию берем не меньше пяти тысяч, но мой господин бывает порой неразумно щедр. Это сообщение, по его прямому указанию, я передаю вам бесплатно. Обратите часть вашего драгоценного внимания на район Оленьей топи. По нашим данным, там происходит что-то крайне любопытное.

Лицо Мориновского исчезло с экрана, прежде чем Коноплянников успел дать выход своему раздражению.

Закончив перечисление своих мыслей по поводу самого Мориновского, а также его родителей, обращенных теперь уже к пустому экрану, Коноплянников перешел к ослиным рогам деда Мориновского, когда внезапно остановился, вспомнил, что у ослов нет рогов, и совершенно неожиданно для себя самого потребовал от оператора соединить его с диспетчерской. «В конце концов, мне ничего не стоит проверить указанный район, зато в следующий раз появится возможность прищемить хвост этому надутому хлыщу».

Тройка реактивных штурмовиков из состава дежурного патруля базы пронеслась над болотом с оглушительным ревом.

«Внизу все спокойно!» Такой доклад от командира звена не удовлетворил Коноплянникова, поскольку магнитные искатели засекли на поверхности наличие неизвестных и довольно значительных масс металла.

— Откуда там этот металл?

Вопрос полковника был обращен к инженеру разведки, лейтенанту Кобенко. Кобенко, однако, уже больше года состоял в организации ветеранов и был посвящен в кое-какие детали происходящего в Оленьей топи.

— Это метеорит, — безапелляционно заявил он. — Большой болид лет за двести до нашего приземления обрушился на этот район. Сохранились легенды местных жителей и кое-какие косвенные данные. Видимо, болид раскололся на две крупные части и несколько мелких осколков. На поверхности ничего не видно, поскольку все следы его падения затащила трясина.

Это объяснение было достаточно правдоподобным, и полковник отдал приказ вернуть штурмовики на базу.

Еще час, после того как затих вдали гул реактивных моторов, на поляне царило полное спокойствие. Лежавшие в укрытии под маскировочной сетью Глеб и Крушинский переговаривались вполголоса, словно их могли услышать пилоты улетевших самолетов.

— Думаешь, они вернутся?

— Вряд ли. У базы не было серьезных подозрений, иначе прислали бы вертолеты.

— И все же что-то их заставило проверить показания спутниковых радаров. Мы вовремя позаботились о маскировке, однако у меня такое впечатление, что теперь времени осталось совсем немного, мы израсходовали все резервы. Это просто чудо, что нас до сих пор не обнаружили.

Они работали как одержимые.

Дни летели один за другим. Прибыл гонец от отряда, ушедшего в северные княжества с наказом от Васлава готовить к выходу на манфреймовский замок еще одну дружину. Подготовка шла успешно, и вскоре в условленном месте князя должно было поджидать приличное войско.

Запущенный механизм нового штурма разворачивался вовсю, и теперь уже они не могли дать ему обратного хода.

Васлав, взявший на себя организацию всех вспомогательных работ и заботу о заготовке продовольствия, много времени проводил на охоте, стараясь держаться подальше от страшного мертвого чудища, извлеченного из грязи болотной.

Зато вечерами, после захода солнца, они могли по-настоящему отдохнуть в хорошо организованном лагере, где не переводилось свежее мясо, грибы, лесной мед.

Перед ужином им приходилось долго отмываться в ледяном ручье, протекавшем у самого лагеря, чтобы избавиться от неприятного запаха болотной тины, который, казалось, навсегда въелся им в кожу.

Больше всего работу тормозило отсутствие грамотных специалистов. Глеб изучал на базе лишь самые общие начала инженерной техники, и знаний ему явно не хватало. В связи с тем, что посвящать в их планы решено было как можно меньше людей, приходилось во всем разбираться самим и приглашать только тех специалистов базы, без кого они совершенно не могли обойтись.

С электронной начинкой ракеты работал один Крушинский. Вечерами он буквально валялся от усталости. Но, в конце концов, ему удалось привести в рабочее состояние четыре батареи самонаводящихся ракет — малую часть боевого комплекса Меконга.

Похожие на связки лыжных палок, по двенадцать штук тонких трубочек в каждой, временно они были установлены в углах рабочей зоны, и теперь Крушинский не расставался с радиоключом для их запуска.

Каждый из дюймовых цилиндров, находящихся внутри этих трубок, мог запросто

разнести в клочья любой летательный аппарат, появившийся над поляной в радиусе нескольких километров.

День старта неуклонно приближался, и Глеб использовал каждую свободную минуту, чтобы подготовить князя к предстоящему штурму, поскольку от его правильных действий зависела львиная доля успеха всего предприятия. В конце концов, когда они в десятый раз отрабатывали по секундам план предстоящего синхронного штурма, очередной гонец доложил, что северным дружинам до места сбора остался один дневной переход.

Суеверный князь не пожелал прощаться перед боем, и утром на пологе его шатра нашли приколотую стрелой берестяную весточку.

«Пошел принимать дружины. Встретимся в замке», — таков был смысл этой краткой записки, написанной старославянскими буквами.

В это же утро последним рейсом отправили на базу и все блоки, нуждающиеся в серьезном ремонте.

Теперь ракета представляла собой довольно примитивный агрегат и ничем не напоминала прежний грозный боевой аппарат.

Наибольшая опасность возникнет во время старта, скрыть который им уже не удастся от наблюдателей базы. Спутниковые радары автоматически включали общую тревогу в случае появления над планетой неизвестного корабля, и, к сожалению, в их распоряжении не было антирадарных генераторов...

В который уж раз приходилось полагаться на удачу да еще на эти четыре ракетные установки, ставшие их единственным оружием. Они были эффективны лишь на небольшом расстоянии, а в цель наводились довольно примитивным способом — самим корпусом ракеты, к которому Крушинский собирался их намертво приварить перед стартом.

Против ракетных истребителей базы, дежуривших на орбите, старина Мек практически окажется совершенно беззащитным.

Но главным все же было то, что длинный путь подготовки к старту был наконец завершен. И, отпустив всех, кто участвовал вместе с ними в работах, в последнюю ночь перед решающим броском в неизвестное они остались с Крушинским вдвоем.

Закат медленно догорал над болотом, сырое дерево в костре шипело и давало дыма больше, чем тепла. Вместе с туманом этот дым покрывал болотистую низину, на самом дне которой стоял указующий в небо металлический перст ракеты.

Ее корпус выглядел черным как смоль в закатном свете угасающего дня, и сейчас, когда изматывающая работа осталась позади, оба друга испытывали беспредельную усталость, чем-то схожую с разочарованием.

— У меня такое ощущение, — проговорил Крушинский, поворачивая поленья в костре, — будто он специально ждал этого дня, специально медлил, чтобы дать нам до конца ощутить бессмысленность проделанной работы.

— О чем ты? — не понял Глеб. Крушинский не любил отвлеченных рассуждений, он был человеком дела, и сейчас Глеб не узнавал его.

— О Манфрейме, о ком же еще. Неужели ты на самом деле думаешь, что он не знал о нашей подготовке к штурму его цитадели? Он лишь ждал дня, когда работы будут закончены, когда мы останемся одни, — ждал, чтобы вернее нанести удар.

У него что-то не сработало, не связалось с базой в тот день, когда нас навестили ракетные штурмовики, и тогда он решил подождать. Думаю, теперь у него тоже все готово. Утром перед самым рассветом он нанесет свой удар. За пять минут до старта от этой ракеты останутся одни обломки.

Казалось, какое-то темное знание бродило рядом с их костром и пророчествовало устами друга. Чтобы разрушать этот странный колдовской круг, Глеб проговорил, усмехнувшись:

— Ты можешь противопоставить этому что-нибудь конкретное? Ты можешь что-нибудь предложить? Что-нибудь такое, чего мы не учли, что могли бы сделать и не сделали?

— Да. Мы должны стартовать немедленно — сейчас, когда он этого не ждет.

— Послушай, Юрий, откуда ему может быть известно о времени старта? Только мы с тобой о нем знаем.

— Ты часто говорил мне о своей интуиции, о том, сколько раз она тебя выручала, а сегодня поверь моей: старт надо перенести.

— Ну хорошо. Раз ты так настаиваешь. Теперь давай поспим. У нас в запасе не меньше пяти часов.

Последнюю ночь решили провести в ракете. Глебу удалось заснуть лишь далеко за полночь.

Ему приснился рыцарь в черных доспехах. Он сидел рядом с ним в рубке управления.

— Похоже, у тебя все готово? — спросил рыцарь. — Я надеялся, что ты вовремя остановишься, я предупреждал тебя много раз. Но ты относишься к тем упрямым, которые готовы пожертвовать жизнью, раз уж они решили перепрыгнуть через пропасть. У тебя нет для этого крыльев. Будь хотя бы реалистом.

Глеб упрямо молчал.

— Ты ведь уже отдал все, что у тебя было. Сначала здоровье в Афгане, потом пожертвовал своей первой настоящей любовью... Ведь ты ею пожертвовал, Глеб, сейчас вы оба могли бы быть далеко отсюда, и только ты виноват в той страшной судьбе, которая выпала на долю твоей любимой. Скажи мне, хотя бы раскаяние ты чувствуешь?

Глеб честно прислушался к себе и не ощутил ничего, кроме той последней, скорбной ярости, оставшейся на долю бойцу, вступившему на дорогу мести, на дорогу, с которой не бывает возврата...

— Ты отдал в чужие руки единственную свою драгоценность — Книгу, которую тебе поручено было хранить. Даже ее ты потерял. Скажи же, наконец, хотя бы самому себе, ради чего были принесены все эти жертвы?

И, не дождавшись ответа, рыцарь закончил:

— Ты даже не знаешь, чего ты хочешь. Ты идешь вперед, не думая о последствиях и не видя цели. Ты из породы тех людей, для кого сама дорога является целью. И ты будешь идти так до самого конца.

Не то вопрос, не то утверждение. Впервые в глубоком, бархатном, идущем со всех сторон голосе послышалась некоторая неуверенность.

— Я хочу твоей гибели, — неожиданно для самого себя ответил Глеб.

— Но это бессмысленно. Зло нельзя уничтожить. Оно бессмертно, и все твои усилия тщетны.

— Убирайся! — прохрипел Глеб, не разжимая губ. — Тебе меня не остановить.

И рыцарь исчез. В покрытый инеем незадраенный иллюминатор светила яркая луна. Туман над болотом рассеялся, и в кабину снаружи пробрался ледяной холод, от которого не мог уберечь даже пуховый спальник.

Часы на его руке показывали половину пятого утра. Пора было будить Крушинского и начинать предстартовую подготовку.

11

Их атаковали на высоте пятнадцати тысяч метров, когда Меконг уже прошел верхнюю часть параболической орбиты и начал свое неуклонное движение вниз к намеченной цели. Чем-то он был сейчас похож на тигра, вытянувшегося в воздухе в своем завершающем прыжке на жертву. Теперь его можно было убить, уничтожить, но уже нельзя было прервать его смертоносную траекторию, начертанную законами инерции, скорости и гравитационного притяжения планеты.

Беззвучные облачка разрывов казались совсем неопасными, напоминающими салют. Глеб знал, что это не так, но все еще не мог вызвать в себе знакомое напряжение боя, когда ускорятся реакции, а руки сами собой, в доли секунды, делают то, что нужно.

Не работал ни один локатор, и Глеб не мог представить ни общей картины боя, ни масштаба опасности, им угрожавшей. Мозг сверлила одна-единственная мысль: «Только бы успеть... Только бы увидеть этот проклятый шпиль!» Но до замка все еще было далеко.

— Глеб?! Ты меня слышишь, Глеб? — назойливо звучал в наушниках голос Крушинского. Он что-то предлагал, что-то советовал, но это сейчас не имело значения. Значения имели лишь три черточки в боковом иллюминаторе.

Патрульные ракетные истребители заходили со стороны солнца, потеряв много времени на этот маневр. Если бы они знали, каким примитивным вооружением располагала их беспомощная жертва, они бы не церемонились так долго. Но на экранах их радаров пылала шкала характеристик боевого Меконга. Их компьютеры давно определили параметры цели.

Ракеты типа Меконг внушали уважение любым противникам.

— Чего ты ждешь, черт тебя побери?! — Крушинский почти кричал. Глеб знал, каково ему сейчас в штурманской рубке сидеть перед обзорными иллюминаторами, видеть все и не иметь возможности ничего предпринять. Он знал это и потому ответил, хотя сам Крушинский существовал для него в каком-то другом измерении, а реальными были только нос ракеты, сверкавший перед ним в иллюминаторе, светлые полосы атакующих истребителей и красный рычаг пуска ракетных установок.

— У нас всего четыре залпа, да и те могут быть направлены только вперед. Они еще не вышли на наш курс, и я не могу тратить горючее на маневр разворота к новой цели.

Дело было не в горючем, дело было в том, что все его существо, как и масса его ракеты, были направлены в одно-единственное место — в расширяющееся темное пятно Ралинской впадины, в середине которого, пока еще невидимый, притаился проклятый замок. Он мог думать только о нем и о том, что непосредственно мешало их движению к выбранной цели.

Соппротивление воздуха при их скорости даже на такой высоте не позволяло развернуть ракету, хотя цикл ускорения уже закончился и двигатели молчали.

Они летели по дуге орбиты к той невидимой точке встречи, где через минуту должны были оказаться все три истребителя атакующего звена. И Глеб принял немыслимое без компьютера решение — послать в эту точку свой первый залп. Он решил, слегка притормозив носовыми двигателями, дать возможность боевым ракетам сломать уже предопределенную траекторию Меконга и выйти на перехват атакующим истребителям.

Маневр этот, без точного расчета, почти не имел шансов на успех, но Глеб надеялся этим еще какое-то время удерживать атакующих на расстоянии, изображая из себя грозного противника.

Полагаясь лишь на свою интуицию и не столь уж богатый опыт пилота, он, выждав еще секунду, включил на краткий миг тормозные двигатели.

Инерция сразу же бросила Глеба вперед. Страховочные ремни больно врезались в тело. Нос Меконга, как он и рассчитывал, задрался вверх. На какую-то долю мгновения в центре иллюминатора мелькнули истребители атакующего звена, и Глеб мгновенно нажал красный рычаг пуска. С левого бока корпус завибрировал от ракетного залпа.

Качнувшись, Меконг тут же вернулся на прежний курс, и Глеб не мог больше видеть точку, куда ушли его боевые ракеты.

Разрывов он тоже не слышал, зато услышал восторженный вопль Крушинского:

— Они взорвались в самом центре звена! Два из троих сошли с курса и повернули к базе! Я не знаю, как тебе это удалось, но впечатление такое, словно их до самого последнего момента вел компьютер. Мне даже показалось, что включились корректировочные двигатели! Если бы я сам не монтировал эти примитивные хлопушки, я бы подумал, что сработало наведение на цель.

Но даже этот удачный выстрел мало изменил их отчаянное положение.

— Они уходят?

— Эти, да. Но, похоже, по тревоге подняли всю базу. Из сектора триста сорок идут два звена перехватчиков — они своего не упустят.

Теперь и Глеб их увидел. Шесть серебристых черточек. Вынырнув из перистых облаков, они быстро увеличивались в размерах. До цели все еще оставалось пять минут полетного времени, и Глеб знал, что эти пять минут им не протянуть. Перехватчики, оснащенные лазерными пушками, сожгут их в считанные секунды.

Как только дистанция сократится до уверенного поражения цели, они откроют огонь... Он представил, как это будет: вздуется пузырями обшивка кабины или на ней вспыхнет огненная черта лазерного разреза, затем она выгнется наружу, словно пустая скорлупа ореха, уступая давлению воздуха, рвущегося навстречу.

Все остальное произойдет достаточно быстро, во всяком случае, он надеялся на это и, как в рукопашном бою, не желая уступать первого удара противнику, Глеб нажал сразу две рукоятки, едва первое звено показалось в центре носового иллюминатора.

На этот раз он не стал тормозить и видел, как дымные хвосты потянулись в сторону атакующих истребителей. Сейчас, вот в эту секунду, они увидят на своих радарх его залп и немедленно ответят...

Теперь надо менять расчетную траекторию. До того, как они поймут, что происходит, ракета должна сойти с траектории и уклониться от ответного залпа — в этом их единственное спасение.

Глеб включил ускоряющие двигатели на полную мощность, одновременно круто ломая вниз траекторию полета. Воздух взревел, от перегрузки сразу же потемнело в глазах, и через мгновение сознание отключилось вообще.

Когда Глеб вновь пришел в себя, они все еще были живы... А Меконг по-прежнему шел вниз, теперь уже по новой траектории.

Он шел вниз по темной линии судьбы, туда, где она пересекалась с роковой отметкой и где в кровавых лучах восходящего солнца уже виднелось расширявшееся пятно манфреймовского замка...

Все ниже и ниже шла ракета, нацеленная в солнечное сплетение крепости, в ту точку, где сходились силовые линии ее защиты. Сверкая в лучах запоздалого, кроваво-красного рассвета, ракета сейчас, как никогда раньше, походила на меч с темной рукояткой раструба ходовых дюз.

Где-то совсем недалеко, но уже оставленные позади, запоздалые, и оттого безопасные, вспыхивали багровые сполохи разрывов.

Ракетный залп, последовавший вслед за лазерной атакой вражеских перехватчиков, прошел мимо.

Сами собой, без малейшего усилия со стороны Глеба, включились бортовые дюзы, корректируя курс и выводя ракету из-под очередного залпа преследователей. Этого не могло быть, и тем не менее это случилось.

И такой знакомый, хоть и подзабытый за все эти долгие дни голос казенным заплетающимся языком машины произнес в его наушниках фразу, прозвучавшую для Глеба мелодичней любой симфонии:

— В виду крайней необходимости, согласно второму пункту полетной инструкции, вынужден был взять управление на себя без команды...

В кабине их теперь стало трое...

— Мек, — позвал Глеб в микрофон. — Это ты, Мек?

Никто ему не ответил, ракета продолжала движение к цели. Взревели носовые дюзы, и длинная корона огня вспыхнула впереди ракеты. Глеб не помнил, включил ли он сам тормозные двигатели, теперь это уже не имело значения...

Точно в центре иллюминатора появилась главная башня замка, и счет времени пошел на доли секунды.

Темное лезвие корпуса Меконга, пройдя между плотно сжатыми, вывернутыми в этом месте наизнанку силовыми линиями, ударило в энергетический центр, в невидимый засов, скреплявший защитное поле замка, в его единственную уязвимую точку.

За мгновение до этого три преследовавших Меконг истребителя, не успев вовремя

подправить траекторию, врезались в невидимый край силовой защиты и, вспыхнув, мгновенно превратились в раскаленные шары. А еще через секунду багровым светом полыхнуло все защитное поле, огненным куполом накрывая замок.

Выделяя огромную захваченную им энергию и испепеляя все живое, что оказалось в непосредственной близости от внутренних стен замка, купол защиты над ним полыхнул гигантским фиолетовым факелом. Грохот этого энергетического взрыва потряс замок до самого основания. Впервые за всю тысячелетнюю его историю вековые башни качнулись.

Тело Меконга, вызвавшее эту катастрофу, успело проскользнуть вниз и миновать опасную зону растянутого в пространстве энергетического взрыва. Меконг падал, находясь теперь уже над двором замка, внутри квадрата, очерченного его стенами.

Казалось, удар о землю неминуем, казалось, этот меч, только что разрушивший силовую защиту, не сумеет сдержать инерцию своего удара и, вонзившись в оплавленную землю, на многие десятки метров уйдет в глубину скального грунта. Но цвет огня тормозных дюз ракеты стал почти фиолетовым, а рев реактивных моторов перешел в ультразвуковой, запредельный свист. Тем не менее Меконг не успел полностью погасить скорость. Его нос, разворачивая булыжники внутреннего двора, на несколько метров зарылся в землю.

— Глеб! Очнись, Глеб!..

Голос Крушинского пробился к нему сквозь небытие, и Глеб открыл глаза. На пульте все еще мигали какие-то контрольные индикаторы, но впереди за иллюминатором была сплошная тьма.

— Где мы, черт побери? — прохрипел Глеб, сплевывая кровь.

— Могу сообщить, что вообще-то мы торчим посреди манфреймовского двора, и вокруг творится что-то невообразимое.

— Ты видишь двор?

— Мой иллюминатор выше, поэтому вижу.

Глеб справился с кашлем. Левая рука, похоже, не двигалась. Скорее всего, он вывихнул плечо, с этим придется разбираться позже. Системы антиперегрузки, спасшие ему жизнь, все еще прочно держали его в своих объятиях, мешая двигаться.

— Что там происходит?

— Мы пробili защиту, и, кажется, теперь она не действует по всему периметру. Замок атакуют, по воротам бьют даже катапульты. Похоже, князь не терял времени даром. Я вижу, как створки ворот ходят ходуном, а на стенах появились штурмовые лестницы, но их успешно сбрасывают обратно. До нас, похоже, пока никому нет дела. Они едва справляются со своими проблемами.

От контузии кружилась голова и перед глазами плыли черные круги. Глеб приказал себе сосредоточиться. Он приказал боли уйти в подсознание — на это ушло несколько драгоценных секунд, но зато теперь он обрел способность двигаться.

Больше всего он боялся, что заклинило люк, но, к счастью, этого не случилось.

Через пару минут они уже стояли во дворе замка, рядом со своей глубоко вонзившейся в землю ракетой.

— Оригинальная посадка, — криво усмехнулся Крушинский. — Что у тебя с рукой?

— Кажется, вывихнул.

— Дай посмотрю.

Резко и сильно Крушинский дернул его за руку, сустав хрустнул и встал на место. Волна боли от этой операции прорвалась сквозь психологическую защиту, и Глеб от неожиданности вскрикнул.

— Мог бы и посильнее кричать — все равно никто не услышит.

Только сейчас Глеб понял, почему их до сих пор оставили в покое. Вокруг места посадки Меконга, на добрую сотню метров, образовалась мертвая зона. Ударная волна раскаленного воздуха смела на своем пути все живое.

Окна с этой стороны замка, выбитые внутрь вместе с рамами, зияли пустыми глазницами.

— Не такая уж плохая посадка, — пробормотал Глеб.

Снаружи по воротам ударил тяжелый таран, ворота дрогнули, но выстояли. На этот раз, однако, в их верхней части появилась овальная дыра, в том месте, куда попал снаряд катапульты. Теперь там появился конец штурмовой лестницы и топор, расширявший отверстие.

К воротам рысью бежал, звеня доспехами, отряд стражи.

Теперь уже опомнилась от первого потрясения и остальная часть манфреймовского воинства.

Со всех сторон двора к ракете неслись лучшие гвардейцы Манфрейма, его конный резерв, не использованный до сих пор еще ни разу.

Кавалеристы уже миновали большую часть мертвой зоны, и было ясно, что им удастся пересечь двор, прежде чем их сможет остановить их маломощное ручное оружие. Даже лазер в этой критической ситуации уже ничего не мог сделать...

Глеб, не надеясь на ответ, щелкнул микрофоном и тихо, так, чтобы не услышал Крушинский, вряд ли способный одобрить его попытку в случае неудачи, спросил:

— Мек, ты меня слышишь?

— Слушаю. — Голос был сухим, официальным, в нем не послышалось даже намека на прежние дружественные интонации, но сейчас Глебу было не до выяснения отношений.

— Можешь взять под контроль двор?

— Попробую.

Почти сразу над их головой из корпуса ракеты ударили крупнокалиберные пулеметы, восстанавливая мертвую зону, — буквально через несколько секунд путь к дверям замка был очищен от неприятеля.

— Почему он не использует лазеры?

— Он использует то, что еще уцелело.

Нужно было любой ценой избежать схватки во дворе и как можно скорее, пока манфреймовское воинство не восстановило контроль над обстановкой, проникнуть в нижние этажи замка.

Сотни раз они обсуждали порядок действий на тот случай, если штурм вдруг удастся, и вот теперь этот день настал.

Они побежали через двор к замку.

Пулеметы все еще продолжали бить, перенеся огонь на окна здания, осколки камня сыпались на них сверху.

— Ты не боишься, что он потеряет контроль и опустит прицел пониже?

— Нет.

— Странно... Он вообще не должен был работать.

— Это не совсем обычный компьютер, у него высокая степень самопрограммирования, и он достаточно долго настраивался на мое пси-поле.

— Но не настолько же, чтобы заменить сгоревшие блоки!

— При большом желании их можно обойти, используя те, что еще остались.

— Никогда о таком не слышал.

Они уже миновали двор. Прямо перед ними возвышалась десятиметровая дверь из серого камня. Казалось, эту крепостную дверь не смогут пробить даже лазерные установки.

— Похоже, здесь нам не пройти...

— Сейчас посмотрим.

Перешагнув через неподвижные тела изрешеченных пулеметным огнем манфреймовских солдат, Глеб достал из-за спины меч Гидра и легко, словно вскрывал консервную банку, вырезал в двери метровый квадрат. Толстенный каменный блок с гулким грохотом упал наружу, едва не придавив им ноги. Путь внутрь замка был теперь полностью свободен.

Этаж за этажом, пролет за пролетом, они спускались все ниже, в святая святых манфреймовского замка.

Время от времени Глеб останавливался и сверялся с планом, полученным в Белоярской общине еще перед первым штурмом.

— Откуда у тебя этот чертеж?

— Его составили волхвы. Они сотни лет по крупицам собирали информацию о цитадели своего главного врага, надеясь, что когда-нибудь их труд пригодится, и вот этот день настал.

Еще два пролета вниз, поворот налево... Странно, почему их до сих пор не атакуют?

Сомнения все больше овладевали Глебом. Он принимал в расчет панику, вызванную внезапной атакой и успешным штурмом лишнего внешнего кольца защиты замка. Они успели оторваться от преследования, но не на столько же... Что-то здесь не так. Шум битвы сюда не проникал, и они не знали о происходящем наверху. Глеб пожалел, что не обучил князя обращению с современной техникой связи...

Впрочем, никакие радиосигналы не пробьются через базальтовую породу. Те, кто строил этот замок, казалось, учли все, чтобы сделать его неприступным.

Тем непонятнее казалось Глебу отсутствие серьезных препятствий на их пути.

Новый пролет лестницы, еще один этаж вниз. Справа должна быть дверь, ведущая в операционные палаты, — так это здесь называется...

Зал был пуст, лишь столы с зажимами и разложенные хирургические инструменты напоминали о несчастных, закончивших в этом месте свой скорбный жизненный путь.

Столбы с веревками, покрытые рыжими пятнами запекшейся крови, вызывали у Глеба приступ дурноты. Оба не сговариваясь вернулись обратно на лестницу.

Последний этаж — теперь уже совсем рядом должен был быть вход в сокровищницу...

— Ты думаешь, мы найдем здесь Манфрейма?

— Нам не нужен Манфрейм. Он бессмертен, и схватка с ним бессмысленна. Нам нужен источник его бессмертия и силы.

— Ты имеешь в виду мертвую воду?

Глеб кивнул, с недоумением рассматривая вновь открывшийся перед ними пролет лестницы, ведущей вниз.

— Странно, на плане нет этой лестницы... Мы на самом нижнем этаже.

— Волхвы не могли знать всего. Манфрейм все время перестраивал замок и перепрыгивал свои сокровища.

— Может, ты и прав...

Глеб осторожно шагнул на первую площадку лестницы, словно пробуя ее прочность. Перед ним был длинный ряд мраморных ступеней, ведущих вниз, к бронзовой двери, освещенной факелами. Но едва он вступил на первую ступеньку, как лестница исчезла, теперь он стоял перед дверью, створки которой начали медленно открываться.

Глеб обернулся. Лестница по-прежнему была на месте, только теперь она оказалась за его спиной и вела вверх. Далеко, в самом начале, маячила фигурка Крушинского.

«Что-то вроде пространственного лифта», — подумал Глеб. Ему вовсе не хотелось разбираться с новой загадкой, как можно скорее нужно было попасть в сокровищницу. Не верилось, что их беспрепятственное продвижение будет продолжаться слишком долго, каждая уходящая секунда казалась ему кусочком сгоревшего минного фитиля.

Двери между тем продолжали открываться, и перед Глебом предстал огромный, ярко освещенный зал.

Груды золота и драгоценных камней, беспорядочно сваленные на полу, производили впечатление несметного богатства, — вот только не богатство он здесь искал... Зал заканчивался глухой стеной. На плане отмечено двенадцать залов. В последнем, двенадцатом зале должен быть источник, а это что-то не то... Не раздумывая больше, Глеб шагнул обратно на лестницу и сразу же оказался рядом с Крушинским.

Словно сожалея об упущенной добыче, внизу у двери полыхнул огонь.

— Что там было?

— Приманка для жадных простачков. Мы пропустили поворот, придется немного вернуться.

Невидимую дверь в середине лестницы они нашли далеко не сразу. Ее закрывала искусно выполненная голографическая проекция монолитной каменной стены, и, если бы не феноменальная наблюдательность Крушинского, заметившего разницу в структуре камня, они прошли бы мимо нее и во второй раз.

Голограмма скрывала за собой длинный сводчатый коридор. Своды смыкались над ними так высоко, что свет факелов едва доставал их.

Факелы, вставленные в специальные держатели на стенах через каждые несколько метров, горели ровным голубым пламенем, не дающим дыма, и, очевидно, питались газом, а возможно, и электричеством. Искусно сделанная под старину стилизация современной техники...

Все еще не было никакой атаки. Даже стража не стояла в этих коридорах. Ее отсутствие казалось Глебу самым подозрительным, хотя объяснялось довольно просто. Манфрейм слишком уж полагался на свои совершенные системы защиты и не доверял слугам. На этот этаж запрещалось входить под страхом смерти даже его казначею.

Новые богатства складывали сюда только под его личным наблюдением, и всех участвовавших в операции уничтожали после ее окончания. Никто, кроме самого хозяина, не был посвящен в многочисленные мрачные тайны этой сокровищницы.

Глеб испытывал нарастающую тревогу. Он чувствовал, что за толстенными стенами коридора кто-то был, чьи-то холодные нечеловеческие глаза наблюдали за ними, и такая лютая злоба скрывалась в камнях, что не почувствовать ее было невозможно.

Даже Крушинский, скептически относящийся к подобным «мистическим штучкам», теперь все время ежился и часто оглядывался по сторонам.

— Что-то здесь уж слишком холодно.

Глеб не стал возражать, хотя сам то и дело вытирал пот.

Наконец коридор закончился двухметровой круглой дверью из какого-то белого сплава. На ее верхней панели вспыхивали и гасли огоньки индикаторов вполне современных электронных устройств.

— Похоже, мы на правильном пути. Такую дверь не станут ставить где попало. И все же мне совсем не нравится то, что за ней находится...

Тем не менее отступать они не собирались. Глеб снова обнажил меч и привычным движением вонзил его в металл двери. Однако на этот раз меч погружался с трудом, с каждым сантиметром сопротивление увеличивалось.

Когда лезвие погрузилось на две трети длины, меч застрял окончательно, и они, вдвоем, ухватившись за рукоятку и напрягая все силы, едва вытащили его обратно.

— Что-то надо придумывать... С наскока этот материал не возьмешь.

— Давай-ка теперь я попробую. — Крушинский снял лазер с предохранителя и медленно повел им вокруг того места, где на обычной двери должен находиться замок. Красная полоска раскаленного металла быстро остывала — на двери от этой процедуры не осталось даже следа.

— У нее толщина, похоже, не меньше метра!

— Во всяком случае, лезвие меча на ту сторону не прошло, я бы почувствовал, а вошло оно сантиметров на семьдесят.

Такого препятствия они не ожидали и теперь в растерянности смотрели друг на друга.

— Я не знаю современного инструмента, способного справиться с этой дверью. Разве что мезонный дезинтегратор, но даже если в арсеналах базы найдется подобная штука, чтобы доставить ее сюда, понадобится специальное транспортное средство.

— Мы должны пройти через эту дверь сегодня, сейчас — второго случая просто не будет! Я был уверен, что для этого меча не существует преград! — В отчаянии Глеб изо всех

сил рубанул по двери и опять еле вытащил лезвие. Шрам от удара постепенно затягивался и в конце концов полностью исчез. Заставив себя успокоиться, Глеб еще раз проанализировал ситуацию и почувствовал, что какая-то важная мысль, может быть, решение всей проблемы, пока еще смутно, неопределенно начала зарождаться в его голове.

— А что, если попробовать несколько уменьшить ее толщину?

— Это каким же образом?

— Давай вдвоем возьмемся за рукоятку и погрузим меч не слишком глубоко, чтобы хватило сил управлять надрезом. Потом попробуем вырезать не цилиндр, а конус. Широкая часть к рукоятке, конец лезвия — вершина. Десяток таких конусов вырвут из этой чертовой двери большую часть ее толщины! Соображаешь, что получится?

Они попробовали — через пару минут полуметровая болванка бериллиевой стали, по форме похожая на воронку, с пронзительным звоном рухнула на пол. В двери образовалась весьма солидная выемка.

— Похоже на работу кумулятивного снаряда. Ну и дверца нам досталась! Однако я думаю, еще четыре-пять подобных вороночек, и можно будет вырезать следующий слой.

Тяжелая, выматывающая все силы и совершенно необычная работа поглотила их настолько, что шаги в коридоре они слышали слишком поздно.

Крушинский повернулся с немыслимой для обычного человека скоростью только что он стоял лицом к двери, ухватившись обеими руками за рукоятку меча, и вот он уже стоит выпрямившись спиной к Глебу, держа в правой руке готовый к бою пистолет — все промежуточные движения между этими двумя положениями исчезли для постороннего наблюдателя.

— По-моему, я где-то уже видел эти красные штаны. — Знакомая усмешечка появилась на губах Крушинского, а пистолет отправился в свою кобуру. Лишь после этого Глеб наконец понял, кто стоял перед ними.

— Шагара!

— Я давно почуял вас, но вы ходите слишком быстро... Хотел предупредить: вы прошли логово Ламия. Он всех пропускает только в одну сторону — обратного пути нет...

— А ты все-таки пошел за нами...

— Ламия нападает неожиданно, вы должны были знать...

— Значит, это его взгляд мы все время чувствовали в коридоре... Ну что ж, спасибо тебе, не знаю только, придется ли нам возвращаться, после того как мы здесь закончим все дела.

— В любом случае думать об этом будем, когда настанет пора возвращаться. — Крушинский вновь повернулся к двери, и в это время маленькая рука осторожно прикоснулась к ладони Глеба.

— Ты знаешь, что с ней сделали?

— Я знаю. Может быть, ей удастся помочь.

— Где она? Я совсем не чувствую ее больше, словно хозяйка умерла...

— Она очень далеко. Но она не умерла. Она обязательно вернется.

— Ты обещаешь?

Желтые бесхитростные глаза заглядывали ему прямо в душу, глаза, которым нельзя было солгать. И, проглотив в горле застрявший комок, он сказал:

— Я тебе обещаю.

Крушинский так страшно заскрипел мечом в двери, словно ворочал мельничный жернов.

— Мы должны открыть эту проклятую дверь, мы должны ее открыть! Жаль, князя нет с нами, он выломал бы ее одним плечом...

— Князь рубится наверху. Его войско захватило весь двор, но в замок им не удалось пробиться, у Манфрейма много солдат.

— Если мы откроем эту дверь, их количество уменьшится! Клянусь, мы положим конец его армии мертвецов! — Сказав это, Крушинский еще яростней набросился на дверь.

Ее толщина постепенно уменьшалось, уже восемь глубоких воронок зияло на поверхности двери, они сливались в одну большую выемку, и теперь можно было попробовать пробить насквозь оставшуюся толщу металла.

Наконец им это удалось. После этого разрез пошел гораздо легче, появилась надежда выдавить внутрь среднюю часть металлического цилиндра, закрывавшего проход.

— Осторожней. Здесь слишком много электроники, разрезая металл, мы нарушили какие-то цепи.

Индикаторы погасли, и я не знаю, что теперь может случиться. Возможно, здесь есть мины или скрытые лазеры, которые включаются при разрыве цепи.

Что-то тикало, свистело, шипело у них над головой, но друзья молча, стиснув зубы, продолжали свою нелегкую работу. Трудная дорога, которую они выбрали, поверив Страбору, похоже, заканчивалась за этой дверью...

Манфрейм стоял на площадке центральной башни замка и совершенно равнодушно наблюдал за ходом сражения, развернувшегося у него под ногами.

Он думал о том, что все эти суетящиеся внизу люди скоро превратятся в солдат его армии — в мертвых солдат.

Мертвецы не обсуждают приказов, не знают страха. Порой ими сложно управлять, но когда их много, это не имеет особого значения. Сегодня их количество должно было увеличиться на несколько тысяч. Идеальные солдаты для его не знающей поражений армии.

Проблема возникла только из-за ракеты, разрушившей внешнюю защиту замка. Никак не удавалось заставить замолчать ее пулеметы, и Манфрейм обдумывал, какое оружие из богатейших арсеналов замка стоит применить, чтобы не производить во дворе слишком больших разрушений.

За этими мыслями и застал его вызов карманного пейджера, выполненного в форме магического кристалла, висевшего у него на шее на массивной золотой цепи. Появилась надпись: «Разрушена электронная защита двери А».

Манфрейм покачнулся. Рев, вырвавшийся из-под вечно опущенного забрала, не содержал в себе ничего человеческого.

Через секунду, забыв обо всем, господин этого мира неся вниз, перепрыгивая через ступени и пытаясь вырвать из ножен заклинившийся меч, которым не пользовался два последних тысячелетия.

Дверь, перекрывавшую вход в двенадцатый зал, они прошли быстрее всего. Возможно, оттого, что взбешенный многочисленными препятствиями Крушинский просто выстрелил из пистолета в открывшийся огненный глаз Ховалы. Это подействовало на хитрого демона лучше любого пароля — дверь открылась мгновенно.

Одиннадцать залов, переполненных сокровищами всех цивилизаций, остались у них за спиной, так и не сумев ни на секунду отвлечь внимание от главной цели. И вот теперь все трое стояли посреди последнего зала. Высеченный в материнской базальтовой скале тысячелетия назад, он поражал своими огромными размерами.

Всего три предмета хранил в своих глубинах двенадцатый зал манфреймовской сокровищницы. В глубокой нише в сафьяновой шкатулке, отделанной изнутри темным бархатом, лежала бутылка, искусно вырезанная из оникса, с нанесенными на нее древними рунами.

Глебу не надо было задумываться над ее содержимым, много раз обсуждали они с Варламом значение каждого предмета, хранящегося здесь. В бутылке эликсир бессмертия, драконья кровь, настоящая на мертвой воде.

Рванувшись вперед, Крушинский занес уже меч над проклятым сосудом, но какая-то смутная, еще не оформившаяся мысль заставила Глеба удержать его.

— Подожди. Давай посмотрим остальное. Причина всех бедствий не в эликсире, а в источнике мертвой воды. Не будет воды, не будет и нового эликсира — начинать надо с него!

Источник... Ничего в нем не было особенного, разве что алый цвет сталактита,

спускавшегося от самого потолка. На небольшом возвышении под ним стояла золотая чаша.

Из кроваво-красного камня сочилась совершенно прозрачная жидкость. Постепенно, в течение нескольких минут, она собиралась в каплю и, падая в чашу, издавала долго не затихающий звон, эхом отраженный от пустых стен.

Крушинский снова рванулся вперед, и снова Глеб удержал его.

— Не твоим мечом! И рубить надо под самым потолком, там, где начинается красный камень.

Им пришлось составлять живую лестницу. Глеб встал внизу, взяв на себя основную нагрузку. Более жилистый и гибкий Крушинский взгромоздился ему на плечи, а наверху оказался самый легкий из них. Почетная обязанность рубить проклятый источник выпала на долю Шагара. Крушинский крепко придерживал за ноги маленького домового.

Огромный меч в его руках выглядел нелепо, но Глеб помнил о ничтожном весе меча и знал, что Шагара справится, достаточно будет простого прикосновения лезвия к основанию сталактита.

Шагара как-то неторопливо, словно преодолевая вязкое сопротивление невидимой среды, замахнулся. Меч описал в воздухе пологую кривую и коснулся камня под самым потолком, в том месте, где алый цвет сталактита переходил в обычный серый базальт потолка пещеры.

И в то же мгновение лезвие вспыхнуло ослепительным синим светом. У основания сталактита возник огненный протуберанец, на какую-то долю мгновения заполнивший все пространство зала.

Кажется, Глеб закричал, стараясь предотвратить несчастье, но его никто не услышал.

Ударная волна чудовищной силы обрушилась на них сверху.

Смягченная двумя телами, находившимися между ним и эпицентром этого удара, она не сразу лишила Глеба сознания, и, падая, он еще не до конца понимал, что, собственно, произошло.

Эхо от взрыва не затихало, напротив, оно становилось все сильнее. Словно где-то в глубинах под замком ревел невидимый раненый зверь.

Рев перешел в грохот. Теперь уже весь замок содрогался от подземных толчков — ходуном заходили стены. С потолка сыпались все новые обломки камней.

Глеб из последних сил боролся с наплывающей дурнотой. Знакомый кисловатый привкус во рту и отсутствие чувствительности в руках говорили о серьезной контузии. Но он должен был встать, во что бы то ни стало он должен был подняться и довершить начатое.

Он поднимал свое разбитое тело медленно, по частям, запрещая себе думать о боли.

Перед глазами стоял плотный туман, все перед ним качалось, проплыло залитое кровью лицо Крушинского. «Потом, все потом — даже это». Сейчас их собственные жизни не имели никакого значения. Значение имела только чаша.

Опрокинутая, она валялась на полу среди камней. Варлам просил его, если удастся, принести ему этой воды, чтобы лечить смертельно раненных воинов, как однажды вылечили его самого... Но судьба решила иначе, и он не жалел об этом.

Он искал осколки красного сталактита, но их не было, похоже, красный камень полностью сгорел во время взрыва. Это было важно — это было важнее всего.

Он должен был сделать все, чтобы Манфрейм не сумел восстановить источник мертвой воды. Но, кажется, тут все обошлось без него. Соприкоснувшись с настоящей на ненависти сталью гидровского меча, сам камень, рождавший мертвую воду, превратился в огонь.

Не осталось ни одного самого маленького осколка, и не было больше Шагара... Наверху огонь был слишком силен... Так силен, что не осталось ни клочка одежды, ни рукояти меча.

Опираясь о стены, шатаясь, Глеб продвигался туда, где лежала бутылка с эликсиром.

Замок содрогался все сильнее от подземных ударов, пол то и дело уходил из-под ног.

Добравшись до ниши, Глеб крепко сжал в руках скользкий сосуд, теперь ему предстояло проделать обратный путь, к тому месту, где лежало разбитое тело Крушинского.

Манфрейм неся по подземным коридорам, подгоняемый яростью и страхом, эти чувства, не посещавшие его долгие тысячелетия, казалось, лишили Черного рыцаря остатков рассудка.

Манфрейм так торопился, что, миновав голограмму стены, забыл повернуть рукоятку, опускавшую сеть на логово Ламия, и голодная тридцатиметровая змея с головой собаки дождалась своего часа.

Обед, который достался ей после долгих трехсот лет ожидания, оказался не слишком вкусен.

Зато он казался достаточно объемным, и змею потянуло в сон, как это обычно бывает со змеями, полностью набившими свой желудок...

Долгий сон продолжался, пока не закончилось действие эликсира и тело Манфрейма не превратилось в пыль в ее желудке, но к тому времени многое изменилось.

Мир продолжал свое смещение в красную область спектра, началась долгая эпоха калиюги, но где-то там, на другом ее конце, на рубеже двадцать первого века впервые появилась надежда.

ЭПИЛОГ

Ничего не изменилось в московской квартире — разве что прибавилось пыли на полках да на том месте, где когда-то висела картина с Георгием Победоносцем, квадрат светлых обоев напоминал о происшедшем.

Судя по календарю, он отсутствовал два дня. Глеб долго разглядывал в зеркале свое лицо и думал о том, как это кстати, что у него не осталось друзей. Не нужно будет ничего объяснять. Например, откуда седина в волосах. Или этот ледяной блеск в глазах.

Соседям на него наплевать настолько, что они вряд ли заметят разницу, когда он первый раз покажется им на глаза без коляски. В крайнем случае, придется сказать, что лечился у экстрасенсов. Обычно подобное объяснение на обывателей действует безотказно.

Оставалась последняя проблема. Впрочем, он почти не сомневался, что здесь обо всем давно позаботились без него. Так оно и оказалось. На стене, в том месте, куда ударила пуля из окна, появился аккуратный кусочек обоев. Стекло вставлено, в комнате ни малейших следов таких далеких и уже почти забытых событий.

Он все еще никак не мог привыкнуть к мысли, что с прошлым покончено. Покончено раз и навсегда.

Начинался какой-то совершенно неизвестный для него кусок московской жизни. Придется подыскивать работу, заводить новых друзей, но все это потом, в неясном пока будущем.

Он порылся в столе, нашел остатки нерастраченной инвалидной пенсии и усмехнулся: с этим тоже теперь покончено.

Предстоял длинный неопределенный день, и он совершенно не представлял, куда себя деть. В конце концов, просто, чтобы убить время, он решил сходить в Третьяковку, где не был уже лет пять, с тех пор как вернулся из госпиталя...

В новом здании то и дело что-нибудь ломалось, но Глебу повезло, он попал в промежуток между двумя ремонтами.

Официально ремонт еще не закончился, это было какое-то опробование климатических установок, так сказать «неофициальное открытие», и потому в залах оказалось мало народу.

У картины Врубеля стояла молодая женщина в модном дорогом платье. Она стояла к Глебу в профиль, вся поглощенная созерцанием древней фрески. Увидев ее лицо, еще не полностью, мельком, Глеб уже не мог отвести от него взгляд.

Какая-то неземная, нечеловеческая красота завораживала, наверно, любого, кто случайно взглянет на нее.

Казалось, это сама царица Тамара спустилась с полотна в зал... Но было что-то еще,

нечто такое, от чего у него перехватило дыхание и все поплыло перед глазами. Сердце дало сбой и застучало в таком бешеном ритме, что он вынужден был присесть на скамейку, и даже обрадовался, когда незнакомка вышла, даже не заметив его.

Что с ним происходит? Что случилось? Почему в его памяти так реально, словно это было вчера, встала галерея в княжеском тереме и девушка с русыми волосами, с глазами цвета полевых васильков...

У этой глаза были зеленые, а волосы черные как смоль. Если так будет продолжаться, если в каждой встречной незнакомке будет всплывать ее образ, он попросту сойдет с ума.

Он сидел, обхватив голову руками, и впервые в жизни не слышал шагов у себя за спиной. Тихий и бесконечно знакомый голос произнес:

— Здравствуй, Глеб. В каком, однако, странном городе ты живешь...